В.397239
33(4/8)
879

БРИТАНИЯ:

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

БРИТАНИЯ:
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ

Тезисы докладов
международной научной конференции

28-29 мая 2008 г.

Ярославль
2008

63.3(4В)
Б879

ББК 63.3 (4Вел)Я431
УДК 93/99; 930.9

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ имени К. Д. Ушинского

Британия: история, культура, образование [Текст]: тезисы докладов международной научной конференции, 28-29 мая 2008 г. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. - 368 с.

Редакционная коллегия:
А. Б. Соколов (отв. ред.),
Ю. Е. Барлова, А. М. Ермаков, Н. В. Новикова

В сборник вошли тезисы докладов, включенных в программу международной научной конференции «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, 28-29 мая 2008 г.). Опубликованные в сборнике материалы представляют интерес для специалистов по всеобщей истории, англо-русским отношениям, языку и культуре Великобритании, историческому образованию, а также для студентов исторических факультетов.

Тезисы печатаются в авторской редакции. Редакционная коллегия не несет ответственности за имеющиеся в отдельных тезисах неточности.

ISBN 978-5-87555-407-0

УДК 93/99; 930.9
ББК63.3 (4Вел)Я431

ISBN 978-5-87555-407-0

© ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2008
© Коллектив авторов, 2008

Знаю, что не все хорошее для Англии удобно приложить к России, но по возможности примет звено доброе и наша образуемая масса.

Из письма графа П. А. Завадовского графу С. Р. Воронцову, 1803 г.

Акульшин П. В.
Рязанский государственный университет

Великобритания в восприятии князя П. А. Вяземского

Важную роль в развитии русского национального самосознания в первой половине XIX в. сыграли деятели, входившие в существовавшее в 1815-1818 гг. литературное общество «Арзамас». Среди них были крупнейшие поэты и литераторы «золотого века» русской культуры (К. Н. Батюшков, Д. И. Давыдов, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин), активные участники движения декабристов (Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и Н. М. Муравьев), министры эпохи правления Николая I (Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, С. С. Уваров). Одним из участников «Арзамаса» являлся литератор, общественный и государственный деятель, князь П. А. Вяземский.

Этот яркий представитель отечественной культуры и ближайший друг А. С. Пушкина на протяжении всей своей долгой жизни, которая началась в эпоху Екатерины II, а закончилась в правление ее правнука, пытаясь понять своеобразие России, обращался к опыту Великобритании.

Это обуславливалось не только значимостью британского опыта для всего континента, но и личными обстоятельствами. Его мать, княгиня Е. И. Вяземская, происходила из старинного ирландского католического рода О'Рейли и попала в Россию, совершив побег от первого супруга. С родственниками матери русский поэт не поддерживал никаких контактов, но память о ней повлияла на формирование его отношения к Великобритании. В частности, во второй половине 1820-х гг., размышляя о возможности эмиграции из России, он хотел найти своих родственников на Британских островах.

Расцвет публицистической деятельности П. А. Вяземского пришелся на 1821-1829 гг., когда он являлся фактическим руководителем журнала «Московский Телеграф», основанного по образцу британской периодической печати. На его страницах он выступил одним из первых в России популяризатором личности и творчества Байрона. Наиболее полным выражением политических взглядов П. А. Вяземского этого времени явилась статья «Отрывок из биографии Каннинга», опубликованная в 1827 г. Отклик на смерть премьер-министра Великобритании, известность которому в России принесло признание независимости Греции и испанских колоний в Латинской Америке, позволил русскому литератору нарисовать идеал государственного деятеля. Особое внимание обращалось на то, что в условиях британской парламентской системы соперничающие группировки политиков всеми силами пытались привлечь к себе талантливую литературную молодежь. Невысказанным, но вполне понятным русскому читателю, был упрек в отношении российских порядков эпохи Николая I.

Князь П. А. Вяземский имел репутацию «русского европейца», но жизнь зарубежной Европы он долгое время представлял по литературе и рассказам побывавших там друзей. Первое заграничное путешествие он совершил только в 1834 г. в возрасте 42 лет. Осенью 1838 г. он посетил Англию, где побывал в столице и провел две недели на морских купаниях в Брайтоне. Внимательный и желчный наблюдатель, скептически относившийся к отечественным порядкам, находил недостатки и в британских нравах. Настороженное восприятие князем П. А. Вяземским ряда сторон британской жизни отчасти было связано с языковым барьером. Овладев в детстве французским языком, он в дальнейшем не освоил ни немецкий, ни латынь. Не был исключением и английский язык, за который он взялся в 1830-е гг. Хотя, как большинство его русских современников, он до конца жизни относился с большой симпатией к британской литературе, политическому устройству и образу жизни.

Но если внутренняя жизнь Великобритании, при определенных оговорках, вызывала у него и после этого путешествия симпатию, совсем иначе он стал смотреть на британскую внешнюю политику. В качестве вице-директора Департамента внешней торговли он в ходе подготовки русско-английского торгового договора 1843 г. решительно выступал против утверждения премьер-министра Р. Пиля об ошибочности проводимой в России покровительственной таможенной политики.

Критические высказывания князя П. А. Вяземского в адрес британской колониальной политики в Индии были изложены в рецензии на книгу его близкого друга князя А. Д. Салтыкова «Путешествие по Персии и Индии». За шесть лет до восстания 1856-1859 гг. он с иронией писал, что единственной сферой, в которой британские власти пытались распространить европейскую культуру, оказались сипайские части.

Во время обострения Восточного вопроса П. А. Вяземский как публицист попытался защитить Российскую империю от обвинений, выдвигаемых европейской печатью, в захватнических планах в Восточном вопросе. Свои публицистические статьи он издал отдельной книжкой на французском языке под названием «Письма русского ветерана 1812 г. о восточном вопросе». Главной мишенью его критики являлась политика Великобритании в эти годы, порожденная, по мнению П. А. Вяземского, «фанатизмом гинеи». В качестве примера он приводил «опиумную войну» 1842 г. и ирландский вопрос.

В итоге образ Великобритании у князя П. А. Вяземского был двойственным. С одной стороны, это страна, достигшая значительных успехов в деле «просвещения», являлась образцом для подражания в сфере политического устройства и образа жизни. С другой стороны, это «коварный Альбион», инициатор дипломатических интриг и войн, жертвами которых оказалась многие страны мира и, в особенности, Россия.

Архипова Л. М.
Ярославский государственный педагогический университет

О роли лондонских отделений русских кооперативных организаций в установлении торговых отношений между Советской Россией и Англией в 1920-1921 гг.

История русской кооперации в отличие от западноевропейской была не очень продолжительной, но бурной, отмеченной высокой напряженностью отношений с государством как в дооктябрьский, так и в советский периоды развития страны. Достаточно сослаться на тот факт, что на создание центрального кооперативного банка, призванного служить финансовой опорой кооперативного объединительного движения, ушло более десяти лет, в течение которых решался вопрос, быть ли ему под бюрократическим контролем, или сохранять верность принципам общественной самодеятельности. Естественно, что проблема имела не только экономическое, но и политическое содержание, поскольку к 1916 г. в России насчитывалось только кредитных и ссудо-сберегающих товариществ более 15 тыс. с 10 млн. членов и многими миллионами рублей на счетах. Во время первой мировой войны в общем деле мобилизации промышленности на нужды фронта усилились связи между различными видами кооперативов, усложнилась иерархия кооперативной системы, упрочилось взаимодействие правительственных, земских, кооперативных организаций. Учитывая первостепенную роль Земгора, ЦКК и ВПК в создании Прогрессивного блока в IV Государственной думе, не трудно оценить возможности этих организаций в деле расширения социальной базы антисамодержавных акций посредством влияния на кооперативное движение, подчинения его политическим целям. Именно от угрозы такого развития событий предупреждали в свое время сторонники бюрократической опеки над кооперацией, но в тот период реализовались не их проекты.

В декабре 1917 г. декретом ВЦИК была объявлена государственная монополия на банковское дело, однако кооперативный банк не подвергся общим для коммерческих структур санкциям – между Московским Народным банком и советским правительством был достигнут компромисс. Банк приступил к выполнению различных заданий государственного характера, включая реализацию хлебной монополии, и пользовался практически неограниченным правительственным кредитом. Ряд известных кооперативных деятелей вошли в правительственные структуры, заняв в них достаточно высокое положение. Не прошло и года как руководство МНБ согласилось ввести в совет банка назначенных правительством чиновников, а в декабре 1918 г. кооперативный банк был национализирован.

Из 34 отделений МНБ вне национализации оказались те, что находились на территории свободной от большевиков и за границей. Одно из них – МНБ Лимитед - открыло свои действия в 1919 г. в Лондоне, объявив себя правоприемником Лондонского отделения МНБ и приняв его балансы на свои счета. К этому времени работа русской кооперации за границей сводилась к товарообмену с отдельными областями России, занятыми добровольческой армией. Возглавлял эту деятельность Объединенный комитет русских кооперативных организаций в Лондо-

не (ОКРКОЛ), учредителями которого являлись лондонские отделения и конторы МНБ, Всероссийского центрального союза потребительских обществ, Всероссийского центрального товарищества льноводов, Союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт». Этот Комитет не терял надежды на восстановление торговых отношений с центральной Россией, находившейся в экономической блокаде. Он закупал товары и держал их на складах готовыми к отправке. Комитет обязался представлять интересы русской кооперации в правительственных учреждениях Великобритании, изучать заграничные рынки для производства закупочно-сбытовых операций. Ему удалось установить деловые контакты с Верховным Советом Антанты, который в январе 1920 г. принял решение о возобновлении торговых отношений с Россией через посредничество русских кооперативных организаций.

Открывшаяся перспектива прорыва блокады окрылила надежды эмигрантов, они вдохновились сознанием высокой материальной и моральной ответственности перед соотечественниками. Незамедлительно, тогда же в январе, на своей конференции в Париже они выбрали делегатов для поездки в Россию. Но советское правительство уклонилось от ведения переговоров через Комитет заграничной кооперации и командировало в Лондон свою делегацию во главе с наркомом внешней торговли РСФСР Л. Б Красиным, которому поручалось добиться восстановления коммерческих связей между двумя странами.

Одновременно советское правительство привлекло к решению определенных финансовых вопросов МНБ Лимитед в Лондоне. В январе 1920 г. посол Советской России обратился к английскому правительству с просьбой разрешить реализовать на английском рынке пакет облигаций золотого китайского пятипроцентного займа 1913 г., принадлежавших до революции коммерческим банкам и их клиентам. На средства, полученные от продажи облигаций, приобретались медикаменты, в которых крайне нуждалась страна. Непосредственно реализацией пакета занимался МНБ Лимитед, вступивший в переговоры по этому поводу как с советским, так и с английским правительствами. Все осуществлялось тайно, поскольку сделка согласно царившей морали считалась преступной.

Через полгода эта история стала достоянием общественности и эмигрантская газета «Общее дело» осудила прежде всего английских партнеров большевиков, указав, что «ни одно цивилизованное правительство не согласиться санкционировать сделки, в основании которых лежит закупка и продажа заведомо краденого», под которым подразумевались конфискованные большевиками облигации. От операций с ценными бумагами такого происхождения пострадала и репутация МНБ Лимитед. Скандал вынудил совет банка возложить ответственность за случившееся на дирекцию банка и принять решение об отстранении от руководства всех причастных к этому лиц.

Русской торговой делегации удалось летом 1920 г. учредить общество «Всероссийский кооператив» («Аркос») для заключения торговых сделок за границей. Причем остатки средств от продажи облигаций, находившиеся на счетах МНБ Лимитед, были переведены ею в банк «Лондон-Сити энд Мидленд». Окончательно же потребность советского правительства в тесном сотрудничестве с кооперативным банком за границей пропала после подписания торгового договора между Англией и Россией. Изменился даже тон переговоров делегации с Комитетом и МНБ Лимитед.

Л. Б. Красин с самого начала своих контактов с русской кооперацией настаивал, поначалу сдержанно, на контроле со стороны советской власти над деятельностью банка путем введения в состав его дирекции и совета представителей правительства. В обмен на самостоятельность предлагался выпуск новых гарантированных акций на сумму, несколько превышавшую половину основного капитала банка. Получив отказ, Л.Б.Красин в августе 1920 г. предложил предоставить ему всю коммерческую информацию о состоянии Лондонского отделения МНБ и МНБ Лимитед. Часть сведений была предоставлена. В начале апреля 1921 г. Л.Б.Красиным было направлено письмо в ОКРКОЛ, похожее на ультиматум: «С подписанием торгового договора правовые взаимоотношения между Англией и Россией будут постепенно принимать нормальный характер; в скором времени, я надеюсь, вы будете вынуждены по суду сдать находящиеся у вас общественно-кооперативные капиталы. Не желая, однако, оставить неиспользованными ни одного средства, я предлагаю сдать их добровольно. Вашего ответа буду ожидать до 9-го апреля. С совершенным почтением. Красин».

От этого наступления на свою самостоятельность лондонские организации русской кооперации защищались ссылками на новые решения X съезда РКП(б), принятые в марте 1921 г. и признавшие ошибочность советской экономической политики по отношению к кооперации.

В целом история взаимоотношений советского правительства, центров русской кооперации за границей и английского правительства в период гражданской войны и после ее окончания позволяет сделать ряд любопытных наблюдений. Прежде всего, обращает на себя внимание факт установления коммерческого партнерства между Россией и Англией до заключения известного торгового договора 16 марта 1921 г., с которым всегда связывают прорыв экономической блокады и возобновление политических контактов. В условиях сохранявшегося официального непризнания нового социалистического государства посредническую роль во взаимоотношениях двух стран сыграли лондонские центры русской кооперации. Перед взаимным стремлением всех трех участников диалога оказать материальную, финансовую поддержку, помощь голодающему населению России их идеологические противоречия и политико-правовые различия не стали непреодолимым препятствием. Вместе с тем, происходившие события отражали суровый прагматизм большевиков, которые, подписав торговый договор, перешли в наступление на кооперацию. Только переход советского правительства к новой экономической политике, а также последующее осложнение экономических отношений с Англией (отказ парламента ратифицировать более объемный и последовательный общий и торговый договор 1924 г., разрыв отношений в мае 1927 г) спасли МНБ Лимитед от национализации.

Вульфф Д. Г.
Воронежский государственный университет
Германская служба академических обменов

Английский пример - яхт-клубы в России во второй половине XIX - начале XX в.

В области социальной и культурной истории исследователи в последнее время стали все больше уделять внимание общественным организациям, в том числе и в России. Именно клубы, союзы или ассоциации считаются важным индикатором зрелости того или иного общества. При этом многие историки, занимающиеся анализом исторической роли общественных организаций в России, исходили из предположения, что эти организации, аналогично подобным структурам в Западной Европе в XIX - начале XX в., являлись главной организационной формой нового бюргерства. При этом под бюргерством не подразумевается какой-либо новый класс или новое сословие. Бюргерство в историческом контексте XIX в., скорее всего, является особой транс- или надклассовой социальной средой со своей специфической ценностной системой. Она базировалась на принципах индивидуализма, независимости и самоопределения. Для бюргеров помимо материального достатка важны были образование и культура. Эта среда в идеальном варианте стремилась к эмансипации от власти при соблюдении прав граждан и других правовых норм. Среда бюргеров имела свою собственную коммуникационную сеть. Люди, входившие в эту среду, были связаны между собой служебными или семейными контактами или совместным проведением досуга. Хотя сословные и классовые барьеры не исчезали, разные культурные среды стали взаимопроникаемыми, а бюргерство образовалось на их срезе. Изучение истории ассоциации и клубов позволяет описать возникновение этой среды, из недр которой появились новые городские элиты.

Первый яхт-клуб возник в 1720 г. в ирландском городе Корк. Несколько десятилетий позже, в 1775 г., в Лондоне был создан первый английский яхт-клуб, который впоследствии получил название Royal Thames Yacht Club. На его примере создавались подобные клубы по всей Англии. Несмотря на свою элитарность, они объединяли на почве совместных спортивных и других интересов представители разных слоев населения. Яхт-клубы быстро стали престижным местом проведения досуга, а также важным неформальным местом встречи городских элит, где обсуждались вопросы, которые выходили далеко за рамки гребного или парусного спорта. В XIX в. подобные клубы являлись символом гордости, самоуверенности и независимости нового бюргерства сначала в Англии, а потом и во всей Европе. На волне всеобщей англомании во второй половине XIX в. яхт-клубы получили распространение и в России. Первый клуб возник в 1860 г. в С.-Петербурге. Старый замкнутый Императорский С.-Петербургский яхт-клуб, к которому доступ имели лишь дворяне, после принятия нового устава был преобразован в С.-Петербургский Речной Яхт-клуб. В соответствии с английским образцом, он стал открытым местом общения всех зажиточных социальных слоев населения. Ему примеру последовали яхт-клубы в других городах Российской империи.

К ним относится и Воронежский Петровский Яхт-клуб, который возник в 1874 г. Учредителями клуба выступили знатные граждане Воронежа - представители местной интеллигенции, купцы, гласные городской думы, чиновники губернского управления. Устав яхт-клуба был частично заимствован из устава С.-Петербургского Яхт-клуба. Клуб объединил в своих рядах «любителей парусного и гребного катания на лодках». Он преследовал цель «развития в обществе охоты к приятному и полезному развлечению на воде». Хотя точных данных о развитии членского состава клуба мало, можно исходить из того, что в Воронеже существовали все предпосылки для его создания. Уже в первый год своего существования Яхт-клуб насчитывал 131 действительных и 8 почетных членов. До 1885 г. в клуб ежегодно вступало около 10-и новых членов, а в 1882 г. его ряды пополнили сразу 32 человека. Несмотря на значительный ежегодный прирост, в 1887 г. в Яхт-клубе состояли лишь 105 действительных и 14 почетных членов, а в 1889 г. соответственно 138 действительных и 14 почетных членов, что свидетельствует о довольно большой текучке членского состава. Для более позднего времени возможен лишь косвенный подсчет. Согласно «Смете прихода и расхода сумм», клуб между 1908 и 1913 гг. ежегодно имел приход от членских взносов в размере около 3000 руб. Если учитывать, что по «Правилам внутреннего распорядка» Яхт-клуб установил в это время необычайно высокий членский взнос в размере 15 руб. ежегодно и единовременный, выплачиваемый при вступлении взнос в размере 5 руб., то, наверное, не будет крупной ошибкой исходить из того, что в Яхт-клубе числились примерно 200 человек.

Активная взаимосвязь города и Яхт-клуба не ограничивался проведением спортивных соревнований, организацией народных гуляний в праздничные дни или выполнением задач технического надзора. Свое особенное призвание руководство клуба видело в развитии локального патриотизма или локальной идентичности. В своем историческом измерении такая идентичность была тесно связана со строительством военно-морского флота Петром I в Воронеже с 1696 по 1722 гг. При этом, особое значение придавалось тому обстоятельству, что штаб-квартира яхт-клуба располагалась в цейхгаузе эпохи Петра I. Уже в обращении учредителей Воронежского Петровского Яхт-клуба, городскому голове Степану Лукьяновичу Кряжову от 25 июня 1874 г. подчеркивалось, что «Общество наше предположено назвать Петровским в честь Императора Петра Великого, первого в России любителя морских и речных развлечений, положившего в г. Воронеже первое начало русскому флоту. Единственный же памятник, оставшийся в Воронеже от времени Петра Великого, есть Цейхгауз на острове реки Воронежа, прямое назначение которого было служить складом различных морских запасов и корабельных принадлежностей; так как учреждаемое нами Общество преследует отчасти цели, любезные духу Великого Преобразователя, то мы покорнейше просим уступить нам этот памятник Петровского времени...». Яхт-клуб являлся активным участником, отчасти и инициатором, важных событий в жизни города. Так, например, в 1895 г. он выступил инициатором празднования двухсотлетия рождения российского военно-морского флота, впоследствии и других праздников, связанных с военной или реформаторской деятельностью Петра. Ни один юбилейный праздник в последней трети XIX - начале XX в. не прошел без восхваления Петра Великого и его реформ. Очевидно, членам яхт-клуба было важно укоренить реформаторский дух тех времен в сознании жителей города. Ни одно другое событие в

истории города не олицетворяло в такой степени вклад Воронежа в становлении могущества Российской империи как создание флота, поэтому оно было использовано для укрепления самосознания горожан и для развития их локальной идентичности. Однако, вне всякого сомнения находится также и то обстоятельство, что клуб с частыми ссылками на славные исторические традиции и на необходимость сохранения и развития этого наследия лишь скрывал своекорыстные меркантильные интересы своих членов, прежде всего, членов своего руководства.

Голубев А. В.
Институт Российской истории РАН

«Нация лавочников»: Британия в советской политической карикатуре 1920-30-х гг.

Изучение советской политической карикатуры, особенно на протяжении относительно долгого периода, позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ. Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Политическая карикатура с одной стороны отличается особой емкостью образа, явной эмоциональностью (с ироническим или саркастическим оттенком), и, в ее советском варианте, абсолютной идеологизированностью. С другой стороны, карикатура - часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской развлечения, но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась и накладывала несомненный отпечаток на формирование образа иной страны или культуры в целом. Для многих советских людей знакомство с внешним миром начиналось именно с карикатур, которые они с интересом рассматривали в детстве, зачастую еще не умея читать.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной. Помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником ее могла служить лишь кинохроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах. По мнению ряда историков, в межвоенный период подавляющая часть советского общества, особенно сельские жители, обогащала свой багаж визуальных образов о мире и внутрисоюзных событиях исключительно благодаря фотографам и фотографии. Однако фотоиллюстрации становятся привычным атрибутом советских периодических изданий лишь со второй половины 1920-х гг. К тому времени политическая карикатура давно уже превратилась в часть привычной повседневности.

Более того, если фотографии количественно несомненно преобладали в визуальном ряду, связанном с внешним миром, можно предположить, что карикатуры были более важны с качественной точки зрения. Обычная фотография (за ис-

ключением художественной) представляет собой всего лишь материал для формирования образа. Карикатура же, как правило, - это уже готовый образ, который легко усваивается и не требует почти никаких усилий для восприятия.

Любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. Образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира.

Наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был «Крокодил», который издавался в Москве с 1922 по 2000 г. с периодичностью в среднем три раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания - 150 тыс. экз. в 1923 г., 500 тыс. в 1933 г., 275 тыс. в 1939 г. Именно материалы «Крокодила», позволяющие проследить динамику развития советской карикатуры по любым параметрам, положены в основу данного доклада.

Какие же страны в большей степени привлекали вникание советских карикатуристов? Первое место, безусловно, принадлежало Германии, Великобритания же занимала почетное второе место (свыше 300 карикатур или чуть меньше 20%). На третьем месте Франция, далее Польша, США, Япония, Италия, Китай и др.

Характерной особенностью советской политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких «масок» - империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда - с явным намеком на английское происхождение; военный; социал-демократ; полицейский.

В подобной роли выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали, например, подбородок Муссолини или усы Пилсудского.

И, наконец, существовали обобщенные образы того или иной страны. Среди наиболее известных - дядя Сэм, Марианна, Джон Буль, британский лев, наконец.

Из британских политиков самым популярным у советских карикатуристов был О.Чемберлен, ставший своеобразным символом всего западного мира. Нередкими гостями «Крокодила» были в 20-30-е гг. также Д. Р. Макдональд, Н. Чемберлен, С. Болдуин.

Что касается символов, то британский лев чаще появлялся во второй половине 30-х гг., причем всегда - в весьма жалкой роли. Как правило, его отличало добродушно-растерянное выражение на морде, шкура в заплатах... Ему наступали на лапы, отрезали хвост, откусывали когти, даже приносили в жертву на алтаре. А Б. Ефимов однажды заставил льва тащить привязанную к его хвосту колесницу с Гитлером и Муссолини.

Однако намного чаще имперского льва «нацию лавочников» представлял Джон Буль. Олицетворение «среднего англичанина», он (нередко вместе с сосед-

кой Марианной) выступал в качестве испуганного обывателя, оказавшегося среди волков и разбойников международной политики.

Таким образом, визуально Великобритания ассоциировалась чаще всего с лощеным джентльменом, робким Джоном Булем и потрепанным львом. Эти ассоциации разительно контрастировали с гораздо более зловещим обликом страны, который формировала советская пропаганда в целом. Однако в результате в советском обществе складывался достаточно разносторонний образ, включавший в себя и позитивные, и негативные, и гротескные черты.

Гришанин П. И.
Пятигорский государственный лингвистический университет

Британо-российские взаимоотношения в период Гражданской войны в России: сложности и противоречия

С момента принятия А. И. Деникиным должности Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России осенью 1918 г. перед ним и правительством встал один из важнейших вопросов внешней политики: с кем идти дальше в борьбе с Советской Россией, от кого можно ждать помощи и поддержки. Во многом ответ был очевиден, – конечно же, со странами Антанты: с Великобританией, Францией и другими державами, поддерживавшими или сочувствовавшими русскому антибольшевистскому движению. Но сочувствие и поддержка это две разные вещи. Наиболее значительным и авторитетным союзником могла стать Великобритания - страна, традиционно поддерживавшая Российскую Империю, и чье слово в мировой политике имело достаточно большую силу; государство, имевшее интересы практически во всем мире, в том числе и на Юге России. Во многом именно поэтому Британия заняла, как нам кажется, первое место в приоритетах международных связей со странами-союзницами правительства ВСЮР.

Конечно, и сама Великобритания была заинтересована в контактах с представителями Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР и не только с ними. Так, еще с конца 1917 г. на Юге России широко развернули свою деятельность антибольшевистские силы Дона, Кубани, Северного Кавказа, первостепенной задачей которых являлось избавление от Советской власти, а в дальнейшем образование «независимых» государств. Однако без дипломатической и военной поддержки союзных правительств это была невыполнимая задача.

Можно отметить, что политика, проводимая Великобританией на Юге России, имела характерные особенности, связанные с реализацией давно намечаемых планов относительно Закавказья. Так, 23 декабря 1917 г. правительства Великобритании и Франции заключили между собой соглашение о разделе сфер влияния в России и об организации совместной интервенции против Советской России. По этому соглашению «британское правительство должно было предоставлять всю возможную помощь Добровольческой армии и ее союзникам на Кавказе и на Дону, в то время как французскому правительству надлежало поддерживать усилия противобольшевистских сил на Украине, в Бесарабии и в Крыму. Сибирь и Дальний Восток рассматривались как сферы интересов США и Японии». Ни о какой стабилизации положения на Юге России, а тем более о консолидации антиболь-

шевистских сил договор не предусматривал. Таким образом, сохранение нестабильного в положения на Юге России давала британскому правительству возможность в установлении собственного влияния на территориях, определенных соглашением. Данный договор было обусловлен рядом причин не только политического, но и экономического характера. Так, на территории Юга России сталкивались экономические интересы Великобритании и Франции. Известно, что противоречия британского и французского капитала на территории России наметились еще до войны. Обе великие державы стремились всеми путями захватить большую часть рынка сбыта готовых товаров. Протекционистская политика русского правительства способствовала в большей степени французскому капиталу, пропуская его в российскую промышленность и торговлю. Благодаря этому неравномерному присутствию французского и британского капиталов на территории России, началась деятельная поддержка российских регионов, борющихся с Советской властью, в обмен на экономические уступки. «Россия - поле экономической битвы», - провозглашал орган русско-британского капитала «Russia» в 1918 г. И «поле» это должно было быть расчленено, в соответствии с притязаниями на государственную самостоятельность новых территориальных образований, возникших на месте Российской Империи. Иначе говоря, бывшую Российскую Империю ждала участь балканских государств. Что и подтверждал Д.Ллойд-Джордж, неоднократно заявлявший, что исторические традиции Великобритании и ее жизненные интересы, как колониальной державы, требуют разрушения Российской Империи. «Чтобы обезопасить английское государство в Индии и создать условия для беспрепятственной реализации интересов Англии в Закавказье и в Передней Азии, Д. Ллойд-Джордж готов был даже в определенные моменты пойти на компромисс с советским правительством», - констатировал в свое время Д. Кин.

Таким образом, Великобритания не хотела восстановления единой России, под чьей бы властью оно не происходило. Аналогичную позицию занимал и военный министр британского правительства У. Черчилль. Выступая за действенную поддержку А. В. Колчака и А. И. Деникина, военный министр также ратовал и за поддержку «небольших и слабых государств», вызванных к жизни вдоль всей Восточной Европы. Однако, интересен тот факт, что Великобритания, ориентированная на разделение России, основную ставку делала на антибольшевистские режимы А. И. Деникина и А. В. Колчака, главной целью которых было восстановление «Единой и Неделимой России». Дело в том, что именно с их помощью британские стратеги и хотели разъединить Россию. Любая попытка объединения территорий России вызывала ослабление, а в некоторых случаях и полное прекращение политической и военной поддержки новообразовавшихся режимов власти правительством Великобритании. Только все это происходило под другими предлогами.

Немаловажен и тот факт, что в результате осенних выборов 1918 г. в британском кабинете министров значительно усилилось консервативное крыло. Военный министр У. Черчилль, представляя интересы консерваторов, активно выступал против каких-либо переговоров с «правительством Совдепии». Призывая к широкомасштабной военной интервенции, консерваторы были за оказание открытой военно-технической поддержки антибольшевистским силам. Противоположной точки зрения придерживался премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-

Джордж. Он, в частности, считал, что Британия не располагает достаточными военными силами и испытывает экономические и социальные затруднения, а, следовательно, не способна на оказание достаточной военной и экономической поддержки белому движению. Противоборство двух группировок вносило только лишнюю нервозность и недоверие в отношения с антибольшевистскими силами России. Но, несмотря на все, подчас неблагоприятные условия, сотрудничество старых союзников продолжалось, хотя не в тех масштабах, на которые рассчитывал Юг России.

Великобритания не стремилась к открытому и безоговорочному подчинению А. И. Деникина и Правительства ВСЮР, предоставляя им самостоятельность в проводимой внутренней и внешней политике. Так, по мнению начальника генерального штаба Вооруженных сил Великобритании Генри Вильсона, было совершенно очевидно, что «для успеха дела должно быть создано объединенное командование, и генерал Деникин, несомненно, является тем человеком, на которого должно быть возложено командование». В преддверии установления прямых контактов с Добровольческой армией, британское правительство совместно с военным ведомством решило сформулировать цели своей политики на Юге России: установление деловых отношений с генерал-лейтенантом А.И.Деникиным, оказание его армии помощи в снаряжении и припасах; занятие британскими войсками железнодорожной линии между Батумом и Баку, а в итоге создать буфер между Закавказьем и Советской Россией. Именно поэтому, наиболее рельефно истинные цели, стратегия и тактика действий правительства Великобритании во взаимоотношениях с ВСЮР проявились в сложном вопросе о судьбе Кавказа и Закавказья. Этот вопрос стал узлом противоречий между Британией и А. И. Деникиным.

Климова Ю. А.
Ярославский государственный педагогический университет

Коммерциализация досуга в Англии в конце XIX – начале XX в. в представлениях русских путешественников и публицистов

Среди более сорока изученных письменных источников, оставленных русскими путешественниками и публицистами об Англии в период с последней трети XIX в. и до начала Первой мировой войны, только в двух можно найти подтверждение тому, что россияне заметили такую тенденцию в английском досуге, как его коммерциализация, на что есть прямые указания в текстах. Этими источниками являются: «Воспоминания» П. Д. Боборыкина, написанные в 90-е гг. XIX в., и очерк П. Васюкова «Клубная жизнь в Англии», помещенный в газете «Новь» № 8 от 15 апреля 1898 г.

В большинстве своем, россияне, посещавшие Англию в очерченный период времени и оставившие об этом письменные свидетельства, оставались там ненадолго – причиной тому были преимущественно деловые цели их поездок. Следовательно, нашим соотечественникам трудно было подметить некоторые особенности английской жизни, требующие длительного наблюдения. Подобные мысли можно встретить в монографии Н. А. Ерофеева «Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг.». Очень характерное высказыва-

ние по этому поводу находим в воспоминаниях современника изучаемого периода – русского художника А. Н. Бенуа, посетившего Лондон в рамках туристической поездки весной 1899 г. и написавшего об этом в «Моих воспоминаниях». Он говорит следующее: «А то, что в этой Англии уже в те последние викторианские годы многое начинало меняться, следуя закону времени, на поверхностный взгляд трудно было заметить. Весь строй жизни казался все таким же, каким он был при Биконсфилде и при Гладстоне, нравы и обычаи такие же, как в дни Давида Копперфильда». Предположительно, здесь и кроется одна из причин того, что в русских источниках очень мало даже косвенных свидетельств о коммерциализации досуга в Англии последней трети XIX – начала XX вв.

П. Д. Боборыкин, будучи корреспондентом российских периодических изданий, проживал в Англии с перерывами длительное время – с 1867 г. до середины 90-х гг. XIX в., активно интересуясь светской жизнью Лондона, чтобы информировать о ней россиян. Он говорит о театрах и мюзик-холлах в британской столице, замечая, какую значительную роль в их функционировании играют частная инициатива, конкуренция и частное финансирование. По его словам, в 1890-е гг. «в Лондоне театральное дело – уже прямой продукт частной конкуренции».

Современные исследователи рассматривают рост предпринимательства в сфере досуга как проявление тенденции к коммерциализации и в то же время ее движущую силу. В 90-е гг. XIX века, согласно исследованиям британского историка П. Саммерфильд, эта тенденция действительно затронула британские мюзик-холлы, которые в результате из развлечения для низших слоев общества превратились во вполне респектабельные заведения с «улучшенным» репертуаром, посещаемые и средним классом, и представителями дворянства.

П. Д. Боборыкин подразумевает, что постановка финансирования сценических представлений на коммерческий уровень позволяет компенсировать отсутствие изысканности и высокого искусства в содержании зрелищностью, богатыми декорациями и эффектностью. В этом суждении можно усматривать влияние стереотипного взгляда на англичан, согласно Н. А. Ерофееву, присущего россиянам в XIX в., в соответствии с которым богатство материальное несовместимо с богатством духовным. Кроме того, повествование П. Д. Боборыкина построено на сравнении развлечений Лондона с развлечениями в Париже, и неудивительно, что это сравнение не в пользу первого. По мнению автора «Воспоминаний», коммерческий способ функционирования вызывает дороговизну зрелищ и развлечений, и, как следствие, их недоступность для бедных слоев населения.

П. Васюков повествует о том, как коммерциализация затронула клубную деятельность. По его мнению, «в Англии на все смотрят со спекулятивной точки зрения, и спекуляция проникла и в клубную жизнь, делая основание и эксплуатацию всякого нового клуба предметом возможно большей наживы, так как на великобританских островах одной из главных задач всех и каждого является всегда сколачивание денег». Автор говорит, что клубы превращаются в «собственность спекуляторов» и организуются на совершенно иных принципах, чем остальные клубы. Эту тенденцию в отношении клубов для рабочих рассматривает британский исследователь Т. Эшплант, отмечая, что «около 1890 г. произошел сдвиг от системы членских взносов к коммерческому принципу организации и финансирования деятельности клуба», что являлось способом адаптации к общим тенденциям в развитии сферы досуга в конце XIX в. П. Васюков так же, как и П. Д. Бобо-

рыкин, оперирует распространенными в России представлениями об англичанах как о нации дельцов, однако нельзя сказать, что мнение его сугубо отрицательное, так как он отдает должное энергии, «опытным рукам и толковой голове», необходимым любому предпринимателю как залог успеха. Возможно, в этом отразилось изменение в восприятии буржуазной этики образованными слоями населения в России, что, как считает российский исследователь Б. Н. Миронов, было характерно для конца XIX – начала XX в. и находило свое проявление в периодике, где стремление к богатству уже не подвергалось осуждению, но и не восхвалялось.

Таким образом, русские путешественники фактически не воспринимают коммерциализацию английского досуга в конце XIX – начале XX в. как некую новую тенденцию развития этой сферы, а скорее рассматривают ее как частное проявление присущей англичанам погони за наживой; поэтому она видится им естественным и закономерным явлением и трактуется с позиции уже существующих представлений и оценок.

Кольцов М. В.
Ярославский государственный университет

Визит делегации Верховного Совета СССР в Великобританию в 1947 г.

Установленные в годы Второй мировой войны британо-советские союзнические отношения помимо регулярных визитов представителей высшей государственной власти обоих стран предполагали взаимные посещения делегаций представительских органов, общественно-политических и профсоюзных организаций. Визит делегации Верховного Совета СССР в Великобританию проходил с 13 марта по 11 апреля 1947 г. в очень непростой период послевоенных отношений СССР и западных держав. Обращение к данному сюжету способствует расширению наших познаний о взаимных представлениях политического руководства и общественных кругов двух стран, бывших недавними союзниками в годы Второй мировой войны и превратившихся в непримиримых противников вскоре после ее окончания.

Делегация депутатов Верховного Совета, возглавлял которую председатель ВЦСПС и Совета Национальностей ВС В.В. Кузнецов, включала в себя видных представителей советской политики, вооруженных сил, науки и культуры: М.А. Суслова, А. А. Фадеева, К. М. Симонова, М. Бажана, В.Т. Лациса, М.М. Громова – всего 20 человек. Перед поездкой с участниками делегации была проведена соответствующая политико-идеологическая работа, включавшая проведение ряда семинаров, посвященных политическому и социально-экономическому положению Великобритании, англо-советским отношениям, британской разведке и дипломатическому этикету.

Программа визита советских депутатов была насыщенна мероприятиями не только протокольного, но и неформального характера. Официальная часть включала в себя посещение и ознакомление с работой Парламента и органов местного самоуправления, приемы у высших представителей исполнительной и законодательной власти – премьер-министра К. Эттли, лорда-канцлера, спикера Палаты Общин, лорда-мэра Лондона и т.д. Депутаты ВС СССР имели возмож-

ность посетить Королевское общество, ВВС, военно-морскую базу, ряд заводов, ознакомиться с бытовыми условиями британских рабочих, побывать в ряде гражданских и военных учебных заведений. Обширная культурная программа включала встречи с представителями творческой общественности, посещение киностудии, театров, мюзик-холла, скачек и нескольких матчей английского и шотландского чемпионатов по футболу. Всего за время визита советские делегаты побывали в 11 британских городах. По итогам поездки глава делегации В.В. Кузнецов дал пресс-конференцию, на которой отметил, что, не смотря на наличие в Великобритании враждебных СССР реакционных кругов, многочисленные встречи с представителями различных слоев британского народа убедили членов делегации в том, что большинство британцев искренне стремятся к дружбе и взаимопониманию с народами СССР.

Визит делегации ВС СССР освещался советской и британской печатью, правда, с присущей каждой из них соответствующей спецификой. Не смотря на накопившиеся к тому времени проблемы в советско-британских отношениях, публикуемые советской прессой материалы вполне соответствовали все еще продолжавшей действовать пропагандистской установке, утверждавшей сохранение союзнических отношений между двумя странами. Поэтому многочисленные выступления членов советской делегации содержали весьма оптимистические оценки и дежурные уже по сути пожелания «крепить дружбу» между народами СССР и Великобританией. Еженедельник «Британский союзник» посвятил поездке советских делегатов большую статью, где отмечалось, что высоким гостям демонстрировались не только успехи, но и трудности, испытываемые послевоенной Британией. Лейбористская «Дэйли геральд», подводя итог пребывания советских депутатов на Туманном Альбионе, скептически замечала, что демонстрация британского дружелюбия в адрес России не принесет автоматической взаимности.

Свидетельством этого являются не рассчитанные на массового советского читателя газетные публикации, а документы, хранящиеся в РГАСПИ. Они включают в себя отчеты и материалы, составленные участниками делегации ВС СССР по итогам своей поездки в Великобританию. Центральное место среди них занимает отчет о пребывании советской делегации в Англии, содержание, стиль и оценки которого разительным образом отличались от того, что говорили участники делегации в ходе визита и что зафиксировано советской и британской прессой. В отношении принимавшей стороны доклад был совершенно категоричен: Великобритания – это страна, где о дружественном отношении к СССР, по крайне мере в руководстве и «правящих кругах», говорить не приходится. Начать с того, что программа визита была составлена английским правительством с таким расчетом, чтобы загрузить делегатов официальными приемами и показом специально подготовленных объектов и, тем самым, оградить их от общения с «широкими массами трудящихся и затруднить ознакомление с истинным положением вещей в Англии». Тем не менее, советским делегатам удалось убедиться, что в рабочих массах, несмотря на систематическую антисоветскую пропаганду сильны симпатии к СССР, а свои дружеские чувства рабочие стремились «выражать при каждом удобном случае и в самых различных формах».

В отношении лейбористского правительства К. Эттли у делегации создалось совершенно ясное представление, что оно не занимает дружественной позиции в отношении СССР и боится «дальнейшего укрепления дружественных

чувств у трудящихся Англии к советскому народу». Отзывы делегации о британском премьер-министре были еще более однозначными: «неискренний», «лицемерный», «раздражительный», «буржуазный интеллигент» и «филистер», воплотивший в себе черты социал-демократии и «современного международного меньшевизма».

Посещение британского парламента, если верить отчету, так же не вызвало у советских делегатов положительных эмоций, они лишь убедились насколько он является «антинародным и антисоветским учреждением». Экономические трудности Англии трактовались в соответствии с принятой тогда идеологической установкой об общем кризисе капитализма, а главной причиной неэффективной работы британской промышленности называлась «устарелость» оборудования на большинстве английских предприятий. Особой критике в документе подвергался лейбористский вариант национализации, характер которой определялся как «компромиссный» и «оппортунистический». Ну и, наконец, в завершение давалась оценка культурного развития Великобритании, духовная жизнь которой подвержена крайней бедности, застою и вырождению, в частности потому, что кроме Б. Шоу и Дж. Б. Пристли советские делегаты не обнаружили в Англии ни одного писателя, «о котором можно говорить всерьез».

Негативные и идеологизированные характеристики содержались так же в индивидуальных отчетах, которые составлялись отдельными участниками советской делегации. Здесь наблюдалось своеобразное разделение труда – каждый делился впечатлениями и отчитывался о том, в чем считался наибольшим специалистом, например, А.А. Фадеев и К.М. Симонов – о состоянии британской культуры и искусства, генерал-полковник авиации М.М. Громов – о вооруженных силах и т.п. Необходимо отметить, что в момент, когда составлялись отчеты о поездке в Великобританию, они звучали гораздо радикальнее, чем официальная пропаганда, тогда как уже летом 1947 г. многие из их положений прочно утвердились на страницах советских газет и журналов.

Таким образом, отчетные документы концентрировали внимание исключительно на негативных аспектах социально-экономического, политического и культурного развития Великобритании с целью создать картину всеобъемлющего кризиса, поразившего Соединенное Королевство. Особое внимание заслуживает не отсутствие какой бы то ни было объективности, а та внутренняя цензура, которая даже не в предназначенных для публичной огласки документах, не позволяла советской элите выйти за рамки идеологических постулатов и адекватно оценивать внешнеполитических контрагентов, в данном случае Великобританию. Подтверждается тот факт, что, несмотря на существовавшую официальную пропагандистскую установку о союзнических отношениях СССР и западных держав, советское руководство было однозначно отрицательно настроено в отношении Великобритании, британских правящих кругов и господствовавшей там системе.

Кросс Э.
Кембриджский университет

Britain looks at Russia: the origins, persistence and modification of national stereotypes (from the sixteenth century to the Crimean War)

This paper seeks to trace the origins of British notions and images of Russia and its people and their way of life, which were to harden into stereotypes as they were repeated down the decades, indeed, down the centuries. Stereotyping is seen as an easy but nonetheless appealing way of categorizing and classifying.

If we seek those responsible for creating English stereotypes of Russia and the Russians, they are not hard to find. Those Englishmen who invaded Russia in the wake of Richard Chancellor and had their writings gathered by Hakluyt in his influential *Principal Navigations* revealed a new and exotic land and provided poets and dramatists with new realia and similes to enliven their texts. Here are adduced some of the features, mainly negative and a few positive, that assumed particular prominence and emphasis and could be illustrated many times over from the texts of the voyagers and from the literary texts that fed on them. Giles Fletcher's *Of the Russe Commonwealth*, written after his visit in 1588 and first published in 1591, achieved a success of enduring esteem and immediate scandal and became the indispensable source book for subsequent authors

In the seventeenth century, when relations between Muscovy and England rapidly deteriorated, particularly following Charles I's execution in 1649, the authority of the English materials in Hakluyt, particularly of Fletcher's book which he held up as a model, was underlined by John Milton in his compilation, *A Brief History of Moscovia.* A striking addition to the literature came from Samuel Collins, physician to Tsar Aleksei Mikhailovich, whose posthumous *Present State of Russia* (1671) was a rumbustious justification of his view that "the Russians are a People who differ from all Nations of the world, in most of their actions", which, indeed, was not intended as a compliment.

By the end of the seventeenth century there was a high degree of harmony among European observers about the state of Muscovy and its people and it was the colourful, easily retained and largely negative features that became stereotypical.

That the visit to England of Peter in January 1698 was a momentous event in Anglo-Russian relations is beyond dispute; what corrective or modification it brought to the British perceptions of his country and its inhabitants is more of a moot point. The visit itself excited the same sort of curiosity as earlier embassies in Elizabethan times, but with the most singular addition of Peter himself, whose conduct in the main can only have confirmed existing prejudices. Comfortably out of sight and back in his homeland, Peter became for England – and for Europe in general - a hero of the enlightenment. Nevertheless, down the eighteenth century negative characterizations of 'the Russians', Peter's efforts notwithstanding, remained dominant (reference is made to two encyclopaedic works by Tobias Smollet and John Trusler). Much more balanced assessments came, however, from William Coxe, whose popular and influential *Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark* brought the possibility of a modification in the prevailing stereotypes. Among his signal services was the extensive evidence he provided of the Russian advance "towards civilization" by detailing not only institutions

but also naming "new men" in the arts and sciences. It is essentially with Coxe and William Richardson (whose work, also of 1784, is also quoted) that for the first time the people, the 'masses', are consistently removed from the stigma of ignorance and bestiality and the blame is moved on to the system and its enforcers.

It was unfortunate, however, that any improvement or modification to the enduring stereotypes of Russia and the Russians that might have been introduced from a reading of Coxe and Richardson in an atmosphere of relatively warm Anglo-Russian relations should founder on the political events of the century's final decade. Paul I came to embody Russian tyranny on the throne, even more repulsive than before, because he dared to threaten the English. It was precisely at this time that E.D. Clarke travelled through Russia and launched his invective against all and sundry in his letters home and in his subsequent travel account, where he openly referred to Hakluyt, and Turbervile's poems in particular, to show that Russia and its people were unchanging. The 1790s were also a decade when English caricaturists focused on Russia and, although their barbs were principally directed against an allegedly licentious Catherine and, then, against an undoubtedly ugly Paul, the portrayal of the monarchs was often fused with the traditional image of Russia as a bear.

When Alexander I turned against Napoleon, a more indulgent view of Russians in the shape of brave peasants and exotic Cossacks was detectable in the work of the caricaturists. The epic Russian struggle against Napoleon and the subsequent visit to London of the Russian emperor and his Cossack general Platov represent a high point in Anglo-Russian relations. The mood was soon to change, however, and it was Clarke, whose work had been published for the first time only in 1810 and soon entered a fourth edition, rather than Coxe, who provided the text for the early nineteenth century. The ground was prepared for an ever increasing Russophobia in Britain, leading up to the Crimean War.

Attention is then paid to the role of original English literary works and translated Russian literature in helping to form public opinion and uphold or negate stereotypes. The influence is examined of other works such as the Marquis de Custine's *La Russie en 1839* and the forged 'Will of Peter the Great' which only hardened general Anti-Russian prejudices. The inevitable flood of war-time jingoist poetry only crudely emphasized the 'us' and 'them' mentality. More memorable and influential were the images created by John Leech, 'the first cartoonist', cartoons published in *Punch*.

The paper concludes with a rapid look at literary and political developments in the post-Crimean War period up to WWI.

Кубанев Н. А.
Арзамасский филиал Волго-Вятской академии государственной службы
Набилкина Л. Н.
Арзамасский государственный педагогический институт

Русский образ Британии

В истории международных отношений России Англия всегда занимала особое место. Эти особые отношения зародились еще при Иване Грозном, когда юный король Эдуард VI прислал к Московскому двору своего посла Ченслера. Русский царь принял английского посла чрезвычайно доброжелательно, ибо в

XVI веке Англия была практически единственной европейской страной, с которой Русь-Россия никогда не воевала. Иван Грозный настолько проникся симпатией к Эдуарду, что освободил всех английских купцов от уплаты пошлин и разрешил им торговать на всей территории российского государства.

После смерти юного монарха, Иван IV вступил в оживленную переписку с его сестрой, новой королевой Елизаветой I. Первый русский посол в Англии Федор Писемский снабжает царя информацией о жизни, нравах и обычаях англичан. Грозный в письмах к королеве Елизавете выражает удивление, что она не является абсолютным монархом и что власть в государстве вместе с ней делят "не токмо люди, а мужики торговые". В период жестокой депрессии Иван Грозный намеревается отказаться от трона и уехать именно в Англию и ведет переговоры о женитьбе на Марии Гастингской.

При Борисе Годунове связи России с Англией еще более оживились? и туда «для изучения наук» была направлена первая группа из молодых боярских отпрысков. Русские летописные документы сохранили их имена: Микифорко Григорьев, Афонька Кожухов, Казаринко Давыдов, Федька Костомаров.

При Петре и Екатерине русско-британские связи продолжают развиваться и укрепляться. По слухам, во время визита Петра Михайлова в Англию у него с одной высокородной англичанкой завязался бурный роман, от которого родился «царственный» ребенок. В 1765 г. Екатерина II посылает в Оксфорд и Кембридж десять семинаристов для подготовки в профессора богословия. Ближайшая подруга и соратница императрицы Екатерина Дашкова – президент Российской Академии Наук направляет своего сына в Эдинбургский университет.

Англомания приобретает в России все более широкие масштабы. Русский посол Семен Воронцов, как и его сын, позднее наместник на Кавказе Михаил берут английский образ жизни за образец. Интересно отметить, что знаменитый Воронцовский дворец в Алупке, служивший резиденцией Уинстона Черчилля во время Крымской конференции, представляет собой архитектурный симбиоз мавританского дворца и шотландского рыцарского замка.

Англия занимает заметное место не только в русской истории, но и в литературе. Более того, именно через литературу происходит знакомство широкой русской общественности с «туманным Альбионом». В «Письмах русского путешественника» Н.А.Карамзина и «Фрегате «Паллада» И.А.Гончарова, «Былом и думах» А.И.Герцена создается русский образ Британии. Хотя русские играли определенную роль в жизни Запада вообще и Англии в частности, говорить о глубоком воздействии русского образа жизни на англичан не приходится, в то время как воздействие Англии на русскую интеллигенцию и аристократию несомненно. Запад настолько органично вошел в сознание русской общественности, что, когда мы читаем, например, Льва Толстого и сталкиваемся с Китти, Стивами, Базилями и Пьерами, мы даже не задумываемся о чуждом звучании их имен для русского уха.

Герои Шекспира стали подлинно русскими героями для российской читательской публики. Образ чужой страны, входя в национальное сознание чаще всего через литературу, приобретает специфические национальные черты воспринимающего его народа и становится своим. Так происходило и с героями английской литературы в России. Байроновские персонажи оказались чрезвычайно близки «лишним» людям России, а принц Датский настолько вошел в русское общест-

венное сознание, что его мысли и чаяния стали настроениями русской интеллигенции и русской интеллектуальной элиты. Императора Павла называли в России «русским Гамлетом». Трагедии Шекспира вдохновляли Лескова, Тургенева и Есенина. Гамлетовские черты зарубежные исследователи русской литературы находили даже в образе Григория Мелехова, называя его «степным Гамлетом».

Как ни парадоксально, близость русских и англичан может объясняться их несхожестью, различием в ментальности и национальном характере. Эту мысль высказал еще в 1912 г. сын известного славянофила Н.А.Хомяков в статье «Основы англо-русской дружбы». Подобная точка зрения находит подтверждение и у современных специалистов по межкультурной коммуникации. Несхожие нации порой легче достигают взаимопонимания, чем схожие.

Англия довольно легко ассимилирует представителей других наций, в том числе и русских. На берегах «туманного Альбиона» русские эмигранты постепенно становились «немного англичанами», растворяясь в английской жизни и приобретая черты свойственные жителям Британии. О «русскости» и «английскости» рассуждает в своих произведениях В.В.Набоков.

Феномен Набокова требует особого разговора. Но, говоря о вхождении чужой страны в мир русского человека, пример Набокова можно считать хрестоматийным. Оставаясь русским, он вобрал в себя все лучшее, что могла дать западная культура и в первую очередь англо-американская. Английский дух Набоков впитал с молоком матери, с детства чувствуя себя англичанином. Он начинает любить Англию еще до того, как его нога впервые вступит на ее берега. Здесь-то и возникает образ Англии как страны русского воображения – незнакомый и уже родной.

В автобиографическом романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» Набоков показал рождение в «русском англичанине» подлинно русского писателя. Приобретенная «английскость» возродила в герое «русскость», позволила осознать свою национальную принадлежность, говоря научным языком, осуществить национальную самоидентификацию.

Такие писатели, как Набоков, являлись не только мастерами свой национальной литературы, но и были замечательными посредниками между русской и западной культурами. Они создавали «русский» образ «чужих-иных» стран, делая их своими.

Кудюкина М. М.
Российский государственный архив экономики

«Британия - поработитель мира»: образ Британии в советском обществе 20-х гг.

В межвоенный период Великобритания в массовом сознании советского общества играла ту же символическую роль «великого Сатаны» (или, с другой точки зрения, «оплота демократии»), что в послевоенное время США. Она представала как бесспорный политический, если не экономический, лидер западного мира, потенциально наиболее опасный противник существующего в СССР строя (хотя в реальности это могло быть и не так), центр европейской, а часто и мировой политики.

Первые десятилетия XX в. оставили двойственное впечатление. Сначала англичане выступали в качестве союзников России в мировой войне, затем, приняв участие в интервенции и поддержав одну из сторон в гражданской войне, для значительной части страны оказались врагами, причем «врагами №1», организаторами многочисленных заговоров против «нового мира» («дело Локкарта», «дело Рейли» и т.д., и т.п.), Англия воспринималась как опора всех контрреволюционных сил не только в Европе, но и в Азии. В то же время для некоторых англичане по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, так, возможно, и в будущем, носителями европейской культуры и традиций. Все эти противоречивые, крайние тенденции переплетались, обрастали мифами и формировали образ Великобритании в сознании советского общества.

В средствах массовой информации отрицательный образ Англии усиливался благодаря яркой эмоциональной окраске. Например, в «Правде» было опубликовано стихотворение А. Безыменского, точно отражавшее официальное представление об Англии:

Британия - поработитель мира!
Британия! - вот наш зловещий враг...
...Британия неистовых насилий,
Британия мерзавцев и убийц
Во фраках, с тросточкой,
С крестом и лживым словом
Она! Она!
Она наш дикий враг.

В полном соответствии с официальной пропагандой, в массовом сознании 1920-х гг. Англия представлялась основным врагом СССР. «Английское правительство в лице Чемберлена, Болдуина и Черчилля, как псы, сорвавшиеся с цепи, хотят задушить ход нашей социалистической революции», - заявлялось в одной из типичных резолюций того времени.

Особенно усилились антианглийские настроения во второй половине 1920-х гг. Кризис советско-английских отношений приводит к массовому убеждению, распространенному в обществе сверху донизу, что именно Великобритания в ближайшие если не дни, то месяцы развяжет войну против СССР. В июле 1927 г. корреспондент английской «Дэйли Экспресс» сообщал из Москвы: «Русские официальные лица убеждены, что Великобритания не только двигает фигуры на международной шахматной доске, но что британская консервативная партия планирует и организует крушение России - не крушение коммунизма, а крушение России».

И часть крестьянства, и часть городского населения - прежде всего интеллигенция - связывали с войной надежды на освобождение от советской власти, поэтому Англия рассматривалась как главный союзник, а не как враг. Появлялись антисоветские листовки с «международными» лозунгами: «Да здравствует разрыв англо-советских отношений; Со всей решимостью за Англией на борьбу с СССР... Да здравствуют русские белогвардейцы, проживающие в Англии и борющиеся за восстановление русского царизма... Как не готовьтесь к войне и побеждению империализма, но все равно, красная свора, великие массы и друзья на стороне капитала» и т.д.

Летом 1928 г., ободряя верующих, один из священнослужителей Омского округа заявил: «Мы не одни, у нас есть союзники в лице Америки, Англии и других. Они нам очень и очень много помогают и Вы, граждане, не отказывайте нам в помощи». Иногда встречались явно преувеличенные представления об общности интересов Запада и российского крестьянства. Так, в мае 1927 г. один из крестьян Амурского округа уверял, что «Англия предъявила коммунистам - сдаться без бою, и в России поставят президента, которого пожелают Англия или крестьяне России».

В то же время в официальной пропаганде достаточно умело обыгрывался статус Великобритании как великой колониальной державы и муссировалась идея, что, разыгрывая антисоветскую карту, она прежде всего стремилась к порабощению России и превращению ее в сырьевой придаток и рынок сбыта для английских товаров.

Некоторые реалии и имена английских государственных деятелей в 20-е гг. прочно вошли в обыденное сознание. В высказываниях и письмах постоянно встречаются упоминания тех или иных имен, как правило, с яркой эмоциональной окраской, типа «Я бы Чемберлену не пожелал жить такой жизнью, как у меня...», сравнения с жизнью в других странах: «мужик хуже английской свиньи давится ржаным хлебом», и т.д.

Лабутина Т. Л.
Институт всеобщей истории РАН

Проекты образовательных академий в Англии и в России в XVII в.

В странах Западной Европы в эпоху Возрождения заметно усилился интерес к образованию подрастающего поколения. Выдающиеся ученые Томас Мор, Хуан Луис Вивес, Эразм Роттердамский, Ян Коменский в своих трудах обосновывали необходимость как мужского, так и женского образования. Создание более широкой образовательной системы, отвечавшей нуждам не только аристократии, но и средних социальных слоев, а также вовлечение в образовательный процесс представительниц «слабого пола» - вот те главные отличительные черты, которые были присущи образовательной культуре европейских государств в XVI-XVII вв. Идеи гуманистов воплотились в ряде проектов образовательных реформ в творчестве ряда их последователей в XVII в. Два из них привлекли наше внимание не только научной значимостью, но и слабой изученностью в историографии. Речь идет о проектах образовательных учреждений русского царя Федора Романова и известного литератора Англии Даниеля Дефо.

Федор Алексеевич Романов, старший сын русского царя Алексея Михайловича Романова и брат Петра Великого, родился 30 мая 1661 г. Его воспитателем и духовным наставником был известный высокообразованный монах Симеон Полоцкий. Царевич рано овладел латынью и польским языком, изучил философию и риторику, проявлял живой интерес к творчеству античных авторов. Он имел хорошую библиотеку, в которой были как русские, так и иностранные книги. Получив церковное образование, Федор увлекся певческим искусством, стал писать духовные песнопения и «складывать вирши». После смерти отца Федор вступил на престол. Было ему в ту пору пятнадцать лет. Он правил Россией не-

долго, всего шесть лет, но и за столь короткий срок сумел сделать немало полезного для своего отечества. В последние годы правления царь составил проект высшего училища (академии), в котором, как он полагал, будут изучать «семена мудрости» - гражданские и духовные науки (грамматику, риторику, диалектику, философию, богословие), а также правосудие «духовное и мирское».

Царский проект содержал подробное описание источников финансирования академии. Царь намеревался обложить налогами несколько монастырей, а от себя жаловал на содержание Выпегородскую дворцовую волость и десять пустошей. Предусматривались также пожертвования на одежду и питание учащихся от частных лиц. Особое внимание в проекте уделялось требованиям, предъявляемым к преподавателям академии. Самое главное из них – исповедование православной религии. Защитой православной религии обусловлен был также запрет держать в домах учителей иностранных языков. Все учителя, приехавшие из-за границы, подвергались испытанию: те, кто его не прошел, «изгонялись» из государства Российского. Примечательно, что преподавателям «за долговременную и ревностную службу» предусматривалось назначение пенсии. Пожалуй, самым примечательным в образовательном проекте Федора Алексеевича был пункт о приеме в академию людей «всех сословий и возрастов». Хотя в данном разделе не уточнялось, могли ли учиться в академии крестьянские дети, однако даже представленное в такой форме образовательное учреждение носило явно демократический характер. Прогрессивным было и стремление автора проекта оказывать финансовую поддержку «студентам». Так, в проекте говорилось, что наиболее прилежные в науках ученики получат во время учебы от государя «достойное мздовоздояние», а по окончании учебы – «приличные чины» и «особенное царское щедрое милосердие». Подчеркивалось, что «в чины» могли допускаться не только «благородные», но и «неблагородные».

Проект образовательной академии царя Федора Алексеевича отличался безусловно прогрессивным характером, потому что предусматривал внесословное образование. Вместе с тем, явным диссонансом в проекте звучали требования самых жестоких кар в отношении тех преподавателей и «студентов», которые читали еретические книги или «возводили хулу» на православие. Автор проекта призывал сжигать не только еретические книги, но даже тех, кто их читал! Трудно сказать, какая судьба постигла бы подобное учреждение в Российском государстве в условиях правления абсолютной монархии, если бы не преждевременная смерть самого автора проекта. В 1682 г. царь Федор скончался в возрасте 21 года. Проект академии так и остался проектом на бумаге.

Спустя одиннадцать лет после кончины русского царя, в Англии было опубликовано произведение «Очерк о проектах» известного литератора Даниеля Дефо. В своем труде просветитель поднимал ряд вопросов и предлагал серию проектов: создание государственного банка, строительство общественных дорог, организацию обществ взаимопомощи, проведение реформы системы социального страхования и др. Один из разделов «Очерка» включал проект создания образовательных академий для юношей и девушек. Необходимость открытия военных академий, на взгляд Дефо, диктовалась теми соображениями, что большинство высших должностей в английской армии и военном министерстве занимали лица иностранного происхождения, а англичане в военном деле чаще всего выступали как профаны. Дефо сетовал: в современной армии царят пассивность, инертность,

безынициативность командного состава. Между тем, считал Дефо, армия должна быть готова к военным действиям уже в мирное время, для чего необходимо обучение матросов и солдат, но прежде всего самого командного состава. Для этой цели просветитель предлагал открыть королевскую военную академию, которая бы содержалась за счет государственных средств и королевского бюджета. Обширен список наук и тех дисциплин, которым, по замыслу Дефо, надлежит обучать слушателей: геометрия, астрономия, история, навигационное дело, тригонометрия, фортификационное дело, пиротехника, измерительные приборы и т.д. Кроме того, всех воинов следует хорошо подготовить физически, научить их плавать, скакать верхом, маршировать, пользоваться всеми видами оружия. При такой подготовке армия, уверял Дефо, принесет больше пользы своему отечеству, и королю не придется прибегать к найму иностранцев на военную службу.

Большой интерес в работе Дефо вызывает также его проект о создании образовательных академий для девушек. Дефо считал, что общество поступает по отношению к женщинам несправедливо: девушек обучают рукоделию, умению делать разные безделушки, чтению, но все это считается пределом женской образованности. Однако, на взгляд просветителя, этого явно недостаточно. Дефо высказывал предположение, что мужчины лишают образования женщин сознательно, из опасения, что те смогут конкурировать с ними в своих «совершенствах». Между тем, уверял просветитель, мужчины получат даже некоторые преимущества, если предоставят образование женщинам, поскольку образованная дама, обладающая к тому же хорошим воспитанием и приятными манерами, является существом «несравненным». Дефо не ограничивался общими рассуждениями о достоинствах образованных дам и том благе, которое приносит образование женскому полу. Он предложил конкретный план мероприятий, направленных на реализацию права на образование для представительниц прекрасного пола.

Таким образом, очевидно, что проблеме образования подрастающего поколения большое внимание уделялось как в стране, где победила буржуазная революция, так и в феодальном государстве. Русский проект в ряде положений (государственное финансирование, всесословное образование) отличался большей демократичностью и прогрессивным характером, нежели аналогичный - английский. Наконец, само наличие подобного проекта в самодержавном феодальном государстве, каким оставалась в ту пору Россия, позволяет опровергнуть одно из бытующих среди западных ученых мнение о «варварском» состоянии нашей страны и ее народа.

Лубков А. В.
Московский педагогический государственный университет

Россия и Англия: национальные модели гражданского общества. Сравнительно-аксиологический анализ

Представления о гражданском обществе как о некоей идеальной модели современного социального жизнеустройства, сложившемся в каждой стране механизме взаимодействия личности (гражданина) – социума – государства, имеет свои глубокие национальные особенности, обусловленные историческим опытом, религиозно-духовными традициями, культурным архетипом, ценностно-

психологическими ориентирами. И среди всего многообразия факторов, определяющих формирование образа этой модели в общественном сознании русских и англичан, одним из фундаментальных является понимание *свободы (freedom)* как основополагающей ценности, невидимой, но властной скрепы для построения того воображаемого здания гражданского общества, в котором было бы сравнительно уютно и комфортно жить человеку в XXI веке.

Причем, осознание диалектики свободы политической (внешней) и свободы духовной (внутренней), свободы личной (индивидуальной) и свободы коллективной (корпоративной) в общественно-государственных и религиозно-философских системах России и Англии развивалось по своим собственным законам. Сам этот процесс весьма показателен и в плане исторической компаративистики и для национального сознания обоих народов. И если достижения англичан неоспоримы в институциализации политической свободы, гражданских прав личности, то русская мысль и русская душа очень многое дали миру в постижении внутренней духовной свободы человека в его поисках истины, смысла бытия, в его движении к Богу.

Строительство государств на всем обширном пространстве Европы проходило практически одновременно, причем и у древних славян, и у англосаксов было нечто общее, а именно, влияние внешнего фактора на создание государственности. Призвание варягов славянами в 862 г. и победа Вильгельма 1 Завоевателя в битве при Гастингсе (1066 г.) во многом определили своеобразие последующего развития Руси и Англии. Но уже первые века истории государств на Востоке и Западе континента демонстрировали также принципиальные отличия, взаимоотношения публичной власти и общества («земли») у обоих народов. У славян в домонгольский период социально-государственная организация не имела столь ярко выраженной дифференциации. Родо-племенные отношения длились на Востоке Европе, гораздо дольше, чем на Западе. Для социального строя восточных славян в IX-XI вв. был характерен примитивный демократизм и известная социальная аморфность. Наличие свободы общинного землепользования совершенно по особому определяло пути развития феодализма, его распространения не столько вглубь, сколько вширь.

В Англии в отличие от Руси нормандское завоевание привело к утверждению классической феодально-вассальной системы с ее жесткой иерархией и методами управления. Борьба баронов за свои права, поддержанная широкой политической коалицией в лице церкви и свободных городских общин, вынудил короля Иоанна подписать «Великую хартию вольностей» (Magna Carta, 1215). Именно в этот период (XIII в.) в Англии началось формирование парламента и его эволюции в демократический орган власти, противостоящей королю.

Крещение Руси имело большое значение для русского народа, во многом определило его историческую судьбу, особенности культуры, национальных традиций и ментальности. Православная церковь, не оспаривая своего первенства перед государством, и если пыталась бороться с властью, то неизменно терпела поражение. Кроме того, если западная церковь с самого начала объединяла самостоятельных и разнородных индивидуумов, то православная церковь собирала под свое крыло послушников, членов одной «соборной семьи». В результате под воздействием католической церкви на западе были созданы основы общества, где каждая личность самоценна и самодостаточна, а под влиянием восточной, право-

славной церкви сформирован идеал государства — собора и нации — как одной семьи, где все связаны между собой и представляют ценность лишь как органичная часть единого целого.

«Великая хартия вольностей» имела самое прямое отношение и к формированию другой английской традиции – установления публичных правовых норм (как писанных, так и устных), являющихся результатом общественных договоренностей между различными субъектами политического процесса.

Другой важнейшей стороной развития Англии на путях демократии, свободы и самоуправления стали университеты – Оксфорд и Кембридж.

Если демократические стремления университетов были угрозой для феодализма, то их стремление к свободному исследованию грозило церкви. Неслучайно, требование реформы церкви впервые вполне ясно прозвучало с университетской кафедры. Ярким выразителем реформаторских идей, во многом предвосхитившим и определившим будущую английскую реформацию, стал профессор Оксфорда Джон Виклеф (1320-1384), принявший участие в переводе Библии на английский язык. И в то время, когда в Англии уже начиналась эпоха Возрождения (XIУ-ХУ вв.), а идеи гуманизма пронизывали ход формирования английской нации, Русь переживала один из самых трагических периодов своей истории.

Монголо-татарское иго привело к разорению русских земель, одновременно происходит консервация государственных форм эксплуатации населения, которая диктовалась необходимостью изыскания средств для выплаты дани Орде. Замедлились и темпы культурного развития. Именно в этот период произошло отставание русских земель от наиболее развитых стран Западной Европы.

Важнейшая особенность образования единого Российского государства заключается в том, что ведущую роль в этом процессе играл не социально-экономический (как в западноевропейских странах), а политический фактор.

Таким образом, уже с начала существования централизованного государства формируется одна из самых существенных черт общественной жизни России — гипертрофированная роль государства, в непосредственной и сильной зависимости от которой находились представители всех сословий (которые, в свою очередь, различались не правами, а обязанностями).

Наметившиеся у истоков российской государственности тенденции особенно усилились во второй половине XVIJ в., а своего наивысшего развития достигли в начале XVIII в., подготовив утверждение абсолютизма в эпоху Петра I.

В окончательном установлении самодержавной власти - это утрата инициативного индивидуума, свободно действующего на свой страх и риск, как одного из господствующих типажей русской жизни.

В то время, когда в Англии после бурных ХУ1-ХУ11 вв., расцвета Тюдоров, утверждения протестантизма, после гражданской войны и «Славной революции» (Glorious revolution, 1688) наступает политическая стабильность, в России делаются только первые робкие шаги на пути к свободе личности (весьма ограниченной и то лишь в отношении дворянства) и к осмыслению роли конституционализма в исторической перспективе. Имперские устремления обеих стран, так ярко продемонстрированные в ХУ111-XX вв. Россией и Англией в отношении собственных и чужих народов, также как и процесс складывания гражданского общества, имели принципиальные отличия, обусловленные всем их предшествующим опытом.

Медведик И. С.
Астраханский государственный университет

Англо-российский конфликт в Персии в конце XIX – начале XX в. глазами британских дипломатов

На рубеже XIX-XX вв. в отношениях между Россией и Британией наметилась новая тенденция: стремление к сближению и разрешению существовавших противоречий. К таковым относился англо-российский конфликт в Персии. Он имел долгую историю, а на рубеже веков вступил в новую фазу обострения. Ход событий, этот важный, так называемый «верхний пласт» исследуемого вопроса, детально рассмотрен в отечественной и зарубежной историографии. В данной работе ставится задача сконцентрировать внимание на восприятии конфликта и соперника британскими дипломатами, работавшими в России и Персии. Таким образом, делается попытка расширить круг лиц, причастных к формированию внешнеполитического курса.

Важной составляющей понимания конфликта является перцепция. Воссоздание образов противной стороны, выяснение характера знаний о сопернике, изучение механизмов принятия решений способствуют пониманию того, как сложно вырабатывались внешнеполитические действия. От перцепции или мисперцепции зависят многие характеристики конфликта: степень его интенсивности, возможность его трансформации и т.п.

Британские дипломаты представляли собой особый слой, тесно связанный с правящей элитой. Они были основным источником информации о странах пребывания. От них во многом зависело воплощение внешнеполитических разработок. Их объединяло многое: происхождение, образование и т.д. Но личный опыт, жизненные обстоятельства, степень широты мировоззрения, политические пристрастия и многие другие факторы, разные в каждом индивидуальном случае, определяли различия в их восприятии международной жизни.

На рубеже веков Персия уже не считалась дипломатическими задворками. На пост посланника из возможных кандидатур отбирались наиболее подготовленные специалисты по странам Востока, способные в то же время разбираться в хитросплетениях европейской политики. Назначение рассматривалось как трудное, но значимое для карьеры. Оно давало возможность продемонстрировать таланты и укрепить репутацию специалиста по восточной дипломатии.

Некоторые британские посланники не ограничивались воплощением линии Foreign office. Они обладали своим видением англо-российского конфликта в Персии и предлагали свои пути его разрешения. Д. Вулф, назначенный посланником в Персию в 1887 г. при поддержке премьер-министра Солсбери, разработал план примирения России и Британии в данном регионе. По его мнению, желание шаха уступать обеим державам, поддерживая баланс между их притязаниями, давало подсказку к решению проблемы. Следует разделить Персию на две сферы влияния и совместными усилиями способствовать развитию торговли. С помощью принца Уэльского Вулфу удалось встретиться с Александром Ш и изложить свои соображения. Он был благосклонно выслушан, хотя никаких конкретных действий не последовало.

М. Дюранд, британский посланник в 1894–1900 гг., был одним из немногих, кто верил в возможность возрождения и процветания Персии. Основываясь на опыте работы в Индии, он полагал, что такую возможность даст «эффективная администрация» под британским покровительством. Непременное условие – соглашение с Россией о совместной политике и проведении реформ. Многочисленные меморандумы Дюранда оставались без ответа. Тем не менее, он, как и Вулф, уловил тенденцию, ставшую позднее ведущей в отношениях с Россией. Его мысли внесли вклад в формировании идеи о сохранении Персии как «буферного» государства.

А. Хардиндж, возглавлявший миссию в 1900–1905 гг., имел собственные воззрения об англо–российском соперничестве в Персии. Они не разделялись ни Foreign office, ни даже его другом Дж. Керзоном, в то время вице–королем Индии. Хардиндж был уверен, что в Персии главное – терпение и личные связи, которые надо использовать для укрепления своих позиций и нанесения максимального урона противнику. Донесения российских дипломатов полны жалоб на действия этого «открытого врага России».

Большую роль в восприятии англо–российского конфликта в Персии играли воззрения британских дипломатов, работавших в России. Их наблюдения, характеристики, даваемые ими, вносили вклад в формирование образа соперника в Великобритании. Санкт-Петербург считался престижным в качестве места назначения, соперничал с Берлином и уступал только Парижу. Многие дипломаты, служившие в то время в России, имели и опыт взаимодействия с российскими дипломатическими и консульскими работниками в Персии. С точки зрения понимания англо–российского конфликта в Персии наибольший интерес представляют позиции послов Ч. Хардинджа, А. Николсона и секретаря посольства С.Спринг-Райса.

Ч. Хардиндж служил в России в то сложное время, когда возможность соглашения между двумя державами многим казалась весьма призрачной. Именно убежденность британского посла в необходимости разрешения персидского конфликта путем компромисса во многом повлияла на положительное решение вопроса. Эта убежденность объяснялась двумя причинами: желанием создать противовес Германии в Европе и стремлением разграничить интересы в Азии и тем самым также сдерживать германские амбиции. Дипломат не питал иллюзий по поводу дружбы с Россией, не доверял потенциальному партнеру, четко определял пределы сближения. Соглашение с Россией для него – необходимая плата за возможность противостоять Германии Переписка Ч. Хардинджа, представленная в сборнике документов "British Documents on the Origin of the War", дает возможность познакомиться с его восприятием англо–российского конфликта в Персии.

Одну из главных ролей в урегулировании англо-российских противоречий сыграл британский посол в России А.Николсон. Именно ему было поручено вести переговоры о подписании соглашения с Россией по средневосточным вопросам. Его позиция, во многом совпадая с мнением Хардинджа, отличалась отношением к России. Николсон искренне интересовался страной пребывания. Хорошо изучив ее в течение нескольких лет, дипломат оценил по достоинству «эту необыкновенную страну». Его восхищали терпение и спокойствие, с которыми она выносила испытания, сломившие бы дух любой другой нации. Будучи свидетелем возрож-

дения России после русско-японской войны и революции, британский посол предсказывал ей блестящее будущее.

С. Спринг-Райс, работавший в британском посольстве в России в 1903–1906 гг., видел события совсем в ином свете. Он относился к тем дипломатам, которые в первые годы XX в. ощущали не только германскую угрозу, но и осознавали неизбежность глобального вооруженного конфликта. При этом для него сближение с Россией не казалось средством обуздания Германии. Напротив, оно таило новые опасности. Он не доверял российской стороне, не понимал и осуждал внутреннее устройство государства. Работая в Персии в 1906–1908 гг., он лишь утвердился в своем мнении. Обширная деловая и частная переписка Спринг–Райса демонстрирует его позицию. Свою точку зрения он безуспешно стремился донести до друзей, коллег, руководства Foreign office. С сожалением он признавал, что, находясь на периферии европейской политики, лишен возможности ее целостного видения.

Итак, образ соперника, пути разрешения конфликта виделись британским дипломатам по-разному. Изучение и анализ сталкивавшихся оценок и мнений дает возможность глубже разобраться в сложном процессе выработки и реализации внешнеполитических решений.

Минаев А. И.
Московский педагогический государственный университет

Российские консерваторы XIX в. о британском парламентаризме

Оформление консерватизма как самостоятельного направления отечественной общественно-политической мысли относится к началу XIX в. Этот сложный процесс, происходивший в среде российских интеллектуалов, стал ответной реакцией на революционные потрясения во Франции конца XVIII в. Внешнеполитический фактор становления консерватизма дополнялся стремлением многих деятелей противодействовать возможной либеральной реорганизации государственно-правового механизма российского самодержавия.

Размышляя о социально-политических перспективах России, представители нового направления не могли не обратиться к историческому опыту государств Западной Европы. Приоритет Великобритании объяснялся многовековой историей парламентаризма в этой стране, трепетным отношением британцев к основам своей государственности.

Видный журналист, писатель, издатель консервативного толка Николай Иванович Греч в своих «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», изданных в Санкт-Петербурге в 1839 г., анализируя расстановку политических сил в британском парламенте, приходил к выводу о том, что «...сколь не различны все эти партии в мнениях своих о том, какие средства должно употребить для достижения цели – они согласны в одном, в ревностной приверженности к своему отечеству, к своему государю, в совершенной покорности существующим законам, и в пламенном желании всех благ, славы и величия их любезной Британии».

Славянофилы дополнили консервативную доктрину отдельными своими положениями. В отечественной исторической науке прочно укоренилось мнение о противопоставлении ими России и Европы. На наш взгляд, данный тезис требует

некоторого уточнения. Между континентальной Европой, восприятие которой у многих отечественных мыслителей формировалось в первую очередь под влиянием Франции, и островной Великобританией имели место существенные различия. В связи с этим несомненный интерес представляют англофильские воззрения Алексея Степановича Хомякова.

Хомяков в 1848 г. пишет «Письмо об Англии», которое стало результатом осмысления впечатлений, полученных от поездки в эту страну годом ранее. Обращение к историческим корням и современному состоянию английского общества для Хомякова определялось поиском параллелей с российской действительностью. Противопоставляя английскую традиционность континентальному космополитизму, он доказывал возможность относительно обособленного исторического существования, что было созвучно с идеей самобытности России. «Жизнь Англии, - писал он, - развивалась самобытно из своих собственных начал».

Наиболее определенно из российских консерваторов по поводу парламентаризма высказывался Константин Петрович Победоносцев. «Одно из самых лживых политических начал, - писал он, - есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной. Отсюда вытекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастию, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее изобличается все явственнее перед целым миром». При этом он оговаривал, что уникальный британский вариант парламентаризма стал результатом длительной эволюции, а представительные учреждения этой страны прочно встроены в ее государственно-правовой механизм, подкреплены общественным мнением. «Не всякому быту, не всякой истории, не всякому народу, - подчеркивал он, - свойственны эти учреждения. Они могут в порядке действовать только там, где есть для того условия в быте народном и в учреждениях прежнего времени (Англия)».

Британский опыт, изучавшийся российскими консерваторами XIX в., показывает, что эффективность парламента определяется не столько его структурой и уровнем законодательной техники, сколько неразрывной связью с общественным мнением, выразителями которого являются политические партии. Для успешного внедрения представительства требуются развитая политико-правовая среда и готовность населения взять на себя бремя участия в государственной жизни. В противном случае парламент рискует стать придатком исполнительной власти.

Уверенность консерваторов в своеобразии исторического пути России исключала некритическое заимствование западных форм и институтов. Они в целом обоснованно доказывали, что государство, являясь продуктом исторического развития конкретного социума, вбирает в себя его отличительные черты, испытывает на себе влияние локальной ментальности с ее традицией отношения к власти.

Поскольку отечественная политическая культура разительно отличалась от западных, в том числе и британских, стандартов, российская государственность имела все основания к саморазвитию. При этом внимательное и вдумчивое отношение к Западу свидетельствовало о стремлении консервативных кругов позиционировать Россию как неотъемлемую часть европейской цивилизации.

Павлов В. С., Михайлова Е. Е.
Нижегородский государственный университет

СССР во внешнеполитической стратегии Великобритании 1939–1941 гг.

В работах, посвященных анализу англо-советских отношений в начале Второй мировой войны, зачастую утверждается, что внешнеполитический курс Великобритании при У. Черчилле стал резко отличаться от политики, проводимой Н. Чемберленом. Их оценки роли СССР представляются как противоположные. Эта точка зрения нуждается в уточнении. Необходимо проследить, каким образом происходит эволюция роли и значения Советского Союза во внешнеполитической стратегии Великобритании при смене премьер-министра страны.

В начальный период Второй мировой войны правительство Н. Чемберлена заняло выжидательную позицию. Этот этап вошел в историю под названием «странная война». Он охватывает период от нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. до начала наступления немецких войск на Западе весной следующего года. Суть ее в том, что формально Англия объявила войну Германии, а на деле ее не вела. Возникает вопрос, почему Великобритания, несмотря на опасность со стороны Германии, не пошла на решительные действия против нее? Почему британское правительство не взяло курс на создание антигитлеровской коалиции с участием СССР на данном этапе?

Британская позиция была вызвана неопределенностью сложившейся ситуации. Не было известно, куда будет направлена германская агрессия в дальнейшем и какой из двух альтернативных путей (западный или восточный) будет выбран Гитлером. Проблемы, стоявшие перед Великобританией накануне войны, в этих условиях обострились с новой силой. По-прежнему главной целью оставалось отвести удар от себя, с той разницей, что война уже началась, Англия к тому времени потеряла стратегическую инициативу и не могла препятствовать действиям Гитлера. Его мирные предложения были для нее неприемлемы, так как фактически означали гибель Британской империи. Но и активных действий против агрессора она была вести не в состоянии. В этой связи роль Советского Союза как громоотвода возрастает, и задачей английского руководства на данном этапе становится – «переиграть» войну на восточное направление. Изоляция СССР, отсутствие обязательств перед ним со стороны западных держав должны были этому способствовать. Поэтому борьба на западном фронте между Англией, Францией и Германией не разгорается. В то же время в отношении СССР проводится враждебная и провокационная политика.

Английская стратегическая линия предусматривала оборону и изматывание противника. В отношении Германии проводилась политика экономической блокады. Перехватывались и проверялись нейтральные суда, закупались товары, которые были нужны Германии, захватывался германский экспорт. Таким образом Н. Чемберлен пытался доказать гитлеровскому правительству, что оно войну не выиграет.

Серьезным ударом по Германии в тот момент могла быть война на два фронта. Необходимым условием для этого являлось равноправное соглашение Советского Союза, Великобритании и Франции. Вместо этого западными держа-

вами в отношении СССР была занята враждебная позиция, что проявилось в различных сферах: экономической, политической, идеологической.

Удельный вес Англии в товарообороте СССР сократился с 15,5% в 1939 г. до 0,5% в 1940 г. Последовало три антисоветские волны: после пакта 23 августа 1939 г., после введения советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г., во время советско-финской войны 30 ноября 1939 – 12 марта 1940 г. Причем, в ходе зимней войны явно проявилась основная цель английского правительства: переключение военных действий на СССР.

Но британская стратегия на начальном этапе военного конфликта сама себя парализовала и позволила Гитлеру начать беспрепятственное наступление на Запад. В результате этого Черчилль сменяет Чемберлена на посту премьер-министра. Период от 10 мая 1940 г. до 22 июня 1941 г. в английской историографии получил название - период «дипломатии выживания». Меняется ли роль Советского Союза в политике английского кабинета нового состава?

Рассматривая преддверие «битвы за Англию», Черчилль часто обвиняет СССР во «враждебном нейтралитете», в результате которого Великобритания осталась в одиночестве во время германского наступления, когда шло по сути уничтожение западного фронта. Но эти оценки противоречат действительным планам английского премьер-министра в отношении Советского Союза в его концепции обороны британской империи в 1940 г.

Эти планы не предусматривали равноправного соглашения с Советским Союзом и его участия в борьбе на два фронта, гибельной для Германии, о чем Черчилль говорил ранее, критикуя правительство Чемберлена.

Новый премьер-министр понимал, что Гитлеру нужно было закончить войну на Западе и как можно скорее получить свободу действий на Востоке. Принимая во внимание стратегию «блицкрига», ставка делалась на то, что переброска основных сил и затяжная война с Англией не были в интересах фюрера. Черчилль считал, что придется прежде всего отразить вторжение в Великобританию и доказать свою способность продолжать усиление английской военно-воздушной мощи. *«Если Гитлеру не удастся разбить нас здесь, он, вероятно, ринется на Восток. По существу, он, возможно, сделает это, даже не пытаясь осуществить вторжение».* Этот стратегический расчет был основан на анализе ряда трудностей объективного характера, с которыми предстояло столкнуться Германии. В частности, попытка удержать под своей властью всю «голодающую Европу» силами одного лишь гестапо и военной оккупации, без какого-либо заманчивого лозунга, «который мог бы привлечь массы», не могла быть долговечной. В то же время Черчилль считал, что усиление английской воздушной мощи будет создавать все возрастающие трудности для Германии. Кроме того, британская армия концептуально строилась на наступательной доктрине и в 1940 и 1941 гг. предвиделась возможность широких наступательных десантных операций. При этом в Англию увеличивались поставки оружия (из США), планировалось мобилизовать ресурсы империи. Британское господство на морях создавало еще одно преимущество над Германией. Эти оценки давали премьер-министру основания предполагать, что немцы не вторгнутся в Англию в 1941 г.

Вторжение на британские острова было предотвращено. Но, как отмечал Черчилль, пока Гитлер не совершил нападение на СССР, англичане не могли рассчитывать, что воздушные налеты прекратятся или уменьшатся.

Таким образом, английское руководство по прежнему делало ставку на изматывание противника, а не на его уничтожение. Отсюда задачей являлось демонстрация усиления, а не стремление к скорейшей ликвидации немецких армий. Тем самым подтверждается мысль о том, что в планах Англии СССР должен был играть роль новой «континентальной шпаги». Этим можно объяснить отсутствие практических шагов к сближению с Советским Союзом.

Следовательно, несмотря на критику курса Н. Чемберлена, будучи премьер-министром, У. Черчилль логически продолжил его линию в отношении СССР. Советский Союз обоими лидерами рассматривался как военно-политический противовес германской агрессии.

Позняков В. В.
Институт всеобщей истории РАН

Советские разведывательные службы в Великобритании, 1930-е гг.

Особенности восприятия Британии и ее политики в отношении СССР советским политическим и военным руководством (1920-е гг.). Высказывания И. В. Сталина об «Англо-Америке» (дек. 1925). Мнение руководства РККА и руководителей военной разведки: «Наиболее враждебную политику по отношению к СССР проводит консервативное правительство Великобритании. Оно является главным инициатором антисоветских комбинаций. Противосоветские планы Англии сводятся: а) к созданию единого антисоветского блока из западноевропейских стран... б) образованию и укреплению военно-политического блока из всех западных, сопредельных СССР, государств (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии) и в. к вытеснению влияния СССР из стран Востока (Турция, Персия, Афганистан, Китай)». ...«В области создания антисоветского блока в Западной Европе Англия потратила немало усилий на вовлечение в него Франции, Германии и Италии. Последняя крупная попытка в этом направлении была сделана в 1927 г., когда правительство Великобритании провело ряд открытых агрессивных действий против СССР (налеты на советские представительства в Китае и Лондоне, разрыв дипломатических отношений с СССР) и когда оно выдвинуло вопрос об антисоветской фронте перед Лигой Наций». («Будущая война». Группировки государств капиталистического окружения ... // РГВА, Ф. 33988, Оп. 2, Д. 682, Л. 25, 26).

Советская разведка в Великобритании, 1920-1929 гг.: Разведывательное управление Штаба РККА (РУ), Иностранный отдел (ИНО) ОГПУ, Отдел международной связи (ОМС) Коминтерна (краткий обзор деятельности).

ИНО: легальные резидентуры (Н. К. Клишко и группа Уильяма Юэра/«Трильби» /«Б-1», 1920-1923; Н. Б. Раков/«Вальдемар», 1925-1927), Я. Г. Жилинский (активно занимался военным и политическим шпионажем), Якоб Кирхенштейн / «Джонни Уокер» (ОМС/ИНО).

Организации прикрытия: Vigilance Detective Agency (ИНО), Federated Press of America, созданное и финансировавшееся Коминтерном американское телеграфное агентство (подозревалось в участии «в широком спектре деятельности, включавшей дипломатический и военный шпионаж» [в пользу СССР] – РУ).

Советские разведки и компартия: по данным MI5 и Special Branch, значительная часть агентуры состояла из членов КПВ или «попутчиков» (майор Уилфред Ф. Вернон, Уилфред Фрэнсиз Р. Макартни / «Уилльям Ф. Хадсон», Мелита Норвууд / «Холла», Эндрю Ротштейн / «Андрей», – РУ; Перси Э.Глэйдинг / «Гот», Чарлз У. Мандэй – ИНО).

Кризис 1927 г.: обыск в помещения Аркос и Советской торговой миссии (май 1927), разрыв дипломатических отношений между Британией и СССР и последствия этих событий для советских специальных служб: нейтрализация нелегальных и ликвидация легальных структур советских разведок.

Новый этап в работе РУ и ИНО (1927-1928): акцент на создание нелегальных структур (М.И.Вайнштейн/«Гучков»/«Юлиус») и работу против Британии с территорий сопредельных стран – Германии, Нидерландов и Франции.

Оценка перспектив развития британской внешней политики и советско-британских отношений РУ и ИНО. Воссоздание легальных прикрытий советских спецслужб в связи с восстановлением дипломатических отношений между Великобританией и СССР. РУ: использование старых и новых легальных прикрытий. Основные направления работы на Британских островах в 1930-х гг.: политическая, военная и научно-техническая разведка. Новый источник информации – радиоперехват. ИНО: использование старых и новых легальных прикрытий.

Основные направления работы на Британских островах в 1930-х гг.: политическая разведка (нелегалы Б.К.Ильк / "Давид Фукс"/ "Беер", 1930-1931; Б.Я.Базаров / «Кин», «Норд», 1929-1934), В.Л.Спиру (Vasili L.Spiru / «Хофман», 1930-1931; военная и научно-техническая разведка [И.Я.Рейф / "Марр", 1934-1935); Вилли Брандес / «Уилльям Хоппмэн», 1936-1938; Перси Э.Глэйдинг / «Гот» – НТР, группа «Арсенал» в Вууличе («Аттила», «Бэр», «Наследник»)].

Легальные резиденты: А.С.Чапский / «Шустер», «Клим», Г.Б.Графпен / «Бланк»/ «Сэм» (1938), А.В.Горский (1936-1939) и их деятельность и роль.

Вербовка шифровальщиков Форин Оффис (Э.Х.Оулдэм / «Арно», Джон Х. Кинг / «Маг») и получение британских дипломатических шифров (Д. Быстролетов / «Андрей», «Ганс»; Х.К.Пик / «Купер»). Тайлер Кент и его работа в Лондоне (1939(?)-1940). «Великие нелегалы» – Александр Орлов / «Уильям Голдин» / «Швед», Стефан Дойч /, Теодор Малли / «Пол Хардт», Вальтер Кривицкий / и др. – и плоды их работы в Британии (1930-1936 гг.).

Вербовка перспективной агентуры в британском истэблишменте [«Кембриджская группа»: Ким Филби/«Зонхен», Энтони Блант/«Тони»), Гай Берджесс/«Медхен»), Дональд Маклейн/«Вайзе»), Джон Кэйрнкросс/«Лист»), Лео Лонг/«Ралф», Горонуи Рииз/«Гросс»/«Флит», «Або»; «Оксфордская группа» – «Скотт», «Бани» и др.].

Источники информации о Британии за пределами этой страны (СССР, Италия, Германия, Соединенные Штаты, Китай).

Оценка перспектив развития британской внешней политики и советско-британских отношений РУ и ИНО.

«Большой террор» и его последствия для деятельности советских разведок в Британии (1936-1939); приказ Л.П.Берия о ликвидации легальной резидентуры ИНО в Лондоне. Начало восстановления утраченных позиций ИНО.

РУ: легальная резидентура [В.К.Путна (ВАТ, июль 1934 - авг. 1936), С.Д.Кремер / «Барч», Н.В.Аптекарь/«Сергей», Г.И. Гервасий (помощник ВАТ по

авиации, дек. 1934 - сент. 1936), И. И. Черний / Черный (ВВАТ, позже помощник ВАТ и ВМАТ, 8 дек. 1936 - 8 апр. 1940 г)

Июль 1939 г. – визит советской военной делегации составе С.К.Тимошенко, И.В.Смородинова, М.А.Пуркаева, Б.М.Коробкова и И.Ф.Петрова, посланной решением Политбюро от 2 июля 1939 г. в Великобританию для наблюдения за маневрами британской армии.

Легальная НТР: Бариков, Д. Ф. Будняк (информация о проектировании и производстве танков).

Нелегальная разведка: Группа X/X Group, группа членов компартии Великобритании, собиравшая для резидентуры ГРУ в Лондоне политическую и военную информацию (председатель Редакционного совета газеты Daily Worker проф. Дж.Б.С.Холдэйн/«Интеллигенция»), журналист и писатель Айвор Монтэгью, «Резервист», «Техник» и неустановленная служащая «одного из правительственных ведомств».

Начало деятельности военно-морской разведки – 1-го Управления ВМФ [Е. А. Беренс, военно-морской агент (ВМАТ) в Лондоне (март 1924 - дек. 1926) и в Париже (янв. 1925 - дек. 1926); Л. В. Анципо-Чикунский, ВМАТ, февр. 1936 – 1937 гг. и др.]. Радиоразведка флотов (10-й радиоразведывательный отдел, береговые радиоразведывательные отряды (БРО-1 и 2) Балтийского и Северного флотов – отслеживание перемещений британских флотов, перехват и дешифровка радиопередач).

MI5, Special Branch, Scotland Yard, и советские разведывательные службы: результаты захвата документов советских разведывательных служб в Пекине, Лондоне; сведения В.Кривицкого («Список Кривицкого», 1939-1940), И.Володарского (1940) и др.

Заключение: итоги деятельности РУ и ИНО на Британских островах, 1930-е гг. Создание основы для продуктивной работы в годы Второй мировой войны.

Источники: документы Российского Государственного архива Военно-Морского флота (Санкт-Петербург), Российского Государственного военного архива, Российского Государственного архива социально-политической истории (Москва), Churchill Archive Center, Cambridge University (Cambridge), The National Archives (Public Record Office), Kew, Richmond, Surrey.

Репин Н. Н., Феоктистов С. А.
Рязанский государственный университет

Установление постоянных дипломатических отношений между Англией и Россией и их состояние в предполтавский период

Эта проблема затрагивается в той или иной мере исследователями истории внешней политики России и Англии, но не стала еще предметом специального изучения, хотя имеет несомненное научное значение. Две войны, возникшие в начале XVIII в., – Северная и за испанское наследство – привели к изменению расстановки сил в Европе, когда Россия, начав войну со Швецией, заявила о своем стремлении занять должное место в европейской системе. Однако правительства европейских государств в своем отношении к России в начале столетия исходили

из сложившегося стереотипа о ее слабости, вызванного разгромом русской армии под Нарвой в 1700 г. Вместе с тем, каждая из группировок европейских стран, занятых в войне за испанское наследство, в экстремальных ситуациях обращала внимание на восток.

После того как Россия овладела побережьем Финского залива в начале XVIII в., обеспечив выход к Балтийскому морю, главной ее внешнеполитической задачей становиться привлечение ведущих стран Европы к посредничеству в заключении мира со Швецией.

Инициативу в решении этого вопроса взяла на себя Франция, отправив своего посланника в Москву, который вел переговоры с главой Посольского приказа Ф. А. Головиным в марте 1703 г. Русско-французские переговоры не принесли успеха, но вызвали беспокойство британского правительства, следствием чего стала отправка в Россию чрезвычайного посланника Чарльза Уитворта. Инструкция ему была подписана 29 сентября 1704 г., а 28 февраля 1705 г. он прибыл в Москву. Эта дата и является началом установления постоянных дипломатических отношений между Англией и Россией.

Следует подчеркнуть, что британское правительство, пойдя на это, никаких политических задач, кроме общих пожеланий королевы о сохранении дружбы между двумя странами и сбора информации о России британскому посланнику не ставила. В переговорах с Головкиным Уитворт уходил от обсуждения вопроса о посредничестве в заключении мира между Швецией и Россией, избегая даже термина «посредничество». На прямой вопрос Головкина: «не имеет ли он каких-либо особых поручений именно о посредничестве в заключении мира России со Швецией» британский посланник вынужден был дать отрицательный ответ.

Петр I, не получая ответа ни от Уитворта, ни из Лондона, в конце июня 1706 г. поручил Головину «употребить новые усилия к вызову ее величества (королевы Великобритании. – Н. Н. Репин, С. А. Феоктистов) на посредничество», который к декабрю 1706 г. подготовил необходимые документы для отправки в столицу Англии чрезвычайного посланника Андрея Артамоновича Матвеева. К этому времени относиться прекращение безуспешных переговоров Матвеева в Париже, когда ему не удалось склонить Францию к посредничеству и решить другие вопросы. В этих условиях сближение с Великобританией приобретало особое значение.

Россия для решения вопроса о посредничестве была готова пойти на серьезные уступки Англии: войти в Великий союз и выделить для войны с Францией корпус численностью 12–15 тысяч солдат «на своем содержании», а после заключения мира со Швецией удвоить его; не заводить на Балтийском море крупного военно-морского флота, заключить договор с Великобританией о торговле «через пристанище на Балтийском море», то есть через Петербург, с обещанием предоставить английским купцам значительные льготы и т.п.

Однако Англия не собиралась идти на соглашение с Россией, что сказалось на отношении к русскому посланнику в Англии А.А. Матвееву в 1707–1708 гг.: доброжелательное отношение к нему по прибытии в Лондон сменилось сдержанностью, а затем враждебностью. Обсуждение вопросов об отношении к России затягивалось. Так, Матвеев подал свои предложения 21 мая 1707 г., а получил ответы на них лишь 23 ноября, но о главном для России вопросе – о посредничестве – речь не шла. Основной причиной краха переговоров являлась боязнь пра-

вящих кругов Англии вызвать гнев шведского короля, усилившегося после заключения мира Швеции с Саксонией в 1706 г., когда Карл XII стал «арбитром Европы». После того как в начале 1708 г. Великобритания признала польским королем Станислава Лещинского, пребывание Матвеева в Лондоне стало бессмысленным.

Инцидент с Матвеевым в Лондоне в июле 1708 г., вызванным его заключением в тюрьму, хорошо известный факт в исторической литературе, осложнил русско-английские отношения. Отметим лишь, что «дело Матвеева» тянулось полтора года, когда правительство России добилось от Великобритании определенных уступок: английская королева обратилась к царю с официальным извинением, называя его «цесарем», «императором», а британский парламент 21 апреля 1709 г. принял «Акт об охране привилегий послов и других официальных представителей иностранных монархов и государств», который послужил важным источником при выработке гарантий для дипломатов в странах их аккредитаций.

Однако эти меры не оказали серьезного влияния на англо-русские отношения, так как все предложения России были отклонены. И Россия использовала для достижения своих внешнеполитических целей в войне со Швецией всякие средства, а победа под Полтавой продемонстрировала ошибочность политического курса Великобритании в предполтавский период.

Следует, наконец, обратить внимание на экономическую сторону деятельности британского дипломата в России, которая – «достижение обоюдных промышленных и торговых выгод» – служила, как отмечалось в инструкции Уитворта, главным средством вступления двух стран «в более тесный союз». Уитворт стал главным действующим лицом в решении задач по организации торговли английских купцов в то время, когда последние перенесли свои коммерческие операции с Балтики в Архангельск, ставший главным внешнеторговым центром России в связях с Западом.

Уитворт уже в марте 1705 г. составил «Памятную записку», состоявшую из двух частей. Первая включала «главные предметы жалоб купцов», а вторая – затруднения, связанные с торговлей табаком британской Табачной компании в России. Однако обсуждение вопросов о лучшей организации торговли в Архангельске затянулось: до 1709 г. была разрешена лишь часть из них:о запрещении снимать пушки с английских кораблей, насильственное привлечение английских матросов на царскую службу и пр., а также аннулирован контракт с Табачной компанией. Конечно, военное время не позволяло Петру I и его министрам уделять должное внимание вопросам организации торговли, но можно предположить, что русское правительство, затягивая их обсуждение, в определенной мере компенсировало неудачу в разрешении важнейших для страны политических задач.

Репина Л. П.
Институт всеобщей истории РАН

Взгляд на британскую историю из модернизирующейся России (вторая половина XIX – начало XX в.)

Для российской историографии второй половины XIX – начала XX в. было характерно особое внимание к истории Запада, что стимулировалось поисками ключей к пониманию перспектив модернизации России, перехода страны от феодализма к капитализму по «западному пути». Свято веря в «уроки истории», российские ученые стремились выделить наиболее ценное в западном историческом опыте и «примерить» его к настоящему и будущему России. Видное место в этой обширной литературе занимают работы по истории Англии. В познавательном отношении материал английской истории давал специалисту несомненные преимущества, поскольку в Англии характерные для «западного пути» социально-политические процессы «совершались и раньше, и полнее» (Кареев Н. И.), чем в других странах Европы. Однако идейно-политические импульсы влияния, шедшие непосредственно из запросов и потребностей российской жизни, задавали направление научному поиску или же конкретизировали его географическом и в хронологическом плане, что неоднократно отмечалось самими представителями русской школы всеобщей истории. Так, П. Г. Виноградов определенно связывал свою научную работу по истории английского манора и сельской общины с теми политическими интересами, которые сформировались у интеллигентов его поколения, наблюдавших последствия крестьянской реформы 1861 г., а Д. М. Петрушевский объяснял свой выбор темы по истории Англии XIV в. тем, что эта страна переживала в то время исторический этап «острого социального кризиса», «решительный переход к новым формам хозяйственного и социального существования», «процесс разложения поместной организации и сословного строя». Здесь налицо вполне осознанное стремление осмыслить исторический опыт Англии с позиций актуальных задач отечественной действительности.

Однако нельзя недооценивать и обратное воздействие того исторического материала, на освоение которого направлена научно-познавательная активность. Интеллектуальная «встреча» с чужим прошлым, вызывающим столь яркие ассоциативные связи с переживаемым настоящим, не могла не оказать влияния на общественную позицию историка: в данном случае речь идет об ориентации на социальные преобразования в либеральном или либерально-демократическом духе. Профессиональные занятия историей Англии, первой осуществившей переход от традиционного общества к современному, предоставляли специалистам красноречивые свидетельства в пользу исторической обреченности феодального строя, остатки которого доживали в пореформенной России. Собственная исследовательская практика, будучи мотивирована определенными идейными предпосылками, тем не менее, обладала известной самостоятельностью и, способствуя более глубокому пониманию тенденций современного общественного развития, была способна – в той или иной мере – скорректировать сложившиеся стереотипы коллективной психологии, априорные суждения, личные предубеждения и политические оценки.

В трудах ученых русской школы всеобщей истории очевидно присутствовало позитивистское признание возможности целенаправленного воздействия на общественную жизнь, основанного на познанных закономерностях развития, но они всегда признавали российскую самобытность и даже подчеркивали ее непреходящее значение, совершенно недвусмысленно высказываясь о необходимости учитывать национальные традиции, подчеркивая уникальность культурно-исторического наследия, того, что мы бы сейчас назвали цивилизационными основами исторического процесса. Будучи профессионалами высокого класса, наделенными оригинальным историко-философским мышлением, историки-«западники» прекрасно понимали, что наличие апробированных моделей перехода от старого к новому порядку может лишь облегчить и ускорить его, прояснив грядущие перспективы и «подсказав» последовательность шагов, но сам механизм этого движения по проторенному другими пути «запускается» только в аналогичной исторической ситуации, определяемой условиями конкретного общества, его реальными потребностями.

Диалектическое единство логики развития самой исторической науки и влияния на нее социально-политической действительности ярче всего проявилось в складывании проблематики исследований. На первый план – в полном соответствии с пониманием неизбежности назревших изменений в обществе – естественно выходит тот круг проблем истории крестьянства и государственно-правового устройства, который непосредственно отражал опыт решения аграрного вопроса и введения конституционных гарантий.

В довольно узком пространстве пересечения контекстов российской культуры и европейской исторической мысли второй половины XIX – начала XX в. сформировались некоторые специфические особенности интерпретаций английской истории.

Это, *во-первых*, последовательное сочетание социально-экономического подхода с активным интересом к исследованию процесса формирования гражданского общества и правового государства, развития конституционной монархии и местного самоуправления, изучение проблем организации политической власти, всей системы политических институтов в связи с анализом общественной структуры и эволюции социальной жизни. Такой подход нашел свое отражение в концепциях М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова, Д. М. Петрушевского о «двух феодализмах» – социальном и политическом.

Во-вторых, чрезвычайно широкое понимание содержания аграрной истории, которое было присуще всем российским медиевистам. Аграрная история средневековой Англии представала в их работах как социальная история. Такое видение аграрной истории, которое органичным образом сочеталось с интересом к реальным судьбам простых людей, к истории крестьянства как подлинно народной истории, не имело аналогов в западноевропейской историографии того времени и сложилось в ней лишь гораздо позднее – в середине XX в.

Третий момент связан с особым интересом к социальной динамике, к изучению явлений и процессов в глубокой исторической перспективе, причем возможные «перегибы» этого подхода строго контролировались приверженностью принципам историзма.

Наконец, *четвертая* особенность отражала специфику сложившейся национальной историографической традиции, приверженной «сравнительно-

историческому взгляду на вещи» (В. О. Ключевский) и «всемирно-исторической точке зрения» (Н. И. Кареев). При этом, в конкретной исторической ситуации склонность к компаративистике приобрела отчетливо обозначенный прагматический характер: речь шла об использовании опыта сравнительной истории в выборе путей общественно-политического развития России.

В этой связи уместно обратить внимание на то, что широко обсуждаемая проблема соотношения истории и современности имеет «второе дно». Историческая наука меняет свои представления и оценки, обогащаясь знанием настоящего, но здесь имеет значение и фактор восприятия и оценки исторического опыта одной нации, страны, цивилизации общественным сознанием другой, когда национальная культурная специфика по-особому преломляет образы чужого прошлого. С другой стороны, столкновения с пережитками феодализма и абсолютизмом в реальной жизни не только формировали своеобразное видение многих исторических явлений, но и создавали особую ситуацию, которая побуждала к активному воздействию на современное общественное сознание. Социальная, воспитательная функция истории воспринималась как естественное продолжение ее познавательной функции. Будучи людьми огромного общественного темперамента, российские историки своей активной педагогической деятельностью и многочисленными блестящими работами публицистического и научно-просветительского характера внесли значительный вклад в воспитание той части российского общества, которая посещала публичные лекции и составляла читательскую аудиторию популярных периодических изданий. Распространение научных результатов исторического анализа «опыта народов» создавало новые условия для общественно-политической ориентации этой части образованных россиян на фоне традиционного массового сознания – с его общинной доминантой и правовым нигилизмом.

Сараева Е. Л.
Ярославский государственный педагогический университет

Восприятие Англии русскими западниками 1840-х гг.

Ученые связывают восприятие иной культуры с ценностной ориентацией, интересами человека или социокультурной группы. Гуманистическая система ценностей русских западников 1840-х гг. определила их заинтересованность в аккумуляции общечеловеческого опыта и формировании позитивного отношения к взаимодействию наций. Западники стремились доказать ложность стереотипа самодостаточности национальной культуры. Развивая идею многовариантности развития народов, они не относили себя к европоцентристам, но полагали, что Европа смогла выработать общечеловеческие ценности и идеи. Они не утверждали, что неевропейские народы должны повторить европейский путь, а Европа имеет право диктовать незападному миру свои условия движения.

Западники были уверены в существовании единой европейской цивилизации, одновременно подчеркивая особенности исторического развития, культуры и характера каждого народа. Взаимное восприятие народами достижений друг друга ускоряет развитие, обогащает жизнь людей, делает ее многосторонней, расширяет возможности для самореализации. Развитие науки и просвещения в европейских странах, не знавших культурных границ, обеспечило формирование единого

культурного мира. Создание региональной европейской цивилизации не исключало складывание отдельных национальных цивилизаций. «Русские европейцы», как называли себя западники, основной чертой европейской цивилизации считали постоянное развитие.

Западники акцентировали внимание на *общечеловеческих элементах европейской цивилизации*, могущими быть воспринятыми незападными народами. Это объяснялось их желанием обратить внимание русского общества на гуманистическую систему идей, развиваемых на Западе. Невольная идеализация «русскими европейцами» Запада обусловливалась оценкой ее культурного потенциала. П. В. Анненков видел причину «добросовестного заблуждения» В. Г. Белинского, высоко оценивавшего достижения Запада, в стремлении защитить «добро, собранное старой и новой европейской цивилизацией». Развитие человеческих компонентов этой цивилизации русские мыслители связывали с созданием христианской культуры, развивавшей чувство достоинства человеческой личности. Будучи представителями православной культуры, русские деятели 1840-х гг. уделяли преимущественное внимание развитию духовного мира человека, не отрицая значения комфортных условий жизни. По мнению западников, основным достижением европейской цивилизации стало определение универсальных основ жизни: свобода и уважение прав человека, равные права граждан перед законом, сознательно-разумные благородные семейные и общественные отношения. Западники не считали, что этот высокий идеал социально-нравственного развития уже достигнут в европейских странах.

Родиной либерализма западники считали Англию, где массы со времени революции XVII в. воспитывались на великих идеях прав народа и достоинства человека. Русских мыслителей удивляло развитое правосознание англичан, уважение к закону, свобода слова. Гуманные идеи французских просветителей они справедливо рассматривали как развитие идей, впервые получивших общественное признание в Англии. Западники верили, что в ментальности англичан укоренились представления о «святости законов, незыблемости прав, неподкупности правосудия». Распространение либеральных идей в Европе в XVIII в. А. И. Герцен охарактеризовал как «дуновение Англии», страшное для монархических режимов и феодализма. Утверждение идеи правопорядка, признание достоинства личности, по мнению западников, разрушало средневековый мир и строило новое общественное здание.

А. И. Герцен отметил, что в сознании образованных русских людей и многих европейцев существовал идеализированный образ Англии как наиболее цивилизованной страны. Интересно его мнение о приверженности англичан к традициям: историю Англии в XVIII – первой половине XIX в. не потрясали революции, военные действия, перевороты. Английское общество выработало стиль поведения, образы жизни, стереотипы, а уважительное отношение англичан к своей культуре придало им характер неоспариваемых норм.

Сторонники взаимодействия народов, западники считали необходимым познакомить русское общество с политической и правовой культурой англичан.

Лидирующую роль Европы в развитии человечества западники объясняли постоянным движением этой цивилизации, не знавшей длительных периодов застоя, омертвления форм политической и материальной жизни. Саморазвитие -

важнейшее условие прогресса - обеспечило быструю социальную и культурную динамику европейских обществ.

Полагаем, что нельзя интерпретировать западническую оценку европейской цивилизации как исключительно апологетическую. Если политическую и общественную жизнь в европейских странах западники с конца 1840-х гг. оценивали как мир, основанный на противоречиях, то систему ценностей и идей, выработанных европейскими мыслителями, они характеризовали как общечеловеческую.

Новое время в истории Европы, по мысли западников, – период утверждения свободы личности. Безусловно, представляет интерес теоретико-историческое решение западниками бинарной оппозиции «европейское» - «общечеловеческое»: западная цивилизация утвердила высшими ценностями личность и правопорядок, поэтому она представляет фундаментальные основы общечеловеческого развития, но не все европейское имеет общечеловеческое содержание. Русские мыслители выражали убежденность в необходимости восприятии общечеловеческих идей, выработанных на Западе.

Сергеев С. М.
Российская государственная библиотека

Английская тема в творчестве А. С. Хомякова

Алексей Степанович Хомяков (1804-1860) – русский поэт, философ, богослов, идейный лидер раннего славянофильства, при всей своей, порой нарочитой, «русскости», прекрасно знал и высоко ценил достижения европейской цивилизации. Особое внимание из всех европейских стран он уделял Англии, в которой лично побывал в 1847 г. Поездка, несмотря на краткость (один месяц) произвела на него неизгладимое впечатление: «...Я взошел на английский берег с веселым изумлением, я оставил его с грустною любовью...». Как ни парадоксально это звучит, но пламенное славянофильство мыслителя органично соединялось в нем со своеобразным «англоманством» (он даже доказывал, что слово «англичанин» происходит от слова «угличанин», т.е. у англичан – русские корни).

«Английская тема» отразилась в творчестве Хомякова весьма многогранно. В поэзии – известное стихотворение «Остров» («Остров пышный, остров чудный...»). В прозе – вольный перевод повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе» под названием «Светлое Воскресенье» (действие перенесено в Россию и происходит не в Рождество, а на Пасху). В публицистике – специальные очерк «Англия» и «Заметка об Англии и английском воспитании», основанные на опыте пребывания на британской земле, а также пространные «английские» отступления в статьях «Об общественном воспитании в России», «По поводу Гумбольдта», «Аристотель и всемирная выставка» и др. В богословии – переписка с англиканским богословом Уильямом Пальмером – деятелем экуменического «оксфордского» движения. Наконец, именно в Англии Хомяков получил патент на изобретенную им оригинальную паровую машину, некоторые детали которой ему помогали изготовить англичане; в 1851 г. в Лондоне Алексей Степанович издал на английском языке брошюру, заглавие которой в переводе звучит так:

«Описание «Московки», новой вращательной паровой машины, изобретенной и запатентованной Алексеем Хомяковым из Москвы».

Но Англия оставила не только количественный, но и качественный след в наследии лидера славянофильства. Она стала для него важной идеологической метафорой, неким историческим олицетворением традиционализма как такового, и, в этом смысле, образцом для подражания, обращенном к России. Именно последовательный традиционализм англичан и делает Великобританию «первою во всех отношениях их держав Запада», предопределяет ее «блестящие материальные успехи». Хомяков выделяет и подробно анализирует два главных начала английской жизни – «торизм» и «вигизм», далеко не совпадающих с соответствующими парламентскими партиями, а скорее поднимающихся до уровня философских категорий. «Торизм» - это историческая жизнь народа в ее непрерывном течении. «Вигизм» - человеческая личность с ее логическими понятиями в области знания, с ее личностным эгоизмом в области нравственной деятельности. Хомяков, естественно, предпочитает «торизм», но признает, что правильный ход исторического развития требует разумного взаимодействия этих двух сил. Так вот, в Англии, по мнению мыслителя, найдено счастливое равновесие между «торизмом» и «вигизмом», ибо при всех британских новациях, «всякий англичанин – тори в душе». Любопытно, что эту противоположность Алексей Степанович проецировал и на русскую жизнь, видя, скажем, в реформах Петра Великого проявление русского «вигизма», а в народной, православно-русской стихии – воплощение русского «торизма».

Крайне высоко оценивая английский образ жизни, Хомяков надеялся на то, что, если Россия проникнется последовательным традиционализмом в британском духе, она сможет далеко превзойти «остров чудный», ибо обладает таким духовным сокровищем, которое в Англии отсутствует – православием (Алексей Степанович безрезультатно пытался обратить Пальмера в православие). Итоговая формула главного идеолога славянофильства: «Англия – наилучшая страна из существующих, Россия – наилучшая страна из возможных».

Солодянкина О. Ю.
Череповецкий государственный университет

Британские гувернеры и гувернантки в семьях русского дворянства (конец XVIII – первая половина XIX в.)

Домашнее воспитание в среде дворянства являлось вполне осознаваемым современниками, существующим феноменом. Ключевыми фигурами были здесь гувернеры, гувернантки и бонны, представленные зачастую иностранцами. Среди численно преобладающих французов, швейцарцев и немцев определенное место занимали воспитатели-британцы. В большинстве семейств под название «Англичане» подпадали и шотландцы, и ирландцы. Даже француженка - эмигрантка, прожившая лет 10 в Великобритании, становилась в России Англичанкой. Для нянь и гувернанток-англичанок использовались названия «Mistress» (для замужних), «Miss» (для незамужних), последнее могло преобразовываться в ласково-уменьшительное «Мисинька» или «Миссинька». Более резкий вариант «Мисса»

также встречался. Применительно к мужчинам популярными были наименования «ментор» и «тутор».

Статистические сведения Министерства народного просвещения относятся к периоду после 1828 г., подтверждают наличие определенного числа британских воспитателей. Эти материалы позволяют представить возраст, конфессиональную принадлежность тех британцев, что приезжали в Россию, чтобы устроиться там домашними учителями. Сохранились и протоколы испытаний – т.е. экзаменов, которые сдавали иностранцы, желающие получить свидетельство на право обучения юношества в частных домах. Тексты сочинений, написанных при этом потенциальными гувернерами и гувернантками, дают возможность оценить их уровень грамотности, слог, стиль, способ рассуждений на заданные темы.

О более раннем времени можно судить по свидетельствам иностранных путешественников и письмам, дневникам, мемуарам авторов русского происхождения. В частности, о сомнительном происхождении гувернанток писал в 1820-е гг. Джонс. Сестры М. и К. Вильмот, гостившие у княгини Дашковой, приводят несколько историй разного плана, связанных с британскими наставниками. Колоритные описания английских гувернанток и гувернеров содержатся в мемуарах А.П. Бологовской, М.Д. Бутурлина, Н.П. Грот, В. П. Желиховской, С.Д. Шереметева и других. Во многих аристократических семьях предпочтение отдавалось именно британским наставникам, и оплачивались они выше остальных иностранных воспитателей. Мечтали найти английскую гувернантку для своих детей литераторы А. П. Зонтаг, Е. А. Баратынский, Е. А. Ган, А. С. Пушкин. В целом ряде семей русской знати можно проследить использование британцев как наставников из поколения в поколение. Отмечаются случаи, когда воспитанием по наследству занимались британки - мать и дочь – в двух поколениях русской семьи соответственно.

Особенно распространенным был вариант использования британок как нянь. Эта традиция укрепилась и в императорской семье, начиная с великого князя Александра Павловича. Далее британские нянюшки были практически у всех представителей рода Романовых, а британские гувернантки традиционно воспитывали великих княжон – дочерей императоров. Колоссальное влияние на Николая Павловича оказала его шотландская няня Дж. Лайон, привившая ему кроме однозначно положительных качеств стойкую нелюбовь к полякам.

Это предпочтение британских нянь было связано с особым вниманием их к физическому состоянию детей – температурному режиму помещений, физическим упражнениям, прогулкам на свежем воздухе, строгому соблюдению режима дня.

Сильной стороной британцев была и репутация серьезных, нравственных людей. Особенно на фоне легкомысленных француженок англичанки смотрелись как ходячее воплощение правил приличия, но и здесь были свои пикантные истории. Несколько лет работала гувернанткой в семьях русской знати Клер Клермонт – падчерица У. Годвина, сводная сестра Мери Шелли, любовница Байрона, мать его дочери Аллегры. Она тщательно скрывала свое прошлое и от русских, и от соотечественников – иначе ее репутация гувернантки с твердыми моральными принципами была бы безвозвратно подорвана. Сохранившийся комплекс документов К. Клермонт – ее дневники и письма московского периода – позволяет реконструировать повседневные практики иностранной воспитательницы в семь-

ях русских дворян. Широко эрудированная девушка, свысока относящаяся к русским «варварам», Клермонт оставила массу наблюдений о поведении, разговорах, стиле мысли ее русских работодателей и их знакомых.

Способы попадания британцев в Россию были разными: самостоятельная поездка, рекомендация священника, помощь родственников и знакомых. В 1830-е гг. в Москве «перевалочным пунктом» для английских гувернанток была фирма «Scott & Wilkins», мать директора которой, Александра Яковлевича (Джемсовича) Шкотта, женатого на русской, оказывала содействие англичанкам, прибывшим в Россию. В Петербурге как пункт сбора соотечественников славился пансион сестер Бенсон на Английской набережной.

Британцы могли быть представителями второго-третьего поколений, живших в России. В таком случае большие сомнения вызывал английский язык «московских» англичан: он мог существенно отличаться от оригинального, особенно в произношении. Комически-трагическая история приключалась с Е. П. Ростопчиной и гувернанткой ее кузин мисс Горсистер при встрече с природными англичанами в московском магазине: те не понимали экзотического английского ни Ростопчиной, ни английской гувернантки.

Обязанностью британских наставников было обучение английскому языку, английской словесности. Как правило, воспитанники англичан предпочитали английскую литературу всем остальным. Еще одним результатом было приобщение к английской системе питания.

Часто британцы оставались доживать свой век в России, в семьях бывших воспитанников. В целом привлекательность России для британцев как места приложения педагогических сил связана с тем, что в России спрос превышал предложение, и жалованье (особенно британцам) было весьма высоко. В самой Великобритании количество потенциальных гувернанток было избыточно, и приходилось искать место за рубежом. Поездка в Россию воспринималась как добровольная ссылка или даже самоубийство: ведь всю Россию считали сплошной Сибирью. Но на фоне невежественных русских, какими считали нас британцы, гувернеры и гувернантки из Англии могли считать себя выше своих хозяев, хотя формально подчинялись им. Статус иностранного наставника в России был выше, чем в любой другой стране, что также направляло поток иностранных воспитателей именно в нашу страну. Однако после 1834 г. правительство проводило курс на сворачивание домашнего воспитания и уменьшение количества иностранцев, занятых в деле образования. Британские воспитатели сталкивались с серьезными трудностями при получении надлежащих документов, о чем свидетельствуют материалы архивов и ежегодных отчетов по Министерству народного просвещения.

В целом британские наставники заняли устойчивую нишу в воспитательной системе русской знати, а в вышедшем в 1870 г. «Руководстве для гувернеров и гувернанток» констатировалось бесспорное первенство англичан среди всех прочих наставников.

Якубовская И. В.
Новгородский государственный университет

Опыт социально-политического развития Британии в научной и общественной деятельности российских ученых 1860-1880-х гг.

Освоение инокультурного опыта представляет собой взаимосвязанный процесс его восприятия, осмысления, последующей адаптации, распространения и реализации на национальной почве в отвечающих потребностям социума формах. Отличия русского и западноевропейского восприятия социально-политических реалий сформулировал еще в 1840-х гг. К.Д. Кавелин. В европейском историческом развитии Кавелин подчеркивал индивидуальное начало, в российской истории - совершенное отчуждения личного начала, которое мало помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Кавелин полагал, что наступит время, когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выровняются.

К проблеме западных влияний обращались историки консервативного, славянофильского, западнического направлений; сторонники теории «борьбы земщины и государства» и государственной школы. Но вопрос о влиянии научных исследований истории Англии на формирование русского варианта либерализма связан во второй половине XIX в., прежде всего, с исследованиями и педагогической деятельностью Т.Н. Грановского, П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского, И.И. Янжула и др.

В 1848 г. появилась статья Т.Н. Грановского «Реформы в Англии». В этой статье он остановился прежде всего на факторе личности в истории, поскольку только личность способна осуществить потребности своей эпохи, или, в иной терминологии, реализоваться в социальном времени своего народа. Грановский полагал, что в России 1850-х гг. настал переломный период истории, что усиливало значение «меньшинства» образованных людей станы. Сторонник монархии, он обращался также и к истории английского абсолютизма. Безусловный интерес представляют суждения Грановского о природных источниках этнической ментальности: англичане, например, народ, связанный постоянно с морем. Поэтому Грановский был убежден, что историческое развитие определяется не только творчеством духа человеческого, но и природными условиями, в которых развиваются народы.

Другим крупным ученым, способствовавшим росту интереса к английской истории образованной части российского общества, был П.Г. Виноградов. Он стал не только известным специалистом в России, но связующим звеном английской и российской культур конца XIX – начала XX вв., став доктором Даремского, Кембриджского и Ливерпульского университетов в Англии, почетным членом как Британской, так и Российской академий. Виноградов стал одним из первых русских лекторов в Оксфорде, Больше всего внимания уделил в своих лекциях славянофильству, которое интересовало англичан как особое «русское» направление общественной мысли. После переезда историка в Англию одной из важных тем его исследований стала реформаторская политика Александра II. В работах, по-

священных истории XIX в., Виноградов показывал европейские корни русского либерализма и неизбежность реформ 1860-х гг.

Т.Н. Грановский, П.Г. Виноградов, позднее - Н. И. Кареев были не просто выдающимися исследователями, но и столь же выдающимися педагогами. Большое внимание истории Англии и либеральному реформаторству XIX в. уделяли в своей научной и общественной деятельности также социолог М.М. Ковалевский и юрист И.И. Янжул. Либеральные убеждения, активная гражданская позиция, убежденность в общности исторических судеб России и Европы, но и признание несомненного своеобразия путей формирования российской либеральной политической системы, оказывали глубокое влияние на студенческую молодежь, будущих школьных педагогов, на все молодое поколение России, и на всю образованную часть Русского общества того времени.

Максим Максимович Ковалевский, социолог и общественный деятель, указывал, что в Англии уже в XVII в., благодаря трудам философов, в том числе Локка, появилось понятие общественного договора, и спор консерваторов и либералов свелся к установлению тех пределов, далее которых не допустимо вмешательство в вопросы, связанные с внутренней и внешней свободы личности. Знакомя русскую публику с государственным устройством Англии, М. М. Ковалевский выделил ту мысль, что в Англии парламент оставляет за правительством достаточно власти, чтобы установить и сохранить умеренный образа правления. И главную опасность свободе в Англии представляет не вырождение монархии, а власть денег. На примере Англии Ковалевский рассматривал присущий англичанам дух «независимости и самоопределения», религиозную терпимость.

Известный экономист и публицист конца XIX – начала XX в., профессор финансового права Московского университета И.И. Янжул впервые познакомил российскую читающую публику со многими новейшими явлениями английской общественной жизни. Публицистические и научные работы Ивана Ивановича Янжула - одного из наиболее авторитетных правоведов последней трети XIX в., посвященные социально-политическим проблемам России и Британии, делали британский социальный опыт достоянием российской интеллектуальной жизни, способствуя более полному и глубокому восприятию западной социально-экономической и правовой мысли. И.И. Янжул обращался, прежде всего, к изучению опыта социально-экономического законодательства Англии, а также финансовым вопросам и формам реализации социальных проектов британской общественностью.

Использовался в России также опыт финансового и социального законодательства Англии, блестящим знатоком которого был И. И. Янжул. Участвуя в работе Московской комиссии для осмотра фабрик и заводов, он способствовал публикации в русском переводе английского законодательства по рабочему вопросу. Так в специальных примечаниях к статьям «Акта о фабриках и мастерских 1878 г.» разъяснялись для русского читателя специфическая терминология и общественно-политическая ситуация, в которой принимался закон, условия его применения государственным секретарем еще до вступления в силу. Янжул стремился донести до россисйеого общества специфические проблемы охраны труда, особенности занятости в промышленности подростков (детей) и женщин в Англии.

Использование иностранного опыта не противоречит национальному, отечественному. Роль интеллектуальной элиты и заключается в интерпретации этого опыта, его использовании с учетом национальной специфики. Тем более значительна роль научно-просветительской деятельности и осознание своей гражданской ответственности интеллектуальной элитой страны в условиях индустриализирующейся России конца XIX в.

Айзенштат М. П.
Институт всеобщей истории РАН

Власть и общество Британии второй половины XVIII – начала XIX в.

В докладе анализируются те подвижки, которые происходили во взаимоотношении властных институтов и общества в контексте эволюции социальной и политических сфер Британии второй половины XVIII – начала XIX в.

Под властными институтами подразумеваются высшие органы исполнительной и законодательной власти: парламент, кабинет министров, монарх.

Властные институты в середине века в значительной мере носили черты «старого порядка». Социальный статус, экономическое положение, подкрепленные системой представительства, позволяли аристократии сохранять прочные позиции в парламенте и в кабинете министров.

Вместе с тем обозначились некоторые перемены, имевшие решающее значение для дальнейшего политического развития. Реальные полномочия монарха продолжали сокращаться с вступлением на престол Ганноверской династии. Регулярные длительные поездки (зачастую длившиеся более полугода) Георга II способствовали дальнейшему укреплению положения кабинета министров в сложившейся системе исполнительной власти. Относительная скромность двора, отлучки Георга II, а затем болезнь Георга III привели к концу века к перемещению центра политической жизни в парламент. Все это в совокупности вело к дальнейшему усилению аристократии.

Разгром якобитского восстания в 1745 г. и смерть принца Уэльского Фридриха в 1751 г. нивелировали группировку тори. Политическую борьбу с 1750-1760 гг. характеризовала скорее борьба кланов вигов за власть, должности, титулы.

Изменения коснулись и социальной сферы. К наиболее важным следует отнести возраставшие темпы урбанизации, рост городов и городского населения, а также увеличение представителей так называемого среднего класса, как различного рода предпринимателей, так и людей интеллигентных профессий. Их начинали волновать отсутствие политических, а порой и гражданских прав, экономическая политика правительства. Основная масса населения все в большей мере ощущала социальные и экономические последствия глубоких преобразований, происходивших в экономике. Такая ситуация способствовала постепенному возрастанию социальной напряженности. Помимо обычных форм ее выражения (волнения и поджоги в деревнях; спонтанные взрывы протеста, погромы, разрушение машин в городах) рассматриваемый период отмечен проявлением недовольства, вызванного нарушением законности властью. Движение фермеров на Юге Англии в связи с введением налога на сидр, движение в поддержку

Дж. Уилкса, выступления в период противостояния парламента и лондонского Сити, демонстративная поддержка незаконно арестованного Ф. Бердета и др. Они стали показателем социальной активности и формирования правового самосознания.

Не менее значимым в социальной сфере становилось разнообразие форм и проявлений общественной жизни. Клубы, кофейни, пабы, различного рода общественные объединения. Наметилось усиление роли прессы, как средства отражения и инструмента формирования общественного мнения.

За исключением межличностных отношений с представителями власти, традиционными каналами связи общества и институтов власти являлись выборы и петиции.

Несмотря на все негативные проявления, при проведении выборов обозначились новые черты - случаи выдвижения двух кандидатов на одно место. Единичные эпизоды отказа в доверии тем членам парламента избирателями округа, которые были недовольны их позицией в палате общин (поражения Ч. Д. Фокса, Э. Берка и др.).

На протяжении столетий петиции были важным средством выражения недовольства, жалобы. В петициях второй половины XVIII – начала XIX в. также появляется новая интонация. В традиционной форме обращения к власти все чаще начинают звучать не столько просьбы, сколько требования. Это – требование изменения экономической политики, проведения политических преобразований, запрета работорговли, отмены монопольных торговых прав Ост-Индской компании и др. Нельзя не отметить наметившийся рост числа такого рода петиций и увеличение количества подписей под ними.

Отмеченные новые тенденции развития политической и социальной сфер были растянуты по времени. Тем не менее, современники ощущали перемены. И дальнейшее их углубление связано, прежде всего, с деятельностью оппозиционных парламентских группировок, использовавших такого рода новые тенденции.

Так, в прессу были переданы сведения об обсуждении в палате общин вопроса о Фолклендских островах. Публикация спровоцировала конфликт, приведший к противостоянию парламента и столичных властей. В конечном итоге журналисты получили возможность присутствовать на заседаниях палаты общин и освещать дебаты в лондонских газетах. Информация перепечатывалась провинциальными изданиями. Таким образом, читающая публика получила возможность быть в курсе государственных дел.

В конце 1779 – начале 1780 г. оппозиция приняла деятельное участие в инициировании проведения митингов в графствах для критики экономической политики правительства в надежде добиться отставки кабинета. Однако участники митингов быстро вышли за рамки чисто экономических вопросов и в петициях высказали требование проведения парламентской реформы.

Сторонники политических перемен учреждали политические общества, либо вступали в созданные ранее организации. Это были объединения парламентариев, предпринимателей, журналистов, которые сыграли свою роль в пропаганде правовых и либеральных политических идей. Такой пропаганде способствовал и затеянный оппозицией процесс по «делу» У. Гастингса.

Новой тенденцией стало также публичное обсуждение государственных и политических дел и публичность критики действий кабинета и монарха. За пуб-

ликациями прессы следовали репрессивные меры парламента и правительства, которых зачастую настоятельно требовал Георг III. Вмешательство общества в государственные дела вызывали негативную реакцию в кабинете и значительной части парламента.

К концу века позиция монарха в вопросе о свободе прессы претерпела некоторые изменения, когда недовольство принцами, его сыновьями, и особенно поведением наследника престола выплеснулось на страницы газет, проявлялось в общественных акциях.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XIX в. во взаимоотношениях власти и общества обозначилось своего рода «встречное» движение в результате формирования новых каналов социальной и политической связи между ними. Если в обществе происходило становление новых форм обсуждения и формулировки основных требований по изменению внутренней политики, то представители законодательной и исполнительной власти начинают активнее использовать институты самоорганизации, митинги, прессу для более широкой пропаганды собственной политики, идей и программ, либо достижения групповых целей. Означенные подспудные изменения во многом определили вектор политического развития Британии в XIX в.

Алексеева М. Н.
Смоленский государственный университет

Англо-голландские отношения в годы войны за Австрийское наследство(1740-1748 гг.)

Сохранение status quo в Европе являлось традиционным направлением английской внешней политики. В 1720-х и 1730-х гг. Великобритания добивалась этого совместно с Францией в противовес Испании, желавшей отменить некоторые статьи Утрехтского соглашения, и Австрии, пытавшейся создать торговую империю в Нидерландах. Желание Лондона оставаться дружественным Версалю в итоге завершилось нейтралитетом 1733 г. Сэр Роберт Уолпол, ставший первым лордом казначейства в 1721 г., не мог сравниться с французским кардиналом Флери как дипломатический стратег, поэтому в 1730-е гг. Париж находился в более выгодном положении. Другой целью британской политики была торговая экспансия. Поскольку англичане связывали процветание страны с коммерческими успехами, кабинет министров был вынужден считаться с их мнением при разработке внешней политики. В дипломатических расчетах также важной величиной был союз с Голландией, образовавшийся во время войн против Людовика XIV. Сходство в политическом устройстве и торговых интересах сближали оба государства в глазах европейцев, объединивших их понятием Морские державы. Союз с Голландией расценивался Великобританией как краеугольный камень «старой системы». Австрия же была желательной, но менее обязательной союзницей. Но ни один политический деятель в Великобритании не мог хладнокровно рассматривать даже малейшую возможность разрыва союза между двумя Морскими державами, поскольку тогда Англия будет изолирована от Европы, и баланс на континенте нарушится. Общим интересом, создавшим и поддерживающим союз двух держав, которые в предыдущем столетии вели три войны друг против друга, было

стремление не допустить установление контроля или управления Францией Южными Нидерландами. Однако у голландцев было много причин не любить англичан и не доверять им. Эти государства еще конкурировали в торговле и колониях. Наверное, не представляло труда убедить торговцев Амстердама, что достигнутое в последние годы Англией преимущество было за их счет. Существует мнение, что если бы Франция смогла дать гарантию ненападения на Нидерланды, стало бы нетрудно отделить голландцев от их союзника-покровителя, и сделать термин «Морские державы» анахронизмом.

Отношения между союзническими государствами в восемнадцатом столетии не базировались на альтруизме, и партнеры всегда раздражали друг друга во время войны. Первоначально причина для вмешательства в войну за австрийское наследство была одинаковой и у англичан, и у голландцев, то есть выполнение их обязательств по Прагматической Санкции. Когда Фридрих II вторгся в Силезию, голландцы, как и англичане, стремились защитить Австрию, потому что Пруссия была неудобным и даже опасным соседом Республики. Но когда Франция, Испания, и Бавария стали участниками военных действий во владениях Марии Терезии, Генеральные Штаты, сознавая, что голландские финансовые возможности были недостаточны для крупномасштабной войны, стремились заключить сделку с Францией. Голландцы, как и датчане, были раздосадованы действиями Ганновера, заключившего отдельное соглашение с Францией о нейтралитете. В Гааге и в Копенгагене господствовало убеждение, что в таком случае другие державы тоже имеют право обеспечивать собственную безопасность. Поэтому, как нам кажется, когда Картерет сменил сэра Роберта Уолпола, и Англия стала предпринимать более активные действия, возникли бесконечные споры о доле военного и финансового участия. Вероятно, в годы войны за испанское наследство подобных споров удалось избежать, потому что оба государства участвовали в ней totis viribus (всеми силами).

Республика была федерацией областей, и каждая область была федерацией городов. И каждое решение, почти со 100 % вероятностью, базировалось на местных, а не на общегосударственных интересах. На одной стороне были сторонники Оранского дома и очень близкого союза с Англией, возглавляемые братьями Уильямом и Чарльзом Бентинками. Они оба выступали за открытую войну с Францией, потому что, на их взгляд, это была лучшая возможность для Вильгельма IV Оранского, главы младшей ветви дома Нассау, занять должность статхаудера. На другой стороне были «Республиканские фанатики», «Амстердаммерсы», «Матадоры Голландии», которые терпеть не могли союз с Англией и выступали за соглашение с Францией. Между этими двумя крайностями находилась Умеренная Республиканская партия, лидер которой, Ван дер Хейм, был главным должностным лицом Республики, то есть пенсионарием. Его сторонники стремились поддержать союз с Великобританией, чтобы предотвратить возможное получение власти Вильгельмом Оранским. Но они также хотели побыстрей завершить конфликт, поэтому не объявляли войну против Франции и представляли на обсуждение схемы общего умиротворения. Английская дипломатия старалась избегать открытой демонстрации желания продолжать военные действия, чтобы не подтолкнуть голландцев к заключению отдельного соглашения с французами.

Голландцы были самым слабым звеном в коалиции, поскольку они не видели прямой выгоды от участия в военных действиях. Они не хотели воевать ради

расширения английского коммерческого и колониального влияния. Все, что было необходимо голландцам, - это безопасность их границ и продолжение протестантского престолонаследования в Великобритании. После объявления войны Францией Англии и Австрии, а также в связи с падением ряда крепостей в Южных Нидерландах, Голландия начала переговоры с Версалем. Гаага была готова подписать мир на любых предложенных ей условиях. Такое изменение союзнических позиций привело к смене английского внешнеполитического курса и отказу от политики защиты своих интересов голландцами.

Открывшаяся в Бреде конференция, казалось, была призвана согласовать условия мирного соглашения, но главной задачей английской дипломатии стало противодействие сепаратистским тенденциям Республики. Для этого переговорный процесс умело растягивался английским посланником графом Сэндвичем. Во время проведения конференции в Бреде английское правительство потрясли два кризиса, прямо связанных с его дипломатической деятельностью. Первый кризис в феврале 1746 г. был вызван желанием «партии мира» в кабинете поддержать мирные инициативы голландцев и согласиться на унизительные условия, предложенные Францией. Причиной второго кризиса стала излишняя поспешность секретаря Северного отдела Харрингтона. Его откровенная беседа с голландским послом в Лондоне не только лишила Сэндвича в Бреде возможности завершить задуманное, но и стала причиной министерской замены Харрингтона на Честерфилда.

Неудачное течение дел на конференции в Бреде для представителей умеренной республиканской партии Голландии и вторжение французской армии под командованием Морица Саксонского во Фландрию привели к перевороту в Республике и приходу к власти воинственно настроенного Вильгельма IV Оранского, который возражал против исключения голландцев из обсуждения мирных условий, а также заверял Англию в своих намерениях, касающихся будущей военной кампании, и требовал привлечения русских войск.

Однако в начале 1748 г. Лондон был потрясен, когда открылось реальное финансовое и военное положение дел в Голландии. Реальное значение открывшегося заключалось в том, что оно вынуждало Ньюкасла и его коллег изменить взгляды относительно возможных условий мира. Английский и голландский уполномоченные на мирном конгрессе, проходившем в Аахене, работали совместно. Но на завершающих стадиях переговоров между Республикой и Австрией возникли серьезные разногласия по вопросу возобновления договора о «голландском барьере», подписанного в 1716 г. Великобритания повела себя не как союзник, а как посредник. Голландия, осознав собственную военную слабость и не получив адекватную поддержку со стороны Англии, убедилась в необходимости в будущем придерживаться нейтралитета.

В итоге у Лондона появились основания беспокоиться о своем будущем в Европе, учитывая военные успехи Франции и ненадежность союзников. Военные потери в 1744-1748 гг. способствовали нейтралитету Голландии в новых войнах, в то время как отношения Англии с Австрией становились все более и более напряженными. Таким образом, в Европе ощущалась потребность в поисках альтернативы традиционным связям. В дипломатической сфере война за австрийское наследство нанесла смертельный удар «старой системе».

Артеменков М. Н.
Смоленский государственный университет

Внешняя политика Елизаветы I в 1590-е гг.: формирование союза Англии, Франции и Соединенных провинций

В начале 1590-х гг. английская дипломатия продолжала придерживаться курса, сложившегося в предыдущий период. Основным противником Елизаветы оставалась Испания, однако в течение 1590-1598 гг. главное место во внешней политике Англии заняло французское направление. В Англии продолжали с опаской смотреть за развитием событий во Франции, где испанцы обосновались в Бретани и готовили новое вторжение в Пикардию. Однако главной опасностью оставалась возможность воцарения во Франции Филиппа II или его дочери.

Определенную опасность для себя Елизавета видела в переходе Генриха IV в католицизм. Английской королеве и ее советникам необходимо было скорректировать свою политику в соответствии с новой позицией французского короля. Основные опасения были связаны с тем, что Генрих мог выступить в поддержку католицизма в Европе, чтобы добиться снятия отлучения от церкви и укрепить свои позиции внутри страны.

Однако новый французский король и его советники понимали, что добиться умиротворения страны будет невозможно, пока Филипп II будет поддерживать Лигу. К тому же возможность заключить союз с Габсбургами, старыми врагами Франции, была явно слишком призрачной. Подтверждение же связей со своими протестантскими союзниками было для Генриха IV реальным средством решения внутренних и внешних проблем. Все это стало причиной того, что 17 января 1595 г. французский король объявил войну Филиппу II, тем самым фактически подтвердив свой прежний внешнеполитический курс.

Этот шаг короля, по-видимому, преследовал три цели. Во-первых, Генрих хотел лишить Лигу религиозного прикрытия, показав, что воюет не с католиками, а с интервентами. Во-вторых, король хотел перенести военные действия на испанскую территорию. В-третьих, показать протестантским государствам, что переход в католичество не изменил его внешнеполитических ориентиров.

Внешняя политика Англии в начале 1590-х гг. также претерпевает определенные изменения, связанные с формированием новых политических партий в Тайном совете. В конце 1580-х гг. совет потерял своих наиболее компетентных и влиятельных членов: в 1588 г. умер граф Лестер, в 1590 г. – государственный секретарь Френсис Уолсингем. Из старого состава наибольшим влиянием пользовались лорд Берли, Хансдон и Ноллис. Вокруг первого из них начала формироваться умеренная партия, которая в 1591-1592 гг. пополнилась Робертом Сесилем и Джоном Пакерингом, которые были назначены членами Тайного совета.

В этот же период начала формироваться новая партия, которая стремилась к проведению более активной внешней политики. Лидером ее стал граф Роберт Эссекс, который после смерти своего покровителя графа Лестера возглавил его сторонников. При этом Эссекс рекрутировал своих сторонников из англикан, пуритан и даже католиков, придерживаясь тех же умеренных взглядов в религиозном вопросе, что и королева.

Однако главной проблемой в этот период остается недостаток средств для продолжения активной внешней политики. Только в начале 1590-х гг. королева потратила на защиту королевства сумму в один миллион фунтов стерлингов, в то время как парламент вотировал налоги только на 280 тысяч. Получать новые субсидии было крайне сложно, несмотря на все старания советников английской королевы.

В этот же период произошло событие, коренным образом изменившее отношения между Лондоном и Парижем. В марте 1596 г. испанцы осадили Кале. Этот город был слишком важен и для Генриха IV, и для Елизаветы I. Все советники королевы сходились в том мнении, что необходимо оказать помощь французскому королю. Однако Елизавета колебалась слишком долго, и 14 апреля цитадель Кале была взята испанскими войсками.

Несмотря на потерю Кале, Генрих IV не собирался заключать мира с Испанией. Он решил активизировать переговоры с Елизаветой I и в середине апреля отправил делегацию в Англию во главе с герцогом Бульонским. Французские дипломаты предлагали заключить оборонительный и наступательный союз. Они указывали, что Испания является общим врагом, и это было главным аргументом в пользу англо-французского альянса.

Английская сторона не хотела связывать себя конкретными обещаниями. Лорд Берли указывал, что его королева и так делает все возможное для борьбы с Филиппом II, и создание лиги не может увеличить английское участие в этой войне. В частности, он отметил, что Генрих IV должен Елизавете полтора миллиона крон, а также то, что королева содержит свои воинские подразделения как во Франции, так и в Нидерландах.

Лорд Берли предложил следующие условия. Елизавета предоставляет и оснащает 3 000 солдат при условии того, что Генрих IV оплатит их набор и еще один месяц до того, как они покинут Англию. В результате длительных дискуссий условия договора были выработаны к середине мая 1596 г.

По условиям Ричмондского договора, Англия и Франция заключили наступательный и оборонительный альянс против Испании. Елизавета обязывалась предоставить в случае необходимости 4 000 солдат, оплачивать их в течение шести месяцев и воевать с испанцами на их территории. Через несколько месяцев к этой коалиции присоединились голландцы. Тем самым Соединенные провинции были признаны в качестве субъекта международного права. Голландия брала на себя обязательство принимать участие в военных действиях во Франции, а также в рейде английского флота против Кадикса.

Уже в июне объединенный флот Англии и Голландии стоял на рейде у Кадикса. Ему удалось уничтожить испанский флот и взять город. Это поражение стало для Филиппа роковым, так как он потерял груз золота, доставленный из Америки. В ноябре 1596 г. испанский король вынужден был объявить о банкротстве.

Союз Англии, Франции и Соединенных провинций оказал значительное влияние на развитие международных отношений конца XVI – начала XVII вв. В основу этого договора были положены политические интересы государств, различных по своей конфессиональной принадлежности, но объединенных борьбой с общим противником – Испанией. Необходимо отметить, что данный союз просуществовал недолго. Франция, пережившая религиозные войны, не была способна

продолжать военные действия. В результате Генрих IV заключил в 1598 г. Вервенский мир с Филиппом II.

Союз Англии, Франции и Нидерландов способствовал восстановлению баланса сил на международной арене, который был нарушен Испанией во второй половине XVI в. Наиболее острым моментом стала попытка Филиппа II захватить французский престол, что не отвечало интересам всех западноевропейских государств. Помимо этого, данный союз продемонстрировал, что в международных отношениях наметилось преобладание государственного интереса над конфессиональным фактором, что окончательно закрепилось в ходе Тридцатилетней войны.

Афанасьева А. Э.
Ярославский государственный педагогический университет

Пересекая границы: британские путешественницы в тропической Африке (2-я пол. XIX в)

Викторианский период открыл эпоху массовых путешествий: технологические новшества, рост благосостояния среднего класса и высокий авторитет Великобритании на международной арене обеспечивали подданным страны благоприятные возможности для поездок по всему миру. Значительную часть британских путешественников за рубежом в это время составляли женщины, чьи работы о поездках в отдаленные страны пользовались неизменным успехом. Многочисленность путешественниц резко контрастирует с устоявшимся образом викторианской эпохи с ее строгим кодом поведенческих норм и культивируемым разграничением сфер деятельности женщин и мужчин. Особый интерес представляют работы путешественниц, совершавших поездки по территориям Британской империи, которые традиционно маркировались как мужское пространство, требовавшее проявления качеств «настоящего мужчины» - решительности, активности, выносливости, физической силы и т.д. Как преодолевалось противоречие между конвенциональными установками женственного поведения и маскулинной ролью путешественника?

Возможность женских путешествий по территориям империи и публикация отчетов о них была обеспечена, по нашему мнению, использованием путешественницами особых стратегий, прежде всего, текстуальных, утверждавших лояльность женщин предписанным нормам поведения. Оказываясь в тропической Африке в результате назначений супругов - колониальных чиновников, исследователей, коммерсантов, - путешественницы могли объяснять свое участие в поездке в терминах исполнения личного долга перед мужем. Роль «инкорпорированной жены», чье положение на имперских территориях всецело зависело от статуса мужа, а образ жизни определялся его деятельностью, полностью вписывалась в викторианские представления о разделенных сферах. Показывая себя в стереотипной роли образцовой жены, путешественницы акцентировали внимание на помощи мужу в его повседневных заботах, необходимости его эмоциональной поддержки, подчеркивали профессиональную компетентность супруга и знание им местных условий. Частые отсылки к собственной уязвимости и главенствующей роли супругов в поездках создавали особенно женственный образ путешест-

венниц. Этой же цели служили подчеркнутое внимание к внешнему виду и изображение собственного поведения как безупречно женственного за счет описания «специфически женских» реакций (пугливости, эмоциональности), физической слабости, случаев своей некомпетентности и т. д. Использование указанных стратегий сводило к минимуму риск обвинений в «неженственности», имплицитно присущей путешествию по территориям империи, и являлось тем самым способом доказательства нормативности гендерного статуса путешественниц.

Соблюдение внешних поведенческих норм не только позволяло женщинам путешествовать, но и обеспечивало им доступ к властным позициям как на имперских территориях, так и в самой Британии. Имперский контекст давал путешественницам возможность пользоваться в Африке влиянием и властью, которые были недоступны им в Британии: статус человека на колониальных территориях определялся скорее цветом кожи, чем полом. Кроме того, благодаря особенностям колониального дискурса эпохи, женщины могли выступать в Африке в конвенциональной «материнской» роли, предполагавшей покровительственное отношение к «не вышедшему из детского состояния» туземному населению. Предпринимая попытки «просвещения» местных жителей, путешественницы участвовали в трансформации материальных и религиозных практик африканцев, тем самым внося свой вклад в поддерживание символического порядка империи.

Важнейшим следствием путешествий для женщин становилось обретение ими авторитета очевидца, что позволяло им предложить британской аудитории свою версию знания об увиденном и обеспечивало тем самым доступ в публичную сферу. Авторская власть путешественниц, вместе с тем, была подвержена воздействию дискурсивных ограничений: пониженный символический статус женского текста и фактическая исключенность женщин из системы научного знания обусловливали маркировку ими собственных текстов как любительских, непрофессиональных - даже если научная подготовка писательницы была значительной. Заявления об отсутствии претензий на серьезную литературную или научную ценность работ были призваны оградить женщин-авторов от обвинений во вступлении в публичное пространство мужской текстуальности. В своих повествованиях женщины избегали строгого научного тона, характерного для работ путешественников-мужчин. Альтернативой научному дискурсу в женских текстах выступает эстетический дискурс, сфокусированность которого на эмоциях рассказчицы вписывалась в рамки фемининного образа путешественницы. Эмоционально-чувствительный тон, «уместный» в женских текстах, использовался путешественницами и в изображении реалий повседневной жизни.

Ожидания потенциальной аудитории диктовали путешественницам специфический выбор не только языка, но и тем описаний: особый интерес к домашней сфере жизни, приписываемый женщинам, заставлял их уделять наибольшее внимание нравам, быту, семейному укладу, кухне экзотических народов, в то время как комментарии о природе политического и экономического устройства туземных сообществ отводились на долю путешественников-мужчин. Вместе с тем, именно в силу своей гендерной принадлежности путешественницы действительно имели возможность непосредственного доступа к домашней жизни африканцев, нередко закрытой для европейцев-мужчин; тем самым их опыт приобретал уникальное значение в конструировании знания о колониальных народах. Концен-

трация на описании домашней сферы становилась для женщин способом утверждения собственной власти как автора.

Соблюдение конвенциональных норм женского поведения и построения текста позволяло путешественницам выступать в традиционно мужской роли, не вызывая осуждения общества. Вместе с тем, действуя в рамках созданного ими женственного образа, путешественницы фактически могли пересекать границы предписанного, принимая властные позиции как на территориях империи в качестве представительниц белой, главенствующей, расы, так и в самой Британии в статусе авторов публикуемых работ об Африке - носителей авторитетного знания.

Воеводский А. В.
Российский государственный гуманитарный университет

Африканцы в образовательной системе британских колоний на Юге Африки в XIX в.

Начало становление европейской системы образования среди африканцев Южной Африки относится к концу XVIII - началу XIX в., когда сюда с началом английской колонизации устремились десятки христианских миссионеров. Обращение африканцев не мыслилось без изучения священного писания, что стало важнейшим стимулом к распространению грамотности среди африканцев. Первоначально миссионеры обучали своих подопечных чтению на европейских языках и разъясняли основы христианского вероучения. Большое внимание также уделялось освоению африканцами практических навыков в ремесле и сельском хозяйстве, так как миссионеры считали, что труд и образ жизни крестьянина или ремесленника больше всего соответствовали христианскому идеалу. На миссионерских станциях из африканцев готовили будущих швей, сапожников, столяров, каменщиков, кузнецов, здесь их обучали новым навыкам земледелия и огородничеству.

Английские колониальные власти первоначально пытались ограничить деятельность миссионеров и направить ее в нужное им русло. Прежде всего, это касалось обучения и религиозного воспитания. Британские колониальные чиновники в целом солидаризировались с мнением буров, что миссионеры учили африканцев совершенно ненужным им вещам – чтению и письму, вместо того, чтобы сосредоточиться на преподавании ремесленных специальностей. По их мнению, африканцы на миссионерских станциях прибывали в лености, в то время как фермеры не могли заставить их работать на себя.

С середины XIX в. подходы британских властей к проблеме образования африканцев начинают несколько меняться. Школа в представлениях колониальных деятелей становится одним из важнейших инструментов «цивилизации» африканцев и их культурной ассимиляции. Министр колоний лорд Грей требовал в 1846 г., чтобы обучение в миссионерских школах велось исключительно на английском языке. Конечная цель занятий – воспитание африканцев в духе английских законов и обычаев. На практике реализация этих идей вылилась в программу подготовки на базе миссионерских станций наемных работников для нужд колонии и фермерского хозяйства. Колониальные власти ввели систему грантов для

тех миссионерских школ, где осуществлялась программа подготовки африканцев по ремесленным специальностям.

Следует отметить, что миссионеры не ограничивались предоставлением африканскому населению только начального образования. Им необходимы были помощники: в одиночку они не могли рассчитывать на успех в деле массовой христианизации и обучения африканцев. Найти таких помощников можно было только среди представителей самих коренных народностей.

Для подготовки «туземных учителей» стали создаваться специальные семинарии. Главными центрами их обучения стали два подобных заведения: основанный шотландскими миссионерами институт в Лавдейле и семинария, находившаяся при станции методистов Маунт Коук. Первоначально количество обучавшихся там африканцев было невелико. Во второй половине XIX в. увеличивается количество подобных заведений. В начале XX в. только в одном Натале было десять школ, где готовили «туземных учителей».

Учреждения по подготовке чернокожих проповедников стали главными центрами распространения европейского образования среди африканского населения. Из их стен вышли первые представители африканской интеллигенции. Школы при миссионерских станциях не шли дальше преподавания основ чтения, письма, счета и христианских доктрин. В семинариях давались более серьезные знания английского языка, европейской культуры и теологии. В Лавдейле были организованы для африканцев курсы по подготовки санитаров.

Достаточно широкое распространение европейского образования среди африканцев стало вскоре вызывать серьезное беспокойство у представителей властей и колонистов. Африканцы после окончания семинарий стремились занять должности клерков, переводчиков, из их числа выходили первые чернокожие журналисты и общественный деятели. Они начинают принимать все более активное участие в политической жизни Капской колоний. О степени обеспокоенности европейцев сложившимся положением свидетельствуют материалы «Южноафриканской комиссии по туземным делам 1903 – 1905 гг.». Выступая на ее заседаниях, колонисты и чиновники обращали внимание на нехватку рабочих рук, опасность распространения образования среди африканцев, которые, по их мнению, еще не были готовы к участию в общественно-политической жизни. Одной из их главных претензий являлся низкий уровень образования и поверхностное усвоение европейских норм и общественных ценностей, что вело, по их мнению, лишь к нравственному упадку и распространению радикальных воззрений. Используя механизм субсидирования и аттестации «туземных учителей», колониальные власти пытались контролировать содержание и качество образования, поощряя преподавание ремесленных специальностей и лишая субсидий школы, которые не отвечали их требованиям.

В целом, африканцы получали образование низкого качества. В 1898 г. из каждой тысячи учащихся африканских школ (содержащихся на деньги местной общины), 570 человек не могли сдать экзамен и на первый образовательный уровень (то есть не овладели даже элементарными знаниями арифметики, чтения и письма). Лишь тринадцать из каждой тысячи сдавали экзамен на четвертый образовательный уровень (беглое чтение и письмо на английском языке, умение производить основные арифметические вычисления и начальные знания географии) в африканских школах и трое из тысячи в миссионерских.

Одним из главных тормозом на пути распространения образования среди чернокожего населения являлась нехватка средств. Те африканцы, кто получали сертификат на право преподавание, стремились найти более высокооплачиваемую работу, чем учителя в школах. Значительные трудности проистекали из несовершенства самой образовательной системы. Колониальные власти требовали, чтобы обучение в школах велось на английском языке. Учебники, по которым занимались африканцы, создавались в метрополии и содержали множество примеров, которые были незнакомы банту, что также создавало дополнительные барьеры при объяснении материала. В результате, все обучение сводилось к простому заучиванию материала без понимания его смысла.

Таким образом, одной из главных особенностей развития системы образования среди африканского населения в британских колониях Южной Африки в XIX в. стало доминирование в ней миссионерских обществ, что наложило отпечаток на направленность и содержание обучения. Главным инструментом воздействия на образовательную политику колониальной администрации являлась выдача специальных субсидий миссионерским школам, ограничения на предоставление доступа к высшему образованию для африканцев. В тоже время, фактически устранение государственных органов от прямого участия в образовательном процессе среди коренного населения приводило к тому, что в Южной Африке возникало множество школ, содержавшихся на деньги общин и слабо контролируемых британской администрацией. В целом, к началу XX в. дистанция между белым и черным населением в образовательной сфере лишь усиливается, что соответствовало общему курсу политики по закреплению за африканцами подчиненного положения в социальной системе британских колоний.

Гвоздецкая Н. Ю.
Ивановский государственный университет

Женская правящая элита Британии VII в.

В настоящем исследовании, выполненном на материале «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного, предпринята попытка вскрыть социальные роли, на которые могли претендовать знатные женщины Британии в эпоху крещения англосаксов, а также охарактеризовать их место в обществе. Разумеется, сами эти роли изображаются Бедой лишь в той мере, в какой затрагивают главную тему его труда – христианизацию Англии в ее религиозном, государственном и культурном аспектах. И все же сквозь рамки авторской позиции проглядывает реальная политическая борьба, повседневные обычаи и представления.

Беда упоминает около тридцати женщин (преимущественно королевского рода и англосаксонского происхождения), принадлежавших к правящей элите страны. Наиболее заметная функция женщины в эпоху перехода от традиций родоплеменного строя к началам государственности – это поддержание кровного родства и брака. Поэтому и женщина у Беды выступает прежде всего в роли жены и матери, дочери и сестры. Тем не менее, сквозь матримониальные и родственные связи просматриваются политические взаимоотношения формирующихся государств, как на территории самой Британии, так и за ее пределами. Особенно заметны связи англосаксонских вождей с континентальной Галлией и островной

Ирландией. Среди британских королевств на первом плане находятся контакты Нортумбрии, родины Беды, с Кентом и Мерсией, а также Восточной Англией и Уэссексом.

Обстоятельства вступления знатной женщины в брак диктовались нелегкими условиями династической борьбы за власть. Мужские представители менее удачливых династий удалялись в изгнание и женились на дочерях своих благодетелей (обычай, восходящий к ритуалу священного брака вождя с богиней земли) – которые, однако, оказывались брошенными по возвращении мужа на родину. Влияние сородичей матери могло возродиться при занятии престола сыном по смерти отца. Кончина мужа становилась испытанием даже в случае удачного брака: вдова нередко оказывалась во власти пасынка, который либо женился на ней (по языческому обычаю), либо (по обычаю христианскому) удалял ее в монастырь.

Брак как средство установления династических связей играл немалую роль в христианизации Англии. Римская миссия св. Августина нашла в Кенте благоприятную почву для своей деятельности вследствие женитьбы короля Этельберта на франкской принцессе-христианке. Примеру отца последовал сын, а внук отдал свою дочь в монастырь близ Парижа «готовиться к небесному браку». Эта «золотая номисма», как именует ее Беда, стала своеобразным «выкупом», которую кентская династия заплатила за престижные связи с Меровингами. Посвящение новорожденной дочери Богу стало для нортумбрийского короля Освиу ставкой в более высокой игре, нежели дипломатические связи с соседями: обет помог достичь полного уничтожения врага в битве.

Более глубокая христианизация Нортумбрии, ставшей центром христианского просвещения в Англии, была достигнута благодаря усилиям двух кентских принцесс, выданных туда замуж: первая сподвигла к крещению короля Эдвина; вторая добилась утверждения там власти римского престола, обычаи которого более соответствовали традициям вселенской церкви, нежели обычаи ирландской поместной церкви. Знаком уважения Рима к женской половине англосаксонской правящей элиты служат обращенные к ним послания пап. Антитезой христианским супругам выступает у Беды жена-язычница, под влиянием которой отпал от церкви король восточных англов Рэдвальд.

Женщины древней Британии выступали не только пассивными объектами мужской политики, но и вмешивались в нее сами. Средством повышения репутации супруга могло стать основание или спонсирование монастыря, а также учреждение культа святого. Так, супруга короля Освиу выстроила монастырь на месте гибели своего королевского сородича (убитого ее мужем), где возносились молитвы за спасение душ убиенного и убийцы. Королева Осфрида разместила на территории монастыря, составлявшей предмет споров Мерсии и Нортумбрии, мощи своего дяди св. Освальда, в разгар борьбы между ее мерсийским супругом и нортумбрийским братом, чем прекратила усобицы. Впрочем, сама королева, в конце концов, стала жертвой мерсийской знати, которая не простила ей заключения мира с Нортумбрией. По тем же причинам ранее пострадал брат ее мужа Пэда, убитый в пасхальную ночь собственной супругой-мерсийкой. Женщины, столь восприимчивые (по Беде) к истинам христианской веры, оказывались также ярыми защитницами старых языческих культов. Крещение Мерсии воспринималось родовой знатью как подчинение власти соседнего королевства.

Не менее значительна роль женщин, по Беде, в религиозном подвижничестве и культурном строительстве. Отказ от супружеских отношений рисуется как кратчайший путь к спасению души, и путь королев-монахинь на небеса уснащается в рассказе чудесами и видениями. Беда прославляет аскетический подвиг Эдильфриды, дочери короля восточных англов, которая сумела сохранить девство при двух мужьях и закончила жизнь аббатисой монастыря Эли. Однако и в монастыре женщины проявляли материнское попечение и хозяйскую заботу, становясь нередко настоятельницами «двойных» (мужских и женских) монастырей и неся труды по организации монастырских школ. Так, самой образованной женщиной Нортумбрии была, несомненно, Хильда, внучатая племянница короля Эдвина. Ее монастырь, основанный как средство воспитания королевской дочери-монахини, обещанной Богу, стал со временем местом знаменитого «собора Витби», где проходил богословский диспут о дате празднования Пасхи, и превратился, наконец, в настоящий «питомник» английского епископата – его питомцы продолжали обучение даже в Риме. Не менее чутка была Хильда и к распространению христианского просвещения среди мирян. Благодаря ее отзывчивости святые мужи благословили поэтический дар простого пастуха Кэдмона, который первым стал воспевать христианского Бога на родном языке, народным аллитерационным стихом, чем инициировал появление традиции популярного переложения библейской и житийной литературы в Британии.

Гелла Т. Н.
Орловский государственный университет

Покупка акций Суэцкого канала 1875 г. в контексте имперской полемики британских консерваторов и либералов

70-е гг. XIX в. являются одним из важнейших периодов в истории формирования колониальной идеологии и Британской империи. Немаловажную роль в этом процессе сыграла дискуссия между консерваторами и либералами по имперским вопросам.

Середина и конец 70-х гг. XIX в. связаны с правлением консерваторов во главе с Б. Дизраэли. Его подход к империи можно сформулировать следующим образом: преобладание европейско-континентальных интересов над имперскими; империя служит основой для укрепления престижа Англии в Европе; наличие азиатских владений, и в первую очередь Индии, и их оборона объявляется первоочередной задачей английской дипломатии.

Дискуссия, развернувшаяся в английских политических кругах по поводу покупки акций Суэцкого канала, была одним из важнейших этапов в процессе формирования имперской идеологии в Англии.

К середине 70-х гг. усилилось экономическое и финансовое проникновение Англии в Египет. Британский флот занимал лидирующее место среди флотов других стран, проходивших через Суэцкий канал.

Однако не только чисто экономические и финансовые выгоды привлекали внимание англичан к Египту. Не менее важным было и стратегическое положение страны. Путь в Индию благодаря Суэцкому каналу сокращался до двух недель, и

тем самым возрастала угроза ее безопасности. «Оборона» Индии с открытием канала стала непосредственно связываться в английских правящих кругах с вопросом контроля над ним, а соответственно, и с политическим преобладанием в Египте. После открытия Суэцкого канала центр британских интересов был перенесен из Константинополя в Каир. Если до этого времени англичане ограничивались тем, что противодействовали влиянию Франции в Египте, то теперь они приступили к ее вытеснению из этой страны. «Русская угроза» Индии в эти годы также вызывала возрастающее беспокойство в Англии.

25 ноября 1875 г. глава консервативного правительства Б. Дизраэли, не ставя в известность ни членов своего кабинета, ни парламент, купил за 4000000 ф. ст. при посредничестве Лондонской конторы Ротшильдов акции Суэцкого канала.

Смелый и неожиданный шаг премьер-министра в деле покупки акций Суэцкого канала привлек внимание английского общества. В общественных и политических кругах Англии обсуждались вопросы о целесообразности такого шага для судеб империи и о правомочных действиях главы правительства. Английская пресса в целом отозвалась довольно положительно о свершившейся сделке. Доброжелательно отнеслась к действиям Дизраэли и королева Виктория.

Отношение либералов к действиям правительства нельзя оценить однозначно.

Первоначальная реакция лидеров либеральной партии отличалась определенными колебаниями и тактикой выжидания. Маркиз Хартингтон, лидер либералов в палате общин, придерживался осторожной тактики, оценивая действия Дизраэли как «наиболее успешную сделку», и, по его мнению, любое серьезное ее осуждение будет являться политической ошибкой. Он предлагал либералам не занимать какой-либо определенной позиции до тех пор, пока не будет известна более полная информация о действиях правительства. В этом пункте его поддержал У. Форстер. Напротив, У. Гладстон, уже оставивший пост главы партии, довольно резко отозвался о курсе торийского кабинета, считая, что он может привести к осложнению отношений с другими европейскими державами.

В течение двух последующих месяцев после обнародования акта о покупке акций либеральная партия так и не определила четко своего отношения к данным событиям. Накануне работы новой парламентской сессии в феврале 1876 г. представители руководства партии занимали подчас диаметрально противоположные позиции: Гренвилль, Селборн, Кардвелл с самого начала были отрицательно настроены против сделки, тогда как Гошен и Халифакс приветствовали ее, Форстер же проявлял колебания. Хартингтон не был склонен устраивать длительные дебаты в парламенте по данному вопросу, так как, оценивая проправительственные настроения в английском обществе, он сомневался в их результативности. Многие депутаты от либеральной партии отказывались выступать в палате общин с критикой столь популярного среди англичан мероприятия консервативного правительства. Гренвилль во многом поддерживал позицию Хартингтона, находя момент не подходящим для того, чтобы «отворачиваться от правительства». В целом часть либерального руководства склонялась к осуждению действий торийского кабинета, тогда как общественное мнение Англии и большинство членов самой либеральной партии было на его стороне.

Парламентские дебаты по вопросу о покупке акций Суэцкого канала британским правительством начались 14 февраля 1876 г. От имени правительства в дебатах приняли участие в верхней палате лорд Дерби, в палате общин - канцлер казначейства Норткоут и сам премьер Дизраэли. Лорд Дерби не делал тайны из прямого вмешательства Великобритании во внешнеполитические дела Египта. Норткоут же акцентировал внимание в своем выступлении на экономических выгодах данной финансовой операции. В речи Дизраэли прозвучала мысль, что если бы у власти находились либералы, то такая финансовая операция никогда бы не осуществилась. Покупка акций, по его мнению, - это мероприятие, которое принесло славу нации.

С оценкой действия консервативного кабинета со стороны либералов выступили У. Гладстон и Р. Лоу. Их выступления преимущественно носили критический анализ с точки зрения финансовых, а не политических для Англии последствий. Основная суть их речей заключалась в том, что правительство своими решениями не обеспечило выгод Англии. Представители либеральной оппозиции ставили под сомнение правомочность правительства обращаться к частным фирмам без согласия парламента. Что же касается официального главы партии в палате общин - Хартингтона, то он в своем выступлении довольно положительно отнесся к действиям кабинета тори. Хотя он и считал, что в военное время Англия мало что выигрывала, став акционером компании Суэцкого канала. По его мнению, совершив сделку, она в некоторой степени потеряла право независимой стороны требовать должного соблюдения обязательств со стороны компании.

В целом либеральная партия больше проиграла, чем выиграла от этих дебатов. Позиция ее лидеров отличалась узостью выдвигаемых аргументов, односторонним экономическим подходом, тогда как консерваторы выступили в роли сторонников укрепления Британской империи. Их заявления характеризовались широтой постановки вопросов, за которыми угадывалась перспектива дальнейшего усиления Британского влияния в Северо-Восточной части Средиземноморья. Сильное правительство, способное на решительные и смелые шаги в интересах Великой Британии, естественно, больше импонировало рядовому английскому обывателю, да и высшим слоям общества, чем такое, которое, согласуясь с конституционными нормами, могло проявить колебания и упустить возможность закрепить за Англией позиции ведущей державы мира.

В целом, большинство либералов в египетском вопросе в конце 70-х гг. все же придерживалось осторожных, умеренных позиций. Учитывая популярность действий консерваторов среди англичан, они осуждали правительство не за то, что оно делало, а за то, как оно это делало, т.е. объектами либеральной критики были средства и методы осуществления тори египетской политики. Сама же необходимость укрепления английского экономического, финансового и политического влияния в Египте не ставилась под сомнение.

Гордиенко Д. О.
Самарская академия культуры и искусств

Влияние колониальной политики на формирование королевской регулярной армии в эпоху Реставрации в Англии

Одними из важнейших аспектов развития английского государства в XVII столетии можно считать вопросы внешнеполитического развития страны и строительство ее национальных вооруженных сил. В XVII в. (и особенно в его первой половине) английские колониальные владения, в отличие от Британской колониальной империи образца 1919 г. были более чем скромными, и в первую очередь по сравнению с основными колониальными державами – Испано-Португальской империей (в унии до 1640 г.), владениями Нидерландов и, ко второй половине XVII в, французским владениям в Северной Америке. После ряда неудачных попыток в 1607 г. в Северной Америке была основана первая английская колония – город Джеймстаун, в 1661 г., согласно брачному договору Карла II Стюарта и Екатерины Португальской, английская Корона получила свои первые владения в Северной Африке (Танжер – по своему стратегическому положению предтеча Гибралтара, что объясняет упорную, почти четверть вековую борьбу за этот город) и Северо-Западной Африке (устье р. Гана, форт Сент-Джеймс, о. Св. Елены) и в Индии (города Бомбей и Мадрас). Таким образом, Англия включилась в колониальную гонку достаточно поздно и была вынуждена в начале XVII в. довольствоваться вместе с Францией северо-американскими землями, которые, хотя и являлись основой для северо-американских колоний, которые накануне Войны за независимость считались богатейшим заморским владением Лондона, при первых Стюартах были не столь ценными на мировом колониальном «рынке». Благодаря браку Карла II были получены центры владений в Африке (несмотря на дальнейшую потерю в 1684 г. Танжера) и жемчужины среди колоний – Индии.

Разбирая развитие военной системы английских колоний в этот период и присутствия регулярных частей Короны, вольных рот и подразделений других категорий собственников (феодальных владельцев в Америке и отрядов Ост-индской кампании в Индии), необходимо понять, что до гражданской войны английское государство не располагало постоянными вооруженными силами вовсе; во времена правления Кромвеля армия была занята британскими проблемами; при Карле II регулярная армия была крайне малочисленна (в 60-е гг. менее 10 000 человек), чтобы ее можно было активно использовать в колониях. В последнем случае регулярные войска были привлечены только в танжерской эпопее. Корона старалась использовать армию там, где по ее мнению, не хватало местных ресурсов. Североамериканские колонии этими ресурсами располагали, соответственно, правительство использовало в этом регионе армию только дважды: морская пехота полковника Николса при захвате о. Манхэттен и сводный отряд при подавлении восстания Натаниэля Бэкона (полк Г. Джеффри силой в 5 рот гвардейцев и новобранцев).

Военная система американских колоний была заложена до гражданской войны, и, следовательно, была основана на принципах территориального ополчения, которое являлось в это время становым хребтом британских вооруженных сил, дополненных при Карле II отрядами лордов-собственников колоний. Необ-

ходимость наличия достаточно большой массы мужчин, имеющих оружие и обладающих некоторыми навыками военной службы (полученными в ходе учений и стычек с индейцами и врагами-европейцами) осознавалась властями колоний с самого начала их существования. Как и в метрополии, все свободные белые в возрасте от 16 до 60 лет обязаны были состоять в милиции. Основную угрозу для английской Америки в XVII в. представляла французская Канада, и если в Европе Лондон и Париж в 1630-1680 гг. были союзниками, то в Америке шла перманентная пограничная война. В ходе этого конфликта обе противоборствующие стороны достаточно широко привлекали союзников-индейцев. В 1652 г. власти колоний Массачусетса и Коннектикута впервые стали создавать отряды негров-рабов. Несмотря на то, что американская милиция была в основном орудием обороны, а не нападения, ее потенциала, по мнению властей, как местных, так и в метрополии, хватало для сдерживания каких бы-то ни было агрессивных действий французов. Хотя Французская Канада до конца столетия по своей площади превосходила колонии Англии, занимая центральную и восточную часть североамериканского материка, владения Парижа были слабо заселены белыми, в то время как в британских колониях происходил постоянный рост белого населения. Последнее обстоятельство с каждым годом усиливало и английское военное присутствие, обеспечивая англичан новыми потенциальными рекрутами-милиционерами. Если на материке было много белых колонистов – потенциальных рекрутов, то на Карибах англичане могли полагаться только на профессиональных солдат – на Ямайке в 1677-1682 гг. было 2 роты солдат, на Барбадосе в 1667-1671 г. содержали целый пеший полк.

В 1661 г. англичане номинально вступили во владение Бомбеем, своим первым владением в Индии. Для гарнизонной службы был отправлен отряд силой в 400 солдат (4 пеших роты) под командованием сэра Э. Шипмана, подчиненного губернатору Д. Ли, 3-му графу Мальборо. Однако местные португальские власти отказались передать цитадель британцам. Только к 1665 г. Бомбей стал полностью английским. К этому времени гарнизон уменьшился до 113 чел. В 1667 г. Карл II передал город Ост-индской кампании.

Английская корона получила североафриканский город Танжер согласно §2 брачного договора Карла II и инфанты Екатерины. Учитывая специфику нового владения, в котором португальцы постоянно отражали набеги марроканцев, назначенный губернатором, близкий к королю, граф Петерборо получил приказ набрать пеший полк (графа Петерборо, старый Танжерский, современный 2-й пеший) и отряд кавалеристов (кирасиров – в дальнейшем на базе этой роты развернули 1-й драгунский полк). Набранные, по-преимуществу, из ветеранов революционных войн, гарнизонные войска высадились в Танжере в январе 1662 г. Как и предыдущие владельцы крепости, англичане непрерывно отбивали атаки марроканцев. В 1678 г. для оказания помощи гарнизону, оказавшемуся в критическом состоянии, в Англии был сформирован экспедиционный корпус в составе 2 временных батальонов: 1-й батальон (из солдат 1-го пешего и Колдстримского полков гвардии), 2-й батальон из солдат полка графа Дамбартона (современный 1-й пеший полк). К 1680 г. в Танжер прибыл отряд из состава драгунского полка Т. Дайелла оф Биннс (знаменитые Серые шотландцы, 2-й драгунский полк). Осознавая численную слабость гарнизона, у испанского короля «одолжили» 3 роты кавалерии. В ходе тяжелейших боев защитники постоянно несли тяжелей-

шие потери. Спасая гарнизон, Корона создала в 1680 г. 2-й Танжерский пеший полк (ныне 4-й пеший), однако это не изменило ситуацию кардинально. В августе 1683 – феврале 1684 гг. гарнизон был эвакуирован в Англию под прикрытием 600 солдат из 2-го Танжерского полка.

К войне за Испанское наследство регулярная армия значительно увеличилась численно, что позволило правительству отправлять в колонии регулярные армейские части (40-й пеший полк Филипса, 1717 г.) и морских пехотинцев.

Несмотря на активную внешнюю политику режима Реставрации, при сыновьях Карла I Англия принимала слабое участие в сухопутных боевых действиях в Европе. Вся «черная работа» в ходе двух войн с Голландией выпала на долю флота и подчиненных ему отрядов. Соответственно, гораздо более активное участие в военных действиях и боевой опыт регулярные войска вынесли из колониальных акций (в основном танжерский опыт). Именно во второй половине XVII в. был заложен фундамент использования армии в XVIII-начале XX вв.: внутреннее применение (борьба с мятежниками) и акции вне пределов страны (войны в колониях).

Подобный взгляд в дальнейшем приведет к изменениями в тактике боевых действий: постепенное упразднение тяжелой конницы (хотя кирасиры в Америке при Карле II атаковали индейцев!) и наращивание контингентов легкой пехоты (с ростом использования винтовок), зачатки тропического обмундирования (танжерский гарнизон). Влияние колониальных проблем на формирование регулярной армии скрыто блестящими войнами «века Людовика XIV», однако на заре «современной» Англии (1662-1684 гг.) основная работа на долю регулярной армии выпала именно в колониях.

Гусева М. А.
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия

Социально-профессиональный состав и система выборов должностных лиц в английских средневековых городах в XIV-XV вв. (на примере Ковентри, Лестера, Шрусбери)

В XIV-XV вв. в Англии в основном завершается становление муниципального самоуправления, определяется структура местной власти и система выборов должностных лиц города, складывается социальное лицо его администрации. В данной работе на примере Ковентри, Лестера и Шрусбери мы рассмотрим механизм формирования управленческого аппарата английских городов в XIV-XV вв., выясним социально-профессиональную структуру местного чиновничества.

Исследование показало, что в изучаемый период состав муниципальных служащих Ковентри и Лестера формировался двумя основными путями. Так, значимые должностные лица «наших» городов избирались выборной коллегией, состоящей из 24 человек. Заметим, в Лестере функции выборного органа выполнял Совет мэра, в Ковентри - манориальный суд. Именной состав коллегий в обоих городах определяли мэры. При этом если в Ковентри часть выборщиков ежегодно переизбиралась, то в Лестере членство в Совете было пожизненным. Каждый год выборная коллегия в обоих городах называла нового мэра, двоих бейлифов и казначеев, инспекторов муниципальных цехов, мировых судий.

Другая часть должностных лиц Ковентри и Лестера напрямую назначалась главой города. Иногда он разделял данные полномочия с узким кругом чиновников. В частности, мэр Ковентри единолично определял состав муниципального Совета и манориального суда, бывших в XIV-XV вв. основными законодательными органами города. Совместно с бейлифами он выбирал коронера, а вместе с пятью членами городского Совета называл констеблей. Сходную ситуацию мы находим и в Лестере, где глава корпорации формировал состав двух муниципальных Советов, а с 70-х гг. XV в. назначал одного казначея и стюарда рынка. Отдельно заметим, что мэры «наших» городов принимали участие в работе выборной коллегии, и, таким образом, могли контролировать состав муниципальных служащих.

В Шрусбери механизм формирования управленческого аппарата несколько отличался от системы действующей в Ковентри и Лестере. В изучаемый период его администрацию возглавляли двое бейлифов. Основные должностные лица города избирались коллегий выборщиков из 25 жителей, которых назначали уходящие с поста бейлифы. Вместе с тем, в отличие от Ковентри и Лестера, где право формирования местного чиновничьего аппарата находилось в руках у ограниченной группы лиц, в Шрусбери возможность выбора муниципальных служащих имели и полноправные жители. В частности, в XIV - первой половине XV в. горожане избирали членов Совета 12-ти, шестерых аудиторов, четырех представителей в Парламент. Вероятно, указанные особенности следует объяснить определенной неразвитостью структуры местной власти в Шрусбери. В частности, известно, что пост мэра Шрусбери был введен лишь в XVII веке, тогда как жители Ковентри и Лестера избирали своего главу еще с XIII-XIV вв.

Во второй половине XV в. во всех трех изучаемых городах происходит усложнение структуры местной власти, вводятся новые должности, оформляется двухступенчатая система городских Советов. Данные изменения связаны с получением ими муниципальных хартий и дополнительных привилегий. Например, с 1489 г. в Лестере начал свою работу Совет 48-ми. Его состав определяли мэр и Совет 24-х. Членство в Совете было пожизненным. В Шрусбери с 1444 г. вводится коллегиальный орган, призванный выражать мнение горожан, - Общий Совет, который состоял из 24 заседателей. Ковентри же в 1451 г. получил статус города-графства, что дало его жителям право выбора своих шерифов. Они ежегодно избирались на осеннем заседании манориального суда.

Полученные городами хартии изменили и механизм формирования местного управленческого аппарата, перераспределили выборные полномочия между властными муниципальными структурами. В частности, в Шрусбери усложнилась процедура назначения коллегии выборщиков: бейлифы называли из состава Общего Совета двоих горожан, которые в свою очередь указывали 25 выборщиков. По новой хартии право избрания казначеев Шрусбери от коллегии выборщиков перешло к Совету 24-х. В Лестере Совет при мэре с 1464 г. определял состав коллегии мировых судий, которых избирал из своего же числа. С 1477 г. глава Лестера получил возможность самостоятельно назначать одного казначея и стюарда рынка. Ранее данных чиновников выбирал Совет 24-х.

Также мы установили, что в XIV-XV вв. большинство должностных лиц Ковентри, Лестера и Шрусбери являлись представителями торговых профессий, что было характерно и для других городов Англии. Данный факт можно объяс-

нить рядом причин. Так, часто муниципальное управление имело в своей основе властные структуры торговой гильдии города, которая являлась одной из первых внутригородских организаций. Помимо этого, в конце XV - начале XVI в. нередко чиновники вынуждены были покрывать дефицит муниципального бюджета из своего кармана, что препятствовало проникновению на административные посты необеспеченных горожан. К тому же сами местные власти проводили политику по ограничению доступа во властные структуры подобных граждан. Также следует учитывать, что должность в городском управлении позволяла принимать решения в интересах своего социально-профессионального сообщества. Все вышеназванные факты косвенно или напрямую способствовали доминированию в местной администрации определенных профессиональных групп, и, прежде всего, представителей торговых корпораций.

В целом, исследование показало, что в XIV-XV вв. Ковентри, Лестер и Шрусбери имели достаточно развитую систему муниципальных органов власти. Со второй половины XV в. во всех трех «наших» городах отмечается усложнение структуры местной администрации, вводятся новые муниципальные должности, формируется двухступенчатая система Советов. Вместе с тем, право формирования местного управленческого аппарата постепенно сосредотачивается в руках у мэра и городских Советов. Напомним, что в Ковентри и Лестере большинство муниципальных должностных лиц избирались на выборных заседаниях Совета 24-х и манориального суда. Другая часть местных чиновников напрямую назначалась главой корпораций, в том числе, и состав самих выборных органов. В Шрусбери же до середины XV в. горожане еще сохраняли возможность участия в муниципальных выборах. Однако с введением Совета 24-х в 1444 г., они также были лишены права голоса. Таким образом, уже к концу XV в. большинство жителей Ковентри, Лестера и Шрусбери оказались отстраненными от участия в выборах должностных лиц, назначение которых контролировала узкая группа горожан и мэр.

Десятсков К. С.
Новгородский государственный университет

Начало Северной войны и позиция Вильгельма III Оранского

Общеизвестна роль Вильгельма III Оранского, штатгальтера Голландии и короля Англии, как создателя и вдохновителя нескольких антифранцузских коалиций, последовательно проводившего политику, направленную на обуздание экспансионистских устремлений Франции в эпоху коалиционных войн в Европе в конце XVII - начале XVIII в. Гораздо менее исследованы «северные» или «балтийские» аспекты континентальной политики Вильгельма III, а также их влияние на концепцию политического равновесия и сохранения существующего баланса сил в Европе (которая заключалась в контроле над европейской внешнеполитической системой с помощью дипломатических маневров, заключения союзов и, в случае необходимости, ведения открытых военных действий, что и легло в основу «новых принципов» английской дипломатии к началу века Просвещения).

Прекрасно ориентируясь в сложнейшей военно-политической обстановке конца XVII столетия, Вильгельм III Оранский, который являлся одним из самых

талантливых и опытных политиков и дипломатов своего времени, несомненно, сознавал всю опасность одновременного возникновения двух военных конфликтов на континенте: Северной войны и войны за испанское наследство, которые рано или поздно могли соединиться в единую общеевропейскую войну, более масштабную и страшную, чем даже Тридцатилетняя. Поэтому неудивительно, что английский король, имея за собой всю силу и мощь ведущих морских держав (Англии и Голландии), пытался на обоих направлениях добиться разрешения назревших противоречий мирным путем. Однако из-за целого комплекса негативных факторов (бескомпромиссная позиция Франции, лишение поддержки обеих партий в Англии и непредсказуемая реакция британского общественного мнения, неожиданная смерть баварского принца и т. д.) английская дипломатия во главе с Вильгельмом III была вынуждена использовать альтернативный вариант – создание и консолидацию Великого союза. При этом следует учесть, что к подобному развитию событий голландский штатгальтер был готов заранее: все планы возможных событий разрабатывались еще в 1697 – 1699 гг., и поиск предполагаемых союзников по новой антифранцузской коалиции велся именно в эти годы.

Что же касается непосредственно самих «балтийских» аспектов континентальной политики Вильгельма III Оранского, то к началу Северной войны его наиболее беспокоили три из них: 1) сохранение общего «баланса сил» в регионе; 2) нейтрализация вмешательства Франции в конфликт на северо-востоке Европы; 3) предотвращение участия в Северном союзе Бранденбурга и других «имперских» княжеств (будущих поставщиков войск для Великого союза), не говоря уже о неприкосновенности их территорий.

В отношении первого аспекта, важность которого Вильгельм III прекрасно осознавал прежде всего в связи с проблемой безопасности торговли в балтийском регионе, которая к началу XVIII столетия превратилась в решающий вопрос будущего существования и развития для морских держав (почти все товары для флота они получали с берегов Балтийского моря), был предпринят целый ряд превентивных и конструктивных шагов для нормализации сложившегося положения. Речь здесь идет о разносторонних дипломатических комбинациях. Например, стремясь не допустить образования франко-датско-шведской коалиции, Вильгельм проводит долгосрочную осторожную, но целенаправленную политику сближения с обеими скандинавскими странами, не забывая при этом про ослабление своего главного геополитического противника – Франции, которая ни в коем случае не должна была усилиться за счет шведской каролинской армии, одной из лучших в Европе того времени.

Вместе с тем широко и достаточно продуктивно применялись различные формы «личной» дипломатии. В частности, на Петра I воздействие оказывалось как прямое – при встречах двух монархов с глазу на глаз, так и опосредованное – через голландского ратпенсионария Гейнсиуса и амстердамского бургомистра Витсена. Ко двору Карла XII был отправлен один из лучших дипломатов и военачальников Англии Джон Мальборо, одновременно служивший личным агентом Вильгельма III. Ему в конце концов удалось переманить шведских политиков и короля на сторону морских держав, правда не столько за счет своего таланта, сколько при помощи значительного денежного займа. Учитывались и вполне предсказуемая игра королей Дании и Швеции на противоречиях великих держав для получения новых финансовых средств от обеих сторон, и предполагаемое

торговое давление со стороны России, и даже авантюризм и легкомыслие Августа II.

Однако основным средством воздействия англо-голландской дипломатии на противоборствующие стороны в Северной войне оставалась практика заключения двусторонних договоров или союзов – оборонительных или наступательных, например, для скандинавских стран таким основным договором являлся первоначально Альтонский, а затем Травентальский. Последний, несмотря на довольно распространенную негативную оценку в российской историографии, принес датчанам известные выгоды: уничтожение некоторых голштинских пограничных крепостей и сохранение флота, а главное - гарантированную морскими державами безопасность. К тому же 18 тысяч датских солдат отправились на службу Великому союзу за 4 млн. рейхсталеров. Пострадали в основном остальные северные союзники, которые флота не имели. В результате Швеция стала господином Балтийского моря и теперь беспрепятственно могла перебросить шведскую армию в Эстляндию, что позднее и осуществил Карл XII, высадившись в Пернау.

Для нейтрализации французского вмешательства в конфликт на севере Вильгельм III также использует комбинированные методы дипломатического искусства, политику первоначального заманивания с последующей дискредитацией, а иногда и изоляцией французских дипломатов. Например, против Герона - одного из главных организаторов дипломатических предприятий Франции в восточной Европе, в Варшаве действовал австрийский посол, предложивший посредничество императора для примирения Августа II с Карлом XII. Для удержания Бранденбурга и других имперских княжеств от выступления в поддержку Северного союза вообще хватило нескольких угроз в личном послании короля Англии к курфюрсту «в случае отказа <...> на его города идти войной», чтобы добиться полного повиновения. Кроме того, как это не парадоксально, именно французская дипломатия опосредованно, но все же помогла англо-голландской в преодолении оппозиции имперских князей, получив согласие последних (брауншвейского, вольфенбютельского, гессенского и мюнстерского дворов) на посредничество при заключении нового датско-шведского мира, вместо обещанной ранее военной помощи данных правителей Дании.

Таким образом, Вильгельм III Оранский различными средствами добился еще большей зависимости «северных» держав от своей континентальной политики и выступил одним из первых посредников в урегулировании Северной войны.

Дронова Н. В.
Российский государственный педагогический университет

Ранний имперский федерализм и проблема обороны Британской империи (60-70-е гг. XIX в.)

На 60-70-е гг. XIX столетия пришелся особый этап реформирования Британской империи. Быстрое развитие колониального самоуправления и нарастающее осознание необходимости предотвратить их отдаление от метрополии делало дальнейшее реформирование характера отношений Англии и «белых» колоний неотложной политической задачей. Идея колониального реформаторства середи-

ны XIX столетия нашла логичное продолжение в проектах федерализации межколониальных и имперских отношений.

Сама идея федеративного (современники не проводили различий между понятиями федерация и конфедерация) союза имела к 70-м гг. XIX в. позитивные примеры в мировой практике. В 1860- 1870-х гг. был накоплен опыт политико-административных преобразований в Канаде и Австралазии. Во второй половине десятилетия строились планы создания конфедеративных союзов колоний в Южной Африке и предпринимались практические шаги в этом направлении. Конфедеративный проект министра колоний лорда Карнарвона по Южной Африке 1877 г. был одним из наиболее детально проработанных. Его создание воспринималось поборниками имперской интеграции как предваряющий шаг к качественно новому состоянию имперских уз. Поэтому неудивительно, что одной из составляющих широкой дискуссии в среде британской политической элиты о судьбе империи в Англии и в ее заокеанских владениях стало обсуждение перспектив переустройства уже империи в целом на федеративных началах. Таким образом, 60-70-е гг. XIX в. можно, без опасения впасть в преувеличение, воспринимать как зарю британского имперского федерализма.

Необходимо сразу уточнить: к единому мнению участники дискуссии не пришли. Проблема осталась в теоретической плоскости. Более того, по мере углубления дискуссий, включения в них практиков колониального управления, обнаруживались новые административно-правовые аспекты внутриимперских отношений, которые требовали решения в случае создания федеративного союза. Обсуждались возможная конституционная модель и принципы участия метрополии и колоний в представительных органах власти, круг их прав и обязанностей в условиях существования новой административно-политической общности, многие другие более или менее важные вопросы. Однозначные ответы на эти вопросы в стане федералистов как из числа консерваторов, так и либералов, не были выработаны. Процесс создания союза по мере обсуждения проблемы стал представляться не только длительным, но и гораздо более сложным, чем это виделось поначалу.

На тот же временной промежуток пришелся и процесс осуществления масштабных преобразований вооруженных сил Британской империи. Они были обусловлены многими обстоятельствами: опытом Крымской войны, приведшим к осознанию очевидно неудовлетворительного состояния вооруженных сил Британии, начавшимся пересмотром внешнеполитической доктрины, и уже излагавшимися выше внутриимперскими задачами. Поиски путей решения всех этих взаимосвязанных проблем в совокупности призваны были дать ответ на вопрос о судьбе Британской империи и применительно к ее ближайшему будущему, и касательно глобальной перспективы ее развития и места в изменяющейся системе международных отношений.

Предоставление колониям прав самоуправления влекло за собой перераспределение ряда политических и административных функций между ними и метрополией. Это касалось вопросов обеспечения безопасности колоний от потенциальной внешней опасности, формирования новых силовых механизмов поддержания порядка в колониях и, что воспринималось одним из важнейших обстоятельств, проблемы финансирования расходов на содержание армии. Вывод британских гарнизонов из Канады, Австралии, Новой Зеландии, Капской колонии

существенно снизил расходы Великобритании с 3.388.033 ф. ст. в 1869 г. до 1.708.290 ф. ст. в 1873 г. Для поборников «дешевого государства» это было ожидаемым и позитивным результатом. Но в совокупности с весьма широко и свободно трактовавшимися правами колониальной администрации это выводило на иной уровень вопрос о практической возможности для Лондона контролировать военную сферу колониальной периферии. В этом смысле локальные военные ситуации и глобальная военная стратегия империи вступали в новое соотношение. Таким образом, курс либералов на сокращение расходов на содержание имперской армии и предоставление самоуправляющимся колониям финансовой ответственности в вопросах обеспечения собственной обороноспособности изменял военно-политическую ситуацию в империи в целом и вел к изменению стратегической системы обороны империи.

Имперские федеративные проекты в 70-х гг. XIX в. не имели практического воплощения и обсуждались достаточно узким кругом лиц лишь в гипотетической плоскости. Но постановка в повестку дня идеи о создании уже не межколониального, а имперского федеративного образования, неизбежно влекла за собой и необходимость разрешения задач имперской обороны применительно к новым обстоятельствам. Вопрос обороны империи, не утрачивая своей финансовой составляющей, приобретал особый смысл в контексте выработки стратегии единой внешнеполитической доктрины конфедерации. Новым и показательным было то, что мотив экономии средств на содержании вооруженных сил по защите общеимперских интересов в данном случае не столько утрачивал актуальность, но подвергался глубокой ревизии.

Преувеличивать значение данного события никоим образом нельзя. Это – лишь одна из точек зрения, высказанных одним из наиболее решительных сторонников идеи имперского единства Ю. Фогелем – известным в 60-70-х гг. XIX в. политиком – в свое время премьер-министром Новой Зеландии и генеральным представителем этой колонии в Лондоне. Многое в его схеме уже было знакомо со времен определения условий создания самоуправляющихся колоний: «каждая часть конфедерации может иметь свои собственные вооруженные силы и в случае необходимости они могут быть объединены». По мысли Фогеля, в федеральном ведении должны остаться управление флотом, сухопутными войсками, контроль над соблюдением свободы торговли. Он полагал, что Англия будет настаивать на том, чтобы колонии вносили свой вклад в материальное обеспечение флота; доля участия в контроле будет возрастать в зависимости от доли вклада. Этот вклад должен быть пропорционален численности населения и благосостояния различных частей империи. Фогель полагал необходимым особо рассмотреть проблемы обеспечения мощного флота в случае создания конфедеративного союза, ибо он был бы совершенно необходим империи для защиты как в случае скоротечных, так и затяжных военных конфликтов. Его вывод: конфедеративная империя должна позволить себе тратить на содержание флота столько, сколько нужно.

Апелляция к особой роли именно флота в деле обеспечения будущего империи (а этот акцент просматривается у Фогеля предельно отчетливо), дает основания предположить, что уже на начальном этапе обсуждения федеративных перспектив развития Британской империи высказывались идеи, позднее развившиеся в военно-морскую концепцию имперской политики «пассивной обороны» – так называемую стратегию «голубой воды». Ее сторонники выступали за расширение

предпринимательской деятельности, опирающейся на «господство на море». Эта идея позволяла избежать дополнительных расходов на оборону империи, что по разным причинам соответствовало финансовым и политическим интересам весьма влиятельных кругов и в метрополии и в колониях, заинтересованных в таком развитии событий.

Евсеев В. А.
Ивановский государственный университет

Социально-экономическая структура Вустера в эпоху Тюдоров

Перед английским обществом XVI-XVII вв. стоял ряд важных проблем. Упадок экономики в старых корпоративных городах, особенно в первой половине XVI в., был одной из них. Это было связано с дальнейшим замыканием цехов, ужесточением муниципальной и цеховой регламентации, конкуренцией сельского ремесла.

Однако не все города подобного типа оказались в состоянии хозяйственной деградации. Некоторые из них сумели пережить экономические перемены XVI столетия достаточно успешно. Одним из них был Вустер — старый корпоративный город средних размеров, расположенный на судоходном Северне — самой крупной реке Англии. В начале XVI в. Вустер занимал 16 место, а в середине XVII в. — 11 место среди провинциальных городов, по данным налогообложения. Подъем города по иерархической лестнице отразился и в росте его населения. В 1563 г. в Вустере насчитывалось 4250 жителей, а в 1646 г. — около 8000, т.е. за 80 лет количество горожан в нем выросло в 1,9 раза.

Экономическое развитие Вустера в XVI—XVII вв. имело свою специфику. В этот период в нем явно преобладала текстильная промышленность, на долю которой во второй половине XVI в. приходилось 46 %, а в начале XVII в. — 55 % всей рабочей силы города. Большинство среди них составляли ткачи-сукноделы, насчитывающие около 80 % всех текстильщиков. По сравнению с концом XIV в., доля сукноделов в Вустере увеличилась более чем в 3 раза к концу XVI в. В 1561-1562 гг. доля города в общенациональном выпуске сукна достигла 3,5 %, то есть увеличилась в 3 раза. В Вустере изготовляли широкое сукно высокого качества. Для его изготовления требовалась высококачественная шерсть, которая производилась только на Западе Англии. Само производство сукна в городе в основном находилось в руках независимых мелких ремесленников. Система раздач (тип рассеянной мануфактуры) в Вустере была редка. Суконная промышленность в Вустере, как и в других городах, регулировалась со стороны государства, городских властей и гильдий. Наиболее важным для местного сукноделия явился акт парламента от 1533 г., который непосредственно касался Вустершира. Он ограничивал конкуренцию со стороны села и разрешал производство сукна только в Вустере и четырех рыночных городках графства (Дройтвиче, Ившеме, Киддерминстере и Бромсгрове). Статут 1551 г. ограничивал стандарты местного сукна, пытаясь уравнять его с производимым в Глостершире и Уильтшире. Однако это вызвало резкие протесты со стороны сукноделов Вустера, и эти ограничения были отменены в 1557 г. Городские власти под влиянием парламентских статутов принимали свои меры, но в основном постоянный контроль над производ-

ством находился в руках местных цехов. Относительное процветание сукноделов в Вустере в течение XVI в. на фоне упадка этой отрасли в других корпоративных городах, например, в Ковентри, объяснялось слабой конкуренцией со стороны сельских ткачей в графстве, ибо их производство ограничивал статут 1533 г. Поэтому сельские ткачи производили только узкое сукно для местного потребления, а ткани из Вустера шли на экспорт, т.к. это было высококачественное широкое сукно. Именно на его производстве базировалась экономика города. В этой отрасли была занята половина его рабочей силы. Кроме того, многие ремесленники были связаны с этим главным видом производства. Таким образом, в Вустере было больше промышленных элементов, чем в других провинциальных городах подобного типа.

Следующими по численности шли в Вустере продуктовые ремесла, количество которых выросло с 12 до 14 % за период с 1540 по 1620 г., а в конце XIV в. они составляли 20 %. Примерно такое же соотношение этой отрасли было в Ковентри и Норидже. В середине XVI в. кожевенная промышленность являлась важной отраслью (11 %), но менее заметной, чем в других городах Восточного Мидленда (в Лестере она составляла 17 %). К началу XVII в. количество кожевников в Вустере сократилось до 7 %. Оставшиеся отрасли ремесленного производства были немногочисленны. Металлисты составляли от 5 до 7 %, а строителей было 2-3%.

Представители торговых специальностей (мерсеры, гросеры, дрейперы) в середине XVI в. составляли 12 % трудозанятого населения города, а в начале XVII в. всего 3 %. Количество торговцев уменьшилось в 4 раза, а состав мерсеров, представлявших среди них большинство, сократился в 7 раз. Основной причиной упадка доходов мерсеров и дрейперов явилась конкуренция со стороны Лондона и сельской округи.

Однако сокращение этих категорий купцов не привело к полному свертыванию торговли Вустера, ибо город, как указывалось выше, находился в центре важных речных и сухопутных путей. По Северну он был связан с Бристолем, куда в значительных количествах вывозились сукна, шерсть и кожи. Из городов, расположенных выше Вустера по течению Северна, для промышленности Бристоля в основном поставлялись сырье и полуфабрикаты: сырые кожи, воск, мед, заготовки для винных бочек и, конечно, шерсть. Около 1/4 всех кораблей, отправляющихся вверх по Северну из Бристоля, шли в Вустер и города, находящиеся выше него.

Радиус торгового влияния Вустера зависел от ряда факторов. Привлекательность его рынка определялась тем, что он был обменным пунктом для двух сельскохозяйственных регионов. С запада поступала продукция животноводства, а с востока шло зерно. Кроме того, Вустер был достаточно крупным городом, центром графства и церковного диоцеза. Поэтому у торговцев было меньше шансов остаться в нем с нераспроданными товарами. Однако надо иметь в виду, что размеры влияния местного рынка обычно ограничивались тем расстоянием, которое человек мог пройти пешком за день для продажи или покупки товара, т. е. не более 15 миль. Следует отметить еще одну особенность Вустера. Он больше, чем большинство городов подобного типа, зависел от рынка, особенно в снабжении продовольствием, поскольку был более промышленным, с высокой концентрацией ремесленников и почти полным отсутствием сельского хозяйства.

Социальная структура Вустера была такой же, как и в других корпоративных городах. Все население делилось на фрименов и нефрименов. К первым относились члены торгово-ремесленных гильдий, которые имели право заниматься различной экономической деятельностью и быть избранными в органы городского управления. Таких самостоятельных мастеров было около 30 % горожан. Они составляли основу городской экономики. Остальные 70 % таких прав не имели. Подобно многим другим корпоративным городам, муниципальный совет был олигархическим по своему составу. В нем преобладали представители ведущих отраслей экономики города — сукноделы (56 %) и торговцы (24 %). Они же были наиболее богатыми горожанами Вустера.

Подводя итоги социально-экономическому развитию Вустера, следует отметить, что в XVI в. особенностью экономической структуры этого города являлось значительное доминирование в нем текстильной отрасли, в которой было занято более половины всей рабочей силы. В то же время в городе была мала доля торговцев. Это, в свою очередь, влияло на социально-имущественное положение Вустера, создавая в нем значительный слой бедного населения, достигавшего около половины жителей города.

Жолудов М. В.
Рязанский государственный университет

Парламентская реформа 1832 г. и трансформация партийно-политической системы Великобритании в середине XIX в.

После принятия закона о парламентской реформе 1832 г. двухпартийная система Великобритании вступила в качественно новый период своего развития. Это было связано с политическими последствиями Билля: ликвидацией большого числа «гнилых местечек», перераспределением депутатских мест в парламенте в пользу крупных промышленных городов и графств, некоторым расширением избирательных прав средних классов. Новые политические реалии диктовали необходимость поиска новых методов и форм борьбы за власть, учитывающих усиление роли электората, палаты общин и общественного мнения. В пореформенный период начал меняться характер парламентских выборов, все чаще стали встречаться случаи реальной борьбы за голоса избирателей.

Парадоксально звучит, но в годы, последовавшие за 1832 г., вигилибералы, чьими усилиями в основном и был принят Великий акт о реформе и которые поэтому имели высокий авторитет в британском обществе, плохо приспосабливались к новым политическим условиям, в то время как ториконсерваторы значительно опережали своих политических противников в создании партийной структуры, форм и методов борьбы за власть. Результаты не заставили себя ждать — в палате общин медленно, но поступательно стало расти число депутатов от консервативной партии.

У либеральной партии отсутствовала какая-либо написанная программа. В этом она значительно уступала консервативному лагерю, так как уже в 1834 г. Р. Пиль выступил с общенациональным избирательным манифестом, так называемым Тамвортским манифестом, который сыграл роль первой партийной про-

граммы консерваторов. Манифест был составлен в духе умеренного реформизма, что являлось альтернативой радикализму вигов и радикалов и торизму ультратори. Этот документ способствовал сплочению консервативной партии, преодолению внутреннего кризиса и выдвижению Пиля в признанные лидеры партии. Либералы не последовали примеру своих политических оппонентов, так как представляли собой коалицию, и им чрезвычайно сложно было выработать единый программный документ, который удовлетворил бы интересы всех сторон. Либералы использовали вместо стройной программы целый набор политических лозунгов, наиболее популярными из которых были следующие: «Реформа», «Сохранение мира», «Сокращение государственных расходов», «Свободная торговля», «Веротерпимость» и т. д.

После принятия нового избирательного закона существенно изменилась ситуация с развитием сети местных партийных организаций. В Акте 1832 г. содержалось положение о регистрации избирателей — сторонников той или иной партии. Предусматривалась ежегодная регистрация избирателей и уплата ими определенной суммы денег при внесении в избирательные списки. Уже в том же 1832 г. появились первые регистрационные общества: у либералов — Рочдейльская ассоциация реформ, у консерваторов — Ливерпульская консервативная ассоциация. Консерваторы активнее и успешнее использовали новую регистрационную систему, и даже иногда вносили необходимые деньги за избирателей. Однако сеть локальных партийных организаций развивалась очень медленно. Одной из главных причин такой ситуации являлось то, что в большинстве избирательных округов выборы членов парламента были безальтернативными.

Принятие Акта о реформе вызвало потребность в создании центральных координирующих органов партий. В 1832 г. по инициативе герцога Веллингтона был образован клуб «Карлтон» — политический клуб консерваторов, обладавший значительным влиянием в консервативной партии. «Карлтон», являясь закрытым учреждением, давал возможность политической элите консерваторов, членам палаты общин и палаты лордов ежедневно встречаться в неформальной обстановке. В 1834 г. умеренные радикалы создали так называемый Вестминстерский клуб, который вскоре стал именоваться Вестминстерским клубом реформ. Но ввиду известной политической несамостоятельности радикалов этот клуб оказался нежизнеспособным и просуществовал лишь до 1838 г. Роль штаб-квартиры либеральной партии стал играть созданный в 1836 г. клуб «Риформ», объединивший как радикалов, так и вигов, то есть всех тех, кто не был консерватором и стоял на реформаторских позициях.

Во второй половине 30-х гг. XIX в. определилась особая тенденция в процессе формирования либеральной партии Великобритании, выразившаяся в сглаживании крайностей во взглядах различных группировок либеральной коалиции и переходе как правых вигов, так и левых радикалов на более умеренные, центристские позиции.

Промышленный переворот и связанные с ним изменения в социально-политической структуре положили начало процессу перегруппировки в двухпартийной системе Великобритании. На рубеже 20–30-х гг. XIX в. в стране начался довольно длительный переходный период, в ходе которого происходила постепенная замена системы «тори – виги» на систему «консерваторы – либералы». Перегруппировка партий была неразрывно связана с развитием индустриального

общества в Великобритании. Выдвигая новые социально-политические концепции, она объективно способствовала сохранению относительной стабильности и социального мира в стране. Перегруппировка являлась не простой сменой названий партий, а сложным качественным процессом изменений политических и социальных структур Великобритании.

Партийная перегруппировка означала необходимость серьезного пересмотра программных установок «старых» парламентских партий тори и вигов. Тори, бывшие у власти в течение почти всей первой трети XIX в., сначала не смогли перестроить свою программу в соответствии с новыми веяниями времени и поэтому переживали период глубокого раскола. Виги же оказались более восприимчивыми к новым реалиям, проявили гибкость и компромисс в отношениях с различными социальными слоями Великобритании. Сохранив политическое единство, они возглавили либерально-реформистское движение в стране, провели в жизнь парламентскую реформу 1832 г., доминировали в британской политике на протяжении почти всего оставшегося XIX в. Однако, из-за идейной и организационной разобщенности они упустили инициативу. В результате у власти вновь оказались консерваторы, сформировавшие кабинет под руководством «разумного» консерватора Р. Пиля (1841-1846 гг.) Деятельность правительства Р. Пиля завершилась принятием весьма либерального акта об отмене «хлебных законов» (1846 г.), что привело, правда, к очередному расколу консерваторов.

Двухпартийная система Великобритании 30-40-х гг. XIX в. обладала высокой эффективностью в политическом процессе, являясь весьма устойчивым организмом. Объясняется это, прежде всего комплексом социально-экономических и идеологических факторов исторического развития страны. Правящая элита Великобритании всегда была заинтересована в поддержании состояния равновесия в отношениях двух главных политических партий. Однако такой курс неизбежно вызывал недовольство тех социальных сил, чьи интересы ущемлялись двухпартийной системой. Возникала возможность появления третьей партии. В таком случае одна из партий выступала с идеей реформаторства, таким образом переманивая на свою сторону хотя бы часть социальной базы возможной третьей партии. Движению за третью партию наносился смертельный удар (так было с радикалами, фритредерами и чартистами).

В XIX в. двухпартийная система Великобритании совершила переход от аристократических парламентских партий в начале века до массовых партий общенационального типа в его конце. В 30-40-х гг. XIX в. (после принятия Великого билля о реформе 1832 г.) происходила выработка новых идеологических принципов британских политических партий, шел процесс формирования партийных структур, создавалась сеть локальных партийных организаций.

Жуков Д. С.
Тамбовский государственный университет

Процессы региональной интеграции в Британской империи в XIX в.: опыт развития инклюзивного суверенитета

Федерализация внутри Британской империи, то есть создание доминионов (крупных самоуправляющихся союзов переселенческих колоний), во многом

определила вектор развития не только самих «белых» колоний, но и всей империи. Под эгидой Британии в XIX – начале XX в. было создано несколько жизнеспособных федераций, превратившихся ныне в динамично развивающиеся независимые государства и сохранивших свою целостность, несмотря на обширность территории, внутренние национальные противоречия, экономические и политический кризисы. Британский имперский опыт создания федеративных государственных образований заслуживает самого пристального внимания прежде всего потому, что региональная интеграция нескольких государств является одной из наиболее характерных черт современного миропорядка.

В постиндустриальном обществе мы наблюдаем новый качественный этап эволюции политических структур. Разработчиком концепции инклюзивного суверенитета является немецкий исследователь Ульрих Бек. Эксклюзивное различие представляется Беку как строгое исключение одного другим, а инклюзивное различие – как комплекс дополняющих друг друга и не исключающих друг друга различий. Реализации эксклюзивного сценария политической интеграции означает строгую унификацию политических структур участников, а инклюзивный сценарий предполагает связанность разнородных частей, единых в рамках интеграционного объединения благодаря не одинаковости, а специализированности и взаимодополняемости. Соответственно, эксклюзивный суверенитет означает исключительное господство национального государства на определенной территории, а инклюзивный суверенитет – передачу некоторых функций суверенитета неким политическим метаструктурам вне национального государства для косвенного приобретения дополнительных суверенных функций в рамках новой инклюзивной политической общности.

Ульрих Бек считает интегрирующуюся Европу «лабораторным экспериментом инклюзивного суверенитета» («транснациональным государством»), однако мы можем указать на более раннюю и не менее грандиозную попытку реализовать инклюзивный сценарий государственного развития. Речь идет о Второй Британской империи.

Теория игр (не только карточных, но и политических) отличает игру с нулевой суммой (когда один игрок выигрывает ровно столько, сколько проигрывает другой) от игры с прибылью (когда могут выиграть все игроки). Если признать, что перераспределение власти в системе трех групп властных органов – на уровне колонии, федерации колоний (то есть доминиона) и метрополии – есть игра с нулевой суммой, то следует сказать, что доминион, формируя свою сферу полномочий, должен был ослаблять (оттягивая на себя) полномочия колоний-частей или метрополии, или тех и другой одновременно. Это верно, если предположить, что доминион – это образование с эксклюзивным суверенитетом.

Или отношения указанных выше трех групп властных органов – это не игра с нулевой суммой? Властные отношения в транснациональном государстве У. Бека (и в «белой» империи как сообществе доминионов) в условиях инклюзивного суверенитета можно интерпретировать как игру с прибылью. В ходе создания доминионов, таким образом, была предпринята попытка перейти от одного типа игры к другому, когда никто из политических участников интеграции не теряет, а все приобретают власть, путем координации и консолидированного

решения общих проблем, добиваясь влияния за пределами своих частных юрисдикций.

Идея создания Имперской Федерации, то есть созыва общеимперского парламента (и распространения принципов федерализации в регионах империи на всю империю) представляла собой по существу проект перехода к инклюзивному суверенитету в рамках всей империи. Уже в XIX в. стало очевидным, что империя распадается на эксклюзивно-суверенные образования, и объединить их можно было бы строительством инклюзивного транснационального государства.

Сущность проекта Имперской Федерации заключалась в формировании общеимперского парламента с участием представителей «белых» колоний. Однако эта идея не была востребована, поскольку ее осуществление вело к кардинальному изменению британской политической модели в самой Британии.

Зудов Н. Е.
Тамбовский государственный университет

Регламентирование внутриимперской эмиграции в австралийские и новозеландские колонии Великобритании в 60-е гг. XIX в.

Начало 60-х гг. XIX в. не отмечено какими-либо особыми событиями в области эмиграционной политики. Документы имперского и колониальных правительств отражают рутинный процесс налаживания механизма регулирования внутриимперской эмиграции, приобретшей значительный масштаб в 50-х гг. XIX в. Поэтому они носили конкретный характер, во множестве содержали частные детали различных сторон процедуры въезда-выезда. В марте 1863 г. управление по делам эмиграции выпустило меморандум, содержащий информацию для будущих эмигрантов. Как следует из этой инструкции, существовал ряд колоний, поддерживавших иммиграцию из Соединенного Королевства за счет государственных фондов. В разряд таких колоний входили Виктория, Новый Южный Уэльс, Квинсленд, Южная Австралия, Кап и Наталь. В каждой из них имелись свои собственные нюансы. Осуществлялась эта политика по большей части при поддержке специальных уполномоченных по эмиграции.

Иммиграция в Викторию за счет колониальных фондов регулировалась инструкциями местных органов власти, обнародованными 24 июня 1862 г. Согласно этим инструкциям, эмиграционные комиссары были наделены властью отбирать будущих переселенцев из числа не состоящей в браке домашней прислуги женского пола и обеспечивать им бесплатный проезд на зафрахтованных для этой цели судах. Также жители колонии могли, заплатив колониальному правительству установленные платежи, приобрести так называемую «Пассажирскую гарантию». Существовал четко определенный круг судовладельцев, заключивших контракт на перевозку владельцев «гарантий». Эмигранты были обязаны ехать именно кораблями обозначенных в меморандуме компаний. Исключение делалось лишь для «не имевших защиты одиноких женщин», которые могли воспользоваться судами комиссаров по эмиграции. «Пассажирские гарантии» Виктории имели силу в течение 9 месяцев с момента их выдачи в колонии и, с санкции правительственного комиссара по эмиграции, их можно было передавать другому

лицу. Особо оговаривалось, что комиссары не имели права продлевать действие документа и передавать мужчинам «гарантию», выпущенную для женщины.

Бесплатная эмиграция в Квинсленд также осуществлялась через комиссаров за счет целевых фондов, предоставлявшихся местным правительством. Однако на момент выхода меморандума деньги колонией комиссарам предоставлены не были, и они не имели средств для обеспечения бесплатного переезда в колонию. Кроме того, правительство Квинсленда также выпускало «пассажирские сертификаты». К тому же они были гораздо дешевле. Квинсленд имел собственную систему, стимулирующую самостоятельную эмиграцию. Люди, прибывшие в колонию за свой счет, имели право на земельный надел. Существовал еще один совершенно специфический стимул для переезда в эту колонию: мистер Джордан – квинслендский агент по эмиграции в Лондоне – во исполнение специальной инструкции, принял меры, в соответствии с которыми люди могли прибывать в Квинсленд на частных кораблях за более низкую плату. Но эта возможность существовала только для «почтенной домашней прислуги», предварительно одобренной самим Джорданом. Однако в этом случае земельные наделы не предоставлялись.

Свои особенности имелись и при эмиграции в Южную Австралию. Так, кандидаты отбирались не комиссарами Короны, а специальным агентом, назначенным для этой цели правительством колонии. Но отправлялись эмигранты также на судах, зафрахтованных и снаряженных правительственными уполномоченными по эмиграции.

К людям, имевшим право на помощь в проезде в эту колонию, относились опять же «слуги женского пола», сельскохозяйственные рабочие, скотоводы и пастухи «высоких моральных качеств». Для эмиграции в Южную Австралию существовал еще один, уже знакомый способ – «пассажирский сертификат», который могли приобрести жители колоний для своих родственников и друзей. Каждый эмигрант, еще до посадки на корабль должен был подписать обязательство не покидать колонии в течение двух лет.

В соответствии с меморандумом, системы бесплатного проезда ни в одну из девяти провинций Новой Зеландии не было. Тем не менее, власти Кентербери выделили уполномоченным по эмиграции сумму в размере 10000 ф. ст. на переправку в провинцию людей из «бедствующих районов Ланкашира». Такую же позицию занимали власти провинции Окленд: они не оказывали помощи в оплате проезда, но в Лондоне были два агента, уполномоченные местным правительством выделять землю тем людям, которые самостоятельно переехали в Окленд. Для того, чтобы воспользоваться этой привилегией, эмигранты до отъезда из Англии должны были получить соответствующие документы у оклендских агентов.

Меморандум включал в себя также инструкцию для эмигрантов, отправлявшихся в колонии на кораблях, снаряженных уполномоченными по эмиграции. Согласно этой инструкции, корабли комиссаров отправлялись из Саутгемптона, Плимута и Биркенхеда. В этих портах существовали специальные лагеря для временного размещения мигрантов.

Меморандум предписывал обеспечение эмигрантов во время путешествия бесплатным питанием. Документ содержит подробный список продуктов, которые путешественники должны были получать.

Инструкция обязывала эмигрантов явиться к отправке, имея собственную одежду, причем ее количество строго регламентировалось и подлежало проверке со стороны специального чиновника.

Меморандум правления по делам эмиграции определял и количество багажа, которое позволялось взять на корабль. Строго запрещалось перевозить матрацы и пуховые перины, вероятно, из-за боязни занести на корабль паразитов.

Помимо бесплатных продуктов эмигранты должны были обеспечиваться матрацами, одеялами и покрывалами, посудой для приготовления пищи, ножами, вилками, ложками, металлическими тарелками, которые в конце рейса отдавались тем эмигрантам, кто «вел себя хорошо». Также незамужние женщины должны были снабжаться полотном и шерстью, чтобы во время рейса иметь возможность заниматься рукоделием «для пользы и развлечения».

По достижении колонии иммигранты в течение нескольких дней могли находиться в правительственных лагерях пока не найдут себе работы. Особо оговаривалось, что они не связаны никакими обязательствами и могут самостоятельно искать место службы.

Таким образом, может сложиться впечатление о наличии четко налаженной системы эмиграции в австралийские колонии. Однако отчеты колониальных губернаторов показывают, что подобная система находилась скорее в стадии разработки и не была постоянно действующей. Изучение колониальных отчетов позволяет говорить об известной самостоятельности колоний в этом вопросе. Важно отметить, что данные об иммиграции сопровождали отнюдь не все отчеты колониальных губернаторов. Это дает основания считать, что они воспринимали данную проблему весьма рутинной, не требующей постоянного пристального внимания. Фрагментарность и нерегулярность предоставления губернаторами имперскому правительству информации по этому вопросу позволяет также предположить отсутствие в данный период стройной системы регулирования миграционного процесса. Кроме того, разнообразие способов, которыми можно воспользоваться для переезда в колонии, говорит о том, что единой государственной миграционной системы не существовало. Все вопросы такого рода решались на уровне местных властей отдельной колонии. По всей видимости, вопрос об объеме и характере финансирования эмиграции решался ежегодно и зависел от интересов и материального положения колонии.

Зулькарнаева Е. З.
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Проблемы социальной политики в деятельности консервативного правительства Солсбери (1886–1892 гг.)

Несмотря на то, что в предвыборной программе консерваторов социальные вопросы почти не прозвучали, произошло именно так, что в указанный период был проведен целый ряд социальных мероприятий. На то были серьезные основания, которыми консерваторы не смогли пренебречь: а) осознание потенциальной угрозы со стороны левонастроенной общественности; б) давление со стороны союзников по антигомрулевскому альянсу – либерал-юнионистов (но при этом

его нельзя преувеличивать, поскольку консерваторы представляли в палате общин почти абсолютное большинство).

В 1887 г. парламент принял закон о регулировании труда на шахтах (касался главным образом вопросов техники безопасности). Однако принципиальных изменений в условия труда он не принес. С этого же года шахтеры стали требовать введения восьмичасового рабочего дня, но правительство и парламент сочли его «преждевременным».

Администрация консерваторов, столкнувшись в конце 1880-х гг. с волной рабочего движения, была вынуждена разработать билль об ответственности работодателей за производственный травматизм. Принятый в 1888 г. закон пролонгировал подобный акт 1880 г., но с усилением внимания фабричных инспекторов и местных властей. Также с конца 1880-х гг. правительство начало рассылать муниципальным органам циркуляры, требовавшие от них обеспечения безработных общественно-полезными занятиями (строительство дорог, мостов и т. д.). В 1890 г. правительство явилось инициатором создания специальной комиссии по исследованию положения на рынке рабочей силы.

Примечательно, что в жилищном вопросе лидер тори испытывал особый личный интерес. Более того, в этой сфере он допускал активное государственное вмешательство. В 1890 г. был принят правительственный билль, провозглашавший право местных властей с разрешения мировых судей сносить непригодные для проживания дома, а с разрешения парламента – целые кварталы; местные власти должны были создавать специальные советы, в компетенцию которых входило строительство многоквартирных домов для сдачи их в наем рабочим.

В сфере образования консервативному кабинету удалось провести заявленную линию – поддержать образовательные учреждения с религиозным обучением (а это большей частью с преподаванием англиканской догматики). В соответствии с Образовательным Кодексом 1890 г., таковым предусматривалось увеличение правительственных грантов. В ходе обсуждения проекта Образовательного Кодекса премьер-министр изменил своим прежним взглядам, заявив о необходимости введения бесплатного обучения в начальных школах. Но подготовленный в 1890 г. билль не удалось провести из-за резкого обострения взаимоотношений консерваторов и ирландских националистов.

Необходимость в стране квалифицированных кадров побудила тори в конце XIX в. отойти и от других установок. Именно II кабинет Солсбери стал пионером в предоставлении правительственных грантов лучшим университетам и колледжам страны. Кроме того, в 1889 г. был принят закон, обязывавший местные власти вести работу по распространению технических знаний среди населения.

Консерваторы также смогли провести программный пункт об ограничении пьянства в стране. В 1888 г. парламент вынес решение: ограничить выдачу лицензий заведениям, продающим алкогольные напитки и признать право жителей какой-либо местности вообще запрещать торговлю алкоголем на своей территории.

В вопросах, касавшихся защиты детей, общественного здравоохранения, условий жизни беднейших слоев населения были осуществлены мероприятия, но назвать их значительными не представляется верным. Они носили вторичный характер, не вызывали в парламенте острых дискуссий.

После слома обструкции ирландских националистов в парламенте в конце 1890 г. правительство вновь вернулось к вопросам трудового законодательства. В

феврале 1891 г. в парламенте был представлен правительственный законопроект об условиях труда на фабриках и мастерских, согласно которому предусматривалось усиление полномочий фабричных инспекторов по контролю техники безопасности. Однако подписанная правительством Солсбери на международной конференции в Берлине (март 1890 г.) резолюция о том, что на фабриках не должна допускаться работа детей младше 12 лет не была реализована. Соответственно, в ходе дебатов по указанному биллю главным объектом критики оппозиции стало положение об использовании детского труда (согласно биллю, допускались к работе дети в возрасте от 10 лет). В итоге был принят компромиссный вариант – в законе (июль 1891 г.) фиксировался ценз в 11 лет. В этом же году лидер либерал – радикалов (и противник Гладстона в отношении гомруля) Дж. Чемберлен призвал консерваторов ввести восьмичасовой рабочий день для шахтеров, пенсии по старости для бывших рабочих, но не нашел поддержки. В то время как либерал-гладстонианцы (накануне парламентских выборов) стали демонстрировать готовность начать работу в этих направлениях.

С другой стороны, администрация Солсбери в июле 1891 г. провела законопроект о введении в стране бесплатного начального образования, вызвавший сопротивление правых консерваторов. Отныне общественные школы должны были финансироваться из бюджета государства (из расчета 10 шиллингов на ребенка в год), а добровольные школы – из бюджета местных органов (но также из расчета 10 шиллингов на ребенка в год).

По поводу социальной политики консерваторов также необходимо отметить, что по их инициативе были приняты в июле 1891 г. закон об общественном здравоохранении в Лондоне (ужесточал санитарные нормы), в мае 1892 г. – закон о введении максимального рабочего времени (72 часа в неделю) для несовершеннолетних в торговых заведениях.

Итак, изучение социальной политики правительства Солсбери (1886-1892 гг.) позволяет резюмировать следующее. Консерваторы не сочли необходимым вносить в свою программу проведение широких социальных мероприятий – внесли только пункты об ограничении работы питейных заведений и поддержке учебных заведений с религиозным обучением, но рост рабочего движения и возникновение организаций левого толка побудили правительство заняться трудовым законодательством, вставшим на первое место среди социальных вопросов, рассматриваемых в 1886-1892 гг. Решение правительством вопросов трудового законодательства имело вынужденный и ограниченный характер.

Нельзя однозначно оценивать деятельность правительства в жилищной сфере. С одной стороны, премьер-министр был последователен и деятелен в этой области. С другой, закон о строительстве жилья для рабочих 1890 г. оказался неэффективен. На наш взгляд, вина в первую очередь лежит на органах местной власти и только потом на правительстве, которое не осуществляло должного контроля над претворением закона. Вместе с тем, дабы быть объективными, надо отметить, что в конце 1880-х гг. органы местной власти стали объектом реформирования и, соответственно, переживали «болезнь роста».

Правительство Солсбери внесло лепту в развитие национального образования, введя законы о бесплатном начальном образовании, техническом образовании, предоставляя гранты лучшим университетам и колледжам страны. Лидер тори добился реализации своего подхода – защиты школ с преподаванием основ

англиканизма от чрезмерного, на его взгляд, общественного контроля, инициировавшегося либералами. Вопросы защиты детей, общественного здравоохранения, алкоголизма имели второстепенный характер в сравнении с вышеперечисленными областями социальной политики. Тем не менее, была усилена роль государства в этом секторе.

С другой стороны, правительство Солсбери сохранило статус-кво относительно проблем, касавшихся бедности. Солсбери, принимая во внимание усиление роли простых избирателей (главным образом, рабочих) на исход парламентских выборов, в середине 1892 г. изменил своим прежним взглядам, провозгласив социальную политику необходимой частью деятельности консерваторов.

Ивонин Ю. Е.
Смоленский государственный университет

Англия и герцоги Саксонские на рубеже 50-х–60-х гг. XVI в.

Политика Англии по отношению к протестантским княжествам Германии в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. имела ряд особенностей. Если экономические и политические особенности, именно интересы английской торговли в Атлантике и укрепление внешнеполитического суверенитета по отношению к иностранным государствам и политическим силам, хорошо известны, то тенденция «протестантской солидарности» во внешней политике Елизаветы I Тюдор (1558-1603 гг.) обычно рассматривалась до недавних пор преимущественно как светская политика, прикрываемая фразами об общих интересах в защите протестантизма.

Между тем есть смысл подойти к проблеме отношений Англии с континентальными протестантскими силами также с точки зрения концепции конфессионализации, подразумевающей тесное взаимодействие конфессии, общества и государства в Европе второй половины XVI – первой половины XVII в. Наиболее обстоятельно эта концепция разработана во многих работах крупного современного немецкого историка Х. Шиллинга, в том числе касательно международных отношений. Между 1560 и 1650 гг. европейская история во многом определялась парадигмой конфессионализации в отношениях общества и государства. Конфессия также формировала «баланс конфессий», связанный с европейским балансом сил в международных отношениях. Конфессионализация внешней политики, разумеется, не была ни тотальной, ни абсолютной. Важно отметить, что конфессионализация привела к утверждению территориальных и национальных церквей, находившихся в подчинении государственных властей.

Вопрос, конечно, заключается в том, в какой степени конфессионализация проявлялась во внешней политике Англии при Елизавете I и, в частности, в отношениях с протестантскими княжествами Германии. Английские стратегические интересы подкреплялись поддержкой протестантов на континенте. Поддержка кальвинистов за рубежом сочеталась с преследованиями английских кальвинистов (пуритан) как отступников от официальной англиканской церкви. Елизавета была прагматиком в политике и не ставила религию на первое место, а государство на второе, но религия, как бы то ни было, занимала значительное место в ее делах. В эпоху конфессионализации и в условиях религиозных войн во Франции и восстания в Нидерландах против испанского владычества политика равновесия

сил требовала смены акцентов и смещения в сторону «протестантской солидарности».

14(25) сентября 1555 г. между Фердинандом и протестантскими князьями был заключен Аугсбургский религиозный мир. Политическая и территориальная структура Империи способствовала сохранению Реформации в Германии. Возникали различные территориальные группировки и конфликты. Соперничество между князьями, нередко носившее конфессиональную окраску, отнюдь не прекратилось: на рейхстагах продолжались религиозные споры. Ввиду осторожности курфюрста Августа Саксонского и негативного отношения к преследованиям протестантов во Франции большинство протестантских князей Германии довольно холодно отнеслось к намерениям французского короля Генриха II обратиться к ним за помощью. По существу лишь герцог Саксонский Иоганн Фридрих II в надежде вернуть с помощью Генриха II титул курфюрста и укрепить свой международный престиж, начал переговоры с французским королем. Иоганн Фридрих II все же был склонен к заключению союза с Францией. Но французское правительство все же не заключило союза с Иоганном Фридрихом II.

Весьма интересно складывались в конце 50-х - начале 60-х гг. XVI в. отношения протестантских княжеств Германии, в том числе и обоих саксонских Домов, с Англией. После смерти католички Марии Тюдор (1553-1558 гг.) на английский престол взошла известная своей склонностью к протестантизму Елизавета I. Стремясь укрепить свои позиции как внутри страны, так и на международной арене, молодая королева проводила довольно осторожную политику. Елизавета пыталась, хотя и не всегда успешно, получить как можно больше выгод от заключения мира в Като-Камбрези с тем, чтобы продолжить начатую ее отцом политику конфессионально-государственной интеграции. В этой ситуации начинается восстановление ранее прерванных отношений между Англией и некоторыми протестантскими княжествами Германии, в том числе с Саксонией. С воцарением на английском престоле Елизаветы оживились надежды протестантских князей Германии на установление союзнических отношений с Англией. Герцог Вюртембергский готов был предоставить английской королеве военную помощь в размере 10 или 15 тысяч солдат, если она согласится присоединиться к германским князьям на основе «Аугсбургского Исповедания» 1530 г. Впрочем, Елизавета отнеслась к этому предложению весьма осторожно, не желая и не имея возможности открыто заключать подобный религиозно-политический союз. Полного согласия между Елизаветой и протестантскими князьями достигнуто не было. Однако шаг к негласному, но фактическому союзу протестантских сил все же был сделан.

Активный интерес к укреплению отношений с Англией проявили саксонские герцоги. В Дрезденском архиве хранятся весьма объемистые сообщения эрнестинских послов в Лондоне о восшествии Елизаветы на английский престол и ее первых мероприятиях. Особенно радовало саксонских послов то обстоятельство, что практически все сановники Елизаветы были протестантами. Разумеется, их вполне удовлетворила и полная замена всех католических епископов протестантами и возвращение в Англию многих теологов, находившихся во время царствования Марии в эмиграции на континенте. С большим воодушевлением описана церемония коронации Елизаветы. Естественно, что в письме отдельно упомянуто о восстановлении англиканской церкви. Информация была довольно благоприятной для герцога Саксонского. Однако он не сразу отреагировал. Конечно,

его интересовали прежде всего восстановление англиканской церкви в Англии и окончательный разрыв отношений Англии с Испанией. 9 июля 1559 г. Иоганн Фридрих II послал своим агентам в Лондон инструкцию, в которой содержалось предписание сообщить английской королеве о том, что его настолько радует восстановление англиканской церкви, но он надеется на сближение англиканства и принципов «Аугсбургского Исповедания». Кроме того, в задачу послам вменялось предложить Елизавете дружбу и конфедерацию с саксонским герцогством. Герцог обязывался предоставить Англии конных и пеших наемников (правда, за счет английской казны) и просил в случае военных действий против Саксонии, надо полагать, со стороны католических, княжеств или Габсбургов, оказать ей финансовую помощь в размере 100 тысяч крон.

Ответ английской королевы был благожелательным. Она выразила готовность начать переговоры между Англией и герцогством Саксонским. В контексте освещаемой проблемы для нас интересна и примечательна фраза: «Дело религии по достоинству занимает у нас первое место, что будет Вашим Превосходительством одобрено, и легко явствует из Ваших советов, что мы одобряем и чему прежде следовали и не менее будем следовать после Вашего совета, чтобы Ваше Превосходительство не считало свои благочестивые труды напрасными». Представляется, что здесь явно просматривается идея «протестантской солидарности».

Контакты английской королевы с веймарским двором продолжились и в последующие годы. Правда, тональность писем Елизаветы Иоганну Фридриху II мало изменилась – она одобряла в послании саксонскому герцогу от 8 августа 1562 г. его рвение в деле укрепления Реформации и выражала готовность установить дружеские отношения с князьями-сторонниками «Аугсбургского Исповедания». Политика Елизаветы в отношении протестантских князей Германии вполне понятна в контексте ее отношений с французскими гугенотами. Только после начала религиозных войн во Франции Елизавета пошла на заключение соглашения с вождями гугенотов 19 сентября 1562 г. Елизаветинская Англия становилась так или иначе надеждой протестантов на континенте, хотя тесного сотрудничества не последовало.

Отношения Англии с протестантскими князьями Германии, в том числе с герцогами Саксонскими, не были скреплены заключением союза. И не только из-за позиции Лондона. Отношения с осторожным курфюрстом Саксонским Августом, опасавшимся обострить отношения с Габсбургами, практически не сложились. Во всяком случае, континентальные протестанты продолжали рассматривать Англию как одно из важных звеньев в цепи «протестантской солидарности» не только в век конфессионализации, но и в последующие времена.

Ивонина Л. И.
Смоленский государственный университет

Герцог Мальборо и его друзья (к проблеме дружеских отношений в мире «дворов и альянсов»)

Политические потрясения и войны – это не только взрыв противоречий в одном государстве, между несколькими державами или в рамках целой системы. Это еще и взрыв эмоций, когда многие человеческие понятия – долг, честь, вер-

ность, дружба – особенно проверяются на прочность. Вообще дружба – понятие социальное, психологическое, историческое – является одним из естественных и наиболее многогранных проявлений общественного бытия. Истории известны примеры истинной дружбы, а ее узы нередко оценивались крепче родственных, что неудивительно – родственные отношения человек с рождения получал де-факто, а вот дружеские отношения завязывал либо вследствие порывов своего сердца и души, либо вследствие различных рациональных мотивов. Самой крепкой являлась дружба, когда те и другие мотивы совпадали.

В анналах британской и европейской истории Джон Черчилль, герцог Мальборо оставил заметный след как талантливый полководец, незаурядный политик и человек. Как государственный деятель, этот знаменитый англичанин способствовал утверждению в Британии принципов Славной революции 1688 г. и протестантского престолонаследия, а как военачальник и дипломат эпохи войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) – победе новых реалий в международных отношениях в Европе. Несмотря на просчеты последних лет войны, Мальборо явился одним из первых образцов современного политика, способного сообразовываться с ситуацией и менять свои политические пристрастия в целях личной выгоды и, как это часто бывает, выгоды своего государства.

Определить дружеский круг Мальборо помогают его личные связи, поскольку политических сторонников у герцога было много даже в годы опалы. Его друзьями можно назвать нескольких человек - Сару Мальборо, Фрэнсиса Хэа, Сиднея Годолфина и Евгения Савойского.

На их взаимоотношения в значительной степени воздействовало время - мир «дворов и альянсов», удивительный барочный мир, характерный только для переходной эпохи Классической Европы, в котором понятия ранга и репутации приобрели новое качество и концентрировали, во многом благодаря Версалю Людовика XIV, международное дворянство и дворянскую придворную культуру. Британия с ее развивавшейся парламентской монархией не выпадала из этого круга, ибо являлась органической и важной частью европейской цивилизации, в рамках которой сама формула «Европа» с 1700 г. стала идеологической основой международного права, державшей в равновесии всю систему государств. Одновременно это была и эпоха Просвещения с ее неотъемлемой чертой – рационализмом, дополнявшимся в Англии еще и принципами разумного эгоизма. В русле такой многоликости Классической Европы весьма разноплановым являлось и понятие дружбы. С одной стороны, оно во многом сохраняло рыцарский характер, когда дружеские узы могли превалировать над собственными рациональными побуждениями и интересами государства; с другой – все чаще имели место последние, ярким примером чему было соперничество и взаимное доносительство при европейских дворах.

В принципе, жены редко бывают друзьями – для этого необходимо быть не только преданной, но и достичь такой степени политической зрелости, чтобы понимать и реально влиять на деятельность мужа. Сара Дженнингс, герцогиня Мальборо, способствовала карьере супруга и являлась его другом всю жизнь. Обладая твердой волей и незаурядным умом, Сара была лучшим советником Джона Черчилля, активно вмешивалась в политику и долгое время являлась самой близкой подругой королевы Анны Стюарт. Для Мальборо, как он сам писал, она была «любовью, комфортом, вдохновением...». Супруги составляли идеальную

пару: были исключительно умны, стремились к вершинам власти и любили деньги.

Вплоть до XX в. большинство жизнеописаний Мальборо основывались на сочинениях верховного капеллана английских войск на континенте во время войны за испанское наследство, известного ученого и пропагандиста вигской политики, его преданного друга и защитника Фрэнсиса Хэа. В 1700 г. Хэа поступил на службу к герцогу в качестве воспитателя его сына. В августе 1705 г. из-под его пера вышла «Жизнь и славная история Джона Мальборо, князя Империи, генерала союзных сил...», дополненная в 1706 и 1711 гг. В 1712 г. первая биография Мальборо была переведена на голландский и французский языки и распространилась на континенте. Она стала частью европейской пропаганды деяний герцога и лучшим мифом о патриоте и рыцаре без страха и упрека, активно используемом биографами Мальборо и британскими историками от Т. Ледьярда, выпустившего в 1736 г. трехтомную биографию герцога, до Т. Маколея, Дж. Тревельяна и У. Черчилля.

В плане светской карьеры важную роль в жизни Мальборо играла дружба с Сиднеем, графом Годолфином. Эти политики фактически управляли Англией в первом десятилетии XVIII в. и не случайно были названы дуумвирами. Гармоничные отношения между ними дополнялись родственными узами. В «дуумвирате» Мальборо был молчаливым старшим партнером, военно-политические обязанности которого в Европе делали невозможным играть активную роль в Тайном Совете. Но лорд Сидней не был тенью Мальборо в правительстве: он слыл опытным администратором и осуществлял связь между кабинетом министров, парламентом и короной, а консультации с Мальборо были для него чрезвычайно важным элементом процесса принятия решений.

С имперским главнокомандующим Евгением Савойским Мальборо впервые встретился во время знаменитого похода на Дунай 1704 г., в результате которого он получил европейскую известность. Английский полководец увидел маленького человека, больше похожего на монаха, чем на солдата, но вскоре тот так сумел завоевать его расположение, что они стали понимать друг друга с полуслова. С этого времени история дает нам яркий и редкий пример дружбы и сотрудничества двух великих героев и политиков. Современники их часто сравнивали с Кастором и Поллуксом. При этом манеры, внешний вид и особенно характеры этих двух людей существенно различались. Мальборо был храбр, но расчетлив, а Евгений, внучатый племянник первого министра Франции в 1643-1661 гг. кардинала Мазарини, являлся страстной и героической натурой. Они прекрасно дополняли друг друга: Евгений признал за Джоном верховное командование, а Черчилль без него не принимал серьезных решений.

Настоящая дружба проверяется во время неудач и падений. Победа тори на выборах 1710 г. и не принесшая особых успехов военная кампания 1711 г. ослабили политические позиции герцога. Возможно, он понес бы больше моральных и материальных утрат, если бы не поддержка друзей. Годолфин, Хэа и, конечно, жена, инициировали создание группы Холиуэлл (Holywell), выступившей в защиту Мальборо в парламенте и начавшей в прессе кампанию против тори – сторонников мира с Францией. А 5 января 1712 г. в Лондон прибыл Евгений Савойский и демонстративно остановился в доме военного соратника и друга. Королеве пришлось дать аудиенцию и устроить бал в честь имперского полководца. Не-

смотря на то, что его миссия в защиту Мальборо и переговоры о продолжении войны не удались, для тори это были тяжелые дни: правительство опасалось проявления народной симпатии к победителю-принцу, а вместе с ним – к Мальборо и вигам.

Яркие натуры всегда сложные, противоречивые и чаще всего эгоцентричные. К дружбе они, в зависимости от рода их деятельности, относились поразному. Если талантливый представитель духовной сферы мог охотно допускать в своем кругу иные мнения и иметь случайных приятелей, то политик невольно совмещал свои дружеские симпатии с политическими соображениями. Для политика друг – это еще и соратник. Мальборо и круг его друзей в этом плане являлись классическим примером. Вместе с тем, их отношения вполне можно отнести к уже довольно редкому в мире «дворов и альянсов» проявлению рыцарской дружбы.

Иерусалимская Е. В.
Институт всеобщей истории РАН

Политика времен правления королевы Анны (1702–1714 гг.) в мемуарах Сары Черчилл, герцогини Мальборо

Англия конца XVII в. - начала XVIII в. переживала сравнительно спокойный, но плодотворный период – после крови и жестокости Английской революции и гражданской войны 40-х гг. XVII в., после смутного и тревожного времени правления Якова II, завершившегося Славной революцией 1688 – 1689 гг., наступило время, которое многими современниками воспринималось как торжество свободы над тиранией. Эпоха становления конституционной монархии в Англии сопровождалось формированием и ожесточенной борьбой парламентских партий, расцветом журналистики, литературы. Несмотря на то, что женщина в английском обществе, казалось, была прочно отделена от политической и общественной жизни рамками патриархальной семьи, именно в данный период зазвучали имена писательниц Афры Бенн, Марии Деларивьер Мэнли, драматурга Марии Гриффит Пикс, Маргарет Кавендиш и др., широкое распространение получила мемуаристика. Мемуары герцогини Мальборо (1660 – 1744 гг.) не относятся к числу значительных литературных произведений, но как исторический источник заслуживают внимания исследователей. Герцогиня Мальборо не была литератором или философом, не обладала острым пером, однако ее судьба, необычная для того времени, нашла свое отражение на страницах ее записок, которые открывают перед нами мир женщины, увлеченно занимавшейся политикой, видом деятельности, в то время доступным лишь немногим представительницам слабого пола. Оставленное герцогиней Мальборо эпистолярное наследие примечательно тем, что писала женщина, погруженная в политическую борьбу, со своими убеждениями и пристрастиями, женщина, которая находилась в самом центре событий и была очень хорошо информирована обо всем происходившем при дворе, в парламенте и кабинете министров. Однако, по мнению современной исследовательницы О. Филд, роль герцогини Мальборо как автора многочисленных воспоминаний, заметок на злободневные темы, дневников явно недооценена. В настоящее время издана лишь часть ее записей, остальное хранится в частном архиве ее по-

томков, тем не менее, записи герцогини, опубликованные вместе с ее перепиской, позволяют составить представление об их авторе. Необходимо отметить следующее особенности этих мемуаров: они посвящены в основном политике; страницы, описывающие события 1701 – 1710 гг., являлись ответом на обвинения и нападки в адрес семьи Мальборо, которых было огромное множество в памфлетах того времени; герцогиня писала не только для современников, но и для потомков, поскольку ей было важно, какой она войдет в историю, а что войдет, герцогиня Мальборо не сомневалась. Цель, с которой писались мемуары, определили их тематику и образ, в котором автор хотела предстать перед читателями, поэтому ее записки содержат мало событийной информации. Они посвящены, главным образом, изложению взглядов самой герцогини Мальборо, ее симпатий и антипатий. По этим запискам можно представить, какой свой образ леди Мальборо считала достойным увековечивания: она предстает перед читателем умной, решительной, преданной, старавшейся сгладить недостатки королевы. Но главным для герцогини Мальборо было показать, что, в отличие от других фавориток предшествующей поры, она действовала из политических убеждений в большей степени, чем в собственных интересах. Характерной особенностью ее восприятия событий являлось искренне убеждение в том, что судьба ее семьи и судьба страны неразрывно связаны. В ее глазах герцог Мальборо не был только талантливым полководцем, но выполнял миссию мирового значения – он должен был осуществить полный разгром Франции, этого оплота католицизма и деспотической власти Людовика XIV. Надо отметить, что герцогине Мальборо свойственно было героизировать себя и драматизировать события, связанные с собственной отставкой и отставкой ее мужа, предвещавшие, по ее мнению, неминуемую катастрофу для страны. Такой подход определил тематику и угол зрения, под которым ею рассматривались события и люди. Первые наброски своих мемуаров, посвященные ее взлету и падению, герцогиня начала сочинять летом 1710 г., сразу после своей отставки. Летом 1712 г. она послала страницы, посвященные личности королевы Анны, епископу Барнету, с целью узнать его мнение. В 1713 - 1714 гг. герцогиней Мальборо была написана одна из версий ее мемуаров, которая была опубликована еще при ее жизни тридцатью годами позже. В 1742 г. герцогиня решила опубликовать свои бумаги и тем самым воздать должное своему умершему супругу герцогу Мальборо. Мемуары, используемые в данном выступлении, являлись частью коллекции рукописей архидиакона У. Кокса и были опубликованы в 1838 г. Мемуары герцогини Мальборо очень субъективны, но именно это делает их интересными, поскольку очень мало существует источников, по которым можно судить о политических воззрениях и политической активности женщины в начале XVIII в. Герцогиня Мальборо занимала исключительное положение и обладала такой свободой, которой не было у подавляющего большинства ее соплеменниц, существовавших внутри рамок господствующих патриархальных семейных отношений. Однако ее свобода, полученная леди Мальборо из-за отсутствия мужа, воевавшего на континенте, была проявлением той большей социальной, экономической и в некотором смысле политической свободы, которой наслаждались женщины всех классов во времена войны за Испанское наследство. У герцогини Мальборо, находившейся в эпицентре государственной политики, возникало стремление забраться на территорию политической борьбы, в то время сугубо мужскую. Она неоднократно высказывала сожаление о том, что была женщиной:

«Я уверена, что была бы величайшим героем, какого парламент когда-либо знал, если бы мне выпало счастье родиться мужчиной». Это признание невольно перекликается с репликой одной из героинь в комедии У. Конгрива, который был знаком с леди Мальборо: « я порядком устала быть женщиной и не вижу большой радости в том, чтобы носить юбку». То, что герцогиня Мальборо стремилась предстать перед читателем человеком с твердыми политическими убеждениями, действующим во благо свободы и справедливости, свидетельствует о существующей в то время высокой политизации общества и о том, что политика стала проникать в сферу женских интересов. Герцогиня не стремилась опубликовать свои многочисленные записи, относящиеся к семейным делам, не находя их достойными внимания публики. Партийная борьба, ее участие в государственных делах - вот что герцогиня Мальборо считала действительно важным для современников и потомков.

Ильин Д. В.
Владимирский государственный педагогический университет

Английские просветители второй половины XVIII в. о коррупции в государстве и способах борьбы с нею

Борьба с коррупцией всегда была и остается одной из наиболее актуальных проблем в истории любого государства. Именно поэтому имеет смысл обратиться к изучению творческого наследия просветителей Англии второй половины XVIII в., которые уделяли большое внимание поиску наиболее эффективных способов решения указанной проблемы.

Отметим, что в отечественной и зарубежной историографии специальных исследований, посвященных комплексному изучению данного вопроса, практически нет. Ученые, занимавшиеся изучением истории просветительского движения в Англии, чаще всего рассматривали религиозные, философские, этические взгляды просветителей.

Обращение английских просветителей к вопросам, касающимся коррупции, было далеко не случайным. Их деятельность пришлась, главным образом, на период после правления премьер-министра Англии Р. Уолпола (1721-1742 гг.), при котором коррупция достигла своего наивысшего «расцвета» в стране.

В своих работах просветители указали на ряд причин, способствующих возникновению коррупции. Главной причиной коррупции известный просветитель Б. Мандевиль считал сложность и нечеткость в формулировках законов, что вело к ошибочному их толкованию, и, как следствие, различным злоупотреблениям при их исполнении. Одним из главных принципов государственной политики в отношении правосудия должно стать, по его мнению, наличие в стране эффективных учреждений полиции и суда, способных вести действенную борьбу с коррупцией. Просветитель полагал, что борьба с коррупцией может эффективно вестись только при наличии в стране «строгих, четких и простых законов».

Одну из причин распространения коррупции Мандевиль усматривал в коррупции суда. «Наибольшего размаха коррупция в суде достигает», по мнению просветителя, «при расследовании заказных политических убийств, когда правосудие, подкупленное золотом, носит повязку на глазах, и при этом хочет выгля-

деть беспристрастным в глазах общества». Мандевиль полагал, что если бы не нарушался закон, то и не совершались бы преступления, за которые грозит смертная казнь. Хорошо, «если бы надежда спастись от наказания, в случае если их поймают, не была бы главным мотивом, воодушевляющим решимость преступников, - утверждал просветитель. «Там, где законы просты, суровы, послабления при их выполнении представляют большую жестокость по отношению к густонаселенному государству, чем применение пыток».

Годвин, как и Мандевиль, подвергал критике коррупцию судебной системы. Коррупция, по его мнению, имеет место в мире как из-за несовершенности законодательства, так и плохого исполнения законов на практике.

Большую роль в развитии коррупции в государстве Годвин, как и Мандевиль, отводил отсутствию четкости в формулировках законов. Законодательство в коррумпированных странах, по словам просветителя, «произвольно и капризно». «Крючкотворство юристов и искусство, с которым они искажают смысл законов, вошли в поговорку». Причина этого заключается, «в безграничности правовых прецедентов, что приводит к неопределенности права». Появляются все новые казусы, вносятся бесчисленные поправки, что приводит к тому, что правовые нормы содержат большое количество противоречий в формулировках - противоречий, из которых невозможно выпутаться. Знание законов не дает уверенности в исходе дела. Нередки случаи, когда адвокат говорит, что дело будет выиграно, а судья в результате выносит обвинительный приговор. Просветитель понимал, что нельзя все предусмотреть, предвидеть, придумать законы на все случаи жизни. Выход из создавшегося положения Годвин усматривал в создании суда присяжных, состоящего из простых людей, а не из профессиональных юристов. «Разве исход дела мог бы быть таким неопределенным, если бы я доверился жюри из моих соседей, руководствующихся при осуществлении правосудия простым здравым смыслом, а не сложными, запутанными законами», - заявлял просветитель.

По словам Годвина, причиной создания действующих в настоящее время несправедливых законов стали алчность законодателей, их любовь к богатству и к власти. Как полагал просветитель, «существующими сейчас нормами права люди стали пользоваться как прикрытием для достижения собственной выгоды вскоре после их создания». Неясность права приводила в заблуждение пострадавших. Его древность служила, чтобы отвлечь большую часть озлобленного населения от судей и политиков, выносивших несправедливые решения, на авторов законов, живших в древности, и чтобы укротить озлобленные массы посредством воспитания в них суеверного почтения к закону.

Средством исправления коррупции Годвин считал нравственное совершенствование людей, а также значительное упрощение законодательства, создание простых и ясных законов.

Одним из принципов предотвращения коррупции просветитель Дж. Пристли считал частую ротацию кадров, смещение чиновников органов государственной власти, в особенности, если они уже были уличены в коррупции. «Нельзя, чтобы одна важная должность находилась бесконечно долго в одних руках, замещалась одним лицом или его потомками слишком часто». Любой чиновник должен быть уверен, что в случае неисполнения им своих обязанностей, в случае совершения им злоупотреблений, любой другой чиновник может занять его место. «Только страх перед смещением и назначением на его место конкурен-

та» может заставить чиновника честно исполнять свои обязанности, «идти навстречу народу», - писал просветитель.

В отличие от Пристли, Д. Юм с недоверием относился к частой ротации кадров как эффективному способу борьбы с коррупцией. В государстве необходимой мерой предосторожности против коррупции местных и центральных органов власти, против превращения губернаторов в местных царьков, несменяемых, обладающих ничем неограниченной, неприкосновенной властью в подвластных им территориях является, как полагают некоторые, частая ротация кадров - смена губернаторов. Но в реальности все это заставляет этих «временных тиранов проявлять как можно больше энергии с тем, чтобы удовлетворить свою алчность, накопить достаточно богатства, прежде чем уступить место преемникам», утверждал он. Мерой, предотвращающей коррупцию центральных органов власти, является, по Юму, введение института высших судей, которые, по его мнению, должны бдительным оком следить за злоупотреблениями и произволом министров.

«Причина коррумпированности любой нации» заключается, по мнению А. Фергюсона, «в нравственной испорченности» представителей власти в ней и всего общества в целом, а также в «сосредоточении законодательной, исполнительной и судебной власти в одних и тех же руках, в недопущении широких масс к участию, пусть косвенному, в законотворчестве». В результате складывается ситуация, когда широкие массы лишены возможности влияния на принятие законов.

Одной из причин коррупции во властных структурах А. Юнг, как и Фергюсон, считал «зависимость судебной власти от исполнительной».

Подводя итоги, можно заключить следующее: английские просветители внесли большой вклад в борьбу с коррупцией, так как своими трудами привлекали внимание общественности и власть предержащих к указанной проблеме.

Киселев А. А.
Волгоградский государственный университет

Джордж Гренвилл и реформа Британской Империи (1763–1765 гг.)

В середине XVIII в. во главе Британской империи оказались политические лидеры, осознававшие необходимость экономической и административной реформы колониальной системы. Семилетняя война еще более подтолкнула их к этому решению. Начало перемен в имперской истории Британии часто связывают с именем «великого коммонера» У. Питта-старшего, но фактически творцом первых реформ, изменивших эту историю, стал премьер-министр Дж. Гренвилл.

Негативный образ Дж. Гренвилла был создан еще современниками, прежде всего, королем Георгом III. Гренвилл действительно был человеком с непростым характером, жестким, самолюбивым, амбициозным. С Георгом III у него не сложились, прежде всего, личные отношения. С яростной критикой Гренвилла выступали многие вигские политики той эпохи, в своих речах, письмах, воспоминаниях также изображавшие его негативно (У. Питт-старший, Э. Берк, Х. Уолпол). Вигская интерпретация событий легла в основу традиционной точки зрения на действия правительства Дж. Гренвилла, поддерживаемой либеральными англий-

скими, большинством американских и отечественными исследователями. В то же время существуют положительные оценки как самого премьер-министра, так и его деятельности (Й. Кристи, Т. Бэрроу, С. Хэдлэм, П. Дерри, Ф. Лоусон, П. Лэнгфорд и С. Конвэй). В отечественной историографии новое видение реформ Гренвилла представил только А.Б. Соколов. Однако, как правило, историков интересовал только колониальный аспект реформ империи. Анализ дневников и переписки Дж. Гренвилла дает представление о серьезных политических препятствиях реформам в метрополии.

Дж. Гренвилл занял пост Первого Лорда Казначейства (фактически премьер-министра) в апреле 1763 г. Он не создавал «своего» кабинета министров, а возглавил «друзей короля», которые занимали министерские посты еще при Бьюте. Главные роли после премьер-министра в политике играли влиятельные государственные секретари граф Эгремонт (Южный департамент) и граф Галифакс (Северный департамент). Вместе они составили «триумвират», который и возглавил реформы Британской империи. Особенно тщательное внимание колониям стало уделяться с августа 1763 г., когда после смерти графа Эгремонта его пост в Южном департаменте (напрямую имевший дела с колониями) занял давний сторонник реформ граф Галифакс. Государственным секретарем Северного департамента с этого времени стал граф Сандвич. С марта 1763 г. пост президента Торговой Палаты занял молодой, но уже известный политик граф Шелборн. Правительство Дж. Гренвилла разработало и начало проведение реформы Британской империи. Годы «благотворного пренебрежения» ослабили связи метрополии с ее колониями. Однако они никогда и не были прочными. Появление новых колоний в результате Парижского мира 1763 г. вступало в противоречие с неэффективной старой колониальной системой. В то же время последствия Семилетней войны выразились в европейском экономическом кризисе, от которого наиболее сильно пострадала Великобритания. Дж. Гренвилл полагал, что необходимо реформирование Британской империи, ориентированное на укрепление связей метрополии и колоний.

В целях улучшения экономической ситуации и борьбы с контрабандой были приняты «Сахарный Акт», «Денежный Акт» и «Акт о доходах» (1764 г.), предпринята реформа таможенной системы (1763 г.). Они являлись очередной (далеко не первой!) попыткой проведения имперской политики со стороны британского государства. Реформа таможни носила еще и административный характер. Снова выдвигалась идея замены чиновников-уроженцев колоний на чиновников-британцев, борьбы с колониальными «заместителями» (наследием эпохи «благотворного пренебрежения»), с «молодыми эсквайрами» внутри британской таможни, которые даже не появлялись на местах своей службы. Многие из них были потрясены, когда Дж. Гренвилл, ссылаясь на этот приказ, заявил чиновникам, что им придется покинуть свои комфортные лондонские дома и загородные имения, чтобы отправиться нести службу в Салеме, Бостоне и Филадельфии. Правительство объявило также, что реорганизует работу в колониях судов вице-адмиралтейства. Министры стремились сделать работу своей администрации эффективной. В целях защиты колонистов от индейских племен и поддержания порядка на границах империи были выпущены печально известные «Королевская прокламация» (1763 г.), запрещавшая колонистам селиться за Аллеганскими горами, и «Акт о постое» (1765 г.). Анализ текста законов показывает, что их зада-

чей вовсе не была борьба с колонистами, «феодальный гнет» и т.п., как полагают отечественные и некоторые американские исследователи. Реформаторы действительно стремились обеспечить нормальное (в рамках законов), прежде всего, экономическое развитие колоний.

Однако предпринятые реформы не возымели должного действия. Сложившуюся десятилетиями «семейную» колониальную таможенную систему было непросто сломать, британские чиновники не спешили ехать в колонии. Да и угроза вице-адмиралтейских судов не была осуществлена Дж. Гренвиллом: в 1764 г. первый (возобновленный) суд вице-адмиралтейства начал свою работу только в г. Галифаксе (приобретенная Новая Шотландия). Британское министерство побоялось вводить суды в старых колониях Английской Северной Америки, являвшихся главными источниками контрабанды. Прокламация 1763 г. не смогла остановить поток переселенцев на Запад. По всей колониальной Америке – от Нью-Йорка до Южной Каролины – прокатилась волна бунтов и фермерских восстаний. «Денежный» и особенно «Сахарный» Акты были негативно восприняты населением североамериканских колоний, поскольку следствием законов явился рост цен на товары. На городских митингах, в провинциальных ассамблеях, в кофейнях, на страницах колониальных газет и памфлетов слышались возгласы возмущения. Среди них появились и политические.

Неудача проводимых реформ поставила правительство Дж. Гренвилла в замешательство. С одной стороны, премьер-министр позиционировал себя как жесткий политик. Он боролся со знаменитым парламентским бунтарем Дж. Уилксом в Англии, вел «дипломатию канонерок» у берегов Гондураса, о. Теркс и в Гамбии. С другой стороны, неудача реформ в Северной Америке ставила правительство перед дилеммой: ужесточить министерский курс по отношению к колониям или вообще отказаться от него. Однако отказываться Гренвилл не хотел, а ужесточать – боялся. Письмо лорда Мансфилда в декабре 1764 г. убедило премьер-министра в законности Акта о Гербовом сборе. Тем не менее, Гренвилл очень осторожно устроил принятие этого закона: сначала пригласил колониальных агентов, затем – представил закон перед парламентом. Лишь когда все правила были соблюдены, и возражений в Англии не последовало, только тогда закон о Гербовом сборе был принят. Дальнейший ход событий известен: в колониях выросло массовое недовольство новыми законами, переросшее из дебатов в кофейнях в уличные митинги, а затем и вооруженные восстания в Нью-Йорке и Бостоне. В колониях возникли различные организации сопротивления – «Сыны Свободы», «Сыны Нептуна», «Глас Народа» и т.п. – которые выдвинули главный американский лозунг того времени: «Никаких налогов без представительства» в британском парламенте. События складывались трагически для империи. В это время из-за придворных и политических интриг летом 1765 г. пал кабинет Дж. Гренвилла. Главной причиной стало открытое противостояние короля и премьер-министра, а также борьба «фракций» Гренвилла и Бедфорда внутри кабинета министров.

Реформы Дж. Гренвилла были направлены на создание эффективной колониальной системы, на развитие имперских связей, но легальным путем. Однако, во-первых, Дж. Гренвилл действовал смело, но грубо, а в случае с законом о Гербовом сборе даже нерешительно. Во-вторых, реформы подтолкнули колонистов к формальному выражению той самостоятельности, которой они и так давно фак-

тически обладали. Наконец, главная проблема реформ заключалась в хитросплетениях политики в метрополии. Кабинетная борьба «фракций», противоречия министров и Георга III, отсутствие административного и идейного единства, парламентские споры – все это мешало последовательному формированию и проведению колониальной политики.

Ковалев А. В.
Волгоградский государственный педагогический университет

Изменения в английской политической системе в конце XVII – начале XVIII в. и становление правовых основ гражданского общества

Становление и развитие гражданского общества, несомненно, является длительным и сложным процессом, который касается всех сторон жизни общества. Складывание гражданского общества в Великобритании происходило в течение всей эпохи нового времени и охватило несколько этапов. Существенной частью этого процесса стали происходившие в конце XVII – начале XVIII в. важные изменения в политической системе Англии.

Правовым, юридическим фундаментом становления гражданского общества в Англии явилась серия важнейших законодательных актов конца XVII – начала XVIII в. В этот период в стране шло активное формирование новых форм государственной власти. Импульс этому процессу дала Славная революция 1688-1689 гг., в результате которой установилась конституционная монархия.

Окончательное юридическое закрепление конституционной (дуалистической сначала, а затем парламентской) монархии в Англии произошло именно после Славной революции, когда была осуществлена не просто смена монарха, но были приняты важнейшие законодательные акты, свидетельствовавшие о серьезных социальных, экономических и политических изменениях в английском обществе. И, прежде всего, необходимо назвать Билль о правах 1689 г., который имел огромное значение в процессе становления конституционной монархии и который, по мнению определенной части исследователей, покончил с королевским абсолютизмом. Действительно, после Славной революции и Билля о правах английские монархи не могли проводить абсолютистскую политику, хотя их конфликты с парламентом продолжались.

Билль о правах существенно ограничивал власть короля. Он по существу отменял право монарха приостанавливать исполнение законов королевским повелением (суспензивная власть), так как обусловливал подобные действия короля согласием парламента. Билль объявлял также незаконным право монарха изымать кого-либо из-под действия законов своим повелением, т.к. отменял диспензивную власть короны. Королю запрещалось собирать налоги без соответствующего согласия парламента и иным порядком, чем установленный законодателями. Королю также запрещалось набирать и содержать постоянное войско в мирное время без согласия парламента. Король был лишен возможности создания чрезвычайных судов, в частности по церковным делам.

Вместе с тем Билль укреплял положение парламента и особо оговаривал его права. Он устанавливал, что выборы в парламент должны быть свободными, а

созываться законодательный орган должен достаточно часто, и его членам обеспечивается свобода слова и прений. Билль закреплял за парламентом права устанавливать налоги и сборы и содержать постоянную армию в мирное время.

Билль о правах содержал в себе и положения о правах и свободах граждан. Прежде всего, в области судебной защиты. Он отменял чрезвычайные суды, не допускал чрезмерных залогов, штрафов и жестоких и необычайных наказаний, высказывался за упорядочение в вопросе об участии присяжных в судебных заседаниях и тем самым выступал против злоупотреблений, выражавшихся в искусственном подборе правительственными чиновниками присяжных заседателей, запрещал в какой-либо форме конфискацию имущества граждан до решения их дела судом. Рассматриваемый закон закреплял также право подданных обращаться с петициями к королю, объявляя незаконным всякое задержание и преследование за это, и право носить оружие для подданных протестантского вероисповедания в соответствии с их положением и законом.

Основные положения Билля о правах нашли свое дальнейшее развитие в серии важных законодательных актов, принятых в конце XVII - начале XVIII в. Это - Акт о мятеже 1689 г., Акт о веротерпимости 1689 г., Трехгодичный акт 1694 г., Акт об устроении 1701 г., Акт о должностях 1707 г. и другие.

Акт о мятеже 1689 г. объявлял содержание постоянной армии в мирное время противозаконным, что было направлено на ослабление королевской власти и на сохранение контроля парламента над вооруженными силами.

В 1689 г. в дополнение к Биллю о правах был издан Акт о веротерпимости. Согласно ему отдельные группы диссентеров освобождались от преследований и притеснений. Однако их гражданские права нарушались. Доступ на государственную службу по-прежнему обусловливался принесением присяги по всем пунктам англиканского исповедания веры.

В 1694 г. был принят Трехгодичный акт, согласно которому парламент должен созываться королем не реже одного раза в три года, а продолжительность работы депутатов одного созыва не могла превышать трех лет. Значимым решением парламента стала отмена цензуры в 1695 г.

В 1701 г. парламент принял закон о престолонаследии, который вместе с рядом других законов вошел в историю под названием Акта об устроении, имевшего большое значение для развития конституционной монархии в Англии. Он подтвердил положение Билля о правах о том, что английской короной может обладать только лицо протестантского вероисповедания. Акт продолжил процесс ограничения королевской власти. Большое значение имели статьи закона, направленные на введение контроля парламента за действиями министров. В данном законе содержится также существенное положение об укреплении самостоятельности судей.

Таким образом, Славная революция и закрепившие ее результаты законодательные акты конца XVII - начала XVIII в. окончательно утвердили в Англии конституционную монархию в виде дуалистической, устройство которой характеризовалось следующими признаками. Был закреплен принцип разделения властей. Законодательная власть была сосредоточена в руках парламента (в основном палаты общин), исполнительная - в руках короля и министров. Причем власть парламента увеличивалась, а полномочия короля уменьшались. Законодательная власть стала независимой от короны, что обеспечивалось более четким закрепле-

нием ее прерогатив и, прежде всего, исключительным правом парламента устанавливать налоги (что делало законодателей действительно высшим органом, а исполнительную власть ставило в определенную зависимость от них), свободой слова, прений и парламентских процедур, установлением четкой периодичности созыва парламента, уменьшением влияния короны на палату общин благодаря запрету совмещать членство в палате с должностью министра (хотя несколько позднее он был отменен). В то же время происходит ослабление исполнительной власти, принадлежащей короне (при сохранении за королем важнейших прерогатив - назначение министров, право вето на законы и право созыва и роспуска парламента), выразившееся в отмене диспензивной власти короля, в ограничении суспензивной власти монарха согласием парламента (т.е., по сути, в ее отмене), в контроле законодательного органа за расходованием средств короной и за содержанием армии, в запрете королю вводить налоги и собирать их без санкции парламента, в увеличении влияния палаты общин на министров путем объявления импичмента в случае обвинения в государственной измене. Монарху было запрещено вводить чрезвычайные суды, смещать судей без представления парламента. В результате этого, а также упорядочения вопроса об участии присяжных в судебных заседаниях произошлю укрепление судебной системы и усиление ее самостоятельности.

Законодательство конца XVII - начала XVIII в. закрепляло (хотя еще и в несовершенном виде) важнейшие принципы английской конституционной монархии: разделение властей, народное представительство, парламентское верховенство, независимость суда. Оно положило начало ответственности министров перед парламентом, этому важнейшему принципу утвердившейся позднее парламентской монархии. Оно расширило и укрепило права и свободы граждан, такие как право на судебную защиту, право подачи петиций, свободу слова и печати, право собственности, свободу вероисповедания.

Кубанова М. Н.
Ставропольский государственный университет

Английский «след» в Швейцарии: по стопам британских туристов XIX в.

Девятнадцатый век стал веком создания туристических зон, среди которых самыми популярными и прибыльными стали швейцарские Альпы. Наплыв туристов в Швейцарию происходил в течение всего XIX в., и, особенно, во второй его половине, когда на помощь путешественникам и предпринимателям пришел технический прогресс в виде железных дорог и прочих достижений.

Швейцарские виды привлекали туристов со всех стран Европы и Америки, вследствие чего многие исследователи и наблюдатели называли эту страну «местом свиданий всех наций» или «столпотворением Вавилонским». Однако, наибольший процент посещений приходился на создателей самого явления «туризм» - англичан, которые благодаря происходившим в их стране переменам, связанным с технической революцией, повышением уровня жизни, могли позволить себе отдых за рубежом. Английские аристократы, облюбовавшие Швейцарию еще в начале XIX в., зачастили туда, как будто задаваясь целью опередить своих сопле-

менников и выполнить обязательный для своего круга ритуал. «Англичане часто путешествуют не столько для удовольствия, сколько для очистки совести», - писала пресса того времени. А среди российских путешественников даже распространилось мнение, что порядочный англичанин «в свете не покажется, пока не даст себе права сказать, что пробежал всю Швейцарию и Италию». В то же время всеми признавалось, что британцы, считая «себя народом, который понимает лучше других, что значит путешествовать, так точно, как играть в вист», все же «терпеливо переносят все неприятности, какие встречаются в путешествии».

К Альпам ехали как в одиночку, так и целыми семьями, «фамилиями», зачастую оставаясь там на весь летний сезон либо в одном городке, либо переезжая с места на место, вояжируя вдоль всей страны. Модным и популярным становилось посещение Швейцарии как главного объекта во время свадебного путешествия новобрачных и проведения там т.н. «медового месяца». Известны случаи, в том числе трагические, когда английские молодожены во время своей свадебной поездки предпринимали восхождение на вершины швейцарских Альп. Но гибель соплеменников и травмы не останавливали британцев. Их встречали как в городах, так и в сельской местности, как в долинах, так и в горах. Они заполняли собой дилижансы, пароходы, гостиницы. Зачастую дело доходило до того, что «из 20 гостей в швейцарской гостинице, 14 были англичанами». Некоторые швейцарские города современники, зачастую, называли «британскими колониями», «поселениями», имея в виду численное превосходство туристов из Англии над представителями других стран.

В Швейцарии англичан привлекали горы и долины, озера и водопады, чистый воздух и лучший, чем в Англии, климат. Каждый искал здесь что-то свое. Для некоторых из них швейцарские Альпы были местом оздоровления, лечения минеральными водами из целебных источников, для других - источником вдохновения для написания художественных произведений, картин и пр., третьи просто отдыхали, наслаждаясь красотами природы, а четвертые, любители различных видов спорта, совершенствовали свои достижения. Последние, однако, активизировались лишь в конце XIX в.

Благодаря британским туристам в Швейцарии появились первые гостиницы и стала развиваться сеть железных дорог. Если в 1820 г. для преодоления пути от Лондона до Женевы требовалось шестнадцать дней, то к середине века время в пути сократилось до пяти дней, а к 1900 г. оно составило 18 часов. Первый регулярный внутришвейцарский поезд был пущен из Бадена в Цюрих 9 августа 1847 г., а в 70-х гг. была проведена железная дорога в Альпы, благодаря чему стали активно функционировать известные оздоровительные курорты Санкт-Мориц и Давос. Развитие железных дорог и быстрота передвижения породили такое явление, как массовый туризм. Групповые туры первыми также стали организовываться англичанами. Туристические агенты, среди которых самым известным был Томас Кук, в 50-х гг. стали активно работать на новом сегменте швейцарского рынка. Они вели переговоры о скидках с железнодорожными компаниями, с пароходами, которые пересекают Ла-Манш, с отелями. Они предлагали настоящие туры, с маршрутами, рассчитанными на группы в 20-60 человек. Они разнообразили тарифы, разграничили вагоны поездов на классы, установили различные категории для отелей, и договаривались о завтраках, цены на которые также варьировались в зависимости от бюджета клиентов. Все это привело к то-

му, что в Швейцарию стали приезжать не только представители богатой британской буржуазии и аристократии, но и выходцы из средних слоев населения, поскольку теперь затраты на поездку резко сокращались. Первую туристическую группу к Женевскому озеру привезла в 1863 г. британская компания Томаса Кука, который еще в 1841 г. организовал туристическую поездку 570 членов общества трезвости из Лейстера в Лафоборо в Англии. Это событие многие считают началом современного туризма.

Самый существенный британский вклад в швейцарскую экономику был связан с созданием и быстрым развитием альпинизма и зимнего туризма, который стал развиваться в Швейцарии во второй половине XIX в. Первыми альпинистами были представители зажиточной английской буржуазии. Ими был создан элитный «Альпийский Клуб», одной из целей которого была пропаганда альпинизма и информирование общественности о своих достижениях. Первая встреча была проведена в 1857 г. в Лондоне, а затем в Швейцарии, в гостинице «Monte Rosa», расположенной в ставшем курортным городке Цермате, была оформлена штабквартира «Alpine Club». Место было выбрано не случайно. Цермат располагается у подножия самой знаменитой вершины Швейцарии - горы Маттерхорн, которая возвышается на 4480 м. и которую неоднократно пытались покорить, в том числе и британцы. Только лишь в 1865 г. это удалось англичанину не аристократического происхождения Эдварду Уимперу, чья группа достигла вершины 14 июля, опередив на несколько дней группу итальянских альпинистов, поднимавшихся на гору со стороны Италии. Несмотря на трагический исход этого события – четверо из семи альпинистов сорвались при спуске, оно вошло в историю, став фактическим началом расцвета альпинизма в Швейцарии. В стране в это время, по примеру британского «Альпийского Клуба», стали создаваться подобные ассоциации альпинистов, исповедовавших такую же страсть к горам. А вслед за Уимпером к Маттерхорну потянулись его последователи, любители экстремального скалолазания. Среди них был и Герман Перрен, проводник и хозяин отеля в Церматте, решивший взойти на гору не один, а 150 раз. Однако, он сорвался и разбился в возрасте 68 лет, когда ему оставалось совершить менее десяти восхождений. Аналогичное внимание весь XIX в. привлекали к себе и другие швейцарские вершины. В конце XIX – начале XX в. покорение альпийских многотысячников и их ледников осуществлялось уже не только летом, но и зимой. Также активно стал развиваться и лыжный спорт.

Весь XIX в. и вплоть до Второй мировой войны британцы доминировали в общей массе туристов в Швейцарии, превратив ее в свою «загородную виллу». Это меткое замечание одного из исследователей справедливо еще и потому, что английские туристы, в большинстве своем, действительно, рассматривали эту страну лишь как объект получения удовольствий, а не как жилое пространство. Большинство британских туристов во время своих поездок в «приручённую Швейцарию» почти не общались с местными жителями, кроме таможенников, хозяев гостиниц, проводников и, как ни странно, нищих. В то время как сами швейцарцы и представители других стран наблюдали за островитянами и делали собственные выводы об их характере, англичане, кроме представителей творческой элиты, мало интересовались реальной жизнью местного населения.

Вместе с тем, это не умаляет значимости того влияния, которое оказали британские туристы и предприниматели от туризма на пробуждение у швейцар-

ских граждан интереса к этому бизнесу, а у политических властей понимания стратегической важности этой сферы экономической деятельности для повышения благосостояния всей страны. К началу XX в. в Швейцарии были заложены основы той системы индивидуального и массового туризма, которой она славится и сегодня.

Лапшин А. Г.
Владимирский государственный гуманитарный университет

О начале христианства в Англии

1) В конце VI в. верховный понтифик Рима Григорий Великий посылает небольшую группу монахов во главе со Святым Августином в Англию для миссионерской деятельности. В 597 г. правитель Кента Этельберт принимает христианство. Вслед за ним христианство принимают жители Кента. В 598 г. в Кентербери был основан монастырь, ставший оплотом христианской веры и центром церковной жизни в Англии на многие столетия. Именно эти события рассматриваются в традиционной истории как начало христианизации Англии.

2) Христианство в Кенте было введено римлянами. После того, как Британия в 407 г. перестала быть римской провинцией, на ее территории активно начали расселяться англы, юты и саксы. В VI-VII вв. на территории Кентербери заново отстраиваются действовавшие в римское время церковь Святого Мартина и церковь на месте кафедрального собора.

3) Наиболее древние сооружения аббатства Святого Августина в Кентербери традиционно относятся к англо-саксонскому периоду и датируются VII-VIII вв. Однако, анализ особенностей архитектуры этих сооружений дает основания соотнести эти постройки (или их части) с римским временем – в частности, III-IV вв. Это соответствует данным исторической топографии г. Кентербери.

4) При учете этих данных можно полагать, что деятельность святого Августина и его сподвижников имела в большей степени политический, нежели церковно-просветительский характер.

Ласкова Н. В.
Южный федеральный университет

Шотландские наемники в орбите польско-шведского соперничества в XVII в.

Одним из проявлений шотландской действительности в XVI-XVII вв. был феномен шотландского наемничества. С увеличением роли пехоты в развитии военного дела Европы, когда найм иностранных солдат получил широкое распространение, военные услуги обедневшего, но профессионально подготовленного шотландского дворянства, пользовались широким спросом. В конце XVI–XVII в. шотландцы, представленные большей частью в офицерском составе польских вооруженных формирований, не только участвовали в многочисленных сражениях с главными соперниками польского государства – русскими, шведами, турками-османами, но были также задействованы в важнейших организационных ме-

роприятиях военной политики – начиная от вербовки наемников и заканчивая созданием боеспособного польского флота.

Шотландские наемники, уже в XVI в. служившие в войсках датского и шведского королевств, в первой четверти XVII в. продолжали пополнять военные формирования Дании и Швеции. Со своей стороны британское правительство активно выдавало лицензии доверенным лицам для формирования и отправки шотландской пехоты и кавалерии в армии скандинавских монархов. По разным подсчетам в период Тридцатилетней войны в Дании служило от двух до трех тысяч шотландцев, а в Швеции – от восьми до десяти тысяч.

Состоя на службе в армиях противоборствующих сторон, шотландцы порою становились предметом конфликтной ситуации не только на военном, но и на дипломатическом уровне.

Показателен инцидент, имевший место в период Тридцатилетней войны, когда конфронтация католической Польши и протестантской Швеции приняла максимальные размеры. Поведение некоего шотландца, лорда Роберта Стюарта, вызвало серьезную обеспокоенность шведского короля Густава II Адольфа, вынужденного обратиться за помощью в Тайный Совет Шотландии. В письме от 23 сентября 1623 г. он с негодованием описывал измену Роберта Стюарта, получившего в Польше должность секретаря вице-канцлера. Однако главным поводом для составления королевского послания стали обещания Стюарта завербовать в Шотландии восемь тысяч рекрутов для армии польского короля, поставившего цель завоевать Швецию – «бастион протестантов на Севере». По-видимому, замысел Стюарта имел реальную почву для осуществления, так как Густав Адольф, обращаясь к властям Шотландии, призывал приложить максимальные усилия, чтобы не допустить вербовку шотландцев Стюартом и его людьми «в пределах всего королевства, в том числе на островах и в портах Шотландии».

Что касается британского монарха, то в условиях обострения религиозных противоречий с началом Тридцатилетней войны Яков I Стюарт допускал вербовку шотландцев в армию своего зятя курфюрста Пфальцского, таким образом поддерживая протестантов. Однако это обстоятельство совсем не мешало ему санкционировать набор рекрутов в распоряжение графа Аргайла для службы королю Испании и защиты католического дела в Нидерландах. На сей раз, придерживавшийся в международных отношениях политики «баланса сил», позволяющей реализовывать принцип «разделяй и властвуй», Яков I посчитал необходимым устранить опасения шведского двора. Доверенное лицо Густава II Адольфа – шотландец Джеймс Спенс-младший из Уормистона, получил лицензию, подписанную королем Великобритании 4 марта 1624 г., позволяющую набрать тысячу двести шотландских рекрутов для отправки в Швецию. Вместе с тем в документации Тайного Совета Шотландии нет сведений о противодействии со стороны официальных властей в отношении Роберта Стюарта - шотландца, который предпочел польский двор шведскому.

Двойственная политика Якова I, стремившегося сохранить самостоятельную позицию и разрешать конфликты, не испортив отношений с враждебными друг другу сторонами, в определенной мере обеспечивала саму возможность существования шотландских наемников в Польше и Швеции одновременно.

Инциденты, демонстрирующие вероломное поведение шотландцев, состоявших на польской службе, имели место и в дальнейшем. Факты перехода шот-

ландцев на сторону врага настолько беспокоили польское правительство, что с его стороны предпринимались попытки привлечь внимание Великобритании к решению этой проблемы. Вместе с тем отношение британской короны к подобного рода фактам, по сути, не менялось.

Согласно «Инструкции», подписанной уже Карлом II 24 сентября 1656 г., отбывающий по его поручению к польскому двору генерал-лейтенант Джон Миддлтон должен был в ходе переговоров информировать польского короля о том, что считающий себя полноправным британским монархом Карл II обеспокоен сообщениями из Польши о предательстве шотландских наемников, переходящих на сторону врагов польской короны. Однако Яну II Казимиру предстояло принять к сведению заявление о том, что в Великобритании нет законов против такого рода действий, практикуемых шотландскими солдатами фортуны на службе за границей.

Обращает на себя внимание и неоднозначная реакция непосредственно польской стороны на факты измены шотландцев.

С одной стороны, добровольный переход шотландцев во вражеский стан непосредственно в период военных действий расценивался как преступление, за которое следовало отвечать в судебном порядке. С другой стороны, прямо в ходе польско-шведских военных кампаний широко практиковалась вербовка шотландских наемников, прошедших хорошую подготовку в шведской армии. Ярким примером тому может служить шведско-польская военная карьера будущего генерала русской армии и сподвижника Петра I - Патрика Гордона.

В период же мирной передышки польские власти порою демонстрировали поразительную лояльность по отношению к шотландцам, еще недавно сражавшимся на стороне соперника Польши. Так, полк шотландских хайлендеров, сформированный лордом Кранстоном в 1656 г. для отправки польскому королю Яну II Казимиру, на самом деле воевал на стороне Швеции. Но после заключения польско-шведского мира в Оливе в 1660 г., часть оставшихся в живых шотландцев предпочли поселиться в Польше, не встретив при этом какого-либо противодействия.

Непостоянство шотландцев имело совершенно определенные причины, связанные в том числе и с особым менталитетом солдат фортуны. Рисковавшие жизнью за интересы чужого государства, шотландцы, в случае более выгодных предложений относительно служебной карьеры и, соответственно, материального обеспечения, не считали для себя зазорным переходить на службу к соперникам Речи Посполитой.

И все же такого рода инциденты, время от времени отмечаемые как польской, так и шведской стороной, не стали поводом для отказа от услуг опытных шотландских наемников.

Леонова А. А.
Башкирский государственный педагогический университет

Приходское духовенство в социальной политике Англии после Черной смерти (вторая половина XIV - начало XV в.)

До введения приходских книг в XVI в. социальный облик приходского духовенства, как и простых прихожан Средневековой Европы, представляется традиционно по нарративным произведениям эпохи. Использованные нами государственные акты и церковный материал, а именно - епископские визитации, регистры их канцелярий и Конвокаций духовенства, - позволяют представить правительственную политику по отношению к приходскому духовенству Англии в кризисный период после Черной смерти.

Позиция представителя из среды белого духовенства в католической церкви определялась саном и занимаемым бенефицием, за счет которого существовал священник любого ранга. К XIV в. установилась традиция, по которой церковные бенефиции в Англии находились под патронатом светских лиц и духовных корпораций, иерархов и римского папы. Привлекательные, богатые бенефиции предоставлялись по протекции. Среди соискателей было много клириков, занимавших посты в государственной администрации, управлении королевскими поместьями и владениями английской знати. Регистры открытых писем королей Англии свидетельствуют о многочисленности таких представлений, сделанных главным образом в сфере королевского патроната или патроната светских феодалов. Это были ректоры, чаще всего не проживавшие в своих бенефициях, и нанимавшие за плату исполнять духовные службы викариев и служек.

Не слишком привлекательные бенефиции были доступны широким кругам клириков, выходцев из простонародья и даже вилланов. Для получения сана и перехода в духовное сословие виллан должен был получить свободу от личной зависимости. За вторую половину XIV в. только 5 королевских вилланов получили свободу в связи с принятием духовного сана. Бывшие вилланы и им подобные редко становились владельцами бенефициев и сана ректора. У них была единственная надежда – чье-либо покровительство, и еще более слабая надежда на папство. Но с 1376 г. последняя стала еще более призрачной. Если до этого времени хотя бы небольшое число «бедных клириков» могло надеяться на получение бенефиция в римской курии «in forma pauperum», т.е. без уплаты аннатов, то в 1376 г. папа Григорий XI отменил это правило.

Не обеспеченное приходами духовенство нанималось в частные капеллы, в качестве викариев в приходы отсутствующих ректоров. Современные документы называли их «stipendiary chaplains».

После «Черной смерти» значительное опустошение в рядах духовенства привело к повсеместному, очень быстрому росту платы наемным священникам. С середины XIV в. реальные расценки их труда выросли почти в два раза по сравнению с началом XIV в.

По отношению к наемным священникам были приняты аналогичные меры, что и к светским наемным работникам (laborantes). Начиная с 1350 г., первого майского «Указа о принуждении капелланов к усердной службе в различных церквях и получении ими умеренной платы» архиепископа Кентерберийского

Симона Услипа, эти требования регулярно повторялись до начала XV в. к низшему духовенству об умеренной оплате их труда. Первое распоряжение, как и все последующие, получило название «Effrenata» по первой фразе документа, который начинался словами: «Effrenata generis humani cupiditas» («Необузданная жадность рода человеческого»).

С 1362 г. усилиями парламента и правительства была поддержана политика высшего клира и издан статут, копирующий установления архиепископской «Effrenata». Правительственные распоряжения на местах встретили как пассивное, так и активное сопротивление священников. Характерный случай произошел в Лейстерском диоцезе, где 4 сентября 1362 г. наемные клирики напали на членов судебного заседания Лейстерского деканата, расследовавших выполнения статута. Королевская судебная комиссия, расследовавшая этот инцидент, установила, что отчаявшиеся священники не только грозили перебить всех членов комиссии, но даже устроили засаду на самого епископа.

Несмотря на полную солидарность государства и церкви в отношении к низшим слоям духовенства, повторные издания парламентских законов, их совместные усилия не увенчались полным успехом. Наемные священники продолжали настаивать на более высокой плате за труд, и эта плата росла, невзирая на законодательство. Об этом свидетельствуют судебные процессы, которые в ряде случаев проводились в суде общих тяжб.

Фактически происходил рост платы наемным священникам, который не был значительным и не привел к улучшению их материальных условий жизни. Документы скорее свидетельствуют о противоположной тенденции.

Как известно, после Черной смерти, во второй половине XIV в. происходил рост платы наемным рабочим, но одновременно и рост цен, повышавший стоимость жизни. К концу XIV в. – первой половине XV в. шел процесс уменьшения доходности как светских, так и церковных бенефициев. Их разорение усугубляло положение церковных низов.

На севере Англии, как свидетельствуют записи визитаций декана кафедральной Йоркской церкви, начиная с 1360-х гг. и по 1481 г. неуклонно сокращалось количество церквей, часовен, обслуживаемых священниками. Так, визитации 70-х гг. XIV в. свидетельствуют о плачевном положении приходов. Это уже не отдельные церкви, а список из 44 церквей, в которых разрушены крыши, выбиты стекла и практически не ведутся духовные службы.

В 20-х гг. XV в. архиепископ Кентерберийский Чайчел провел специальный опрос по диоцезам о материальном обеспечении церковных приходов и бенефициев. Результаты расследования показали, что церковных учреждений, имеющих доход менее 12 марок (или 8 ф. стерлингов) в год, в каждом епископстве насчитывалось в среднем около 80, т.е. каждый седьмой из 9 тыс. приходов влачил жалкое существование.

Документы епископских регистров свидетельствуют о том, что доходы наемных священников не только были скудными, но и урезались различными путями владельцами бенефициев. В Даремском епископстве его глава У. Лэнгли в 1408 г. был вынужден отобрать у владельцев запущенные приходы, вернуть их патронам для восстановления не только доходов, но и разрушенных в них церковных зданий.

Расследования, проведенные в 20-х гг. XV в. архиепископом Кентерберийским, свидетельствуют, что установленный максимум оплаты труда наемных священников был явно недостаточен не только для совершения служб, но и для поддержания их жизни. Очевидные факты вынудили архиепископа Чайчела 16 декабря 1439 г. позволить капелланам и викариям получать большую плату, чем это обозначено в прежних распоряжениях. Чайчел установил впервые минимум оплаты труда наемного священника, ниже которого ни ректор, ни аппроприатор не имели права платить за их работу. Такой суммой стали те самые 12 марок (8 ф.ст.), которые были определены самим же архиепископом в 20-е гг. XV в. как минимальная оценка церковных приходов и бенефициев. Конституцией 1439 г. высшие круги английского духовенства попытались хоть в какой-то мере поднять социальный престиж наемного духовенства, сосредоточенного по церковным приходам и в тоже время исключенного из духовной иерархии. В преамбуле к статуту 1439 г. английских епископов обязывали оказывать содействие обращающимся к ним за справедливостью бедным священникам. В частности, в связи с большими пошлинами и судебными издержками в судебной курии епископов, викарии получили право обращаться к суду епископа «in forma pauperis». Иначе говоря, клирик, дав под присягой показание о своей бедности, допускался к слушанию дела беспошлинно или даром («gratis»).

Магаков Г. Ю.
Южный федеральный университет

Англо-шотландский «союз Чертополоха и Розы»

8 августа 1503 г. в Холирудском аббатстве Эдинбурга состоялось бракосочетание тридцатилетнего шотландского короля Джеймса IV Стюарта и четырнадцатилетней принцессы Маргарет, старшей дочери основателя династии Тюдоров, английского короля Генриха VII. С легкой руки шотландского придворного поэта Уильяма Данбара, написавшего поздравительную оду в честь молодоженов, этот брачный союз вошел в историю, как свадьба «Чертополоха и Розы»: имелись в виду растительные эмблемы Шотландии и Англии. В беспрецедентно пышных для Шотландии свадебных торжествах приняла участие практически вся знать северобританского государства, которая приветствовала юную новобрачную и сопровождавшую ее многочисленную свиту во главе с хранителем английских границ, лейтенант-генералом Севера Томасом Ховардом графом Сарри, представлявшим отца невесты. Масштабы торжеств и энтузиазм их участников вполне объяснимы: свадьба шотландского короля и английской принцессы была результатом длительных усилий, она скрепляла заключенный 4 января 1502 г. «вечный» англо-шотландский мир, который должен был положить конец древней вражде двух британских государств и народов.

Действительно, последовавшее десятилетие было временем необычайно мирным в непростых на протяжении всего Средневековья англо-шотландских отношениях. Однако через десять лет, один месяц и один день после свадьбы «Чертополоха и Розы», 9 сентября 1513 г. «вечный» англо-шотландский мир рухнул. На Флодденском поле в Милфильдской долине североанглийского графства Нортумберленд в кровопролитном сражении во главе своих войск сошлись двое

из главных участников свадебных торжеств 1502 г.: посаженный отец английской невесты граф Сарри сумел нанести сокрушительное поражение своему названному зятю шотландскому королю Джеймсу IV. Гибель монарха во главе цвета знати обескровила и дезорганизовала Шотландию. Овдовевшая королева Маргарет была втянута во внутриполитическую борьбу, которая привела к лишению ее шотландской короны осенью 1514 г. Шотландия и Англия оказались на ближайшие девяносто лет в состоянии жесткой военно-политической конфронтации, осложненной вскоре религиозной борьбой начавшейся Реформации и активным вмешательством в британские дела католических правителей Франции и Испании. Конец этому противостоянию на межгосударственном уровне был положен лишь в 1603 г., когда правнук Джеймса IV и Маргарет, сын печально известной Марии Стюарт, шотландский король Джеймс VI смог унаследовать английскую корону после смерти бездетной королевы Елизаветы I Тюдор и, в результате т. н. «унии корон», заложить основы современной британской государственности.

Приведенный фактологический ряд при всей своей объективности и бесстрастности неизбежно порождает противопоставление двух главных событий в истории англо-шотландских отношений начала XVI в., придавая им, как и стоявшим за ними историческим персонажам, оценочную окраску. «Вечный» англо-шотландский мир, увенчанный брачным союзом «Чертополоха и Розы» воспринимается как несомненное благо, в то время как вторжение шотландских войск на английскую территорию, приведшее их к Флодденской катастрофе, выглядит (особенно с учетом его тяжких последствий для самой Шотландии и взаимоотношений британских государств) абсолютным злом. Соответственно, Генрих VII, якобы, сумевший браком своей дочери прервать бесконечную череду англо-шотландских войн, предстает в качестве «ответственного политика нового времени», в то время как его зять Джеймс IV, из «рыцарственной верности» франко-шотландскому «старинному союзу» ввергший в 1513 г. британские народы в братоубийственную войну, кажется воплощением средневекового сумасбродства. Между тем, представляется возможным утверждать, что между англо-шотландским договором о «вечном» мире с предусмотренным им свадебным «союзом Чертополоха и Розы» и Флодденским походом Джеймса IV существует весьма явно выраженная причинно-следственная связь.

Англо-шотландский «вечный» мир и «союз Чертополоха и Розы» явились не столько плодами политической мудрости Генриха VII, сколько результатом последовательной политики шотландской короны, проводившейся на протяжении без малого тридцати лет. Начиная с 1474 г. Джеймс III использовал малейшие возможности для упрочения родственных связей с английскими монархами: он выступил в качестве автора, как минимум, десятка проектов англо-шотландских брачных союзов на высшем уровне. Вопреки кажущейся военно-политической целесообразности в условиях войн Роз, все они отвергались или саботировались Эдуардом IV и Ричардом III Йорками по той простой причине, что чрезмерно укрепляли потенциальные династические притязания Стюартов на английскую корону. В еще большей мере подобными соображениями «династической безопасности» был вынужден руководствоваться Генрих VII Тюдор, чьи династические права по линии Ланкастеров были равны правам Джеймса III. В специфических условиях англо-шотландской конфронтации 90-х гг. XV в., Джеймс IV, по сути, продолжил династическую политику своего отца: он, в частности, активно

поддержал самозванца «Перкина Уорбека» лишь после его бракосочетания 13 января 1496 г. со своей кузиной Екатериной Гордон. Англо-шотландское примирение в 1497-1502 гг. было достигнуто только благодаря совпадению династических интересов шотландского монарха с интересами испанской короны в использовании английского военного потенциала в борьбе против Франции.

«Вечный» мир не разрешил ни одного из накопившихся в англо-шотландских отношениях за столетия вражды противоречий, а, между тем, женитьба Джеймса IV на английской принцессе немедленно вводила шотландского короля и его будущих детей в число ближайших законных претендентов на английскую корону. Но статус наследника в череде других претендентов на наследство по природе своей изменчив. До тех пор, пока между Джеймсом IV и английским престолом сохранялась сколько-нибудь значительная «династическая дистанция», «союз Чертополоха и Розы» играл стабилизирующую роль в англо-шотландских отношениях. Однако сокращение этой «дистанции» неизбежно провоцировало исключительно честолюбивого шотландского монарха на попытку реализации его «династического потенциала», существенным образом подкрепленного неоспоримыми наследственными правами его супруги. В этих условиях «союз Чертополоха и Розы» превращался в фактор дестабилизации отношений двух британских государств.

22 апреля 1509 г., после смерти своего отца, на английский престол взошел восемнадцатилетний Генрих VIII. С этого момента только его жизнь отделяла Джеймса Стюарта от короны Англии, и потому любой конфликт в англо-шотландских отношениях приобретал особо резкий резонанс, многократно усиливавшийся стараниями испанских и французских политиков. В этой ситуации очередная конфронтация в отношениях Шотландии и Англии была неизбежна. В октябре 1511 г. Генрих VIII стал членом созданной папским Римом «Священной лиги» и в июне 1512 г. английский одиннадцатитысячный экспедиционный корпус во главе с Томасом Греем маркизом Дорсетом прибыл в Испанию для совместных боевых действий против Франции. В июле 1512 г. Франция и Шотландия возобновили свой «старинный» антианглийский союз после того, как в апреле Людовик XII в переписке с Джеймсом IV заявил о своей готовности поддержать шотландского короля «в его законных притязаниях на английскую корону». Прибывший в Париж в апреле 1513 г. шотландский посол епископ Формен передал Людовику XII послание своего монарха, которое содержало единственное политическое условие вступления Шотландии в военные действия: Франция должна была продолжать войну до тех пор, пока Джеймс IV не взойдет на английский престол. Следовательно, Флодденский поход явился вовсе не проявлением «рыцарственной верности» шотландского короля франко-шотландскому «старинному союзу», а попыткой реализации его династических амбиций, которая, в значительной мере, была спровоцирована англо-шотландским «союзом Чертополоха и Розы».

Малкин С. Г.
Самарский государственный педагогический университет

Представление вождя: лорд Ловэт и его «Записка о положении в Горной Шотландии»

В конце XVII – первой половине XVIII вв., в период локализации вооруженной поддержки изгнанных Стюартов в Великобритании, главным образом, именно в Хайленде, в правительственных кругах королевства циркулировало не менее полусотни различных записок и отчетов о военно–политическом положении в «Горной Стране». Именно эти сочинения и послужили источниками основных сведений и рекомендаций при определении правительственных курсов в отношении присутствия Лондона в Горном Крае при первых Ганноверах на британском престоле.

Особое место среди этой литературы занимает составленное и представленное на имя короля в 1724 г. сочинение лорда Ловэта. Само авторство уже выделяет «Записку о положении в Горной Шотландии» («Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands») в ряду ей подобных. Лорд Ловэт, Саймон Фрэзер – наследный вождь клана Фрэзер и уроженец беспокойного Горного Края, который и был предметом аналитических штудий ответственных чинов королевства.

Между тем редкий специалист рассматривал сочинения правительственных информаторов о положении и умиротворении Горной Шотландии как цельные литературные произведения, имевшие свои определенные задачи. Сейчас важнее постулировать в качестве объекта исследования записки и отчеты «сами по себе», а не как источники правдивой или ложной информации об одной отдельно взятой кельтской окраине. В данном случае необходимо последовательно поместить сочинение лорда Ловэта в контекст биографии автора, в политический контекст расширения британского присутствия в Горной Стране в первой половине XVIII в., в историко–литературный контекст жанра аналитических записок и отчетов о положении в Горном Крае и, таким образом, выделить традиционные, актуально–политические и биографические пласты его содержания, – понять, *как* и *зачем* «сделана» «Записка о положении в Горной Шотландии».

Уже сам язык «Записки…» обращает на себя внимание тем, *как* Саймон Фрэзер выступал в этой роли «эксперта» по Горной Стране, как он решил представиться в Лондоне. На богатом литературном английском вождь Фрэзеров указывает на язык жителей Горного Края как на «диалект ирландского, понятный лишь им самим». С самого начала сочинение оказывается «шифром» к пониманию реалий Горной Страны, а единственным знающим «ключи» к нему – только лорд Ловэт. Учитывая, что языком хайлендеров, действительно, полагали ирландский, а религиозным символом якобизма – католицизм (бывший в Ирландии, как известно, знаменем сопротивления протестантскому Лондону), англоязычный (как и протестантский) дискурс лишь усиливал роль автора как проводника в «край мятежа».

Далее лорд Ловэт определяет географическое, временное и культурное пространства Горной Страны; он пишет о Хайленде и Лоуленде как о разных частях королевства и очень соблазнительно предположить, что граница этих двух

«миров» именно там, где характеристиками края ее «обозначил» лорд Ловэт. С другой стороны, этот «рубеж» был довольно зыбким и проницаемым. Именно поэтому для Фрэзера важно было так представить реальность, чтобы не оставалось сомнений в необходимости его знаний и опыта в крае, «недоступном всем, кроме его собственных обитателей» и их вождей. Даже если бы между Хайлендом и Лоулендом не было никаких рубежей, ради этого их стоило бы выдумать и описать.

Необходимую лорду Ловэту перспективу видения его «Горной Страны» правительством обеспечило бы, однако, только ее распознавание в рамках британской политической культуры. Предложенный вождем Фрэзеров концепт края вписывался в политическую систему координат, понятную в Лондоне: у лорда Ловэта виги «стояли на страже» принципов Славной революции от подозреваемых в симпатиях к якобитам тори так же, как лояльная Лондону партия в Горной Стране – от про-якобитски настроенных кланов.

В это сопоставление закладывается еще один смысл. В то время как «варварство» горцев («тираническая власть вождей» – наследственная юрисдикция и «набеги» – грабежи, которые эта власть поощряла) трактуется в «Записке...» как «мятеж», залогом «лояльности» трону в Горной Стране называется «цивилизация» края. Изменения в образе жизни хайлендеров (достаточно вспомнить об упоминаемой автором «разъединяющей» роли ирландского языка и интегрирующей – английского – lingua franca «британцев», считавших себя в Соединенном Королевстве уже не только «англичанами», «ирландцами» или «шотландцами») приравниваются к политической стабильности в крае и всем королевстве. При этом, способствуя «цивилизации» горцев, британское присутствие в Горной Стране органично «вписывается» и в универсалистский дискурс Просвещения о всеобщем «прогрессе», и в концепции шотландских literati о природе «отсталости» их родины в прошлом, сильно повлиявшие на восприятие Шотландии, в том числе, в Англии. Сведения вождя Фрэзеров поддаются, в результате, пониманию в контекстах культурных традиций предполагаемых читателей, и тем, вероятно, призваны повышать доверие к автору. Последнее усиливается своеобразной коннотацией исторических образов, поскольку изображенный лордом Ловэтом горец времен первых Ганноверов очень похож на ирландца времен поздних Тюдоров.

Заключительная часть «Записки...» подсказывает, что делать Короне и ее правительствам в условиях постоянной мятежности Горного Края – сотрудничать с вождями и магнатами Горной Страны. На фоне неудачной попытки разоружить кланы выгоды британского присутствия в Горной Шотландии от совмещения в одних и тех же руках проверенных и надежных приверженцев новой династии власти и полномочий вождей кланов и лорд–лейтенантов графств в организации многочисленной и опытной «милиции» из собственных клансменов и арендаторов должны были показаться бесспорными.

Особенно яркое выражение в «Записке...» именно этой идеи, видимо, должно было помочь Саймону Фрэзеру стать лорд–лейтенантом в родном графстве Инвернесс. Едва ли не важнейший в полувоенных условиях Горного Края пост в графстве и право открыто содержать вооруженный отряд в условиях всеобщего (пусть даже формального) разоружения должны были способствовать решению давних земельных споров и политической карьере вождя, инструментом которой «Записка о положении в Горной Шотландии», скорее всего, и являлась.

Удивляя окружающих способностями к языкам и манерами, составившими бы честь своему обладателю и при дворе, и, при этом, позволяя себе грозить членам собственного клана «огнем и мечом», лорд Ловэт определенно принадлежал и культуре «Британской Шотландии», и еще не ставшей ее частью культуре Горной Страны – обеим пограничным культурам «Северной Британии» первой половины XVIII в. Зная родной Горный Край и имея представление о принятых среди предполагаемых читателей в Соединенном Королевстве традициях, Саймон Фрэзер соединяет восприятие в них края с реальной ситуацией в Горной Стране и предлагает такое видение проблем присутствия Короны в Горном Крае, при котором позиционирует себя как способного их разрешить.

Эта формула общения с Лондоном – нюансирование и акцентуация при описании известного и свойственного ответственным чинам королевства набора образов и символов восприятия Горной Страны до того момента, пока ближе к концу XVIII в. «изобретенный» антикварнями Хайленд (новая версия социальной реальности края, не более близкая к действительности, чем принятая во времена лорда Ловэта) не начнет олицетворять собой культуру Шотландии в целом, – позволяет, между тем, не только выявить характерные стереотипы восприятия Лондоном самой беспокойной в то время из своих кельтских окраин, но и понять, какие еще представления включала создаваемая британская политическая культура, нашедшая своеобразное отражение в «Записке...» вождя.

Марков К. В.
Нижегородский государственный университет

Дион Кассий о римском присутствии в Британии в эпоху Юлиев-Клавдиев: источники и методы их интерпретации

«Римская история» Диона Кассия является одним из наиболее значимых нарративных источников по изучению истории Британии I – начала III в. н.э., особенно эпохи правления Юлиев-Клавдиев. Историк подробно описывает два важнейших события этого времени – вторжение римлян в Британию в 43 г. и восстание Боудики в 60-61 гг. Значимость сочинения Диона определяется в первую очередь относительно небольшим количеством произведений, освещающих историю римской Британии в рассматриваемый период. Вместе с тем, важно учесть, что историк работал над своим трудом приблизительно полтора века спустя после гибели Нерона, последнего из Юлиев-Клавдиев. Кроме того, многие исследователи отмечают, что Дион не проводит различие между тривиальными, недостоверными сведениями и теми данными, которые поддаются проверке, а также имеют историческую значимость. В этом отношении он проигрывает Тациту, в «Анналах» которого мы находим гораздо более подробный и убедительный рассказ о событиях происходивших в Британии в I в. н.э. Данное сочинение, вероятно, было знакомо Диону, но оно не стало его единственным источником. Автор «Римской истории» старался опираться на те материалы, которые по времени были наиболее близки к событиям, о которых он писал.

Дион сообщает о том, что во время восстания Боудики пострадали два римских города, не уточняя ни названий, ни статуса этих городов (LXII. 1. 1). Столь же расплывчатое сообщение мы встречаем и у Светония (Suet. Caes. Nero,

39). Скорее всего, свидетельства Диона и Светония восходят к одному и тому же источнику. Этот источник, вероятно, следует датировать более ранним временем, чем тот труд, на который ориентировался Тацит, так как последний допускает некоторые анахронизмы (Tac. Ann. 14. 31-33).

Сравнительный анализ повествования Диона Кассия и Тацита о восстании Боудики позволяет предположить, что оба историка могли пользоваться одними и теми же источниками. И тот и другой приводят перечень знамений, предвещавших римлянам трагические события 60 г. Вполне вероятно, что Дион и Тацит позаимствовали данную информацию у какого-то более раннего автора, но если Дион ограничился простым воспроизведением (Cass. Dio. LXII. 1. 1-2), то Тацит (Tac. Ann. 14. 32) переработал эти данные и добавил к ним сведения, полученные из другого источника.

Вероятно, и Дион, и Тацит опирались на свидетельства тех авторов, которые писали во времена первых Флавиев. Возможно, Диону был доступен труд Фабия Рустика, который, как известно, описал географическое положение Британии (Tac. Agric. 10. 3). Тацит, по его же собственному свидетельству, черпал информацию из исторических сочинений Клувия Руфа и Плиния Старшего (Tac. Ann. 13. 20). Некоторые детали в повествовании Диона о причинах восстания Боудики (LXII. 2. 1) и знамениях, предшествовавших этому событию, дают основание полагать, что автор «Римской истории» также привлекал эти источники (LXII. 1. 1). Из сочинения Клувия Дион мог позаимствовать существенно преувеличенные цифры, отражающие численность войск и масштабы римских потерь (LXII. 1. 1; LXII. 2. 3; LXII. 8. 2). Возможно, к этому источнику восходит также описание самой Боудики (LXII. 2. 2-4), которую Клувий Руф мог видеть в 51 г. Часть данных, которые передает Дион, вероятно, восходят к свидетельствам очевидцев событий, например, римского военачальника Светония Павлина, подавившего восстание Боудики, и Агриколы, тестя Тацита, который также находился в Британии в 60 г.

Повествуя о вторжении в Британию при Клавдии, Дион привлекает различные источники. Вместе с тем, рассказ Диона об этом событии (LX. 19-20) имеет ряд общих черт с описанием сражения между Боудикой и Светонием Паулином (LXII. 8. 2 – 11. 5), что объясняется использованием определенных риторических приемов. Важно также отметить, что Дион пишет о двух разных сражениях между римлянами и бриттами, последовавших после вторжения римлян в 43 г. (LX. 20. 2-6). Тем не менее, сходство между сообщениями об этих двух битвах столь велико, что они выглядят как описания одного и того же события, взятые из разных источников, одним из которых, вероятно, было сочинение Клувия Руфа.

Итак, сообщения Диона о римском присутствии в Британии в эпоху Юлиев-Клавдиев основаны на данных различных источников, к числу которых могли принадлежать сочинения Клувия Руфа, Фабия Рустика и Плиния Старшего. В отличие от Тацита, который подвергал исходный материал верификации и стилистической обработке, дабы создать связный, цельный рассказ, Дион передает сообщения первоисточников в более или менее неизменном виде. Автора «Римской истории» отличает также использование риторических клише при описании исторических событий, в частности, военных действий. Эти особенности, а также тяга к обобщениям в ущерб деталям, вполне объяснимы в контексте общего развития античной историографии во II-III вв. н.э.

Ноздрин О. Я.
Орловский государственный университет

Первый лорд Адмиралтейства. К истории русско-шотландских военно-морских связей

Малоизвестная страница отечественного прошлого – десятилетняя служба в российском флоте шотландского лорда, моряка и якобита Кеннета Сатерленда, 3-го барона Даффаса (Kenneth Sutherland, 3rd baron Duffus). Род Сатерлендов принадлежал к цвету шотландской знати. Приверженность Стюартам в эпоху революции доставила деду Кеннета сэру Александру 8 декабря 1650 г. титул 1-го барона Даффаса, перешедший 31 августа 1674 г. его сыну – 2-му барону Джеймсу, спустя неделю, 5 сентября, подписавшему брачный контракт с леди Маргарет, старшей дочерью Кеннета Маккензи, 3-го графа Сифорта. Родившегося наследника назвали по имени деда Маккензи Кеннетом. Выбрав карьеру моряка, он стал офицером флота. В 1705 г., после смерти отца молодой Сатерленд возглавил семью в качестве 3-го барона Даффаса. Как пэр Шотландии, в 1707 г. он голосовал за унию с Англией, создавшую Великобританию. Но его политическая карьера была коротка.

В 1714 г. Ганноверский курфюрст Георг Людвиг стал британским королем Георгом I. Традиционные симпатии к лишенным престола Стюартам будоражили шотландцев. Летом 1715 г. лорд Даффас получил приглашение на охоту от лидера шотландских якобитов Джона Эрскина 11-го графа Мара. Среди гостей находились маркизы Туллибардин и Хантли, графы Эррол и Кейт, бароны Ролло, Драммонд, Огилви. Охотники целились в Ганноверов, предпочитая «заморского» Претендента. Провозгласив королем Якова III (VIII) Стюарта, граф Мар проводил выжидательную тактику, позволившую противнику перегруппироваться. В то же время кузены Даффас и Сифорт заняли Тайн. Контрнаступление обладавшего перевесом сил правительства заставило вождей мятежа покинуть страну. Сатерленд ретировался в Швецию. Ответные меры победителей последовали безотлагательно. В числе прочих заговорщиков Кеннет объявлялся изменником, лишался титула, его владения подлежали секвестру. Угроза потери последнего заставила беглеца искать примирения с властями. Уверив представителя Георга I в Стокгольме в желании вернуться, шотландец отплыл домой, но, перехваченный в Гамбурге, попал под арест. Доставленный в Тауэр, 4 октября 1717 г., он получил свободу без судебного разбирательства. 1722 год застал его в Нидерландах. Господство вигов в парламенте и скудность средств рисовали мрачные перспективы. В этих обстоятельствах он выбрал невские берега.

Официальный Лондон давно смущала якобитская активность в России, где нашли пристанище многие сторонники Претендента. Мальтийский кавалер граф Джеймс Гордон, сэр Генри Стирлинг, царский лейб-медик Роберт Эрскин, балтийский флагман Томас Гордон – этих джентльменов сложно было упрекнуть в излишних ганноверских пристрастиях. Возможно, именно соотечественники надоумили Кеннета предложить услуги Петру Великому. К 1722 г. недружественная политика Сент-Джеймского двора вызвала разрыв русско-британских отношений. Это обнадеживало избегнуть врагов на новом месте.

9 января 1722 г. посол в Гааге князь Б. И. Куракин писал Петру I, что «Лорд Дуфус, учинил мне предложение о вступлении в службу Вашего Величества в офицеры морские, и отдал мне на английском языке экстракт своей книги, которую он письменно учинил всей экономии и порядку флота английского... и письмо адмиралу Гордону, в котором объявил ему обстоятельно о своих намерениях». За предложением следовал мемориал, подтверждавший желание Даффаса стать адмиралом с жалованьем 5 000 рублей в год. Доходы милорда всегда оставляли желать лучшего, вследствие чего тяготение к искусству экономии не вызывало сомнений. Со скромностью прочих запросов он явно переборщил. Умевший не хуже шотландца считать копейки, Петр I согласился зачислить просителя во флот, ограничив притязания чином капитан-командора. Поездка в Петербург стала серьезным испытанием прочности шотландского оптимизма. В апреле 1723 г. Кеннет еще просил графа Ф. М. Апраксина доставить ему хотя бы вице-адмиральский чин, но уже в мае, он «превозмог трудности» согласия с предложенными условиями. Стремление опального пэра добиваться службы, несомненно, льстило Петру I, решившему уступить. 21 мая 1723 г. «прибывшего из Англии графа Дуфуса» зачислили шаутбенахтом (контр-адмиралом) морского корабельного флота без старшинства перед другими флагманами этого чина.

Графское достоинство шотландца вызывает вопросы. Неясно, при каких обстоятельствах он его получил. Известно, что «короли в изгнании» Яков II (VII) и Яков III (VIII) награждали приверженцев высокими титулами. Подобным образом 4-й граф Сифорт превратился в 1-го маркиза, а 11-й граф Мар стал 1-м герцогом Маром. Лондон отказывал законности этих пожалований. Возможно, случай Сатерленда связан со схожими обстоятельствами, а списки якобитских креаций требуют уточнения.

Вместе с зачислением во флот, шаутбенахт обязался посещать заседания Адмиралтейств-коллегии. Таким образом, адмиралтейство обзавелось собственным лордом. Летом 1723 г. он участвовал в походе Балтийской эскадры. Очевидно, шотландец произвел хорошее впечатление на Петра I. Император лично вручил ему флаг для шлюпки, приказав остальным флотоводцам получать флаги у генерал-адмирала. Тогда же Сатерленд свел близкое знакомство с женихом цесаревны Анны герцогом Голштинским, гостившим на его корабле. Связи принесли ему немало пользы. Приятное времяпровождение прерывалось служебной надобностью. С 1724 г. Кеннет исполнял должность главного командира Ревельского порта. Эскадра содержалась в порядке, а порученное ему строительство Кошкарского маяка успешно завершилось, вызвав благодарность Адмиралтейства.

Идиллия продолжалась недолго. «Сегодня, - отмечал 19 апреля 1725 г. Ф. Берхгольц, - получено было из Ревеля неприятное известие для всех здешних англичан, именно, что земляк их, контр-адмирал Даффас пришел в ненависть у всех лифляндцев, ибо он одного знатного эстляндца по имени Фрейтага высек жестоко кошками. Преступление его состояло в том, что он не снял шляпы перед католическою процессиею. Правда, в католических землях сего требуют, но в протестантских никогда. Сего дня прислали уже просьбу о Фрейтаге с ясными доказательствами, и все эстляндское дворянство считает, что поступком сим нарушены права их...»

Фамильная вспыльчивость Сатерлендов сыграла с лордом злую шутку. Оскорбить нобилитет остзейских провинций – последнее, о чем мечтал Санкт-

Петербург. Шотландца вызвали в столицу, предали суду, приговорившему его к отрешению от должности, лишению ранга и жалованья. Спасли высокие покровители. Сам герцог Голштинский обратился к императрице, ходатайствуя за иноземца. Отделавшись штрафом и письменным извинением перед эстляндским дворянством, шаутбенахт вернулся на флот. В августе 1726 г. ему разрешались выплата прежнего жалования, а так же отпуск в Швецию, откуда он вернулся в декабре 1726 г. В 1727 г. лорд Даффас инспектировал Сестрорецкие заводы, проверяя оправданность казенных расходов и упорядочивая их деятельность, а с 1728 г., будучи членом Адмиралтейств-коллегии, постоянно участвовал в ее заседаниях. Политические штормы эпохи дворцовых переворотов прошли стороною стареющего заговорщика. На заседаниях коллегии он чаще всего присоединялся к мнению более влиятельных лиц, не проявляя инициативы при обсуждении острых флотских проблем. Быть может, именно такая позиция способствовала его назначению 26 января 1732 г. на должность главного командира Кронштадтского порта. Это был последний его успех.

«2 апреля скончался лорд Даффас, контр-адмирал русской службы и губернатор Кронштадта. Он оставил вдову и трех детей: сын его теперь в Англии, а вдова и две дочери здесь», – извещал 11 апреля 1732 г. лорда Гаррингтона английский представитель при русском дворе К. Рондо. Уже 4 апреля Кронштадский порт перешел под начало капитан-командора И.А. Бранта. В 1750 г. на месте усадьбы контр-адмирала Даффаса вдоль набережной реки Фонтанки началось строительство подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, и имя прежнего владельца постепенно забылось.

Из лорда Даффаса не получился выдающийся адмирал или политик. Но без него история XVIII столетия была бы несколько иной.

Ньюит М.
Лондонский университет

Britain, Portugal and the Reconfiguration of the British Empire 1801-1825

Towards the end of the eighteenth century Britain's prosperity, founded on its overseas trade and its colonies of settlement, faced a major crisis as one by the one the apparently solid bases of its success were found to be flawed. Between 1776 and 1783 half Britain's colonies in the Americas broke away and declared their independence. At the same time the East India Company faced military defeat in India and a serious challenge to its policies and its very existence at home, while the profits of West Indian sugar were declining and the campaign against the slave trade was gathering momentum. With the outbreak of the war against revolutionary France in 1793 not only were British markets in Europe disrupted but there appeared to be a very real threat that France would rebuild its empire by acquiring control of the overseas empires of the Dutch and Spanish.

Even Britain's dominant position in the Portuguese market appeared threatened. During the first half of the eighteenth century Britain had maintained a large trade surplus with Portugal and its empire. British interests had dominated the wine production and trade of Porto and Madeira and exports of British manufactures to Portugal and

Brazil had been paid for in gold. However, in the second half of the century, the Portuguese minister, Pombal, had taken a series of measures to limit British commerce with Brazil and British dominance of the wine trade. British commercial relations with Portugal had entered onto a period of decline and by the end of the century there were even years when the balance of payments went into the red.

Throughout most of the eighteenth century Portugal's overseas possessions, the most important of which was the vast territory of Brazil which was more populous and larger in extent than Britain's own American possessions, had been relatively secure under the protection of the British navy. In 1794, however, the Brazilian bishop, Jose Joaquim de Azeredo Coutinho, had published a book in which he speculated on a future in which Portugal would use its strategically placed colonial possessions to play an independent role in international affairs, a possibility not lost on the French who began to cast their eyes on Portugal's possessions as well as those of Spain and the Dutch.

Britain's initial response to the war against revolutionary France had been to use its sea power to capture France's remaining Caribbean colonies and the key points of strategic importance from which France might disrupt Britain's overseas trade. The Dutch Cape settlements and Sri Lanka were occupied in 1795-6, although attempts to secure control of Sainte Domingue were unsuccessful as the slave uprising which had broken out in 1793 was out of control. As more of Europe fell under Napoleon's control, and Spain remained firmly locked into its French alliance, Britain faced a crisis in its overseas policy.

Since the restoration of the Portuguese crown in 1640, Britain had been prepared to guarantee the integrity of Portugal and on three occasions had sent British troops to help in its defence. Then in 1801, when Portugal was attacked by the Spanish (with French support), Britain had to face the impossibility of defending mainland Portugal and limited its intervention to a temporary occupation of Madeira. (In 1797 it had also occupied Goa during the war against Tippu Sultan and remained in possession for 16 years – incidentally abolishing the Inquisition in 1812).

When the continental war was renewed in 1803, Britain moved once again to occupy the Cape and in 1806 in an act of bravado launched an assault on the Spanish settlements in the Rio de la Plata. The euphoria with which the initial victory at Buenos Aires was received and the publications that were rushed into print in the autumn of 1806 make it clear that many in Britain still believed in the policy of territorial aggrandisement through seizing the colonies of those countries subject to Napoleon. However, the surrender of Whitelocke's army in 1807 and the imminent threat of the conquest of Portugal by the French in the summer of 1807 led to decisions being taken which in time were to transform Britain's attitude to overseas expansion.

During the autumn of 1807 the British ministers decided that, in the event of Portugal falling to Napoleon's forces, it would not try to annex the Portuguese empire, but would back the Portuguese plan of transferring the capital of the Portuguese monarchy to Rio de Janeiro. This was a risky strategy and some contemporary opinion thought that Britain was playing into Napoleon's hands and that a Braganza king ruling from Rio would act as a Napoleonic fifth column. So, to be on the safe side Britain decided to annex Madeira which was occupied on Christmas day 1807. Meanwhile the royal family and the administrative machinery of Portugal were transported to Brazil.

This move was not merely a temporary war measure. Already Castlereagh had penned a memorandum drawing lessons from the fiasco of the attempted conquest of

the Rio de la Plata and sketched a future line of policy in which Britain would encourage independence movements in South America and act as the protector and patron of the new regimes. When revolutionary movements did break out in 1810 Britain positioned itself to protect the new regimes – a policy transformation in marked contrast to the blatant aggression of three years earlier.

The movement of the Portuguese royal family to Rio was tantamount to a declaration of the independence of Brazil from Portugal and Britain positioned itself not only to protect the new 'kingdom', which was formally declared in 1815, but to profit from it commercially. In 1808 a treaty was signed to open the Brazilian ports and in 1810 a further treaty guaranteed British traders a favoured position in Brazil's commerce.

Meanwhile Britain had realised the possibility of making use of a leaderless Portugal to open a new front against Napoleon. The plan was to find the answer to Britain's constant shortage of military manpower by recruiting and training a new army of Portuguese, which would be placed under British command. In 1808 Britain took advantage of the popular risings in Spain and Portugal to occupy Lisbon and begin the recruitment and training of a large new army, a task which was entrusted to Lord Beresford, the man who had led the first assault on Buenos Aires in 1806 and the occupation of Madeira in 1807.

The year 1807 had also seen the British parliament pass the act prohibiting the slave trade. The politics behind this legislation were complex but it was understood that this Act marked the terminal decline of the West India interest and a recognition that the slave trade had stood in the way of the development of peaceful commerce. Britain was now going to couple its sponsorship of independence in South America with the abolition of the slave trade and the opening of its ports to commerce.

After the final defeat of Napoleon, Britain's relations with Portugal became more problematic. Britain had hoped that the king of Portugal would return to Lisbon but instead Joao VI used Beresford's army to pursue a policy of territorial aggrandisement in Brazil. Troops under Beresford's second-in-command, general Lecor, were emp[loyed to invade Rio de la Plata and occupy Montevideo. Just as Britain had moved away from the idea of an empire based on territorial conquest and was overseeing the dismantling of Spain's empire in South America, Portugal was threatening to become an expansive land-based empire of the old school.

It therefore became the objective of British policy to secure the withdrawal of Portuguese forces from the Rio de la Plata and, after the declaration of Brazil's independence in 1822, to secure its peaceful separation from the mother country – a policy pursued not without a certain machiavellian lack of scruple. While Britain offered the services of Lord Rothesay as mediator between Portugal and Brazil, no obstacles were being placed in the way of Lord Cochrane's recruitment of a private navy which would secure the surrender of Portuguese forces in Brazil and prevent any reinforcements coming from Lisbon.

A new British empire of free trade had been born from the defeats of 1806-7 and from seizing the opportunity of the Napoleonic invasion of the Iberian peninsula to promote independence movements in South America and the separation of Brazil from Portugal. It was to be matched by a vigorous campaign against the slave trade worldwide and in due course by the adoption of an evolutionary approach to the surviving settler colonies (principally Canada, the Cape, Australia, New Zealand and Jamaica)

which it was now expected would move by stages to responsible government and then to self-government.

Родригес А. М.
Московский педагогический государственный университет

Великобритания на пути к кондоминиуму: колониальное соперничество в Судано-Египетском субрегионе

В последней трети XIX столетия усилилось давление европейских держав на Египет и Судан, представлявшие в рассматриваемый период единый субрегион не только из-за древней общности историко-географических судеб, но и из-за фактического присоединения Судана к Египту Мухаммедом Али еще в начале XIX в. Резко возросшее колониальное проникновение, усиление социально-экономического кризиса вызвали резкий подъем народно-освободительного движения, выразившиеся в восстании Ораби-паши в Египте и войне махдистов в Судане. Эти события, имевшие яркий антизападный характер, привели Лондон к убеждению, что события в Египте и Судане приобретают драматический характер и для предотвращения его следует предпринять самые решительные меры. По мнению фон Касьека генерального консула в Каире имеющей свои колониальные интересы в северной Африке Австро-Венгрии, позиции империи могли быть сохранены лишь при интервенции. После ряда дипломатических маневров Германия и Австро-Венгрия предоставили Англии полную свободу действия в борьбе против освободительного движения в Египте. В результате Великобритания решилась на агрессию. 13 сентября 1882 г. у местечка Телль аль-Кабир были разбиты основные силы египетской армии.

Немаловажное значение в действиях Лондона имели позиции Германии, которая, готовясь к войне против России и Франции, фактически предоставила Англии полную свободу в Египте. Этим же отвечала Великобритания, занимая в этот период по отношению к политике Германии позиции позитивного нейтралитета, а по отношению к Франции и России - враждебного нейтралитета. Теперь британские власти стремились извлечь пользу из событий в Судане. Лондон, некогда придерживавшийся политики «невмешательства» в суданские дела, после поражения восстаний Ораби Паши, выступал за необходимость активного вмешательства событий в Судане. Реализуя этот план, Англия подписала с Италией в 1882 г. протокол о «незаинтересованности» Рима в делах Египта. Это давало фактически Великобритании свободу действий в долине Нила. Позже, в 1891 г. во имя укрепления своих позиций в Судане Лондон заключил соглашение с Италией, закреплявшее за Англией зону действия - долину Нила, а за Италией - Эфиопию.

Восстание махдистов совпало с борьбой европейских государств за раздел Африки. Попытки давней соперницы Лондона – Франции – завладеть истоками Нила торопили Англию ускорить вмешательство в суданские дела, так как в Судане не было силы, способной подавить махдистское государство. В то же время египетские власти, опасаясь окончательно потерять свое влияние в Судане, стремились привлечь к подавлению махдистов Порту и даже чреватой многими издержками заручиться поддержкой Великобритании.

Положение еще более обострилось, когда командующий англо-египетскими войсками генерал Китченер, разбив основные силы махдистов 2 сентября 1896 г., преследуя оставшихся повстанцев, 19 сентября подошел к Фашоду, где встретился с французскими войсками. В результате оба государства оказались на грани войны. Однако дело до военного конфликта не дошло, так как в это время Лондон вел переговоры с Германией о союзе и Франция, опасаясь войны на два фронта, не решилась выступить против Англии. В марте 1899 г. Англия и Франция заключили соглашение, определяющее сферы их влияния на африканском континенте.

Суданская кампания, стоившая египетскому народу 2 млн. 354 тыс. ф. ст., из которых 800 тыс. ф. ст. внесла Англия, служила, главным образом, колониальным интересам Великобритании. 19 января 1899 г. в Каире между лордом Кромером и Бутрусом Гали была подписана конвенция о совместном управлении Суданом. В предисловии подписанного документа указывалось на то, что Египет недостаточно хорошо управлял этой страной. Вследствие того, что Великобритания принимала участие в возврате Судана Египту, Каир допускает Лондон к управлению этой страной. Оба государства, подписывая документ о совместном правлении Суданом, молчаливо обошли его истинные цели, создавая видимость стремления спасти Судан от империалистических амбиций. Англичане, доведя роль Египта до номинального совладельца, со своей стороны не брали каких-либо обязательств перед суданцами.

Давняя мечта Англии была реализована. Кондоминиум закрепил за Великобританией право управлять Суданом, введя режим генерал-губернаторства и в, целом, пользоваться преимущественным правом во всех вопросах, касающихся этой страны.

Романова М. И.
Дальневосточный государственный гуманитарный университет

Либералы поневоле: первый период деятельности британских вигов (1689-1710)

Оформление «партии» вигов связано с противостоянием парламента и короля в эпоху Реставрации. По сути, это был национально-религиозный конфликт. Будущие виги стремились не допустить реставрации католицизма и ограничить растущее влияние католической Франции на внешнюю и внутреннюю политику Англии, что можно было осуществить только одним путем – уменьшить объем власти короля. Это стало главным требованием членов «партии страны» – прообраза и идейной предшественницы вигской группировки в парламенте. В борьбе с монархом и его сторонниками они были вынуждены искать поддержку у избирателей, что заставило вигов выдвинуть либеральное требование свободы слова, необходимой для агитационных кампаний и публикации памфлетов. А опасение подвергнуться гонениям со стороны властей привело к появлению еще одного важнейшего либерального требования – свободы личности.

Однако первые виги были либералами поневоле. Вышеперечисленные либеральные ценности не являлись их убеждениями. Виги обратились к ним в силу крайней необходимости и очень быстро отказались от них, когда достигли своих

целей в результате «Славной революции» 1689 г.: ограничили королевскую прерогативу и возвели на престол короля-протестанта.

Вильгельм Оранский, став королем, высоко оценил поддержку вигов. В их руках оказалась реальная политическая власть. Виги явились инициаторами принятия Билля о правах, закрепившего установление в Англии конституционной монархии и парламентского представительства. Британский парламент конца XVII в. был прогрессивным учреждением. Преобладание в нем вигов способствовало тому, что в рамках старых традиционных форм возникали новые либеральные тенденции. К последним следует отнести дальнейшее ограничение прерогатив короны, укрепление власти кабинета министров, разработку идеи ответственного правительства, формирование партийного механизма. В 1694 г возникла система парламентского министерства, которое стало назначаться из представителей парламентского большинства. На основании этого принципа был сформирован первый вигский кабинет, так называемая Вигская Хунта.

В 1695 г. парламент принял закон об отмене цензуры и внес изменение в практику судебных процессов по делам о государственной измене. Обвиняемые получили право знакомиться с обвинительным заключением до судебного заседания, приглашать защитников и вызывать свидетелей. Несмотря на то, что при принятии этого закона виги руководствовались, в первую очередь, «партийными» интересами (поскольку боялись повторения политических преследований времен Карла II), их действия объективно способствовали процессу либерализации английского судопроизводства.

Таким образом, в конце XVII в. вигское большинство парламента своими решениями заложило фундамент либеральных свобод: была ограничена власть монарха, расширилось влияние парламента, провозглашалась свобода вероисповедания и свобода слова, было закреплено право британцев обращаться с жалобами, как в парламент, так и к королю.

В 1697 г. завершилась Девятилетняя война Англии с Францией. Однако, несмотря на победу англичан, положение вигского правительства осложнилось. Война оказалась обременительной для большинства населения Англии, и тори, выступавшие против нее, выиграли выборы 1698 г. Но раскрытие якобитского заговора 1701 г. напугало тори. Они поддержать вигов в их стремлении предотвратить реставрацию Стюартов и приняли предложенный ими Акт о престолонаследии, который еще больше ограничил власть короля и установил принцип ответственного министерства.

Однако, несмотря на то, что к началу XVIII в. парламентарии значительно ограничили полномочия монарха, у него оставалось немало прав: король мог назначать и смещать министров, распускать парламент, издавать указы, имевшие юридическую силу. Поэтому политические решения по-прежнему могли приниматься не только в результате дебатов в парламенте, но и путем интриг при дворе. Эта ситуация ярко проявилась в правление королевы Анны. Она симпатизировала тори. Но в 1705 г. виги смогли вернуться к власти в составе коалиционного кабинета Мальборо–Годолфина. Это произошло не только благодаря победам полководца Мальборо в войне за испанское наследство, но и результате интриг фаворитки королевы – герцогини Мальборо, разделявшей взгляды вигов.

В 1706 г. отказ королевы дать вигу Ч. Сандерлэнду должность Государственного секретаря, стал поводом для очередного наступления на права короны.

Виги потребовали назначения Сандерлэнда на том основании, что, составляя большинство в парламенте, они имеют право формировать правительство. Виги, по сути, поставили вопрос о том, кому должны служить министры – короне или парламентскому большинству. Под нажимом своей фаворитки, с одной стороны, и парламентариев – с другой, королева была вынуждена уступить. Для того чтобы закрепить за парламентом право контролировать правительственные назначения, в 1707 г. виги приняли Акт о должностях, согласно которому депутат, получивший придворную должность, лишался своего мандата, а на его место проводились повторные выборы. Этот закон делал министров менее зависимыми от короны. Однако в нем была оставлена лазейка, дававшая возможность совмещения депутатских полномочий со службой при дворе: лишенный мандата депутат мог вновь выдвинуть свою кандидатуру на выборах, и если его избирали повторно, то он имел право быть парламентарием, сохраняя свою придворную должность. Появление этого пункта, противоречившего основной идее документа объяснялось тем, что с одной стороны, виги стремились уменьшить королевскую прерогативу и поставить под свой контроль правительственные посты для того, чтобы обезопасить себя от попыток со стороны тори вернуть себе власть. В условиях, когда назначение министров осуществлялось проторийски настроенной королевой Анной, это было действенной мерой. Но, с другой стороны, некоторые вигские лидеры занимали придворные должности и не хотели терять эти доходные и престижные места. Поэтому в закон было введено противоречившее основному содержанию дополнение о возможности повторных выборов. При существовавшей тогда практике выборов, когда большинство вигских депутатов избиралось от «карманных городков», переизбрание кандидата было гарантировано. Этот закон давал вигам возможность сохранять парламентское большинство, хотя впрямую нарушал принцип разделения законодательной и исполнительной ветвей власти, который исповедовался вигскими лидерами. Его принятие показало, что, получив власть, виги стали отходить от главного политического лозунга вигизма – требования парламентской прерогативы в угоду своим личным финансовым и карьерным интересам.

В 1708-1709 гг. позиции вигской группировки ослабли, что было связано с конфликтом между лидерами вигов (Р. Харли против Мальборо и Сандерлэнда), а также с вскрывшимися фактами казнокрадства со стороны герцога Мальборо. Обеспокоенные этим виги, попытались укрепить свое положение принятием в 1710 г. Акта об имущественном цензе для депутатов парламента. Согласно ему, депутатом парламента от графства мог стать лишь тот, кто владел земельной собственностью, приносившей, после уплаты всех налогов, не менее 600 фт. стерлингов годового дохода. Для жителей парламентских городов размер дохода снижался до 300 фт. Данный акт был направлен, в первую очередь, против сквайров, составлявших социальную базу тори. Кроме того, закон лишал возможности стать депутатами большую часть представителей буржуазии, а также всех йоменов, копигольдеров, коттеров, не говоря уже о рабочих. Выигрывали только лендлорды и представители крупной буржуазии, которые по большей части поддерживали вигов.

Этот акт носил откровенно антилиберальный характер. Ограничив число парламентариев, виги, сами того не желая, заложили основы важнейшего конфликта политической истории Англии второй половины XVIII-XIX в. – борьбы за

реформу избирательного права. По иронии судьбы в конце XVIII в. виги, стремившиеся расширить свою социальную базу за счет буржуазии и вновь выдвинувшие либеральные лозунги, сами и возглавили эту борьбу. И, в конечном счете, решать проблему парламентской реформы в 1832 г. пришлось вигскому правительству лорда Грея.

Савицкий Е. Е.
Институт всеобщей истории РАН

Рассказ Ордерика Виталия о кончине Вильгельма Завоевателя: возможные интерпретации

«Церковная история» Ордерика Виталия содержит рассказ об обстоятельствах смерти Вильгельма Завоевателя в 1087 г. Рассказ этот настолько хорошо знаком специалистам по англо-нормандской истории, что в своих работах они обычно просто пишут «об известных обстоятельствах кончины короля». Ордерик рассказывает о благочестивых последних распоряжениях государя, о последующем оставлении магнатами тела короля и захвате ими королевских замков, затем о пожаре в городе, о разграблении дворца и даже самого тела покойного, о перенесении трупа из Руана в Кан и имущественных претензиях рыцаря Асцелина, препятствующих похоронам, наконец о неподходящих размерах гроба, попытках запихнуть туда тело, которое лопается и распространяет при этом невыносимый смрадный запах.

Этот рассказ Ордерика, написанный между 1130 и 1135 годами, расходится с по крайней мере на 40 лет более ранним анонимным повествованием «De obitu Willelmi», где ни о каких подобных происшествиях не сообщается. Историки склонны во многом доверять «De obitu», но в то же время этот текст представляет собой переработку каролингских литературных образцов, и потому выглядит менее убедительным, чем более поздний, но более «спонтанный» рассказ Ордерика.

История о кончине Вильгельма Завоевателя привлекает интерес не только специалистов по англо-нормандской истории. Так, в рамках «истории ментальностей» рассказ Ордерика рассматривался, независимо от его достоверности, как exemplum, должный продемонстрировать бренность земного существования (А.Я. Гуревич). В рамках «теории ритуалов», «истории карнавальной культуры», «истории телесности» рассказ сопоставлялся со многими другими случаями разграбления тел умерших государей – в частности, римских пап (Р. Эльце, К. Гинзбург, М.А. Бойцов). Все эти интерпретации объединяет неисторический подход к самому рассказу Ордерика Виталия, рассмотрение этого рассказа вне его собственного конкретного исторического контекста, пренебрежение фигурой повествователя. Это ведет к искажению смысла рассказа и включению его в ложные сопоставительные ряды. В действительности, рассказ Ордерика не спонтанен, а крайне сложен и имеет свою «археологию». Отдельные его элементы нельзя произвольно отграничивать от других.

Прежде всего, как показывает рассказ «De Obitu», бренность существования не была обязательным топосом при описании смерти государя. Ордерик говорит о зловонии вполне определенного государя и его оставлении вполне определенными магнатами. Эти рассказы имеют не только обще-поучительное, и но и

предельно конкретное значение. Что касается оставления тела государя, тот этот рассказ вписывается в ряд других подобных рассказов о злодеяниях некоторых аристократов во времена Вильгельма Завоевателя и его старших сыновей Вильгельма II и герцога Роберта. Примечательно при этом, что в таких рассказах сами фигуры государей не выставляются в дурном свете, речь идет о беззакониях именно аристократов. Эти рассказы можно датировать 1100-1110 годами, когда новый король Генрих I для укрепления собственной власти расправляется с некоторыми наиболее видными представителями англо-нормандской знати, и при дворе фабрикуются пропагандистские обоснования этих расправ. В новых политических обстоятельствах близкие к таким знатным семьям монастыри были вынуждены заняться переписыванием собственной исторической памяти, приведением ее в соответствие с принятой при дворе трактовкой событий, и, в частности, с этим с связано начало работы Ордерика над «Церковной историей». То есть, можно сказать, что в своем повествовании о смерти Вильгельма Завоевателя Ордерик использует рассказ, где говорится собственно не столько о смерти государя, сколько о действиях изменнической аристократии. И речь идет не о разграблении тела, а о разграблении вообще – в первую очередь, о захвате замков, с тела же срывали все ценное те, кто просто не имел возможность поживиться чем-либо более существенным, это не было целенаправленным разграблением именно тела, и тем более устоявшимся ритуалом такого разграбления. Речь идет лишь о возмутительных последствиях уникального происшествия – оставления *этими* знатными тела государя без присмотра. Это не опровергает достоверность самих пожаров и грабежей, но заставляет отнестись к этому рассказу более скептически, особенно к его сопоставлениям с другими рассказами о разграблении тел, так как в данном случае речь идет совсем о другом.

Далее, кажется странным противоречие между описанием у Ордерика благочестивого расставания Вильгельма с миром, повторяющим версию «De obitu», и последующим, позорящим короля рассказом о запихиваемом, лопающемся и смердящем теле (известно, сколь большое значение придавалось в Средневековье запахам мертвых тел, скорости их разложения). Это в смысловом плане противоречит и рассказу об оставлении, где тело государя выглядит мученически претерпевающим поругание, но это поругание не дискредитирует его. Можно предположить, что этот рассказ принадлежит иной мемориальной традиции, направленной лично против Вильгельма, а в какой-то мере и его потомков, и потому его нельзя отнести ни к королевской пропаганде времен Вильгельма II, времени составления апологетического «De obitu», ни к мифотворчеству времен Генриха I. История Ордерика Виталия вообще известна как наиболее богатое собрание рассказов о злодеяниях Вильгельма I, и этим она отличается от других англо-нормандских исторических текстов. Примечательно, что все эти истории так или иначе связаны с Англией, в частности, с несправедливостями в отношении англосаксонского населения. То, что они оказываются в тексте Ордерика Виталия – не случайно. Он постоянно подчеркивает свое английское происхождение, Нормандия же для него оставалась страной чужой и не очень любимой. В связи с этим, можно предположить, что рассказ о лопающемся и зловонном трупе имел после 1087 г. хождение среди англичан, и кажущееся созвучие с официальным рассказом об оставлении трупа аристократами позволило включить его Ордерику Виталию в «Церковную историю».

Нельзя, впрочем, исключать, что английские антинормандские истории все же использовались в пропагандистских целях для дискредитации аристократии уже при дворе короля Генриха (завоевавшего со своим английским войском Нормандию в 1106 г.: битва при Тиншебрэ произошла почти день в день через 40 лет после битвы при Гастингсе), и тогда роль Ордерика может быть более скромной.

Как бы то ни было, рассказ о смерти Вильгельма Завоевателя обнаруживает сложную структуру, не позволяющую нам однозначно судить о событиях 1087 г., но многое рассказывающую о мире идей в англо-нормандском королевстве начала 1130-х гг.

Семенов С. Б.
Самарский государственный педагогический университет

Теория древней конституции в трудах радикальных авторов 60-80-х гг. XVIII в.

В британской радикальной публицистике 1760-80 гг. предметом активного обсуждения была английская конституция. В радикальных трактатах, в резолюциях и обращениях радикальных организаций постоянным рефреном звучит мысль о безусловных преимуществах и достоинствах английской политической системы в целом и английской конституции, в частности.

Судя по их многочисленным высказываниям, для радикальных интеллектуалов английская конституция была в большей степени воплощением принципов, а не сводом законов. Вслед за Дж. Локком, они видели в ней идеальную систему правления, в котором гармонично сочетаются интересы монархии, аристократии и демократии; в нем содержатся гарантии против узурпации; наконец, оно обеспечивает верховенство в принятии законов представительному органу, выражающему «соединенную власть всех членов общества», как писал Дж. Локк.

В то же время их взгляд на конституцию не был совершенно абстрактным, а отношение к ней абсолютно идеалистическим, как это казалось их критикам. Свидетельством тому является теория «древней конституции», получившая широкое распространение в радикальных кругах.

Наиболее подробно она была изложена в трактате Обадайя Хьюма «Историческое эссе об английской конституции», опубликованном в 1771 г. В его изложении, основы конституционного устройства Англии были заложены в древний англо-сакский период, когда мудрые предки нынешних англичан создали истинно демократическое правление, основанное на «естественных правах человечества». Основополагающим принципом этого правления был принцип представительства, при котором избирательные права находились в руках народа и он «делегировал свою власть» достойным лицам, осуществлявшим функции управления. Все должностные лица государства снизу доверху избирались народом, ибо «у сакских предков в их системе правления не существовало иного принципа, по которому власть или должность могут быть законно получены, кроме как от коллектива людей, имеющих право вручать ее». Единственным исключением была королевская власть, но и она вручалась народом королям на *пожизненное* правление.

О. Хьюм обращал внимание еще на две особенности государственного устройства древних англо-саксов: разделение властей между различными органами и отсутствие аристократии. Первая из них выражалась в существовании в англо-саксском государственном устройстве трех органов власти, независимо исполняющих свои функции в управлении государством. Парламент, или уитенагемот, который издавал законы и распоряжения; королевский суд, контролировавший исполнение этих законов; сам король, который проводил эти законы в жизнь, – их взаимодействие не только создавало оптимальные возможности для управления, но и отражало баланс интересов основных социальных групп в политической системе. Что касается аристократии, то при короле Алфреде у саксов уже были баронские звания, но не как титулы, а как выборные должности представителей графств.

Норманнское завоевание Англии не только привело к покорению страны иностранными завоевателями, но и «осквернило чистоту английской конституции или способа правления духом деспотизма». Вильгельм Завоеватель подчинил своей воле органы правления древних англо-саксов, ввел в Англии аристократию, лишил народ свободы и установил абсолютную власть над жизнью и собственностью подданных. Он не смог полностью уничтожить основ древнего конституционного устройства, которые сохранились в обычаях народа и «законе страны», и в стране установились две формы правления: первая, основанная на принципах свободы, и вторая, учрежденная на принципах рабства. С этого момента началась борьба между двумя диаметрально противоположными системами правления, борьба за возрождение конституции.

Теория конституции получила широкое распространение в радикальной литературе 70-х гг., а затем в радикальной пропаганде в начале 80-х. Ее горячим поклонником стал Дж. Картрайт, который в памфлете «Сделай выбор!» он писал о том, как мудрые англо-саксы создавали свою конституцию, чтобы она служила счастью людей и способствовала их моральному совершенствованию. В практике древней конституции были ежегодные парламенты, равное представительство и ответственность власти перед народом. Все последующие изменения лишь улучшали или ухудшали ее, но дух конституции и ее изначальные принципы остаются вечными.

В числе поклонников этой теории мы находим и профессионального историка Кэтрин Маколей. В ее капитальной «Истории Англии» древний англо-саксский период рассматривался как отправная точка в развитии Британии, когда были заложены основы конституционного устройства. В то время было создано истинно демократическое правление и обеспечены и гарантированы свобода и безопасность каждому жителю страны. Мудрые монархи соблюдали установленные с общего согласия законы и правили, учитывая интересы народа. Норманнское вторжение уничтожило или ослабило действие демократических институтов, усилило королевскую власть и поставило на место обычного права феодальный закон. С некоторыми вариациями эта историческая конструкция повторяется в работах Дж. Бурга и Г. Шарпа.

Следует обратить внимание, что идиллическая картина происхождения государственного устройства у древних англо-саксов, воссозданная радикальными авторами, является зеркальным отражением акта заключения «общественного договора» и идеального правления, основанного на принципах естественно-

правовой теории. Политическая доктрина Просвещения исходила из общественного договора, лежащего в основе любого государственного устройства; теория древней конституции из того, что принципы английской конституционной системы были выработаны и узаконены англо-саксскими предками. Обе теории: естественно-правовая и древней конституции возникли из разных источников и независимо друг от друга. В то же время по своей внутренней структуре и логической организации они были почти идентичны. Первая утверждала, что все люди от рождения наделены совокупностью прав, в которые входят свобода и право на участие в законодательстве; соответственно, вторая наделяла этими же правами всех жителей Британии.

Таким образом, для сугубо абстрактной концепции общественного договора было найдено неожиданное подтверждение в реальном (или, скорее, мнимореальном, поскольку Хьюм признает, что об англо-саксонском периоде не осталось никаких письменных свидетельств) историческом опыте. Древняя англосаксская конституция стала для радикалов аллюзией общественного договора и принципа народного суверенитета. Они синтезировали две разнородные теории, в результате чего теоретическая абстракция общественного договора приобрела черты хронологически удаленной реальности. В свою очередь, английская конституция в их интерпретации, воплотила в себе все истинные принципы и высшие ценности человеческого общежития, и, таким образом, конкретная политическая задача восстановления конституции получала значение борьбы за общечеловеческие ценности. Конституция стала для них символом веры, который одновременно воплощал в себе политические и этические символы и ценности, такие как гражданская добродетель, мораль, благородство, мудрость, справедливость.

Эта очевидная идеализация прошлого нисколько не смущала радикалов. Напротив, они постоянно обращались к идее возвращения к истинным истокам, и даже те радикальные авторы, которые не принимали теорию древней конституции, как, например, Р. Прайс и Дж. Пристли, воспроизводили в своих работах эту же историко-социологическую схему. Только место древней конституции в ней занимало «революционное установление 1688 года».

Сергеев В. В.
Российский государственный университет

Соотношение либеральной и консервативной тенденций в политической истории Англии XIX в.

Государственно-политическая история ведущих европейских стран XIX в. показывает некий круговорот либеральных и консервативных импульсов, их определенную цикличность, когда либеральный этап общественного развития сменялся консервативным этапом и наоборот. В каждой ведущей стране западного мира соотношение либеральной и консервативной тенденций было различным и варьировалось в зависимости от формы государственного устройства и социально-политической структуры общества.

В викторианской Англии эти процессы имели важные отличия и специфику, обусловленные функционированием двухпартийной системы. Политическим представителем либеральной традиции в первой половине XIX в. являлась партия

вигов, затем либеральная партия, а на защите консервативных ценностей стояли тори-консерваторы. С точки зрения места и роли политических партий в государственной жизни, Англия, безусловно, являлась в XIX в. классическим примером утверждения двухпартийного парламентарного государства. Однако проблема соотношения либеральной и консервативной тенденций в британской истории не сводится к сопоставлению количественных показателей того, какая из этих партий чаще формировала кабинет министров и дольше по времени находилась у власти. Либерализм и консерватизм как идеологические системы и как разновидности политической практики не ограничивались партийными рамками.

Британская политическая история XIX в. складывалась под воздействием двух противоположных факторов. Первый фактор заключался в строгом партийном размежевании сначала между вигами и тори, затем между либералами и консерваторами, в создании ими массовых национальных партий и в межпартийном соперничестве за власть. Второй фактор состоял в эволюции идейно-политических платформ либеральной и консервативной партий в сторону все большего восприятия идеи необходимости постепенного реформирования английского общества. Растущая зависимость от мнения избирателей во время парламентских выборов заставляла консерваторов проводить реформы, так же как и либералов. Следовательно, несмотря на усиление противостояния либеральной и консервативной партий в парламенте, их руководство проявляло все большую склонность к идеологии и методам политического реформирования как важной составляющей либерального мышления.

Важным критерием при определении того, какая тенденция во внутренней политике английских кабинетов была преобладающей – либеральная или консервативная - является отношение правящей элиты к проблеме демократизации избирательного права и к реформированию парламента. В этом смысле и виги в 1832 г., и тори в 1867 г., и либералы в 1884-1885 гг. внесли свой вклад и способствовали приданию либеральной тенденции доминирующего значения и наибольшей результативности в деле модернизации британских государственно-политических институтов.

Для понимания причин усиления либеральной тенденции во внутриполитическом развитии викторианской Англии важно учитывать изменения в социальном облике страны. Под воздействием индустриализации и широкого распространения капиталистических форм производства происходила социальная диффузия аристократии и среднего класса, результатом которой являлись аристократизация буржуазии и обуржуазивание аристократии. В зависимости от этого эволюционировали их политические установки: в буржуазных кругах - от левого радикализма к умеренности, в аристократических - от структурного консерватизма к ценностному, не отвергавшему реформаторские действия. Соответственно, осуществлялось определенное идеологическое заимствование и обновление традиционных партий и их лидеров. Вот несколько примеров на эту тему из истории консерваторов и либералов.

Еще в 20-е гг. XIX в. берет начало течение «либеральных тори» или «каннингитов», осознававших в отличие от «крайних тори» неизбежность преобразований и реформ при сохранении главных консервативных ценностей. Торийский кабинет Р. Пиля отменой в 1846 г. «хлебных законов» продолжил политику «либерального торизма», что привело к расколу партии тори.

С именем графа Дерби, лидера тори с лета 1846 г., трижды возглавлявшего правительства, связана доктрина «консервативного прогресса». Указывая на ошибочность восприятия консервативного правительства только как правительства застоя, он 1 марта 1858 г. призывал своих сторонников придерживаться курса «постоянного прогресса..., приспосабливая наши институции к изменяющимся целям..., встречая требования общества разумными изменениями».

Эволюцию консервативной партии от торийского патернализма к социал-реформизму продолжил Б. Дизраели, добившийся проведения второй реформы избирательного права в 1867 г. Его преемник в качестве лидера консерваторов Р. А. Солсбери в 1888 г. осуществил реформу местного самоуправления в графствах, распространив на них ту систему, которая была установлена вигами в 1835 г. в городах.

Один из основателей либеральной партии лорд Пальмерстон начинал политическую карьеру как тори и, по сути, не изменил своих консервативных взглядов и убеждений, находясь на посту премьер-министра первого в Англии либерального кабинета и всячески противодействуя демократизации выборов в парламент. У. Ю. Гладстон, чья государственная деятельность была отмечена серьезными политическими реформами и способствовала расцвету британского либерализма в последней трети XIX в., сначала был приверженцем торизма и лишь со второй половины 40-х гг. через пилизм пришел к либеральным идеям.

Несмотря на все различия, виги и тори, либералы и консерваторы, сменяя друг друга у власти, исходили из общей стратегической цели всестороннего укрепления британского государства. Объективные изменения в экономике и в социальных отношениях подводили их лидеров к выводу о том, что обеспечение этой цели требует постепенного и частичного реформирования важнейших государственных институтов Англии. Однако если консерваторы воспринимали реформы как «противопожарную» меру и как некий «предохранительный клапан» для снижения давления в котле общественно-политической жизни страны, то либералы видели в них эффективное средство адекватной изменявшимся историческим условиям модернизации британского государства и общества. В связи с этим уместно обратиться к мысли известного английского историка и либерального деятеля Т. Б. Маколея, который сравнивал либералов с парусом, обеспечивающим движение корабля вперед, а консерваторов с балластом, без которого кораблю трудно уцелеть при шторме.

Итак, в истории Англии XIX в. при сочетании либеральной и консервативной тенденций в политической идеологии и практике проявлялось преобладание либеральной тенденции. От десятилетия к десятилетию на протяжении XIX в. либерализм все больше утверждался как ведущее направление в умах британской общественности, в деятельности законодательной и исполнительной власти. Его политические идеи и принципы оказались востребованы не только либеральной партий, но и выборочно консервативной партией.

На рубеже XIX – XX вв. классические либеральные подходы при решении важнейших внутриполитических проблем утратили былую эффективность. Новая историческая ситуация обуславливала необходимость перехода правящих кругов Великобритании на позиции неолиберализма, предусматривавшего перенос основного акцента в деятельности партий и правительств с политического на социальное реформирование, а также усиление регулирующей роли государства. Эти

тенденции получили более полное и последовательное развитие в деятельности лейбористской партии.

Соколов А. Б.
Ярославский государственный педагогический университет

Оптимизм и предубеждение: судьба паровых экипажей в Англии

История паровых экипажей – самая малоизвестная сторона транспортной революции в Англии. Символом XIX в. иногда, и не без оснований, называют железнодорожный локомотив, но только немногие помнят о том, что в течение нескольких десятилетий по дорогам Британии «бегали» предшественники современного автомобиля – экипажи, приходившие в движение благодаря силе пара. Более того, в конце 1820 – начале 1830-х гг. имела место попытка использовать их на коммерческой основе как альтернативу конным экипажам, главному тогда средству передвижения.

Паровой двигатель стал двигателем промышленной революции и нашел применение не только на фабриках и шахтах, но и в сфере транспорта. О возможности использования своего изобретения в этой области задумывался Дж.Уатт, но заслуга создания модели паровой машины, приводившей в движение колеса, принадлежала Р.Тревитику, Дж.Бленкинсоп реализовал идею практически, а благодаря инженерной и деловой хватке Р.Стефенсона была открыта первая железная дорога между Дарлингтоном и Стоктоном в 1825 г.. Честь изготовления парового экипажа принадлежит другому изобретателю – Голсуорси Гурни, хотя тогда же над созданием таких машин трудились и другие изобретатели. Он и сам признавал в дальнейшем, что «отцом» идеи был Тревитик, чью паровую машину на колесах он видел еще в молодости (оба были из Корнуэлла). Перебравшись в Лондон в 1820 г., Гурни сначала преподавал химию, но вскоре вплотную занялся паровыми экипажами, и имел успех, приобретя ряд патентов, первый из которых, полученный в мае 1825 г., назывался «аппарат для приведения в движение экипажей на дорогах и железных дорогах». Дальнейшие усовершенствования экипажа были закреплены патентами в октябре 1825 г., в 1827 и 1829 гг. Более того, при поддержке ряда лиц, воодушевленных идеей, на собственном опыте проверивших надежность экипажей, заинтересовавшихся перспективой их использования как вида общественного транспорта, Гурни создает завод и получает заказ на изготовление нескольких таких машин. В техническом отношении он добился создания относительного нетяжелого двигателя (вес самой паровой машины представлял главную проблему для эксплуатации экипажей на дорогах без твердого покрытия), усовершенствовал его таким образом, что экипаж мог разгоняться до 15 миль в час, практически доказал безопасность использования при движении в гору и с горы.

Несмотря на отдельные серьезные аварии (случавшиеся с экипажами других изобретателей) и частые поломки, перед компаньонами открывались прекрасные перспективы: организовав несколько «междугородних маршрутов» и установив цены вдвое ниже, чем на обычных конных экипажах, они, тем не менее, начали получать доход. Было перевезено более 4000 человек. Однако возникли неожиданные, и как оказалось, непреодолимые трудности. Местные власти и попе-

чители устанавливают для паровых экипажей дорожные сборы, подчас в несколько раз превышающие сборы с конных экипажей на том основании, что они якобы наносят дорогам более значительный ущерб. Владельцы экипажей были поставлены в условия, в которых они не могли конкурировать с гужевым транспортом.

Тогда в 1831 г. Гурни обращается с петицией в палату общин, и она избирает Комитет по паровым экипажам, который на протяжении августа – октября этого года провел ряд слушаний и выработал резолюцию, в целом отражавшую обеспокоенность затруднениями в развитии этого транспорта и рекомендовавшую местным властям уравнять дорожные пошлины. В 1832 г. нижняя палата поддержала законопроект, однако он был отвергнут палатой лордов. Теперь препятствия еще больше выросли, компаньоны Гурни разорвали контракты с ним, что привело к его разорению. В 1834 г. он вновь обращается с жалобой в палату общин, и для ее рассмотрения был снова создан Комитет, заседавший летом того же года, признавший справедливость части его требований на возмещение материального ущерба и подтвердивший решение 1831 г. о правильности одинаковых сборов для парового и гужевого транспорта на дорогах.

И это решение, однако, осталось на бумаге. Наоборот, давление на владельцев паровых экипажей возросло, и как вид общественного транспорта, они были вскоре полностью вытеснены. В Британии началась эпоха железных дорог, которые через 25-30 лет фактически свели на нет и гужевые перевозки. До появления автомобиля на бензиновом двигателе паровые экипажи стали уделом интересов отдельных любителей-оригиналов, да и они оказались под многими законодательными ограничениями. Так, парламентский акт 1865 г. требовал, чтобы на расстоянии 60 ярдов паровой экипаж сопровождал человек с красным флагом. Если всадник или человек в конной коляске при виде парового экипажа поднимал руку, последний должен был остановиться. Закон о «красном флаге» отменили только в 1896 г., но от этого могли выиграть уже только автомобили.

Тем не менее, материалы парламентских Комитетов 1831 и 1834 г. – это интересный исторический источник, позволяющий в какой-то мере приоткрыть завесу над главной тайной в истории транспортной революции в Англии. Действительно ли паровые экипажи были «тупиковой ветвью» в развитии транспорта? Или, как считал Гурни и те, кто поддерживал его в парламенте, они были уничтожены вследствие требований земельного интереса, тесно связанного и с дорогами, и с обеспечением гужевого транспорта? Какую роль сыграл новый соперник – железнодорожные компании, если не в начале 1830-х гг., то немногим позднее, создавшие в парламенте исключительно влиятельное железнодорожное лобби? Может быть, не так уж не прав английский историк Б.Дукхэм, заметивший, что «паровые экипажи, сконструированные Тревитиком, Гурни, Оглом и другими, могли действительно революционизировать перевозку грузов (и пассажиров), но предубеждения, карательные пошлины, денежный интерес тех, кто занимался разведением лошадей, и первых железных дорог были против них». Тем более и другой британский автор, Ф.Багвел, отметив «недостатки дорог и парламентские предубеждения» как неблагоприятные факторы, пишет: «Нет сомнения, что паровой экипаж Гурни 1827 г. и многие, изготовленные после него, были надежными машинами и более дешевыми в эксплуатации, чем гужевой транспорт». Да и можно ли забывать о том, что видные инженеры (в том числе «главные дорожни-

ки» Телфорд и Мак Адам-младший, сам Тревитик, еще живой в 1831 г., Фарадей и ряд других ученых из Королевского общества) поддержали Гурни?

Однако значение материалов парламентских слушаний не только в этом. Два слова (sanguine и prejudicial), вынесенные в заголовок этой публикации, не раз встречаются в них. Изучение слушаний и резолюций помогает ощутить настроение, почувствовать дух людей эпохи промышленной революции, современников строительства новой транспортной системы, изменившей ландшафт «доброй старой Англии», перевернувшей благодаря новым скоростям само понятие времени. Хотя эксперимент с паровыми экипажами не удался, рискнем назвать настрой того времени «техническим оптимизмом» потому, что он порождал не только уверенность в новых технических достижениях, но и убежденность, что они будут иметь важные положительные социальные последствия, улучшат жизнь людей – такая убежденность не всегда свойственна нам, имеющим за спиной во многом печальный опыт XX столетия. Чего стоит выступление члена Комитета 1831 г. полковника Торреуса, доказывавшего: широкое применение паровых экипажей не только не приведет к сокращению обработки земель, но улучшит торговлю, снизит цены на продукцию сельского хозяйства, повысит спрос на рабочую силу, даст дополнительное продовольствие бедным. Несомненным результатом будет рост промышленного населения, и Англия «еще в большей степени, чем сейчас, станет великой мастерской мира».

В заключение о судьбе Гурни. Экипажи не были его единственным изобретением. Он – создатель паяльной трубки, музыкальных инструментов, автор ряда новшеств в области освещения и вентиляции. Найдя способ добавления кислорода в масляную лампу, он обеспечил яркое освещение театров и самого парламента. «Печью Гурни» до сих пор отапливаются несколько английских соборов. С 1854 по 1863 г. он отвечал за освещение и вентиляцию здания парламента. После ухода с этой должности Гурни был возведен королевой Викторией в рыцарское достоинство за свои научные заслуги. Вскоре его разбил паралич, и он завершил свою жизнь на родине, в Корнуэлле, почти в бедности в 1875 г.

Стогова А. В.
Институт всеобщей истории РАН

Английская эпистолярная культура: категория *familiar letter* в письмовниках XVI-XVII вв.

Развитие эпистолярной культуры в XVI-XVII вв. происходит, прежде всего, за счет широкого распространения частной переписки. С этого времени эпистолярная практика становится достоянием все более широких кругов и все более обыденным и повседневным делом. При этом само понятие *familiar letter* претерпевало значительные изменения.

Известно, что Эразм Роттердамский выделил такую категорию, добавив ее к трем известным еще с Античности видам писем *demonstrativum, deliberativum* и *judiciale*. Но общепринятого определения не существовало и понимание того, что представляют собой *familiar letter,* в значительной степени варьировалось. Считается, что гуманисты, переоткрывшие частную переписку наряду с другими античными ценностями, делали акцент на том, что такого рода письма предоставляют

возможность интеллектуального общения с удаленным собеседником и служат, прежде всего, выражением Я автора и адресата. Исходя из законов риторики, *familiar letter* определялось как послание, посвященное наиболее обыденным вопросам, написанное самым простым стилем и не нуждающееся в особых риторических приемах. В XVI-XVII вв. *familiar letter* часто определяется, прежде всего, через указание адресата письма – это письма к родственникам, друзьям. Это связано с латинской традицией и соответствующей ориентацией письмовников, поскольку в латинском языке *familiaris* обозначает как раз родственника, друга, слугу – того, кто имеет отношение к дому и домохозяйству. Но слово *familiar* имело и другое значение, связанное скорее со свободной манерой общения, возможной между членами семьи. И в этом случае характеристика строилась уже не на социальных характеристиках адресата, а на стилевых отличиях письма.

Все эти определения основываются на разных особенностях посланий, но при этом не противоречат друг другу. Во многом это связано с особенностями мышления, свойственного той эпохе, со своеобразием ренессансной эпистемы, основанной не на различении, а на поисках подобия, позволяющего объединить всю совокупность имеющихся данных в некое единство.

В письмовниках XVII в., находящихся под сильным влиянием латинской традиции и ориентированных, прежде всего на людей достаточно образованных, содержались различные классификации писем. Категория *familiar letter* могла вовсе в них отсутствовать, как бы растворяясь среди прочих видов писем, определяемых чаще всего исходя из их содержания. Но если она и выделялась, то само это отнюдь не противопоставляло *familiar letter* всем прочим и не означало, что письмо, обладающее данными характеристиками, может быть отнесено только к одной из категорий.

Такое способ мышления и представления материала в письмовниках в значительной мере способствовал тому, что понятие *familiar letter* было очень гибким и пластичным, легко меняя свое содержание и характеристики. Но при этом оно служило для описания приблизительно одного и того же рода писем, как мы это можем оценить с точки зрения современного категориального мышления. Способствовал этому, без сомнения, и тот факт, что жанр *familiar letter* выделился в эпистолярной теории относительно поздно и как бы вклинился в уже существовавшие, а потому неизбежно пересекался с ними по ряду характеристик.

Такая размытость понятия *familiar letter* особенно заметна в письмовниках XVII в. Они дальше отстоят от латинской традиции и ориентированы на более широкие круги читателей. В этих письмовниках, как правило, отсутствуют теоретические рассуждения о принципах риторики, слишком сложные для массового читателя, отсутствуют какие-либо классификации писем, и сама совокупность представляемых примеров писем не нуждается в каком-либо упорядочивании. Послания, которые современный читатель мог бы выделить в качестве *familiar letters,* оказываются рассредоточены по всему пространству книги.

Однако не сложно заметить, что авторы или составители, давая описательные заголовки предлагаемым образцам писем, часть посланий характеризуют, исходя из их содержания, а часть – исходя из особенностей адресата. Эти два определения являются не противоречащими друг другу и взаимодополняющими, хотя и исходят из различных логик различения. Но при этом послания, которые можно оценить как *familiar letters* (ибо не всегда это определение бывает отраже-

но в заголовке), описывались только исходя из характеристики корреспондента. Как правило, указание на то, что письмо адресовано другу, родственнику, школьному или университетскому знакомому или слуге, означает, что это *familiar letter*. Дополнительные указания о содержании письма, позволяют отнести его и к другому роду писем, что отнюдь не противоречит его характеристике как *familiar letter*.

Ориентированность английской традиции письмовников на определение *familiar letter* прежде всего через понятие *familiaris*, еще более подчеркивается в середине XVII в. распространением французской моды в эпистолярном жанре. Переводы или адаптации французских письмовников, сделанные во второй половине столетия, привносят не только иную традицию и манеру письма, но и иной способ характеристики *familiar letter*. Во Франции к этому времени традиция определения характеристик письма в зависимости от адресата (более выраженная, нежели в Англии) постепенно уступает место стилевым отличиям. И в определении французского *lettre familière* с 1650-60х гг. возобладало понимание этого жанра как интимного, написанного простым, лишенным вычурности стилем. Причем, в силу ориентированности французских письмовников на идеалы светского общения и придворной культуры, *lettre familière* было в гораздо меньшей степени привязано к понятию *familiaris*.

Такой акцент на светских идеалах любезности, дружественности («фамильярности») в переводных и адаптированных французских письмовниках контрастирует с семейственностью и обыденностью, доминировавших в английской традиции, что очень четко проявляется в подборках писем, их интонации и собственно в выборе тех ситуаций, которые, по мнению авторов, могли требовать эпистолярного отражения.

Срастание этих двух традиций в жанре письмовников происходило уже в XVIII столетии, на который пришлось наиболее явное развитие английских светских идеалов – джентльмена и денди. И, вследствие изменения эпистемы, ориентированности характеристик объекта на различение, а не уподобление, стремления к рациональному упорядочиванию, а так же, в значительной мере благодаря тому, что письмовники вновь начинают составляться в расчете на более образованных и искушенных читателей, в них появляются новые классификации писем, в которых категория *familiar letter* имеет уже достаточно определенные характеристики и единообразные.

Трофимова О. В.
Ярославский государственный университет

Французские гугеноты в Англии в XVI-XVIII вв.

Глобализация и мобильность населения возродили интерес к теме миграции с ее позитивными и негативными моментами. Перед обществом современной Европы встают вопросы: пути регулирования мобильности населения и миграции, выбор концепций, используемых для аккультурации, интеграции или ассимиляции во время совместного проживания эмигрантов и коренных жителей, степень возможного выигрыша принимающего общества и иммигрантов от трансформации людей и знаний. Изучение исторической ретроспективы миграции, и взаимо-

связанных с ней явлений, привлекательно, поскольку речь идет о завершенных миграционных и трансформационных процессах. Можно проследить истоки процесса, его развитие и итоги. На полученной базе можно создать гибкую модель для общения с мигрантами, использовать исторический опыт, накопленный в рамках европейского по преимуществу христианского сообщества. Миграция гугенотов в течение длительного периода (исследователи предлагают разные варианты, в том числе с 1550-х по 1750-е гг.) из Франции в европейские государства (Нидерланды, Англия, Бранденбург - Пруссия, Швейцария, Дания), в Америку и Южную Африку привлекает особое внимание. Гугенотская эмиграция была однородна по национальному, социальному, религиозному признаку. Изучение миграционных потоков гугенотов, например, показало более высокую степень ассимиляции в Англии и Ирландии, нежели в Бранденбурге-Пруссии, что объясняется сильным давлением со стороны государства, англиканской церкви, местного общества.

Англия, тесно связанная с Францией многими узами в течение столетий, стала одной из стран, давших приют гугенотам. Информация о положении дел в Англии в первой половине XVI в. шла постоянно благодаря налаженной сети разведки через порты и моряков, купцов. Разведка сообщала о количестве и настроениях, социальном составе первых французских эмигрантов в Англии. Гугеноты основали в Лондоне свою общину, действовавшую наряду с общинами фламандцев и валлонов. Они использовали пустующую церковь монахов-августинцев в Лондоне. Отметим, что поток эмигрантов был и в направлении континента, в связи с контрреформацией в 1553-1558 гг. при Марии Тюдор. Беженцы из Англии оказались в Швейцарии (Базель, Цюрих, Женева), а также немецких городах: Везель, Дуйсбург, Франкфурт-на-Майне, Страсбург, где создавали свои церковные общины.

В 1550 г. в Англии насчитывалось 3 млн. населения, в 1600 г. – 5,2 млн., 1700 – 5 млн. человек. Крупнейшими городами были Лондон с численностью, выросшей с 200 тыс. до 550 тыс. жителей за период с 1600 по 1700 гг., Норвич с 30 тыс. жителей в 1700 г., а также Бристоль, Колчестер и Эксетер - свыше 10 тыс. человек. В определенной степени население росло за счет мигрантов. Особенно многочисленное бегство из Франции произошло после Варфоломеевской ночи. В 1581 г. в Англии был учрежден валлонский синод. В 1600 г. почти 10 тысяч валлонов и французских гугенотов поселились в Англии, треть из них вошла в английские приходы. Фламандские религиозные общины были основаны в Лондоне, Колчестере, Норвиче, Майдстоне и других городах.

В период правления французского короля Людовика XIV свыше 40 тысяч гугенотов прибыли в Англию, большинство в 1680-х гг., из Северной Франции и крупных портов Западной Франции. Преимущественно это были горожане: ремесленники, торговцы, военные, интеллектуалы. Как правило, они селились там, где уже были французские реформатские общины, оказывавшие поддержку, наряду с английским правительством, вновь прибывшим. Лондон выступал основным пунктом прибытия и перевалочной базой. Почти 25 тысяч гугенотов осталось в Лондоне. В 1700 г. действовала одна гугенотская реформаторская община в Лондоне и почти 30 в окрестностях города. Французская церковь в Лондоне (French Church of London in Threadneedle - Street), образованная в 1550 г., позиционировала себя как «материнская церковь» по отношению к другим француз-

ским гугенотским общинам. В 1650 г. стала действовать French Church of the Savoy в Вестминстере, отличавшаяся по составу и материальному достатку своих членов.

Гугенотам было предоставлено разрешение правительства на длительное пребывание, свобода профессиональной деятельности, налоговое равенство с местным населением и равные права для поступления в учебные заведения, в 1687 г. – свобода вероисповедания. Исследователей интересуют такие вопросы, как влияние франкоговорящих протестантов на банковское дело Лондона (установлено, что 7 директоров-основателей банка в 1694 г. были гугенотами), ремесло, торговлю, почему именно Лондон был наиболее значимым местом приема мигрантов. В поле зрения также дисперсия гугенотов по отдельным районам Лондона, в частности, Сохо, и их интеграция в городское общество. В 1700 г. каждый десятый англичанин из десяти жил в Лондоне. Город был весьма привлекателен для иностранцев. В восточном Лондоне в Spitalfield проживало много ткачей и ремесленников, связанных в целом с производством тканей, а также моряки, пасторы. В западной части города напротив жили солдаты, ремесленники и интеллектуалы. Ко времени крупнейшего переселения гугенотов в 1690 г. функционировали 3 или 4 церкви в восточных предместьях и 10 в западных. В 1700 г. уже действовали 9 церквей (temples), где проводилась классическая реформатская служба по французской модели, и 14 в западных, в половине которых следовали англиканским формам богослужения. Гугенотская община в Spitalfield оказывала упорное сопротивление ассимиляции. До сих пор здесь сохранилось здание бывшей гугенотской церкви, в котором размещались последовательно синагога, методистская церковь, а теперь мечеть. Подвальные помещения здания использовались гугенотами-виноторговцами и пивоварами, как склад готовой продукции.

Большую организационную роль в жизни гугенотских общин играли пасторы. Так, Рене Берто (1625-1695) и Шарль Берто (1658-1732) потомственные пасторы, интеллектуалы, жизнь и служение которых оказались тесно связанными с Францией и Англией. Рене получил фундаментальное образование в протестантской Академии Монтобана. Он был затем пастором в Монпелье. Знал английский язык, принимал у себя дома философа Джона Локка (1676). Проповеди Рене были опубликованы. Его сын Шарль получил классическое теологическое образование (Женева, Лейден, Сомюр), необходимое для деятельности пастора: знание древних и современных языков, чтение и комментирование Ветхого и Нового Завета, умение найти контакт с аудиторией прихожан. В 1678 г. Шарль – пастор в Монпелье. В связи с гонениями отец и сын тайно бежали вместе с семьей в Англию в 1685 г. Шарль был пастором в 1686-1730 гг. Лондоне в гугенотской церкви на улице Threadneedle. Его известные и популярные проповеди были опубликованы в 1712 г. в Лондоне, Амстердаме и переведены в Германии. По сравнению с рациональными и назидательными проповедями Рене Берто-отца проповеди Шарля Берто демонстрировали гораздо более практичный и реалистичный менталитет англичан,

Для сохранения тесных общинных связей гугеноты основали в 1683 г. землячества в соответствии с местами своего происхождения, которые существовали вплоть до середины XX в. Интеграция гугенотов в английское общество проходила в течение нескольких поколений, она сопровождалась принятием английского образа жизни, деформацией имен и фамилий. Если в 1700 г. в Лондоне и его окре-

стностях насчитывалось 28 гугенотских церквей, то в 1800 г. - 20, а к 1900 г. – 17. В настоящее время из первоначально существовавших церквей сохранилась только одна.

Вклад гугенотов в развитие экономики Англии ограничивался рядом сфер, наиболее характерных для молодого капиталистического общества XVII-XVIII вв.: армия, торговля, банки, страхование, текстильные фабрики, производство предметов роскоши ручной работы.

Духовное наследие гугенотов в виде церковных книг, протоколов, списков бюргеров и т.д. по настоящее время хранится в гугенотском обществе Лондона и библиотеке гугенотов, действующей при French Church of London.

Аболмасов В. В.
Рязанский государственный университет

К вопросу об англо-американских разногласиях в ходе Вашингтонской конференции 1921 г.

Одной из важнейших проблем послевоенного устройства мира была тихоокеанская проблема. Соединенные Штаты Америки, значительно увеличившие свое политическое и военное влияние в годы Первой мировой войны, претендовали на господство в регионе, стремились закрепить свое положение в международных соглашениях, добиться признания со стороны европейских стран. Англия же в этот период стремится восстановить свое пошатнувшееся в годы войны экономическое и политическое могущество.

В связи с этим соперничество между США и Англией стало одним из основных узлов дипломатических противоречий. Ближайшим объектом соперничества являлись английские доминионы. Американские монополии успешно конкурировали с английскими на рынках Канады, Австралии, Новой Зеландии. Обострились англо-американские противоречия в крупнейших государствах Южной Америки — Аргентине, Бразилии, Уругвае. При помощи займов и сети своих банков США начали быстро вытеснять Великобританию из этих стран. Еще ранее финансовый и политический контроль США был установлен над целым рядом республик Латинской Америки.

Буржуазия США и Англии вела ожесточенную борьбу за нефть, каучук, хлопок. Их соперничество отражалось и в усиленном строительстве флота. В 1916 г. Америка приняла громадную программу судостроения; со временем она рассчитывала сделать свой военный флот самым крупным в мире.

Впрочем, англо-американское соперничество развивалось отнюдь не прямолинейно. Возникали обстоятельства, требовавшие временного сотрудничества обеих стран; в свою очередь оно сменялось новым обострением взаимоотношений.

Временного сотрудничества требовали, прежде всего, интересы американской мировой торговли. В своей экспансии в другие страны американский капитал после войны нуждался в услугах посреднического аппарата лондонских банков и их отделений за границей, пока сам не создал широкой сети своих опорных пунктов. Временно совпадали интересы Англии и США и в том, чтобы не допустить усиления гегемонии Франции в Европе и не дать Японии утвердить свое господство на Дальнем Востоке.

На стороне Японии стояла Англия, связанная с ней старым договором о союзе, продленным в 1911 г. еще на 10 лет. Срок договора истекал в 1921 г. Перед американской дипломатией встала задача добиться расторжения англо-японского договора.

Серьезной трудностью для Англии был рост сил американского и японского конкурентов в борьбе за рынки сырья и сбыта. Существенные изменения в позициях колониальных держав были особенно ощутимы на Дальнем Востоке.

Англия обладала на Тихом океане весьма важными экономическими и стратегическими опорными районами. Здесь находился целый ряд ее доминионов и владений — Австралия, Новая Зеландия, Малайя и т. д. Здесь были Гонконг, считавшийся британскими воротами в Китай, и Сингапур, запиравший подступы к Индии и в Индийский океан.

Кроме того, Англия проявляла большую заинтересованность в Голландской Индии (ныне Индонезия) с ее богатейшими ресурсами, где английские монополии владели огромными плантациями каучука. Нефть Голландской Индии также находилась в руках англо-голландского нефтяного треста "Ройал-датч шелл". Больше трети всего экспорта из Голландской Индии шло в Англию.

Все названные противоречия намечено было разрешить в ходе созванной по инициативе США Вашингтонской конференции в ноябре 1921 г.

Английская делегация во главе с лордом Бальфуром выступила в поддержку американского проекта. За время мировой войны Великобритания построила огромный военный флот, который требовал от государства непомерных расходов. При большой задолженности Великобритании сокращение как личного, так и судового состава флота представлялось для нее только желательным. Кроме того, Англия стремилась к тому, чтобы в составе британского флота были лишь наиболее технически усовершенствованные боевые суда. Особое значение Англия придавала высокоманевренному крейсерскому флоту, опиравшемуся на многочисленные базы. Английская делегация высказалась за усиление своих крейсерских сил, мотивируя это необходимостью охраны морских коммуникаций империи.

Поспешность, с которой Англия согласилась на предложение госсекретаря Хьюза, объяснялась кроме указанных уже мотивов опасением англичан, как бы Америка не сговорилась с Францией. Однако, этот шаг, прежде всего, привел к ослаблению позиции самой Англии. Великобритания вынуждена была признать равенство своих морских сил с флотом США; флот ее сокращался, в то время как Франция сохраняла огромную сухопутную армию. Поэтому Англия заявила, что приступит к морскому разоружению лишь при условии сокращения Францией ее сухопутных вооруженных сил. Этим маневром английская дипломатия искусно сталкивала США и Францию. Америка не хотела бы ограничивать сухопутные вооружения Франции, чтобы не допустить чрезмерного усиления английского влияния в Европе и держать в узде побежденную Германию.

Вашингтонский договор, ратифицированный США 17 августа 1923 г., решал по существу вопрос о перераспределении морских сил. На первый план он выдвигал Америку, которая добилась права иметь флот не слабее английского и превосходящий флот Японии. Новое соотношение морских сил было в общем благоприятно и для Японии. Договор пяти держав не устранял противоречий между ними. Напротив, он создал обстановку, чреватую дальнейшими международными конфликтами.

Результаты Вашингтонской конференции являлись важным дипломатическим просчетом консервативного внешнеполитического ведомства. Именно на этой конференции были окончательно закреплены те изменения в расстановке сил, которые произошли в мире в ходе первой мировой войны. Сильнейший в то

время британский военно-морской флот был приравнен к динамично развивающемуся американскому.

Алферова Е. С.
МОУ СОШ № 9 г. Коврова Владимирской области

Проблема автономии Ирландии

Для Ирландии вопрос об автономии острова возник еще в 70-е гг. XIX в. Британское правительство дважды пыталось решить эту проблему, но всякий раз безуспешно. В годы Первой мировой войны начинается новый этап англо-ирландских отношений, период переговоров и попыток британского и ирландского правительств достигнуть компромисса.

Проблема автономий актуальна и в наши дни. Стоит упомянуть о Приднестровье, Абхазии и Косово, правительства которых стремятся также к признанию автономии и их полного суверенитета. Англия и Ирландия сумели вовремя договориться и избежать крупных военных столкновений.

Новый этап движения за гомруль (программа автономии Ирландии) начинается в 1916 г. и связано это, прежде всего, с ростом экономики не только на острове, но и в империи в целом. Существовало два пути: принять гомруль 1914 г., или попытаться найти новое решение вопроса. Процесс обсуждения проекта в английской историографии получивший название «переговоров Ллойд Джорджа». Представители тори выступили против любых попыток ввести гомруль. Их поддержали участники «Раунд Тейбл», в то время как Либералы настаивали на принятии гомруля. Переговоры относительно автономии Ирландии ни к чему не привели.

1919 г. – начало нового витка осложнений по проблеме Ирландии. На юге Ирландии набирало обороты национально-освободительное движение, которое провозгласило ее суверенной и независимой республикой. Правительство Великобритании было вынуждено пойти на уступки и провести гомруль. В декабре 1920 г. был принят «Билль об улучшении правления в Ирландии». Анализ законодательства 1920 г. позволяет отметить следующие черты системы управления:

1. В Ирландии создавались два парламента – в Дублине (для юга) и в Белфасте (для севера), которые могли решать вопросы местного самоуправления.

2. Территория Северной части ограничивалась парламентскими округами Антрим, Арма, Даун, Фермана, Лондондерри и Тайрон, а также городами Белфаст и Лондондерри. Все остальные округа и города вошли в состав Южной Ирландии.

3. Акт закреплял высшие права короля и английского парламента в доминионах;

4. Предложенная система управления воспроизводила основные принципы английской системы управления, состоящая из двух палат;

5. Ни одна из частей Ирландии в 1920 г. не получила собственных полицейских и военных сил. Активную политическую роль играла британская армия и английские полицейские. Ирландии запрещалось иметь собственную армию, хотя в ведении североирландского министра внутренних дел находилась особая полицейская сила - Королевская ольстерская полиция.

Таким образом, предложенное самоуправление доминионом определило конституционные основы национальных государств, хотя и было сильно ограничено метрополией. Графства южной части Ирландии и часть Ольстера получили статус доминиона Великобритании, который в 1949 г. был преобразован в Ирландскую Республику. Шесть из девяти графств провинции Ольстер (Ulster), составлявшие 1/5 территории острова, официально были названы Северной Ирландией и оставались в составе Великобритании.

Акт об управлении Ирландией не имел успеха в стране. В конце марта Ирландская республика объявила Англии войну с требованием полной автономии. В этих условиях британский премьер Д.Ллойд Джордж инициировал конференцию в Лондоне. В результате 6 декабря 1921 г. было подписано соглашение, которое законодательно закрепило статус Южной Ирландии как доминиона британской империи под названием «Свободное государство Ирландии». В соглашении было зафиксировано следующее:

1. Ирландия (без 6 графств, названных Северной Ирландией, которая также была провозглашена доминионом) получала статус доминиона Британской империи, аналогичного Канаде, Австралии, Новой Зеландии или Южно – Африканскому союзу, и именовалось Ирландским независимым государством.

2. Исполнительная власть переходила в руки Генерал – губернатора, а не как раньше вице – короля.

3. Законодательная власть вручалась парламенту, аналогичному имперскому, причем его депутаты были обязаны приносить присягу английскому королю.

4. Флот и армия оставались в ведении Лондона, однако Ирландское Свободное Государство брало на себя защиту прибрежной территории.

5. Ирландское Свободное Государство должно было участвовать в погашении государственного долга Соединенного Королевства.

6. Имперские силы его Величества управляют строительством флота на острове (исключение составили суда для рыбной ловли) и командуют армией и флотом доминиона в случае войны.

7. Ирландское Свободное Государство не должно предпринимать никаких действий относительно Северной Ирландии. Условия акта 1920 г. для Северной Ирландии остаются в полной силе.

8. Правительство Северной Ирландии должно назначить комиссию из трех человек (председателя выберет британское правительство), которая определит границы между Северной и остальной частью Ирландии.

9. Правительство Северной Ирландии и временное правительство Ирландского Государства в любое время могут встречаться для обсуждения общих вопросов.

10. Запрещались любые преследования и дискриминация на религиозной почве (эта статья была принята для того, чтобы обеспечить безопасность протестантов в Южной Ирландии и католиков в Северной).

11. Прописывались статьи о распределении финансов, обязанности правительства Свободного Ирландского Государства перед имперским правительством.

Как видно, главным отличием соглашения 1921 г. от подписанного ранее стало законодательное разделение ирландского острова на две части: Ирландское Свободное Государство и Северную Ирландию. Позже Ирландское Свободное Государство получит полную независимость, а Северная Ирландия останется со-

ставной частью Соединенного Королевства, управляющейся по принятому британским парламентом в 1920 г. Акту об управлении Ирландией. Подписанное соглашение, главным образом, формировало правительство Свободного Ирландского Государства. Оно исключало организацию общеирландского Совета, но предоставляла свободу для правительств в решении общих вопросов.

Соглашение от 6 декабря 1921 г. законодательно закрепило разделение зеленого острова на две части, южная часть получила статус доминиона как Канада, Австралия, Новая Зеландия, и Южная Африка. Ирландская Республика получила самостоятельность в некоторых политических вопросах, а также право самостоятельного законотворчества и суда. Северная Ирландия вошла в состав Великобритании, получив 13 мест в Вестминстере. Название государства было изменено на соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

В результате долгой и упорной борьбы ирландцев к независимости произошел раздел некогда единой страны на две части, каждая из которых получила требуемый статус (одна осталась в составе Британской империи в качестве доминиона, а другая – получила независимость). Несмотря на различные взгляды на ирландскую автономию среди самих жителей острова британское правительство смогло достичь компромисса и прийти к соглашению.

Блосфельд Е. Г.
Волгоградский государственный педагогический университет

Всеобщая стачка 1926 г. в Великобритании на страницах леволейбористской газеты «Lansbury's Labour Weekly»

Всеобщая стачка 1926 г., в которой приняли участие горняки, железнодорожники и другие отряды английского рабочего класса, явилась значительным событием для Великобритании, преподав уроки и буржуазии, и рабочему движению. Забастовки сегодня являются актуальными и в нашей жизни, и некоторые уроки этой стачки, организованной более 80 лет назад, небезынтересны и для нас.

Здесь мы рассмотрим позицию еженедельной газеты, издававшейся одним из видных леволейбористских лидеров Д. Лэнсбери, к материалам которой обычно не обращались в нашей историографии.

Газета призывала к объединенным действиям рабочих и безработных, доказывая, что поддерживая безработных, рабочие борются и за свои права, поскольку предприниматели угрожали закрыть шахты. Она организовала кампанию солидарности рабочих с горняками, убеждая их, что единой силе капитала должна быть противопоставлена единая сила труда. Лидеры союза железнодорожников Л. Томас и Т. Крэмп были подвергнуты резкой критике за отказ поддержать шахтеров.

Газета требовала объединить усилия лейбористской фракции, Исполкома Лейбористской партии и Генсовета тред-юнионов для руководства рабочим движением и защиты интересов рабочего класса.

С начала всеобщей забастовки и до ее окончания в ней печатались подробные репортажи о стачке, газета выступила инициатором ряда митингов среди бастующих рабочих.

Постановление Генсовета о прекращении забастовки вызвало возмущение и недоумение у левых лейбористов. Они поддержали созданные в ряде мест советы действия, выступили в газете за их создание повсеместно для организации помощи рабочим и их семьям, для мобилизации общественного мнения в поддержку горняков. Газета выступила одним из организаторов фонда помощи горнякам и их семьям и вместе с коммунистами предложила установить дополнительный профвзнос в 1 ш. для этого фонда.

«Lansbury's Weekly» публиковала сообщения о резолюциях местных лейбористских организаций, осуждающих лейбористское руководство за уклонение от организации помощи горнякам, за проявление лояльности к собственникам.

Поражение стачки вызвало замешательство в рядах леволейбористского крыла, которое нашло отражение и на страницах газеты.

Первоначально газета вела жесткую полемику с лейбористским руководством по поводу позиции, выраженной Д. Р. Макдональдом, Т. Клайнсом, Д. Томасом и другими в лозунге «никогда снова», что означало принципиальное выступление против всеобщей стачки как оружия, которое дорого обходится самим забастовщикам. Газета выражала несогласие с их определением всеобщей стачки в политических целях как «лунатизма». Генсовет подвергся критике за срыв стачки и за отсутствие с его стороны всякого руководства в момент ее подготовки. В то же время газета обращалась к официальному руководству с призывом возглавить дальнейшую борьбу. В репортаже Э. Уилкинсон с Борнемутского съезда тред-юнионов критике подвергся не только Генсовет, а и левые его члены, которые на съезде молчали. Газета писала, что поражение было предопределено, т.к. Генсовет с самого начала оказался не готов к такой стачке и не верил в победу. «Мы увидели наших братьев разбитыми из-за слабости наших лидеров», - говорилось в газете.

Но по мере более обстоятельного анализа уроков забастовки в «Lansbury's Labour Weekly» стали появляться обвинения и в адрес самих горняков и их лидера Д.А. Кука. Эти выступления шли параллельно с кампанией, развернутой против шахтеров и Д. Кука в буржуазной прессе. В отличие от последней «Lansbury's Labour Weekly» в своей редакционной статье подчеркивала личную честность Д.А. Кука, но писала, что шахтеры были неправы, не подчинившись решению Генсовета прекратить стачку. В статье справедливо говорилось о том, что не подчинившись, горняки не создали никакого органа для руководства стачкой. Но главное обвинение сводилось к недисциплинированности. В статье утверждалось, что руководить забастовкой должен был Генсовет, но он якобы не получил полномочий от горняков. Хотя и признавалось, что Генсовет не собирался и не хотел руководить забастовкой, вина за поражение перекладывалась на самих забастовщиков. Горняки обвинялись в том, что настаивали на эмбарго на экспорт угля, когда Генсовет уже прекратил забастовку, что не увидели, что победа вряд ли возможна. В газете заявлялось, что ничего нельзя было сделать, и не надо обвинять руководство. «Люди часто терпят поражение при проведении большой работы», не потому, что они вероломны, - писал Д. Коул, - а потому, что задача слишком велика для их способностей».

Справедливо отмечая, что Генсовет с самого начала не верил в забастовку и поэтому достоин критики, левые лейбористы, однако, не ставили вопрос о смене

этого неспособного, негодного руководства, ничего не говорилось и об ответственности Исполкома Лейбористской партии.

Сам Д. Лэнсбери в связи с поражением стачки писал, что «дело не в лидерах, а в принципах, поэтому не надо обвинять лидеров. Ведь если лидеры умрут, движение не остановится». Лэнсбери фактически ставил на одну доску и Д. Кука, и Д. Томаса, и лидеров, и массы, которые за ними следовали. Фактически он как бы оправдывал руководство, обвиняя рядовых рабочих в том, что они позволяют говорить и действовать другим вместо себя, пока так будет, - писал он, - руководство не будет чувствовать ответственности перед ними.

Призывая к конструктивной критике, левые лейбористы сами не выдвигали конструктивных предложений относительно движения в целом, за исключением плана реорганизации Британского Конгресса тред-юнионов. Близкий по воззрениям к Д. Лэнсбери А.Д. Скурр призывал лишь к единству движения, отказавшись от взаимных обвинений в некомпетентности и предательстве. Таков был основной тон газеты после стачки.

Однако левые лейбористы, группировавшиеся вокруг «Lansbury's Labour Weekly» были совершенно правы, когда говорили о несвоевременности новой всеобщей стачки против антипрофсоюзного билля, запрещавшего создание забастовочных фондов и пикетирования, разрешавшего использовать военную силу против забастовщиков. Выступая против него и выражая уверенность, что рабочие рано или поздно добьются его отмены, они отмечали, что в новых условиях, когда правительство мобилизовало все силы против рабочих, забастовка только обескровила бы их, призывать к всеобщей стачке в этих условиях - «опасный романтизм».

Значительная часть левого крыла в этот период не призывала к примирению, а пошла на открытый конфликт с руководством тред-юнионов. Автор статьи в «Lansbury's Labour Weekly» писал, что многие лидеры тред-юнионов «не верят в социализм, и не входят в лейбористскую партию, многие хорошие тред-юнионисты не являются социалистами» и поэтому руководящая роль в промышленных конфликтах должна быть не за тред-юнионами и Генсоветом, а за Лейбористской партией, аргументом в пользу такого решения левые считали бездействие Генсовета во время всеобщей стачки 1926 г.

Таким образом, на основе материалов этой газеты (при сравнении с другими источниками) можно получить достоверный материал о ходе стачки, о позиции левого лейбористского крыла (в частности, и его непоследовательности, и неоднозначности). Характерно, что эта маленькая газетка дает нам гораздо больше сведений по интересующему нас вопросу (и более объективных, как это ни парадоксально), чем солидная официальная и даже лейбористская пресса.

Буданова И. А.
Ивановский государственный университет

Британия и ЕС: уроки М. Тэтчер

Вопреки устоявшемуся мнению результаты политики М. Тэтчер в Сообществе нельзя оценивать с однозначно отрицательных позиций. Ее принципы по отношению к строительству общеевропейского дома были гораздо многограннее.

Даже на современном этапе в развитии ЕС четко прослеживаются положительные эффекты деятельности Железной леди. Можно утверждать, что Тэтчер преподнесла Сообществу несколько полезных «уроков». Среди множества сюжетов, связанных с деятельностью М. Тэтчер в ЕЭС, рассмотрим наиболее значимый - борьбу за привнесение в Сообщество «бюджетной дисциплины». Ее «сражение» за финансы нередко оценивается однобоко. Очевидный момент возвращения «своих денег» затемняет другой, не менее важный аспект проблемы. Безусловно, защита национального интереса была ведущим двигателем всей политики Тэтчер, но эффект от деятельности оказался неожиданным и для нее самой.

Борьбы М. Тэтчер на этом направлении легко укладывается в русло монетаризма и экономических концепций, унаследованных ею от отца. В общем виде можно определить следующую формулу политики: «Тратить можно только то, что заработал». ЕЭС же, по ее мнению, расходовало гораздо больше средств, чем имело, и что самое главное, расходовало их «неумело и нецелесообразно». Стремление привнести ясность в бюджетные дела ЕЭС диктовалось двумя важными факторами: 1) спецификой формирования бюджета, 2) его расходными статьями. Вплоть до середины 1980-х гг. лидером по расходам была общая аграрная политика — ОАП (поглощавшая более 2/3 всех средств Сообщества). Подчеркивая сложность и запутанность дел на этом направлении, М. Тэтчер говорила, что аграрные статьи — своего рода тест на интеллектуальные способности.

Конструктивным отношениям Великобритании с партнерами по Общему рынку в бюджетно-аграрной сфере объективно мешали положение бюджетного донора и ограниченные возможности получения ресурсов из общего бюджета (не являясь сельскохозяйственной страной, Британия не могла рассчитывать на значительные поступления из бюджета). В одном из первых выступлений (18 октября 1979 г., Люксембург) лидер тори заявила: «Британия не может допускать настоящей ситуации в бюджете ЕЭС. Я не могу играть роль щедрой сестры в Сообществе, когда моему собственному народу советуют воздержаться от улучшений в области здравоохранения, образования, благосостояния и отдыха». Таким образом, М. Тэтчер рассматривала бюджетный дисбаланс не как проблему, которую можно решить, но как дело фундаментальных разногласий.

Железная леди видела, что ОАП зашла в тупик и спровоцировала угрозу финансового истощения ресурсов ЕЭС. Кроме того, сущность ОАП вступила в противоречие с основными принципами экономической политики М. Тэтчер: фиксированные цены, субсидии, тарифы, излишки, демпинг, бюрократические издержки, т. е. всем тем, что претило ее политэкономическим взглядам. Образно говоря, требуя модификации финансовой системы и ОАП, «Мадам Нет» (так окрестили коллеги по Сообществу М. Тэтчер) наступила на «больную мозоль» ЕЭС. Но иллюзий относительно ОАП не было и в Сообществе. В. Брандт назвал ОАП «бессмыслицей аграрных уложений». Р. Дженкинс утверждал, что ЕЭС рискует исчерпать финансовые ресурсы, т. к. субсидирование аграрных цен составляет 68%, а на социальные и региональные нужды выделено лишь 3,2% от общей суммы бюджета.

По духу высказывания опытных европейских политиков были близки к тэтчеровским взглядам, но их авторы были далеки от того, чтобы воплощать идеи, пользуясь тактикой и методами Железной леди. В этом заключалась существенная разница между ними. Все «цивилизованные» попытки принять соглашения по

ОАП и реформировать систему не приносили плодов. «Переговорная стратегия», выбранная М. Тэтчер, была противоположна сложившейся культуре поведения в Сообществе. Жесткость, нежелание идти на компромисс, тактика политического и экономического шантажа не укладывались в коммунитарное русло Общего рынка.

В арсенале «Мадам Нет» были ресурсы, позволявшие ей шантажировать партнеров по Сообществу: 1)Тэтчер не раз угрожала остановить выплату взносов в бюджет ЕЭС; 2) козыри предоставляла добыча нефти в шельфах Северного моря (так, Германия предлагала Британии оплатить часть ее расходов в бюджет Общего рынка, в обмен на повышение закупочных цен на аграрную продукцию, однако М. Тэтчер не пошла на сделку); 3) принцип единогласия, который использовался при установлении цен на сельхоз продукцию. Железная леди регулярно использовала право вето на увеличение закупочных цен, чем вызывала шквал критики со стороны Франции, Италии и Германии. М. Тэтчер любила повторять: «...я веду эту борьбу... и намерена добиться решения, которое будет единственно верным и окончательным». Из-за жесткой позиции отношения между партнерами были напряженными. Пиком расхождений стали три саммита 1983—1984 гг., когда лидеры стран-участниц ЕЭС не смогли принять заключительные коммюнике.

Подобная тактика принесла плоды. Положительные итоги «подрывной» деятельности М. Тэтчер в ЕЭС проявились на саммите в Фонтенбло (1984 г.), когда она: 1) выторговала знаменитую британскую скидку, 2) добилась снижения расходов на ОАП. (Впервые за всю историю Сообщества с целью сокращения сельхоз излишков, на содержание и переработку которых были направлены львиные средства из общего бюджета, предполагалось снизить закупочные цены и ввести гарантированные пределы на производство некоторых продуктов).

Добиваясь возвращения «своих денег» М. Тэтчер обострила вопрос о «собственных ресурсах» Сообщества. Бюджетных денег ЕЭС едва хватало на осуществление текущих программ, однако именно с середины 1980-х гг. начинается эпоха больших преобразований, требующих капиталовложений. Непримиримый оппонент Ж. Делор внес оживление в сложившийся уклад ЕС. Но в председателе КЕС она встретила неожиданного союзника в плане продолжения линии по сокращению расходов на ОАП и развитию региональных программ. В феврале 1987 г. Комиссия ЕС представила план реформы бюджета Сообщества. (Планировалось сократить долю ОАП, повысить расходы на технологическое сотрудничество, строительство транспортных сетей и удвоить средства структурных фондов для осуществления политики экономического и социального сближения государств и регионов ЕЭС). Программа по бюджету предусматривала введение принципа пропорциональности расходов между направлениями деятельности Сообщества.

М. Тэтчер устраивала линия, обращенная к достижению бюджетной дисциплины. Однако по ее мнению, высвобождаемые средства должны были направляться на развитие Единого внутреннего рынка и региональное сотрудничество, а не на политический авантюризм, в коем она видела строительство ЭВС. В конце 1980-х гг. «Мадам Нет» продолжила борьбу против расточительной ОАП, однако ее политика в меньшей степени соответствовала общему курсу Сообщества, охваченному новыми смелыми прожектами. Брюссельский саммит (11—12 февраля 1988 г.) стал одним из последних, где М. Тэтчер смогла «продавить» очередное

решение по ОАП. Своего рода это был компромисс между экономическим виденьем Железной леди развития ЕЭС и политическими проектами триумвирата Комиссии, Франции и Германии.

Лидер тори признала, что благодаря принятому решению, излишки начали понижаться вполне быстро, а новые меры по бюджетной дисциплине были удачны. Она так же заявила, что «абсурдная ОАП, кажется, окончательно поставлена под контроль». Своей самой большой заслугой М. Тэтчер посчитала, что смогла *«объяснить»* — любое дальнейшее увеличение в «собственных ресурсах» ЕЭС должно сопровождаться эффективным контролем над расходами. После принятия механизма по снижению расходов на ОАП уже к концу 1988 г. появились первые положительные результаты. Однако вести бой в отрыве от контекста логики развития общеевропейского дома М. Тэтчер уже не могла. Наиболее ярко это проявилось на Римском саммите за месяц до отставки Железной леди. Президент Франции Ф. Миттеран открыто заявил Тэтчер, что не стоит рассматривать ОАП в отрыве от всей европейской политики.

Благодаря усилиям «Мадам Нет» тенденция, заложенная в середине 1980-х гг., была сохранена и на последующие годы. Сокращение расходов на ОАП стало одним из важнейших направлений деятельности Союза в 1990-х гг. На современном этапе аграрная политика оттеснена направлениями, обобщаемыми под статьями «устойчивое развитие». Еще одним нововведением, являющимся уже привычным, стала стратегия принятия финансовых перспектив. Подобная тактика позволяет планировать соотношение расходов и доходов ЕС и более рационально подходить к финансированию программ. Еще одно немаловажное изменение произошло в системе принятия решений в ЕЭС. Тактика М. Тэтчер показала, что принцип единогласия может использоваться национальными государствами для решения узких интересов. Во избежание подобного хода со стороны других стран, с середины 1980-х гг. решения в этой области стали приниматься квалифицированным большинством голосов, что способствовало усовершенствованию ППР, его ускорению и принятию решений, отвечающих в большей степени интересам *Сообщества.*

Таким образом, эффекты политики М. Тэтчер в Сообществе четко прослеживаются на современном этапе развития ЕС, став неотъемлемой частью «будней» Союза. Однако итоги деятельности Железной леди во многом оказались неожиданным и для нее самой. Экономические сюжеты были подчинены общей политической логике развития европейского проекта. В этом контексте можно сказать, что бюджетно-аграрную баталию она выиграла, но войну за будущее Европы — проиграла.

Бунькова Л. А.
Нижневартовский государственный гуманитарный университет

«Фактор Блэра» как предпосылка социальных реформ «нового лейборизма» в Великобритании

Одной из предпосылок создания программы социальной политики «нового лейборизма» можно считать так называемый «фактор Блэра», то есть влияние самого Тони Блэра на формирование новой социальной политики лейбористской

партии в 1990-е гг. Изучение жизни и деятельности Т.Блэра, его общественно-политических взглядов поможет лучше понять новые социальные установки лейбористской партии Великобритании после ее прихода к власти. При этом можно выделить несколько этапов.

Первый этап (1953–1972 гг.) связан с детством и юностью Т. Блэра. Энтони Чарльз Линтон Блэр родился 6 мая 1953 г. в Эдинбурге в семье юриста. Рождение Т. Блэра в Шотландии, которая представляла собой в экономическом и социальном плане отсталый регион по сравнению с Англией, скажется на формировании социальных взглядов будущего лидера британских лейбористов. В возрасте 13 лет Тони поступает на бесплатное обучение в престижную частную школу - интернат Фэтес Эдинбурга. В школе вся жизнь учащихся жестко регламентировалась. Несмотря на печальный опыт столкновения с «частным», Тони Блэр не стал принципиальным противником частных школ и частного образования.

Второй этап (1972–1977 гг.) в формировании социальных взглядов Т. Блэра относится к периоду его обучения в Оксфордского университете. Хотя в студенческие годы Т. Блэр увлекался политикой левого толка, его нельзя назвать выходцем из традиционного лейбористского истэблишмента. По мнению его официального биографа Дж. Сопела, именно отсутствие принадлежности к лейбористской партии помогло Тони Блэру объективно проанализировать ситуацию в ней, ее идеологическую базу, провести модернизацию и подготовить новую социальную программу. Тони Блэр проявляет интерес к книгам выдающихся мыслителей прошлого (Маркс, Ленин, Грамши), что скажется при подготовке социальной программы, так как во многом эти работы отражали философскую и политическую основу традиционного лейборизма. В период обучения в университете Тони Блэр особенно увлекается трудовым правом, анализирует современную ему ситуацию в сфере занятости и приходит к выводу о необходимости проведения в ней изменений.

Третий этап начинается в конце 1970-х гг., когда Тони Блэр в качестве специалиста в области трудового права поступил на работу в лондонскую адвокатскую палату во главе с Александром Ирвином. Вскоре Блэр вступил в ряды Лейбористской партии Великобритании, а уже в 1983 г. стал кандидатом от лейбористской партии в парламент в округе Седжфилд (графство Дарем).

На всеобщих выборах в июне 1983 г. Блэр стал самым молодым депутатом парламента от лейбористской партии и примкнул к фракции «умеренных левых», симпатизировавших Майклу Футу. В ходе выборов нового лидера партии в 1983 г. Блэр поддержал кандидатуру Нейла Киннока и вошел в состав группы «Трибьюн», создавшей политическую платформу «умеренных левых». За короткий срок Блэр приобрел репутацию перспективного политика. В своих выступлениях он затрагивал темы "возрождения лейборизма" и долгосрочных подходов в экономике, вопросы о необходимости повышения квалификации рабочей силы и партнерства между частным и государственным секторами экономики и т.п. Блэр быстро продвигался по ступеням партийной иерархии. В 1984 г., став заместителем Роя Хаттерсли, теневого министра финансов, по вопросам трудового права, Блэр попал в разряд «переднескамеечников», из числа которых формировался теневой кабинет и правительство. В 1987-1988 гг. Блэр - заместитель Брайана Гулда, теневого министра торговли и промышленности. Этот пост считался самым важным

за пределами теневого кабинета. В его состав Блэр вошел в 1988 г. в качестве теневого министра энергетики.

Четвертым этапом (1989-1991 гг.) в формировании социальных взглядов Тони Блэра становится его деятельность в теневом кабинете на посту министра занятости (1989-1991 гг.). В эти годы в своих выступлениях и статьях Тони Блэр рассматривал социальную политику консерваторов, их деятельность по социальному вопросу и итоги этой деятельности. Главное различие в социальной политике лейбористов и консерваторов он видел в том, что лейбористы считают государственное вмешательство неизбежным, но одновременно признают ограниченные возможности рынка.

Блэр выступал с критикой идеализации рыночных сил, считал, что гипертрофированное увлечение ими привело к снижению эффективности работы транспортной системой страны, нехватке квалифицированных учителей, удлинению очередей на хирургические операции, ухудшению экологической ситуации, росту преступности. Анализируя также и социальные установки традиционных лейбористов, Тони Блэр считал, что необходимо пересмотреть смысл благосостояния, которое не должно быть, по его мнению, тождественно альтруизму и аскетизму. Коллектив и индивид рассматривались им как равноправные и самоценные субъекты общественной жизни.

На посту теневого министра занятости Блэр пересмотрел концепцию полной занятости, что во многом предопределило его интерес к решению не только проблем безработицы, но и других социальных вопросов. На всеобщих выборах в 1987 г. лейбористы обещали сократить безработицу на миллион человек. Однако после третьего поражения подряд упоминание о полной занятости исчезло из партийных документов. На выборах 1992 г., лейбористы заявили лишь о желании «быстро сократить безработицу». С 1994 г. она окончательно уступила место тезису «высокой и стабильной занятости».

В период с 1992 по 1994 гг. Тони Блэр отходит от социальных проблем. Это связано с внутренней борьбой в Лейбористской партии Великобритании за пост лидера, которым в 1992 г. стал Джон Смит.

Пятый этап (1994–1997 гг.) связан с избранием Тони Блэра лидером Лейбористской партии Великобритании в связи со смертью Смита. В начале Тони Блэр занял должность теневого министра внутренних дел. Будущий премьер проявил себя как сторонник взвешенных подходов к вопросам борьбы с правонарушениями. Известность прибрел его лозунг «бороться с преступностью, бороться с причинами преступности», в котором нашло отражение желание министра ужесточить уголовно-процессуальную систему, но в то же время устранить социальные корни преступности.

Избирательная кампания Тони Блэра на выборах лидера лейбористской партии в июле 1994 г. проходила под знаком манифеста «Изменение и национальное обновление», составленного в компромиссном духе. В данном документе основное внимание уделялось проблемам реформирования традиционного лейборизма, прежде всего, это касалось экономической сферы и взаимоотношений с профсоюзами. В экономическом разделе ставилась задача «соединить творческий потенциал динамичной рыночной экономики с более справедливым механизмом вознаграждения». В разделе «Партнерство на рабочем месте» говорилось, что «рабочие должны сами решать, присоединяться им к профсоюзам или нет». В

1994 г. в выборах приняло участие 4,5 млн. человек. Блэр набрал 57% голосов, его соперники - Прескотт - 28,4 и Бекетт - 19,3.

Одержав победу, Блэр, проявивший качества умелого организатора, сформировал разноплановый теневой кабинет. В него вошли «мягкие левые», центристы и правые лейбористы. Блэр собрал вокруг себя не только своих ближайших сторонников, но и недавних конкурентов - Брауна, Прескотта, Беккет. Складывалась группа «новых лейбористов», которые были готовы к глубокому организационному и идеологическому реформированию лейбористской партии. Среди них - Фрэнк Филд, советник Блэра по вопросам социального обеспечения, Стивен Байерс, помощник теневого министра занятости, Питер Мандельсон, внук Герберта Моррисона, руководитель избирательной кампании лейбористов, Харриет Хармен, теневой министр социального обеспечения, «главный кнут» Дональд Дьювор.

Таким образом, некоторые новые установки в социальной политике лейбористской партии вытекали из личного жизненного опыта Тони Блэра, из его общественно-политических взглядов и социальных воззрений.

Валиахметова Г. Н.
Башкирский государственный педагогический университет

Британские программы демонтажа нефтяной промышленности Ирака в 1939-1942 гг.

Начало освоения нефтеносных территорий Ирака в первой четверти XX в. ознаменовалось серией крупных международных конфликтов, завершившихся определением узкого круга стран, допущенных к его нефти. При активном участии правительств и нефтяных монополий Англии, Франции и США была сформирована первая в истории многонациональная нефтяная корпорация «Ирак Петролеум Компани» («ИПК»). В 1925-1938 гг. «ИПК» добилась эксклюзивных прав на разработку всех месторождений Ирака. Осенью 1934 г. иракская нефть вышла на мировые рынки, и в 1935 г. Ирак занял 8-е место среди главных стран-производителей (1,6% мировой добычи).

Создание «ИПК» свидетельствовало о том, что Великобритания в целом решила проблему самообеспечения империи нефтью и закрепила свое подавляющее влияние в нефтяном производстве Ближнего Востока. Хотя «ИПК» являлась многонациональной компанией, фактически это была британская фирма. Контрольный пакет акций и все ключевые посты в правлении «ИПК» принадлежали британским держателям, большая часть материалов и оборудования для промыслов производилась на британских заводах. Тесные контакты, координация действий и обмен информацией между «ИПК» и Уайт-холлом происходили на регулярной основе. «ИПК» действовала в русле общей ближневосточной политики британских кабинетов, при этом жестко охраняя свои коммерческие интересы. В обмен на дипломатическую помощь Лондона в иракских делах «ИПК» всегда поддерживала британское правительство в реализации его политико-стратегических интересов в этой стране. Поэтому все просчеты и ошибки Уайт-холла в Ираке автоматически сказывались на отношении иракской политической элиты и общественности к «ИПК», и вопросы развития нефтяной индустрии Ира-

ка стали источником постоянной напряженности в англо-иракских отношениях. В условиях второй мировой войны Ирак все больше склонялся к идее сближения с Германией, а Великобритания становилась смертельным врагом.

К концу 1930-х гг. нефтяной сектор Ирака был уже довольно внушителен. В Киркуке разрабатывалось крупнейшее месторождение мира Баба-Гургур, нефтедобыча производилась также близ Мосула и в Ханекине. Несколько введенных в эксплуатацию небольших нефтеперегонных заводов обеспечивали потребности нефтепромыслов и внутреннего рынка страны. Был построен дорогостоящий нефтепровод к Средиземному морю с двумя терминалами в Хайфе и Триполи. Заводы, нефтепровод, буровое оборудование и материалы принадлежали «ИПК».

С начала второй мировой войны Англия приступила к разработке мероприятий по демонтажу объектов нефтяной отрасли Ирака с тем, чтобы предотвратить их переход под германский контроль. По мнению ряда британских политиков, в том числе премьер-министра У.Черчилля, уничтожение иракских нефтяных промыслов могло вынудить Германию отказаться от продвижения в Ирак и направить свои усилия на захват кавказской нефти. Иными словами, разрушение иракской нефтяной промышленности могло способствовать втягиванию Германии в войну против СССР. В то же время Англия сама нуждалась в иракской нефти, которая после переработки на заводе в Хайфе обеспечивала потребности британского военно-морского флота в Средиземном море. Эти поставки нельзя было заменить нефтью соседнего Ирана, так как ее транспортировка через Персидский залив и Красное море увеличивала время перевозок на 3 месяца и требовала дополнительно до 11 танкеров. Англии следовало разработать такие меры, которые позволяли исключить возможность захвата Германией иракских промыслов без сокращения поставок киркукской нефти в Хайфу и ущерба для британских военных операций.

В 1939-1941 гг. британское правительство преимущественно направляло свои усилия на сдерживание роста нефтяного производства в Ираке. Так, Уайтхолл блокировал решение «ИПК», принятое под давлением Багдада и Парижа, нарастить пропускную способность ветки нефтепровода на Триполи. Затем «ИПК» было запрещено вывозить из Великобритании валюту и стратегические материалы для проведения геологоразведочных операций на юге Ирака. Уайтхолл считал, что в неразведанном виде нефтяные ресурсы Ирака представляли меньшую ценность для Германии. 10 июня 1940 г. Италия вступила в войну и закрыла центральное Средиземноморье для кораблей союзников. Уже на следующий день, 11 июня «ИПК», действуя по инструкции Лондона, перекрыла ветку нефтепровода на Триполи, поскольку этот путь транспортировки иракской нефти в Европу теперь был исключен. Кроме того, компания сократила выход продукции киркукских промыслов в Хайфу с 2 млн. т до 800 тыс. т в год – объем, соответствовавший мощности нефтеперегонного завода в Хайфе. Ввиду ограничения экспорта нефти доходы Багдада резко упали.

Но в условиях военного времени Англия руководствовалась, прежде всего, собственными стратегическими интересами, и интересами союзников. Ирак расценивали скорее как аутсайдера, которого в лучшем случае следовало информировать о решениях Лондона, нежели как верного союзника с правом голоса в процессе принятия решений. Вместе с тем необходимо учитывать, что условия мировой войны, меняющаяся военная обстановка требовали быстрых решений. Вполне

естественно, что британские политики отдавали приоритет интересам своей страны, а не Ирака, особенно с тех пор как последний отказался объявить войну Германии и ограничился провозглашением нейтралитета. Англия и Ирак имели разные «весовые» категории, и ситуации, в которых оказались две страны, не подлежат сравнению. Британское правительство понимало, что задевает жизненные интересы Ирака, и не ставило своей целью причинение ущерба стране. Но иракские лидеры считали, что Англия преднамеренно сдерживает рост нефтяного производства. Нефтяной фактор играл ключевую роль в нарастании прогерманских настроений в Ираке и приходе к власти антибританского правительства во главе с Рашидом Али Гилани 2 апреля 1941 г., за которым последовала 30-дневная англо-иракская война, завершившаяся сокрушительным поражением иракской армии.

События апреля-мая 1941 г. показали Англии, что Германия готовит подступы к захвату иракской нефти, делая ставку на поддержку антибританских политических групп во главе с Рашидом Али в Ираке, французской администрации правительства Виши в Сирии и возможно нейтральной Турции. Сложившаяся обстановка вынуждала британские власти действовать решительно и жестко. В мае 1941 г. в разгар битвы за Ирак британское командование на Ближнем Востоке получило приказ из Лондона быстро и основательно подготовиться к полному демонтажу объектов нефтяной промышленности Ирака. Разрушению, консервации или эвакуации подлежали скважины, нефтехранилища, буровое и иное оборудование, заводы, нефтепровод и насосные станции. Ничто не должно было попасть в руки Германии. Британские военные власти проводили операции в тесном сотрудничестве с «ИПК», и к августу 1941 г. достигли внушительных успехов в этом деле.

В целом же Англия надеялась удержать Ирак, поэтому не планировала тотального уничтожения нефтяных объектов; после войны все скважины были восстановлены. Тем не менее, указанные мероприятия разрабатывались без уведомления Багдада, и операции проводились в строгой тайне от иракского правительства. Британские политики понимали, что иракцы выступят против разрушения своей страны, и в случае возникновения беспорядков Англия готова была применить силу.

В конце 1942 г. угроза Ближнему Востоку была отведена: Германия ушла из Северной Африки и стала отступать на советском фронте. Поэтому в начале 1943 г. Англия свернула работы по демонтажу нефтяной промышленности Ирака. Если бы схема уничтожения нефтяных инсталляций реализовалась, с экономической точки зрения это был бы мощный откат для Ирака. Но следует учитывать, что в тот критический момент, когда борьба велась не на жизнь, а на смерть, Англия действовала весьма осмотрительно, стараясь сохранить поддержку Багдада. И хотя иракское правительство понимало всю сложность и неоднозначность ситуации, это не прибавило Англии уважения. Напротив, у многих политиков Ирака эти приготовления возродили и укрепили желание изгнать Англию из страны, чтобы стать полноправными хозяевами своей страны и ее природных ресурсов.

Василенко В. В.
Белгородский государственный университет

Становление отношений польского правительства в эмиграции с Великобританией (1939-1941 гг.)

Польское государство стало первой жертвой германской агрессии в ходе Второй мировой войны. 17 сентября в Польшу вторгся 600-тысячный корпус Красной Армии. Когда стало ясно, что скорое поражение неминуемо, в Париже было образовано польское правительство в эмиграции – это знаменовало непрерывность польской государственности и продолжение поляками борьбы за освобождение страны.

Сформированное 30 сентября польское эмигрантское правительство было правительством «национального единства» – в него входили и деятели «санации», и представители различных оппозиционных партий. Премьер-министром стал известный противник довоенного режима генерал В. Сикорский. Коалиционный характер правительства Польши в эмиграции порождал надежды у союзников – Великобритании и Франции – на отход поляков от самонадеянной политики межвоенного периода.

Однако политическая программа польского эмигрантского правительства не отличалась новизной. По понятным причинам в восприятии польского руководства СССР являлся таким же врагом, как и Германия; среди польских целей в войне важное место занимало возвращение территорий, захваченных Советским Союзом. Одной из приоритетных задач польские власти в эмиграции считали вовлечение союзников в войну с СССР. Правительство Польши в изгнании с самого начала стремилось, учитывая условия эмиграции, проводить достаточно независимый внешнеполитический курс. Одним из путей достижения этой цели виделось балансирование между великодержавными союзниками. Уже на первом заседании Совета министров 5 октября Сикорский озвучил проблему чрезмерной идентификации польских интересов с французскими. Дополнительным аргументом в пользу такой политики были непростые отношения польского руководства с властями Франции.

Польское руководство полагало, что для реализации своей политической программы нужно было добиться права голоса в союзном механизме принятия решений. Единственной возможностью считалось активное участие польских вооруженных сил в военных действиях. В результате Сикорский прилагал все усилия к созданию польских вооруженных сил в эмиграции. В ходе формирования польской армии на французской территории польские власти столкнулись с неоднозначной позицией руководства Франции. В целом приветствуя создание польских вооруженных сил, оно, в частности, не проявляло желания создать для них прочную правовую базу.

В то же время на данном этапе не стоит преувеличивать стремление эмигрантского правительства Польши к сближению с Великобританией. Несмотря на польско-французские разногласия, правительство Польши в эмиграции надежды на освобождение своей страны в основном возлагало на Францию. Правительство Сикорского не ожидало затягивания войны, и битва за Польшу виделась делом близкого будущего.

Вместе с тем уже в октябре-ноябре 1939 г. оформилась политическая основа польско-британских отношений – совместная борьба против Германии и невозможность британской гарантии территориальной целостности Польши. Одновременно выявились перспективы общности интересов сторон – руководство Великобритании разрабатывало концепцию федерирования стран Центральной и Восточной Европы и в связи с этим приветствовало проект польско-чехословацкой федерации Сикорского.

Поражение Франции означало принципиальные изменения в положении польского эмигрантского правительства. С одной стороны, создавались все предпосылки для обретения статуса единственного союзника Британии, что означало максимально равноправное положение в польско-британских отношениях. С другой – планы на скорое возвращение в Польшу отодвигались на неопределенное будущее. На фоне этой ситуации достаточно ярко проявился новый характер политики польского эмигрантского правительства – стали выдвигаться на первый план внешнеполитические концепции, альтернативные довоенным. Так, польский премьер в ходе переговоров с британскими политиками по проблемам эмиграции поляков из Франции, наперекор мнению большей части правительства, продемонстрировал готовность как к самостоятельным переговорам с СССР, так и намерение не мешать попыткам Британии прийти к соглашению с Советским Союзом. Сикорский, в отличие от большинства польских эмигрантских политиков, полагал, что основным врагом Польши является Германия, а уязвимое положение страны делает неизбежным соглашение с другим великим соседом.

Действия польского премьера продемонстрировали глубину раскола в польском эмигрантском правительстве. Правительственный кризис фактически завершился победой Сикорского в конце июля 1940 г. Как следствие, возрос удельный вес его концепций в польской политике. Это нашло выражение в дальнейшем и в активной разработке проекта послевоенной федерации Польши и Чехословакии: уже 11 ноября 1940 г. была обнародована совместная декларация о намерении создать после войны «теснейший политический и экономический союз». Кроме того, очень значимым итогом кризиса стало большее доверие Великобритании к польскому генералу как политику.

Польско-британские отношения на протяжении года, оставшегося до нападения Германии на СССР, действительно удачно характеризует широко распространенное в литературе выражение «единственный сражающийся союзник Британии» ("the only Britain`s fighting ally"). Данное определение следует понимать как тесные польско-британские союзнические отношения прежде всего в военной сфере.

В этот период произошло значительное повышение статуса польских вооруженных сил в Великобритании. Польско-британское соглашение о польских сухопутных и военно-воздушных войсках (ВВС) от 5 августа 1940 г. было несомненным успехом правительства Польши в эмиграции. Польские власти наконец добились желаемой обособленности польских ВВС в составе британских Королевских ВВС. Ранее в этом роду войск поляки не только «растворялись» среди британцев, но и оказывались в неравноправном положении по сравнению с ними. Кроме того, данное соглашение демонстрирует кардинальное изменение отношения Великобритании к формированию польских сухопутных войск на ее территории: британское руководство от мнения о невозможности их создания в Соеди-

ненном Королевстве пришло к признанию автономного статуса польских сухопутных формирований под верховным командованием Великобритании. В этот период вооруженные силы поляков были задействованы в наиболее важных для Британии направлениях борьбы, в частности в «битве за Британию» и в военных действиях на Ближнем Востоке.

Однако, кроме сочувствия британской общественности, сколько-нибудь значимых политических результатов, например, участия в британских командных структурах, в этом направлении добиться не удалось. Политическая основа польско-британских отношений оставалась прежней. В связи с этим отношения между польским эмигрантским и британским правительствами в политической сфере были моментами весьма непростыми. Основные трения были связаны с различием между польской и британской позицией по отношению к СССР. Польские власти в эмиграции, особенно с начала 1941 г., вызывали все большую озабоченность британского руководства публичными заявлениями относительно нерушимости польских довоенных границ, прежде всего с Советским Союзом. Это осложняло и так непростые британо-советские отношения и уменьшало возможности для маневра для Великобритании.

Таким образом, с октября 1939 г. до июня 1941 г. завершился этап становления польско-британских отношений: от формальных союзных обязательств, унаследованных польским эмигрантским руководством от правительства «санации», к июню 1941 г. стороны пришли к тесному союзническому взаимодействию в военной сфере с определенной правовой базой. Очень важно то, что в этот период закладывается политическая основа двусторонних отношений: выявляются общность и противоречия между польскими и британскими целями в войне.

Гуреев М. С.
Тульский государственный педагогический университет

Роль правительства Энтони Блэра в урегулировании североирландского конфликта

Ирландия – первая английская колония, захват которой растянулся с XII по XVII в. Именно тогда началось межконфессиональное противостояние между двумя крупнейшими общинами Ольстера (наиболее колонизированной провинции острова) – коренным ирландским населением, исповедующим католичество, и пришлым англо-шотландским, исповедующим протестантизм.

Во второй половине 60-х гг. дезинтеграция Британской империи, вступившая в заключительную фазу, привела к развитию национального самосознания в самой метрополии. На территории «кельтской периферии» реакция Ольстера на процессы ослабления британской идентификации была наиболее острой. Регион вступил в период «смутного времени», продлившийся с начала 70-х гг. до середины 90-х гг. XX в. Межконфессиональное противостояние придало событиям особую остроту.

В то время как в Шотландии и Уэльсе партийно-политические подсистемы начали обретать все большую автономию от общенациональной, в Ольстере деятельность региональных органов власти в 1972 г. была заморожена и введено прямое управление из Лондона, продлившееся до 1999 г. Таким образом, процес-

сы модернизации партийно-политической системы Великобритании, характерные для Вестминстера, Шотландии и Уэльса, в Северной Ирландии были заторможены, хотя и не остановлены. Однако с 1997 г. регион вместе с другими пережил период бурного политического развития. Это было связано с победой 1 мая 1997 г. в ходе всеобщих парламентских выборов Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ), возглавляемой Э. (Тони) Блэром.

После восемнадцати лет правления консерваторов в Англии, приход самого молодого премьер-министра к власти был ощущаем как новое веяние в политической системе Великобритании того периода. Одной из насущных задач нового правительства было проведение конституционных изменений. Первым на повестке дня в разрешении ольстерской проблемы стал вопрос о деволюции – делегирования части государственной власти британским регионам.

Одной из первых мер нового лейбористского правительства стало назначение М. (Мо) Моулэм в качестве нового государственного секретаря по делам Северной Ирландии. Уже в июне был сделан важный шаг на пути максимального достижения взаимных интересов. Партии Шинн Фейн, считавшейся политическим крылом радикальных националистов в парламенте, было разрешено войти в многопартийные переговоры о новом статусе Северной Ирландии. После этого крупнейшая националистическая группировка – Ирландская республиканская армия (ИРА) объявила перемирие 20 июля 1997 г. Итогом переговоров явилось заключение 10 апреля 1998 г. Белфастского соглашения (Соглашения Страстной Пятницы). Именно благодаря этому соглашению модель деволюции Северной Ирландии качественно отличается от модели Шотландии и Уэльса; главные отличия: признание права региона на самоопределение и выход из состава Соединенного Королевства и включение соглашения в состав международного британо-ирландского договора.

Несмотря на активное решение проблемы завершения деволюции правительство Блэра свой акцент сделало на прекращении огня и сдаче оружия различными группами боевиков. Это было объяснимо, так как в условиях непрекращающейся войны новым органам власти трудно было начать действительную работу.

В начале XXI в. прямое правление из Лондона восстанавливалось дважды. Первый раз это произошло в феврале 2000 г. в связи с отказом ИРА начинать декомиссию. Период восстановления продлился до мая 2000 г. Вторичное восстановление прямого правления произошло в октябре 2002 г. ИРА была обвинена в «шпионаже» внутри североирландского правительства. Это привело к довольно долгому периоду неопределенности, длившемуся до конца 2006 г. Государственный секретарь Дж. Рейд дважды давал попытку органам власти Ольстера самостоятельно решить свои внутренние противоречия. Он приостанавливал деятельность Ассамблеи на один день с целью дать депутатам шестинедельный период для выбора двух главных лиц провинции – Первого министра и заместителя Первого министра.

В итоге усилий, приложенных британским правительством в лице Т.Блэра, правительством США в лице экс-президента Б.Клинтона и нынешнего президента Дж. Буша-младшего, 28 июля 2005 г. ИРА в своем заявлении объявила, что прекращает всю вооруженную деятельность и будет добиваться своих целей исключительно политическим путем. Об этом говорится в распространенном заявлении

этой организации: «Всем членам ИРА предписано сложить оружие. ...Для наблюдения за процессом разоружения будут приглашены по одному представителю католической и протестантской конфессий». Т. Блэр назвал это шагом беспрецедентного значения, итогом восьмилетней работы его правительства.

Завершающей точкой десятилетней работы правительства Блэра по мирному урегулированию конфликта в Ольстере является восстановление самоуправления в Северной Ирландии 8 мая 2007 г. после подписания соответствующей декларации новым госсекретарем П. Хэйном. Преподобный Я. Пэйсли, лидер Демократической юнионистской партии (ДЮП) поклялся поддерживать верховенство закона в качестве Первого министра. М. МакГиннесс, главный переговорщик Шинн Фейн, принес клятву в качестве Заместителя Первого министра. В итоге непримиримые политические враги – ДЮП и Шинн Фейн, пришли к общему компромиссу для блага и процветания своего региона.

В своей речи, произнесенной 8 мая, Т. Блэр выразил свою надежду на то, что после его ухода с поста мир в Северной Ирландии, ради которого он усиленно трудился в течение десятилетия своего правления, останется самым запоминающимся наследием его работы. Последние события, произошедшие в мире, связанные с начавшейся волной «самоидентификации» различных наций и народностей показали относительную прочность и стабильность мира в Ольстере.

Гуськов В. К.
Вологодская Универсальная Научная Библиотека

Политика британских оккупационных властей при создании партии ХДС (1945-1949 гг.)

После разгрома и капитуляции нацистской Германии в 1945 г. страна была разделена на оккупационные зоны держав-победительниц, в которых все бразды правления перешли в руки военных оккупационных администраций. В отличии от оккупационных зон союзников, территория английской оккупационной зоны была самой большой и индустриально развитой частью Германии. В ней находился промышленный центр – Рур, включавший в себя наибольшую концентрацию военных заводов.

Новое лейбористское правительство Великобритании, пришедшее к власти в июле 1945 г., претендовало на поиск некого «среднего пути» между «восточным коммунизмом» и «западным капитализмом». Именно с этой позиции, но, опираясь на принципы Потсдамской программы (Потсдам, конференция стран-победительниц, июль – август 1945 г.) новое лейбористское правительство планировало осуществление своих стратегических инициатив в послевоенном переустройстве Германии.

Главнокомандующим британских вооруженных сил в Германии, а также военным губернатором английской зоны оккупации был назначен (22 мая 1945 г.) Главнокомандующий 21-й Британской армией фельдмаршал Б. Монтгомери.

Оккупационная политика союзников перед капитуляцией Германии и в первые месяцы после нее была разнородной и не имела конкретной позиции. Основополагающие директивы главного командования англо-американских оккупа-

ционных войск совсем не предусматривали каких-либо коренных изменений. Основным девизом этих установок было выжидание.

Одной из главных целей союзной оккупации и предварительным условием демократизации Германии являлась денацификация. В отличии от советской зоны оккупации, где проведение денацификации было поручено блоку антифашистских партий, в западных зонах оккупации процесс денацификации проходил несколько иначе. Политические партии здесь не играли решающей роли в ее проведении. Основным было влияние оккупационных властей. Главная причина этого – стремление сохранить основы империализма в Западной Германии, исключив, при этом, его из числа конкурентов, с сохранением подчинения державам-победительницам.

В английской оккупационной зоне процесс создания и политического развития партий начался с некоторым опозданием. В отличии от советской зоны оккупации, где согласно приказу №2 Главнокомандующего СВАГ от 10 июня 1945 г. была создана правовая основа такой деятельности, в английской зоне оккупации только 15 сентября 1945 г., согласно приказам № 8-12, было разрешено образование партий (сначала в округах, потом в землях). Однако это касалось только трех основных партий: ХДС, СДП и КП. Данное решение глава политического отдела английской военной администрации подполковник Эннен объяснял тем, что дробление партий на мелкие группировки несовместимо со здоровой демократией.

Формально партия Христианско-Демократический Союз была основана еще 17 июня 1945 г. в Кельне. В состав основателей и первых ее членов вошли такие известные личности как: финансовый магнат Р. Пфердменгес, так называемые «фюреры экономики» в «третьем рейхе» Г. Кост и Г. Динкельбах, архиепископ Кельнский кардинал Й. Фригс, лидер реакционного крыла евангелистской церкви епископ берлинский Ф.К. Дибелиус и другие, а также бывший бургомистр Кельна К. Аденауэр. Отсутствие единого мнения относительно курса новой партии привело к тому, что процесс объединения в земельную партию формально завершился 2 сентября 1945 г. Правовую основу, как партия, ХДС получила после 15 сентября 1945 г. (постановление № 12 «Образование политических партий»).

В условиях оккупационного режима ХДС создавалась при участии оккупационных властей. Как справедливо заметил Франк Беш, ХДС была «дитем оккупационного времени». Без послевоенной специфики создание и организационное развитие межконфессиональной партии (католиков и протестантов) было бы невозможно. Вместе с тем характер ХДС был определен не ее основателями, а клерикально-политическими и влиятельными кругами крупного капитала. По инициативе этих кругов, в декабре 1945 г., была организована так называемая «имперская встреча» ХДС, на которой было принято решение об официальном названии партии.

5 февраля 1946 г. произошло объединение организаций ХДС английской оккупационной зоны. Конрад Аденауэр был избран председателем этого объединения. 1 марта 1946 г. в Нехейм-Хюстене ему удалось добиться принятия своей программы, которая своей целью ставила восстановление власти монополий, а в качестве базы для борьбы с коммунизмом выдвинула альтернативу «Христос или Маркс».

Идеи христианского социализма, которые исповедовала ХДС, нашли свое отражение во многих ранних документах этой партии: Кельнские тезисы (июнь 1945 г.), Воззвание ХДС Вюртенберга-Гогенцоллерна (1946 г.) и др. Окончательная политическая и социальная платформа христианских демократов была оформлена в двух программных документах: Аленская программа (1947 г.) и Дюссельдорфские тезисы (1949 г.). Фундаментом коренных преобразований в Германии, по плану лидеров ХДС, должна была послужить концепция социальной рыночной экономики. Эта концепция предлагалась ХДС не просто как экономическая модель, а как социальная база для глобальных общественных преобразований. Однако данный курс ХДС привел к разногласиям между новым лейбористским правительством Великобритании и председателем ХДС К. Аденауэром. К. Аденауэр ратовал за рыночную экономику, а лейбористское правительство за регулируемую. Из-за этого новое правительство всячески тормозило политическое развитие ХДС.

Наряду с этим активная поддержка немецких антифашистских партий советскими властями, подвигла английские оккупационные власти к активному вмешательству в политическую деятельность отдельных немецких партий, предохраняя английскую оккупационную зону от радикальных экономических и политических преобразований. Однако вскоре выяснилось, что столь явная поддержка реакционных кругов может сильно дискредитировать английские власти в глазах немецкой общественности. В связи с эти английские власти изменили политику и переориентировались на социал-демократов, как наиболее подходящую политическую силу в борьбе против советского влияния.

Стимулируя деятельность СДП, англичане, в то же время, не допускали легальной деятельности всех партий. Возникает вопрос: делали ли английские власти ставку только на социал-демократов? Однозначный ответ на этот вопрос дал лидер ХДС К. Аденауэр: «СДПГ – марионетка в руках англичан». В то же время можно предположить, что английские власти предусмотрительно не выделяли какого-то одного фаворита, а поощряли конкурентную борьбу СДП и ХДС, что давало им сильные козыри в политической игре. Истое соперничество этих партий, за место на политическом олимпе новой Германии, не мешало им выступать единым фронтом против КПГ.

В конечном итоге, расчет английских властей на поддержку баланса между СДП и ХДС не оправдался: христианские демократы получили преимущество, а социал-демократы на долгие годы ушли в оппозицию. Вместе с тем, считать, что победа ХДС стала поражением английской политики тоже не стоит, так как английская политика была ориентирована не на какую-то отдельную партию, а на принцип конкурентной борьбы между основными партиями.

Накануне первых выборов в бундестаг (1949 г.) К. Аденауэр заявил: «Мы должны прийти к власти. И мы должны оставаться у власти как минимум восемь лет. Тогда мы выведем Германию на путь, по которому она сможет идти дальше». У власти ХДС находилась 20 лет, с 1949 по 1969 гг.

Гычева А. С.
Ярославский государственный педагогический университет

Участие Великобритании в Миссии ООН в Сьерре-Леоне в мае–июне 2000 г.

Гражданская война в Сьерра-Леоне началась в марте 1991 г., когда подразделения Объединенного революционного фронта (ОРФ) начали военные действия в восточных районах вблизи границы с Либерией в целях свержения правительства.

Вскоре после того, как в мае 1999 г. Олусегун Обасаньо вступил в должность президента Нигерии, он объявил о выводе из Сьерра-Леоне 8 500 из 12 000 нигерийских войск. При наличии большого числа внутренних проблем новый гражданский режим в Нигерии не был готов и дальше нести убытки, равные 1 млн. долларов в день, которые несла бывшая военная хунта Нигерии. Чтобы заполнить вакуум, который образовался после ухода нигерийских миротворцев, была учреждена миссия ООН в Сьерра-Леоне. Олуйеми Адениджи, нигерийский дипломат, выполнявший обязанности Специального представителя ООН в Центральной Африканской республике, был назначен Специальным представителем в Сьерра-Леоне. Самые большие контингенты для Миссии ООН в Сьерра-Леоне были предоставлены Индией, Нигерией, Иорданией, Кенией и Бангладеш.

Миссия ООН в Сьерре-Леоне столкнулась с огромными проблемами. Начиная с мая 2000 г., ОРФ совершал нападения на миротворцев ООН. ОРФ также захватывал их тяжелое оружие и средства передвижения. Национальный комитет по разоружению, демобилизации и воссоединению в апреле 2000 г. открыл четыре новых лагеря, в том числе и на территории ОРФ, - в Макени и Магбурака.

В мае 2000 г. ситуация для Миссии ООН в Сьерра-Леоне внезапно ухудшилась. 1 мая 2000 г. около 100 бойцов Революционного совета вооруженных сил (РСВС) устроили засаду нигерийскому патрулю вблизи порта Локо, недалеко от которого находилась их база. Когда патрульный сержант отказался сдать оружие, в него дважды выстрелили. Нигерийцы были освобождены, а сержант был доставлен в больницу с тяжелым огнестрельным ранением в ногу. На следующий день силы, состоящие из приблизительно 100 мятежников ОРФ, окружили базу в Макени и потребовали, чтобы десять из их бойцов, которые до этого добровольно сдались, были освобождены. Когда это требование было отвергнуто, ОРФ атаковал лагеря в Макени и Магбурака, убив четырех кенийских солдат и троих ранив. В этот же день другая группа бойцов ОРФ окружила вертолет ООН, захватив двоих членов экипажа и пять пассажиров. К концу дня 17 членов персонала Миссии ООН в Сьерра-Леоне были захвачены и содержались в плену по всей стране.

В следующие 24 часа ситуация вышла из-под контроля. К 3 мая 21 миротворец был захвачен в плен в Макени и 28 – в восточной части Кайлахуна. К 5 мая общее число оказавшихся в плену миротворцев Миссии ООн в Сьерра-Леоне выросло до 318. В Куиве безвыходное положение сложилось между индийским контингентом и мятежниками. Тем не менее, в этот день произошли и хорошие события: были освобождены 5 пассажиров вертолета ООН, а также 100 нигерийских солдат, которые ненадолго были задержаны в Камбии.

В сложившейся ситуации Генеральный секретарь призвал к созданию Сил быстрого реагирования, которые должны были состоять из сил западных государств. Сначала США и Великобритания неохотно восприняли идею вмешательство в конфликт, но 7 мая Лондон объявил о том, что Великобритания направит в регион парашютно-десантные войска и Королевскую морскую пехоту, чтобы помочь эвакуировать из Фритауна 500 британских подданных. Эта операция получила кодовое название «Паллисер». Уже на следующий день в Сьерра-Леоне прибыли первые части десантных войск. Они немедленно приступили к созданию оборонительных позиций в районе аэропорта в различных частях Фритауна, посылая патрули на автострады, соединяющие их между собой. Также 8 мая силы ОРФ открыли огонь против участников проходившей в тот день демонстрации. Демонстранты выступали против нарушения ОРФ договоренности о прекращении огня. 20 человек было убито. Вскоре после этого Санко, лидер ОРФ, и другие высшие руководители ОРФ были захвачены в плен Британскими воздушными войсками особого назначения. В это же время Великобритания сделала заявление о том, что при необходимости, в случае самозащиты их военнослужащие откроют огонь. Тем временем в Сьерра-Леоне прибыли дополнительные силы Великобритании и США.

Во время переговоров по освобождению захваченного в плен персонала ООН командующие Миссии ООН в Сьерра-Леоне не оставались безучастным. Совместно с британскими парашютно-десантными войсками они смогли создать укрепления для защиты Фритауна, а также восстановить порядок в хаотичной Миссии ООН. Некоторые наемники не покидали Сьерра-Леоне даже тогда, когда остались без нанимателя и больше года не получали заработную плату. Великобритания, в частности Королевские военно-воздушные силы, сотрудничала с некоторыми из них, что позволяло обеспечить лучшую координацию действий.

11 мая 2000 г. 200 кенийских военнослужащих, содержавшихся в плену в Макени и Магбурака, организовали побег с помощью Индийских сил быстрого реагирования. Последние преодолели 180 километров, отражая нападения и преодолевая засады, чтобы освободить кенийских военнослужащих. Четыре британских военных наблюдателя также совершили побег и прошли 40 миль до тех пор, пока не смогли послать радиограмму находившимся в столице силам Соединенного королевства. Вскоре после этого Британские воздушные войска особого назначения организовали переброску сбежавших наблюдателей на вертолет Королевских военно-воздушных сил, который должен был доставить их во Фритаун.

Переговоры приближались к развязке. 11 мая ОРФ освободил 139 миротворцев. Семь дней спустя были освобождены еще 15. К 28 мая все 500, содержавшихся в плену, членов персонала ООН были освобождены. Сложнее складывалась ситуация с индийскими военнослужащими в Куиве и Кайлахуне, которые все еще были окружены. Но ООН удавалось доставлять им продовольствие на вертолетах. Наконец, 29 июня 2000 г. был освобожден 21 индийский военнослужащий. Операция «Паллисер» была завершена 15 июня 2000 г., когда Королевская морская пехота покинула территорию Сьерра-Леоне.

Таким образом, ввод британских сил в мае – июне 2000 г. помог стабилизировать ситуацию во Фритауне и его окрестностях. Ограниченное вмешательство Великобритании в конфликт в Сьерра-Леоне продемонстрировало, что даже если подобные армии предоставляют только материально-техническое обеспече-

ние, их участие является очень важным, так как они могут восполнить нехватку ресурсов, возникающую при участии армий из развивающихся стран.

Демидов С. В.
Рязанский государственный университет

Новые консерваторы и раскол в партии тори в 1920-е гг.

Консервативная партия Великобритании имеет долгую историю развития, пройдя через многочисленные перемены и трансформации. В течение значительного периода новейшей истории тори были ведущей политической силой, правящей партией, переживавшей, впрочем, разногласия и расколы, поражения и неудачи. Причину политического долголетия консервативной партии, думается, следует искать в том, что ее программные установки и лозунги адаптировались ее лидерами к меняющейся социально-политической обстановке, не будучи исключительно связаны с какой-либо узкой группой населения. Преемственность политики и избирательные успехи консерваторов обеспечивались генеральной линией партии на обеспечение социальной стабильности и защиту прав собственности.

Название «консерваторы» впервые применяется к членам партии тори в связи с борьбой за парламентскую реформу в середине 1830-х гг. Обострение социально-политической борьбы в Англии в середине XIX столетия, приводит к первому в истории консерваторов расколу. Он был вызван намерением лидера консерваторов Р. Пиля в 1846 г. отменить протекционистские хлебные законы. Опыт последующего политического противоборства с либеральной партией привел руководство консерваторов к мысли о необходимости сплочения партийных рядов и усиления центрального руководства. С этой целью создаются основные органы консервативной партии: Национальный Союз (1867) и Центральный офис (1870).

Деятельность кабинета Б. Дизраэли в 1874-1880 гг. становится важным этапом в развитии консервативной партии, которая в это время приобретала все больше сторонников среди представителей среднего класса, а также промышленных рабочих. Особую роль в укреплении популярности консервативной партии сыграло культивирование национальной идеи и лозунгов расширения и защиты империи. Несмотря на то, что экономические трудности, с которыми столкнулась быстрорастущая британская экономика, способствовали возрождению либеральных взглядов и поражению консерваторов на выборах 1880 г., позиции консерваторов в последней четверти XIX в. заметно укрепились. Консерваторы перестают быть защитниками интересов крупных землевладельцев и родовой аристократии, партия апеллирует теперь ко всем слоям населения. Ее позиция по ирландскому вопросу, слабость и разобщенность либералов, воздействие бурской войны – все это обеспечивает ей период политического доминирования с 1886 по 1906 г.

Но в это же время консерваторы переживают свой второй раскол. Под руководством А. Бальфура партия начинает постепенно терять свою популярность у избирателей и ее политическое влияние уменьшается. Период с 1902 по 1914 г. был самым тяжелым временем новейшей истории консерваторов – временем поражений и внутренних неурядиц. Главной причиной внутренней борьбы стала позиция фракции Дж. Чемберлена, отстаивавшей программу введения тарифов

имперских преференций, чему категорически воспротивилась маленькая группа фри-тредеров. Следствием этой борьбы становятся опасения рабочего класса, а также мелких собственников и служащих повышения цен на продовольствие и общего удорожания жизни. В конечном итоге часть электората консерваторов разочаровалась в их политике. Внутренние разногласия привели к «чистке» кабинета Бальфура в 1903 г., но это не спасло от последовавших одно за другим трех поражений на парламентских выборах: в 1906 г., когда в палату общин прошли только 157 консерваторов, и дважды – в 1910 г. (январь и декабрь). Разногласия только усилились по поводу предложенной либералами реформы палаты лордов в 1911 г., и Бальфур вынужден был подать в отставку. Поражения на выборах заставили руководство консерваторов реорганизовать работу центральных органов партии. В 1911 г. был создан пост Председателя консервативной партии для руководства работой Центрального офиса. Преемником Бальфура неожиданно для всех стал Э. Бонар Лоу. Ему удалось восстановить пошатнувшуюся партийную мораль и воодушевить сторонников консерваторов целой серией яростных атак на либеральное правительство, в особенности во время прохождения в палате общин билля об ирландском гомруле в 1912-1914 гг.

В период первой мировой войны популярность консерваторов как «патриотической» партии постоянно росла в то время как либералы переживали все углублявшийся раскол, неизбежно ведший их к упадку политического влияния. В мае 1915 г. консерваторы соглашаются принять участие в коалиционном правительстве, которое возглавил либерал Герберт Асквит. В декабре 1916 г. недовольные военной политикой правительства консерваторы способствовали смене Асквита другим лидером либералов – Д. Ллойд Джорджем, более энергичным и популярным в стране. Ллойд Джордж оказался в своеобразном «плену» консерваторов: он расширил их представительство в реорганизованном коалиционном кабинете и, не имея необходимой поддержки в своей партии, оказавшейся расколотой в том числе и по его вине, прибегал к помощи консерваторов в парламенте. В новом коалиционном кабинете Бонар Лоу, как глава палаты Общин, стал министром финансов и членом военного кабинета, продемонстрировал качества финансиста, организовав успешное размещение нескольких внутренних займов и национальную подписную кампанию на военные облигации. После победы над Германией в 1918 г. Д. Ллойд Джордж находился на пике популярности, и Бонар Лоу счел полезным сохранить коалицию для успешного урегулирования послевоенных проблем и восстановления экономики.

Именно экономические проблемы стали причиной недовольства избирателей политикой Ллойд Джорджа, успехи которого во внешнеполитической сфере не могли компенсировать внутренних проблем. Ллойд Джордж вынашивал идею создания новой «партии Центра» из своих последователей-либералов и старых тори-сторонников коалиции. Но это создавало угрозу нового раскола в партии консерваторов, поэтому идея сохранения коалиции с национал-либералами к 1921 г. становится чрезвычайно непопулярной у большинства членов парламентской фракции и в среде местных активистов. В марте 1921 г. Бонар Лоу уходит в отставку по состоянию здоровья и лидером партии становится О. Чемберлен. Его стиль руководства признавался всеми устаревшим, если не автократичным, его критиковали за отсутствие гибкости и слишком сильную зависимость от Ллойд Джорджа. Рядовые члены консервативной партии подняли настоящий бунт про-

тив коалиции, и О. Чемберлен потерял большинство сторонников, проиграв голосование на конференции парламентской фракции консерваторов 19 октября 1922 г. Сам Бонар Лоу не принимал участия в голосовании, заявив, что «не может голосовать против своих коллег». Такая позиция лишь прибавляла ему популярности. «Гораздо больше значения я придаю сохранению единства нашей великой Партии, нежели победе на всеобщих парламентских выборах», – эти слова Бонар Лоу придали смелости противникам коалиции, так как обозначили действительную цель их лидера, они приветствовали их овацией. Результат голосования дал противникам коалиции 185 голосов против 88 сторонников коалиции, в том числе десятерых министров. В тот же день Бонар Лоу получил поручение короля сформировать новое правительство, сменив таким образом О. Чемберлена на посту лидера консервативной партии, а Ллойд Джорджа – на посту премьер-министра. Бонар Лоу становится первым в истории страны премьер-министром, родившимся в ее заморских владениях.

Короткое премьерство Бонар Лоу положило начало консервативному курсу под лозунгом «английские интересы прежде всего», которого партия придерживалась в течение всего межвоенного периода. Он председательствовал на Лондонской конференции глав правительств союзных держав по вопросам репараций (1922) и не добился выгодного для Англии решения проблемы из-за противодействия Франции. Этим в том числе объясняется его жесткая позиция во время Рурского кризиса в январе 1923 г., когда он практически разорвал дипломатические отношения с Францией.

Развал коалиции становится поворотным моментом в политике консерваторов между двумя мировыми войнами. Преодолев наметившийся раскол, они решительно возвращаются к традиционной практике двухпартийного соперничества, при этом место либеральной партии в качестве основной оппозиционной силы занимают лейбористы. Бунт против коалиции 1922 г. вознес к вершинам власти группу консервативных политиков, ранее занимавших посты «младших» министров. Эти политики, «новые консерваторы», как их стали называть в противовес «старой гвардии» тори, сохраняли лидерство в партии вплоть до 1940 г. Самым значительным среди них был Стэнли Болдуин, сменивший умершего от рака Э. Бонар Лоу на посту лидера партии и премьер-министра в мае 1923 г. Болдуин оставался лидером консерваторов вплоть до 1937 г., несмотря на неудачу в декабре 1923 г. и серьезные атаки против него в 1929-1931 гг. Он имел у избирателей репутацию честного и открытого политика, сдержанного и рассудительного человека, приверженца старых английских традиций и викторианских ценностей. Его популярность, а также соперничество либералов и лейбористов обеспечили консервативной партии политическое доминирование в межвоенный период. В 1918-1945 г. консерваторы были крупнейшей партией в палате общин все время, исключая лишь 2,5 года.

Ермаков А. М.
Ярославский государственный педагогический университет

Антибританская пропаганда в нацистских девичьих и женских организациях

Гитлеровское правительство, ставившее целью завоевание мирового господства, прилагало немало усилий для формирования у немцев и немок негативных образов других народов и стран. Помимо специально созданного министерства народного просвещения и пропаганды в процесс конструирования образа врага были вовлечены другие министерства, партийные и государственные учреждения, различные организации Третьего рейха. Идеологической обработкой немецких девушек и женщин занимались, главным образом, три массовые организации: Союз Немецких девушек (БДМ), Имперская служба труда для женской молодежи (РАДвЮ) и Национал-социалистическая женская организация (НСФ). Они, объединяя миллионы участниц, оказывали влияние на значительную часть женского населения Германии в возрасте 10 лет и старше. Одной из основных задач этих организаций являлась идеологическая обработка немецких девочек, девушек, женщин. Она выполнялась путем распространения книг, брошюр, периодических печатных изданий, расклейки плакатов, организации выставок, митингов, торжеств, а также на государственно-политических занятиях в Службе труда и специальных вечерах ячеек БДМ и НСФ.

В нацистских девичьих и женских организациях формировались те же образы врага, что и в школе, средствах массовой информации, литературе, искусстве, государственных законах, книгах, статьях и публичных выступлениях руководителей Третьего рейха., Хотя главными недругами немецких девушек и женщин в 1933-1939 гг. объявлялись евреи и большевики, антибританские выпады в идеологической работе нацистских девичьих и женских организаций встречались и в это время. Англия объявлялась виновницей Первой мировой войны и инициатором позорного и унизительного для Германии Версальского договора. После начала Второй мировой войны акценты в пропаганде БДМ, РАДвЮ и НСФ сместились: наряду с «мировым еврейством» и большевизмом отчетливо обозначился третий противник - Великобритания. Пропаганда нацистских девичьих и женских организаций представляла новую мировую войну как итог ненависти Великобритании, стремившейся превратить Берлин в руины и избравшей своим орудием Польшу.

Пропагандистские материалы БДМ представляли англичанина в образе демократа, либерала, капиталиста. «Молодому и созидательному миру» национал-социализма противопоставлялся британский мир, «мир торговца, построенный на море крови». Национал-социалистическое мировоззрение, основанное «на вечном законе природы, на идее расы и крови», неизбежно победит «международный капитализм и либерализм», который базируется «на ошибочных представлениях о равенстве всех людей».

Участницам БДМ внушали, что Англия и Франция объявили Германии войну не ради защиты Польши, а с целью уничтожения всего немецкого народа, поскольку сами с 1933 г. находились под руководством слабых политиков, не способных мобилизовать свои нации. Англия, утверждала одна из статей в наци-

стском девичьем журнале, стремится превратить Рейх в «беспомощный и беззащитный клочок земли», она «никогда не оставит нас в покое», она «будет снова и снова пытаться обогатиться за счет трудолюбивых народов», она «всегда грабила весь мир и прежде всего нас, немцев».

Образ британца одновременно был карикатурным, комичным, причем главной мишенью для насмешек служили состоятельные англичанки и англичане – «леди» и «джентльмены», что подчеркивало отличие немецкого народного сообщества от британского общества, расколотого на враждующие классы – простых людей, страдающих от постоянно растущей безработицы и нищеты, и «Society», то есть высший свет. Тонкий верхний слой может позволить себе делать все, что ему вздумается, и высокомерно взирает на низшие классы, составляющие 99% английского населения. «Его дети с малых лет окружены всем мыслимым богатством», они живут во дворцах или крупных поместьях и посещают самые дорогие школы, такие как Итон, Харроу или Винчестер.

Участницы БДМ могли прочитать в своем журнале и о том, что британцы любят держать домашних птиц и что с началом войны лондонские богатеи озаботились их спасением во время воздушных налетов, в том числе занялись разработкой птичьих противогазов, опасаясь немецких газовых атак. В лондонских магазинах якобы уже продавались стеклянные клетки на колесиках и с механизмом подачи свежего воздуха. Пропаганда БДМ высмеивала тот факт, что собачьи будки обкладывались мешками с песком для защиты их от осколков, а многочисленные модели противогазов для собак даже вызвали к жизни моду на эти изделия.

Пропаганда БДМ подвергала осмеянию благотворительные начинания богатых британцев, их пристрастие к гольфу и стремление во что бы то ни стало защитить свою страну, причем особую неприязнь в Германии вызывали усилия английских женщин по овладению стрелковым оружием и военной техникой, которые именовались «игрой в солдатики». Особым издевкам подвергался «военный макияж» англичанок, которые занялись «мужским делом» - поступили на службу в вооруженные силы. Высмеивалось и то, что состоятельные англичанки даже во время войны могли позволить себе содержать специальную служанку для ухода за домашней собачкой. Ехидный совет направить этих девушек на военные фабрики скрывал тот факт, что «слабой» демократической Великобритании в значительно большей мере удалось мобилизовать женщин и девушек на военное производство, чем дисциплинированной и патриотичной Германии.

Юные немки могли узнать, что король Георг VI был возмущен головными уборами англичанок, занятых в медицинской службе, его эстетическое чувство» было задето, когда во время посещения одного из госпиталей широкие поля шляп бросали густую тень на «напудренные носики» женщин и не позволяли сразу определить их возраст. От участниц БДМ скрывали, что королевская чета, отказавшись эвакуироваться вглубь страны, оставалась в Букингемском дворце во время самых опасных бомбардировок Лондона, что мужество и стойкость короля поддерживали веру англичан в неизбежность победы.

Участницам Национал-социалистической женской организации тоже внушали, что англичане стали врагами Германии, потому что попали под влияние еврейства и его идеологии - либерализма. «Гордый британец и самостоятельный американец не замечают, что со временем они превратились в пособников еврей-

ского стремления к мировому господству. Если Черчилль и Рузвельт сегодня думают, что они правят и сами определяют судьбу своих народов, то они должны оплачивать это самонадеянное безумие потоками крови руководимых ими народов. За кулисами, в безопасности сидят настоящие заправилы, язвительно смеющиеся евреи, и ждут, когда нанятое ими войско англичан, американцев и большевиков, уничтожив немецкий народ, осуществит их планы мирового господства». Уинстон Черчилль, британский министр иностранных дел Энтони Иден и Франклин Рузвельт были названы «прислужниками анонимного крупного еврейского капитала», а правительства США и Великобритании – «преступными бандами Рузвельта и Черчилля».

Нацистские активистки твердили, что англичане «ни с экономической точки зрения, ни с точки зрения вооружения» и, прежде всего, «из-за своего либерального жизненного уклада» никогда не смогут наверстать то преимущество, которое имеет перед ними Германия. Великобритания отстала от Третьего рейха и в социальной области. План социальных реформ лорда Бивериджа, обнародованный в октябре 1942 г., не учитывал опыт преобразований, проведенных Бисмарком еще в конце прошлого века, и уже поэтому был обречен на провал. «В то время как в Англии пытаются купить социальную стабильность, национал-социалистическая Германия со своей новой социальной структурой указала путь всему миру», - говорилось в официальном журнале НСФ.

Женское движение в Великобритании противопоставлялось немецкому женскому движению. Первое стремилось добиться прав для отдельного человека и всегда выдвигало на первый план феминистские идеи, крайним воплощением которых является суфражистская кампания госпожи Панкхерст. Второе возникло вместе с ростом немецкого национального самосознания в 1806-1813 гг. и отдавало приоритет не борьбе за права, а «органичному включению» женщины в решение национальных задач, ее превращению в помощницу мужчины.

Таким образом, национал-социалистические девичьи и женские организации играли важную роль в формировании у немецкого населения негативного образа Великобритании. Антибританская пропаганда среди немецких девушек и женщин осуществлялась через периодическую печать этих организаций, книги, брошюры, плакаты, на государственно-политических занятиях и домашних вечерах. Немкам внушали, что Великобритания – один из главных врагов Третьего рейха наряду с «мировым еврейством» и большевизмом. Пропаганда нацистских девичьих и женских организаций представляла ее как давнего противника Германии, инициатора Первой мировой войны и унизительного Версальского договора. При этом невозможность примирения с англичанами объяснялась несовместимостью капиталистических, демократических, либеральных порядков в Великобритании с авторитарным «немецким национальным социализмом». Либерализм, доказывали участницам нацистских организаций, обречен на неминуемое поражение во Второй мировой войне, поскольку «непобедимое» национал-социалистическое мировоззрение основано не на жажде наживы, а на «законах природы, идее расы и крови». Особому осмеянию в пропаганде девичьих и женских организаций Третьего рейха подвергались высший свет и женщины Англии, феминистское движение и институт монархии, поскольку именно наличие высокообразованной интеллектуальной и политической элиты и эмансипация женщин отличали эту страну от гитлеровской Германии и считались свидетельствами де-

градации, упадка британского общества. Пропагандистский тезис о том, что в Англии господствуют евреи-ростовщики давал возможность сконструировать связь между нею и «еврейским большевизмом», представить Вторую мировую войну как беспощадную борьбу арийской расы с «мировым еврейством».

Иванов А. Г.
Кубанский государственный университет

Великобритания и Третий рейх в канун Второй мировой войны

Мюнхенское соглашение 1938 г. коренным образом изменило расстановку сил в Европе, превратило Германию в реальную угрозу миру. Однако в правительственных кругах Великобритании и Франции считали иначе: там расценивали Мюнхен как отправную точку долгожданного умиротворения Европы и важную основу дальнейшего развития отношений с Германией.

После Мюнхена правительство Н. Чемберлена стремилось наполнить конкретным содержанием англо-германскую декларацию о неприменении силы от 30 сентября 1938 г. Состоялось несколько двусторонних встреч на разных уровнях, активно развивалось экономическое умиротворение. Но Гитлер вел двойную игру. Его больше не устраивало Мюнхенское соглашение, которое выразилось в уступке Германии лишь Судетской области; более того, он считал его своим унижением и нацелился на захват всей Чехословакии.

Информация, поступавшая в Лондон после Мюнхена, носила противоречивый характер. Так, источники сообщили, что Гитлер будет развивать экспансию в Юго-Восточной Европе и попытается захватить Украину. Но в начале 1939 г. украинское направление будущей германской агрессии отпало и на передний план выдвинулась Чехословакия. Точные сведения о предстоявшем захвате Германией Чехословакии поступили от посла в Берлине Н. Гендерсона 9 марта 1939 г. Обращает на себя внимание такое обстоятельство: в коридорах власти в Лондоне царило благодушие, о чем свидетельствует телеграмма правительствам доминионов от 7 марта. В ней указывалось, что «Гитлер не собирается в ближайшее время предпринимать каких-либо действий, способных спровоцировать кризис». Видимо, в Лондоне по-прежнему рассчитывали на «благоразумие» фюрера и отказывались признать тот факт, что оно чисто напускное.

15 марта 1939 г. Германия осуществила насильственную акцию в отношении Чехословакии. По политике умиротворения был нанесен сильный удар, Чемберлен и его единомышленники потерпели фиаско. Под давлением общественности английское правительство приняло ряд предупредительных мер: совместно с Францией были предложены гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции; в апреле впервые в истории Англии мирного времени вводилась воинская повинность; были начаты переговоры с СССР. Но, как практически всегда, английская политика несла на себе отпечаток двойственности. Так, гарантии не предусматривали незыблемости границ стран Восточной Европы, что было не случайным. На заседании кабинета 19 марта Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» и отклонил предложение министра по делам доминионов Т. Инскипа о проведении штабных переговоров с Польшей и СССР.

Подлинный смысл гарантий раскрывает меморандум английских начальников штабов «Военное значение гарантий Польше и Румынии» от 3 апреля 1939 г. В нем признавалась невозможность оказания помощи этим странам, а также невозможность оказания им помощи вооружениями. Начальники штабов считали необходимым договориться с СССР о предоставлении советской военной помощи Польше и Румынии. Таким образом, гарантии по существу не имели реальной силы, предназначались для успокоения общественности и должны были служить средством сдерживания Гитлера. Но последнее было более чем проблематичным.

Что касается англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г., то они в силу разных причин закончились безрезультатно. Слишком глубокими были разногласия сторон, отсутствовало доверие между ними, которое зачастую перерастало во взаимную подозрительность.

Англо-германские отношения развивались в контексте европейского политического кризиса и на фоне подготовки Германии к войне. В конце апреля Гитлер аннулировал пакт о неприменении силы с Польшей и морское соглашение с Англией 1935 г. 22 мая Германия и Италия оформили военно-политический союз (Стальной пакт). Для многих было ясно, что большая война в Европе может разразиться в любое время.

И в условиях кризиса правительство Чемберлена не отказалось полностью от политики умиротворения, рассчитывая на мирное разрешение противоречий с Третьим рейхом и разногласий между Германией и Польшей. Но умиротворители забывали о том (или, вернее, не задумывались над этим), что с диктаторами было невозможно договориться полюбовно за столом переговоров, ибо они (в данном случае Гитлер и Муссолини) всегда ставили силу выше права. То есть политика умиротворения концептуально не выдерживала критики. Имели место также тактические просчеты умиротворителей. Так, в Лондоне ошибочно полагали, что яблоком раздора между Германией и Польшей является Данциг, и приложили немало усилий для урегулирования этой проблемы. Но Гитлер использовал спорный данцигский вопрос лишь в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Польши и нагнетания напряженности в отношениях с ней. С апреля 1939 г. Германия планомерно готовилась к войне против Польши и не соглашалась на «второй Мюнхен».

Что касается тайных англо-германских переговоров, проходивших летом 1939 г., то они приобрели широкий размах, осуществлялись по различным максимально возможным в условиях надвигавшейся европейской войны каналам. Официальный Лондон установил связь с руководством Третьего рейха через шведских промышленников А. Веннер-Грена и Б. Далеруса, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге К. Буркхардта, князя М. Гогенлоэ, а также через Муссолини и Ватикан.

На переговорах с представителями германского правительства обсуждались различные вопросы: экономическое и финансовое сотрудничество двух стран, заключение англо-германского пакта о ненападении и соответственно отказ Великобритании от гарантии независимости Польши, установление колониального кондоминиума в Африке, совместная эксплуатация рынков Китая, СССР, колоний европейских стран. Восточная и Юго-Восточная Европа рассматривалась эмиссарами английского правительства как «естественная экономическая сфера»

Германии; они не возражали против усиления ее позиций в регионе, но при условии, что Англии будет обеспечена там «разумная доля».

И все же, несмотря на усилия по нормализации англо-германских отношений, правительству Чемберлена не удалось достичь поставленной цели. Противоречия между двумя странами наряду с соперничеством Германии с Францией являлись наиболее острыми внутри системы империализма. Мир к тому времени уже окончательно раскололся на две противостоявшие друг другу антагонистические группировки. Эпоха дипломатических переговоров уходила в прошлое. Европа стояла на пороге большой войны.

Калинин А. А.
Вятский государственный гуманитарный университет

Политика Великобритании в Греции в 1945 г.

К началу 1945 г. политическая и экономическая ситуация внутри Греции оставалась очень напряженной. Очередная вспышка гражданской войны закончилась подписанием 12 февраля 1945 г. в местечке Варкиза недалеко от Афин мирного соглашения между греческим правительством и Национально-освободительным фронтом (ЭАМ). Соглашение предусматривало проведение плебисцита по вопросу о возвращении короля и выборы в парламент страны.

В феврале 1945 г. казалось, что Британской империи удалось взять под контроль ситуацию в Греции. Теперь англичане планировали начать работу по укреплению политического режима в Греции во главе с архиепископом Дамаскиносом в качестве регента и генералом Н. Пластирасом в качестве премьер-министра. Назначение главой правительства человека с репутацией убежденного республиканца и демократа должно было замаскировать реальные цели Лондона по восстановлению британской гегемонии в Греции.

В речи в Палате общин по итогам Ялтинской конференции 27 февраля 1945 г. британский премьер У. Черчилль говорил об очередных задачах англичан в Греции – формировании греческой Национальной армии, преодолении греческого бюджетного кризиса и т.д. Однако финансовые затруднения не позволили Лондону оказать грекам полномасштабную помощь. В частности, просьба о предоставлении кредитов англичанами была отвергнута.

Лондон негласно контролировал греческое правительство, избегая публичной огласки данного факта. Предложение британского посла в Афинах Р. Липера о закреплении британского доминирования в Греции де-юре было сразу же отвергнуто. В то же время, ни У. Черчилль, ни Форин Офис не собирались отказываться от контроля над греческим правительством. Так, когда премьер-министр Пластирас начал избавляться от британского контроля и проводить собственную политику, английский премьер дал инструкции отстранить генерала от власти «в самый ранний удобный момент». В качестве замены Пластираса англичане выдвинули кандидатуру адмирала Петроса Вулгариса, который в апреле 1944 г. подавил военно-морской мятеж в Александрии.

Лондон выступил против создания «политического» правительства, то есть составленного из всех главных греческих политических сил. Англичане справедливо считали, что любое правительство хотя бы в какой-то мере отражающее ре-

альную расстановку политических сил в Греции не будет проводить политику, отвечающую их интересам. Поэтому они выступили за создание так называемого «рабочего» правительства. Было объявлено, что правительство Вулгариса будет «выше и вне партийных конфликтов». Агитация за многопартийное правительство осуждалась как «наносящая серьезный ущерб внутренней стабильности в Греции и подготовке к плебисциту и выборам».

Важной чертой британской политики в Греции в это время являлся отказ от вмешательства в детали греческой политики. Предполагалось сохранение британского контроля за счет преобладающего влияния на первое лицо государства, что было опробовано многолетней практикой (на короля, или, в той ситуации, на регента), а также путем поддержки тесного контакта с пробританской группой греческой олигархии. Однако, уже весной 1945 г. политический советник верховного союзного главнокомандующего в Средиземноморье Г. Макмиллан и Липер поняли, что такая политика может привести к негативным последствиям и предлагали установление британского контроля над всеми важнейшими звеньями греческой государственной машины. Однако Лондон отверг эти предложения. Это привело к «захвату» государственного аппарата крайне консервативными элементами, к чему англичане не стремились.

Одним из важнейших вопросов, которым занимались британские дипломаты явилась организация в освобожденной Греции выборов и плебисцита по «королевскому вопросу», которые были предусмотрены Варкизским соглашением. В памятной записке посольства Великобритании в США госдепартаменту от 16 июня Лондон для контроля за порядком при голосовании предлагал использовать не греческую Национальную гвардию, а британские войска.

Приход к власти лейбористского правительства К. Эттли не привел к заметной корректировке британского курса в отношении Греции. 8 августа регенту Дамаскиносу была направлена телеграмма Эттли о готовности Великобритании продолжать оказывать помощь грекам.

Большая часть греческих политиков, за исключением крайне правых, настаивали на проведении выборов раньше плебисцита. После декабрьских событий в Греции авторитет короля Георгиоса II возрос. Политические партии Греции считали, что итоги раннего плебисцита будут отражать не столько уровень поддержки короля, сколько опасения населения по поводу прихода к власти коммунистов. Это предложение поддерживал Вашингтон, однако кабинет Черчилля настаивал на проведении плебисцита раньше выборов. Лейбористы же поддержали противоположную идею. Таким образом, новый британский кабинет все же пошел на некоторое смягчение британской позиции по Греции.

По предложению посла в Греции Р. Липера Лондон принял решение пригласить архиепископа Дамаскиноса с Великобританию. 9 сентября регент прибыл в Лондон. Он предложил провести выборы в самое ближайшее время, а плебисцит отложить на три года. Предложения Дамаскиноса были поддержаны. Новый министр иностранных дел Э. Бевин выступил за проведение выборов не позднее марта 1946 г., а плебисцит, считал министр, возможно, придется отложить до 1948 г.

Еще в начале 1945 г., вскоре после того, как было подписано перемирие между противоборствующими в Греции сторонами, англичане предложили сформировать объединенную англо-американскую экономическую и финансовую мис-

сию. Вашингтон отверг данное предложение. Глава британского МИДа А. Иден подчеркивал, что «мы будем нуждаться в американской помощи в экономическом восстановлении Греции...».

Осенью экономическая ситуация в Греции продолжала ухудшаться. В Южном отделе Форин Офиса опасались, что это приведет к забастовкам и открытому восстанию. Англичане обратились к американцам с просьбой увеличить поставки грекам, при этом они сразу же заявили, что не могут внести вклад в финансирование помощи. Американцы же в Греции начинают действовать самостоятельно.

Таким образом, в 1945 г. правительства Черчилля, а в дальнейшем и Эттли, пытаются вывести Грецию из глубокого экономического и политического кризиса. Однако становится очевидно, что старые методы удержания контроля над страной уже утратили эффективность, а также обозначилась необходимость серьезных финансовых вливаний. Последнее наводит на мысль о желательности вовлечения Вашингтона в греческие дела для того, чтобы он нес основную финансовую нагрузку. Также англичане, по-видимому, опасались, что вакуум силы, образующийся вследствие ослабления их возможностей, может быть заполнен Советским Союзом. С этой точки зрения, США являлись «меньшим из зол». Лондон предпринял шаги, чтобы привлечь американцев к сотрудничеству. К тому же, новое лейбористское правительство проявляло большую готовность и желание вовлечь США во все греческие проблемы, нежели консерваторы.

Коробкина И. А.
Ставропольский государственный университет

Британские ученые в Пагуошском движении

Сама идея создания международного Пагуошского движения (Пагуошские конференции по науке и мировым проблемам – Pugwash – COSWA, официальное название международной неправительственной организации с 1961 г.) принадлежала выдающемуся британскому ученому и общественному деятелю XX столетия, философу и математику, лауреату Нобелевской премии по литературе Бертрану Расселу. В начале 50-х гг. XX века Рассел занял лидирующее место среди сторонников запрещения испытаний ядерного оружия. Бертран Рассел имел не только огромный научный авторитет, но и был известен всему миру своей последовательной антивоенной позицией. Рассел обратился с воззванием к правительствам США, СССР, Великобритании, Китая и Франции, в котором был обоснован и сформулирован вопрос: «Должны ли мы пойти на уничтожение рода человеческого, или человечество должно отказаться от войны?». Это обращение, подписанное 11 апреля 1955 г., ровно за неделю до смерти, Альбертом Эйнштейном, стало известно мировой общественности как Манифест Рассела-Эйнштейна. Манифест подписали 11 всемирно известных ученых – трое из них представители Великобритании: Бертран Рассел, Сесил Пауэлл и Джозеф Ротблат.

Манифест стал базовым документом для возникновения Пагуошского движения. Британские ученые стали активными участниками в подготовке и проведении первой конференции в Пагуоше (Канада, провинция Новая Шотландия) 1957 г. и последующих встреч пагуошцев. Бертран Рассел, Сесил Пауэлл и Джо-

зеф Ротблат вошли в состав Постоянного Комитета (всего 5 человек, кроме британских ученых - Юджин Рабинович (США) и Дмитрий Скобельцын (СССР)), первое заседание которого состоялось в Лондоне 18-20 декабря 1957 г. в медицинском колледже при госпитале Святого Бартоломея в кабинете Джозефа Ротблата. На первое заседание Постоянного Комитета были также приглашены и видные британские ученые, общественные деятели и представители культуры: Эрик Бурхоп, Александр Хэддоу, Патриция Линдоп, Дж. Б. Пристли, Дж. Д. Бернал, П.М.С. Блэкетт, Катлин Лансдейл.

В 1957 г. в Великобритании был создан Британский Консультативный Комитет для поддержки Пагуошского движения, а в 1963 г. на его основе была образована Британская национальная Пагуошская группа, которую возглавил Невилл Мотт. В Лондоне также было создано и первое международное представительство Пагуоша. В настоящее время таких представительств четыре, Лондонский офис – центральный.

Движение пагуошцев было признано и в Британском академическом сообществе, и правительством Великобритании. В президиуме 10-й конференции (Лондон, 1962 г.) рядом с председательствующим Бертраном Расселом находились сэр Хоуард Флори, президент Королевского научного общества и лорд Хейлшем, министр по делам науки и технологии Великобритании. В Пагуошских симпозиумах принимали участие британский маршал авиации М.Битхем, один из ближайших советников У.Черчилля лорд Цуккерман.

Формального членства в Пагуошском движении нет, участники встреч (конференции, симпозиумы, семинары, рабочие группы) приглашаются как частные лица. Всех, кто хотя бы однажды участвовал в Пагуошских встречах называют «пагуошцами». В настоящее время их насчитывается около 10 тысяч. Британская национальная Пагуошская группа – одна из самых многочисленных. Британские ученые не только стояли у истоков создания Пагуоша (Бертран Рассел), но и принимали активное участие в руководстве и координировании его деятельности на протяжении почти пятидесяти лет.

Президентом Пагуоша в 80-е гг. XX столетия была Дороти Ходжкин – профессор химии Оксфордского университета, член Лондонского Королевского общества, третья женщина, удостоенная Нобелевской премии по химии, за успешные рентгеноструктурные исследования сложных биологически активных соединений, в том числе пенициллина и витамина В12, и вторая женщина в истории Англии, награжденная орденом «За заслуги».

С Пагуошем неразрывно связана научная и организационная деятельность Джозефа Ротблата. Джозеф Ротблат (1908–2005 гг.) – английский физик и общественный деятель, специалист в области ядерной физики, радиобиологии, разоружения, лауреат Нобелевской премии мира 1995 г. Ротблат участвовал в работе Манхэттенского проекта по созданию ядерного оружия. В 1944 г., осознав, что нацистская Германия никогда не сможет самостоятельно создать атомную бомбу, он по личным убеждениям покинул Манхэттенский проект, став, таким образом, единственным ученым, участвовавшим в создании ядерного оружия и ушедшим из Лос-Аламоса до испытания атомной бомбы. Именно поэтому Бертран Рассел и пригласил Ротблата подписать Манифест Рассела-Эйнштейна, хотя в то время Ротблат еще не был нобелевским лауреатом, к тому же он был и самым молодым ученым из подписавших Манифест. Джозеф Ротблат стал активным участником

Пагуошского движения, разработки целей и принципов, формирования структуры, развития новых направлений деятельности. В 1957-1973 гг. он был генеральным секретарем Пагуоша, а в 1988-1997 гг. – президентом Пагуоша. (Президентом Пагуоша Ротблат был избран в 1988 г. на 38-й пагуошской конференции в Дагомысе). С 1997 г. он был почетным президентом Пагуоша. В отличие от Рассела, сторонника «элитарности и закрытости» Пагуоша, Ротблат стремился усилить эффективность деятельности движения: реформировал структуру руководящих и координирующих органов, рекомендовал использовать новые формы работы – пагуошские симпозиумы и семинары, был сторонником расширения проблематики дискуссий и исследований, качественного и количественного расширения национальных пагуошских групп, привлечения молодых ученых (Youth Pugwash). Ротблат был одним из инициаторов создания Пагуошской исследовательской группы по химическому и бактериологическому оружию. Совместно с учеными-пагуошцами был одним из разработчиков основополагающих международных актов в области разоружения и контроля над вооружениями: договоров о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и об ограничении противоракетной обороны (ПРО). Он был одним из инициаторов проекта «Мир, свободный от ядерного оружия» и активным сторонником создания денуклеаризованных зон. Профессор Ротблат – автор более 300 научных работ, в том числе 20 монографий по проблемам ядерной физики, разоружения, верификации, международной безопасности, социальной и этической ответственности ученых. Фактически он являлся историографом Пагуошского движения. По своим убеждениям Джозеф Ротблат был сторонником полной ликвидации всех видов оружия массового уничтожения и искоренения войн как средств разрешения международных споров и конфликтов.

В 1992 г. Ротблат был удостоен премии мира имени Альберта Эйнштейна. В 1995 г. Нобелевский комитет присудил Джозефу Ротблату и Пагуошским конференциям по науке и мировым проблемам Нобелевскую премию мира за «их усилия по уменьшению роли ядерного оружия в международной политике и, в конечном счете, по его устранению». В своей Нобелевской лекции «Помните о том, что вы люди» он особое внимание уделил вопросам полной ликвидации ядерных арсеналов и необходимости широкомасштабного диалога между политиками и учеными по основным мировым проблемам. В том же году ему по решению английской королевы был присвоен титул сэра. Джозеф Ротблат скончался в 2005 г., в год пятидесятилетия подписания Манифеста Рассела-Эйнштейна. Для Пагуоша и для мирового научного сообщества это была невосполнимая утрата.

В настоящее время Британскую национальную Пагуошскую группу возглавляет профессор Роберт Хинд. В составе Исполнительного Комитета группы известные английские ученые, чьи профессиональные интересы совпадают с пагуошской проблематикой: Кит Хилл, Джон Финней, Хью Бич, Джек Харрис, Кристофер Ватсон, Генриетта Вильсон, Тим Вокер, Джулиан Пери Робинсон, Патриция Линдоп.

Костин А. А.
Вятский государственный гуманитарный университет

Югославия, балканская стратегия и средиземноморские коммуникации в отношениях Великобритании и США в 1941-1947 гг.

Вторая мировая война явилась ключевой вехой в развитии отношений Великобритании и США. Важным моментом в трансформации англо-американских отношений стала позиция Вашингтона в отношении югославского государства, занимавшего до войны значимое положение в сфере интересов Британской империи в Восточном Средиземноморье. Политика союзников в отношении Югославии явилась одной из отправных точек в процессе утраты Британией былого могущества, что стало частью американского послевоенного «мирового дизайна».

Сложность и многогранность югославского курса в средиземноморской стратегии Лондона и Вашингтона в 1941-1945 гг. привели к существенным расхождениям в оценках, характерных для трудов зарубежных и отечественных историков. Так, для многих англоязычных авторов свойственно стремление к критике американской позиции за недооценку значения выдвинутых англичанами политических целей ведения войны на Средиземноморском театре, за отказ поддержать балканскую стратегию Черчилля. Делаются выводы о мотивации большинства решений администрации Рузвельта исключительно декларативными принципами Атлантической хартии и военной целесообразностью. В советской исторической науке, наоборот, английская и американская политика в Югославии часто отождествлялись и характеризовались с позиций абсолютизации идеологических мотивов. Но обращение к документальному материалу доказывает, что в процессе принятия внешнеполитических решений по Югославии Лондон и Вашингтон исходили из разных целевых установок, при том последний руководствовался единством политических и военных целей, использовал провозглашаемые принципы устройства послевоенного мира для воплощения своих весьма прагматичных планов и не желал связывать себя обязательствами перед англичанами.

На начальном этапе, еще до вступления Соединенных Штатов в войну, тактические цели будущих союзников совпали. И Лондон, и Вашингтон стремились воспрепятствовать расширению нацистского влияния в Европе. Вместе с англичанами, имевшими большую разведывательную сеть в Югославии, американцы приняли участие в склонении Белграда к отказу от присоединения к Тройственному пакту. Затем англо-американское сотрудничество продолжилось в ходе поддержки сил югославского Сопротивления. До Тегеранской конференции Великобритания при участии Соединенных Штатов защищала интересы югославского королевского правительства в эмиграции. Но к началу 1944 г. английский премьер У. Черчилль потерял интерес к югославскому королю и его кабинету. На тот момент в борьбе за власть в стране лидер партизанского движения коммунист Тито был уже наголову впереди Петра II и его военного министра Михайловича. Поэтому британский премьер вынужден был пренебречь своими идеологическими установками и сделать ставку на партизан, возглавляемых коммунистами. Американский президент Ф. Рузвельт исходил из американских интересов и не

желал следовать курсу британской политики. Поэтому президент поставил на первое место военные соображения, стремясь к объединению усилий четников и партизан и отодвигая их политические противоречия на задний план.

Подобное американское «невмешательство» в политическую борьбу в Югославии стало противовесом активности Черчилля, так как поддержка английской политики предоставила бы Англии преимущественные позиции в урегулировании на Балканах, что противоречило целям США. Ради сохранения своих позиций после войны англичане делали ставку на свое военное присутствие в Югославии. Американцы с большей выгодой для себя надеялись использовать экономическое влияние путем материальной помощи в процессе восстановления освобожденной страны. При этом американцы не хуже англичан понимали значение советского фактора в этом регионе. Но Рузвельт и американские генералы, стремившиеся к скорейшему разгрому Германии, не хотели проливать кровь своих солдат ради сохранения британских интересов в Восточном Средиземноморье, а англичане, лишившиеся в югославском вопросе поддержки Вашингтона, в одиночку не могли реализовать свою политическую стратегию недопущения влияния Кремля в английскую сферу на Балканах. Черчилль не сумел направить американские возможности на защиту интересов ослабевшей Британской империи.

В 1945 г. направления югославской политики Англии и США вновь совпали (как и в 1941-1942 гг.), теперь уже в решении вопроса об югославо-итальянской границе. При этом позиция Вашингтона не претерпела какой-либо радикальной трансформации. Соединенные Штаты никогда не оказывали безоговорочной политической поддержки Тито. Наоборот, легитимации власти партизанского маршала способствовали попытки Лондона примирить Национальный комитет освобождения Югославии и эмигрантский кабинет, а также навязывание Тито соглашения с новым премьер-министром королевского правительства Иваном Шубашичем. Поэтому скорее английская позиция в мае 1945 г. стала соответствовать американским интересам, нежели наоборот.

Англо-американская позиция по Триесту определялась стремлением предотвратить возможное укрепление позиций Советского Союза на Адриатике, а следовательно и в Средиземном море. В случае передачи Триеста Югославии Советский Союз расширил бы сферу своего влияния и вышел на стратегически важные коммуникации между Атлантикой, Ближним Востоком и Индийским океаном, которые традиционно находились под контролем Англии, а теперь входили в сферу американских интересов. Какими бы сложными ни были послевоенные отношения потерявшей былые позиции Британской империи и ставшими сверхдержавой США, усилия обоих государств в борьбе за Триест отвечали единой стратегии предотвращения «прорыва» Кремля к средиземноморским коммуникациям. Но, несмотря на единство интересов, отношения Англии и Соединенных Штатов не стали паритетными. Если в годы войны, особенно в ее начале, лидерские позиции принадлежали искушенному в балканских делах Лондону, то после войны последний вынужден был уступить Вашингтону. Доктрина Трумэна ознаменовала собой окончательное провозглашение лидерства Соединенных Штатов в англо-американском альянсе.

Таким образом, за период 1941-1947 гг. отношения Британии и США по вопросам югославской политики и балканской стратегии претерпели разительные изменения. Первые месяцы 1941 г. стали началом согласованных действий двух

государств, на тот момент еще не являвшихся союзниками в войне. В 1943 г. югославские дела в союзной политике уступили место проблеме выработке балканской стратегии. Тогда американские военные отказались поддержать английские планы высадки на восточном побережье Адриатики, воспрепятствовав британским стремлениям с помощью союзных войск восстановить свое влияние на Балканах. После Тегеранской конференции, когда англичане отказались от поддержки четников Михайловича, направления югославской политики Великобритании и Соединенных Штатов разошлись. При рассмотрении югославского вопроса администрация Рузвельта не следовала английской линии, как нередко доказывают отечественные историки, и не уступала советской позиции, как зачастую считают западные. Президент лавировал между союзными устремлениями, действуя в интересах своей страны. Американцы не намеревались обеспечивать балканские претензии Британской империи, защищая ее от советских притязаний.

В мае 1945 г. интересы Лондона и Вашингтона относительно югославского государства вновь совпали. Причиной тому стал конфликт западных союзников с фактически уже утвердившим свою власть в Югославии партизанским лидером Тито из-за Триеста. Отношения с Белградом стали неотъемлемой составляющей средиземноморской стратегии Англии и Соединенных Штатов. Однако теперь ослабленная войной Британская империя была вынуждены отдать первенство обладающим огромной финансовой мощью США. В период 1945-1947 гг. американцы сумели занять лидирующие позиции в выработке и реализации совместной с англичанами средиземноморской стратегии.

Куликов В. В.
Ярославский государственный университет

Великобритания и «кайзеровский Евросоюз»: почему поссорились Джон и Михель?

В 1914 г., за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, в Англии увидела свет книга лауреата нобелевской премии мира Альфреда Фрида «Германский император и мир на планете». Уже в предисловии, которое написал известный британский пацифист Норман Энджелл, английский читатель узнавал, что ему «надо учиться понимать истинные замыслы кайзера Вильгельма II, который собирается своим, особым путем придти к «европейской федерации»». Основные тезисы Фрида можно свести к нескольким постулатам: необходимо полно информировать английское общественное мнение о событиях на континенте. Представление о том, что Германия где-то за китайской стеной надо искоренять. Организованный пацифизм появился именно в Германии, а ее лидер Вильгельм II – глава и хранитель европейского мира. Так же как немцы в XIX в. искали объединителя, точно также цивилизованные народы в начале XX в. ищут своего организатора и почему бы наследнику Бисмарка не стать мирным объединителем Европы?

С первого взгляда странное произведение, на самом деле было лишь частью целого пласта апологетической по отношению к Германии литературы, написанной за пятилетие перед Первой мировой войной. Работы Дж. Гобсона (Немецкая паника, 1913), Н. Энджела (Великая иллюзия, 1911), С. Шоу (Вильям Гер-

манский, 1913), десятки газетных и журнальных статей - это своего рода противовес, реакция на засилье в Великобритании алармистской, германофобской литературы. Вышеуказанные авторы грамотно, спокойно доказывали, что война между странами приведет к обоюдной катастрофе, что англо-германские противоречия надуманы, а цели Германии и ее союзников в перспективе полностью совпадают с мечтаниями англичан. Фактически, это литература глобализации, предлагавшая в качестве локомотива мирового объединения союз Европы (во главе с Германией) и всего остального мира во главе с Англией.

Мировые войны, грандиозные потрясения XX в. заставили английское общество забыть про идейные порывы британских германофилов, даже сами авторы изменили свое мнение. Но идея о Кайзеровском Евросоюзе вновь воскресла в конце XX в. В 1990-х гг. особенно полно ее развил и обосновал шотландский историк и политолог Н. Фергюсон в бестселлере «Горести войны». Внешне сформированная им концепция выглядит достаточно логично. Первая мировая война (а как следствие, и Вторая мировая война) возникли из-за ошибочной политики Великобритании. Надо было всеми силами поддерживать Германию, т.к. объективно, из-за экономических причин, – это прирожденный гегемон Европы. До 1914 г. это была либеральная страна, динамично развивающаяся, и, если бы не было войны, под ее экономическое влияние попали бы неминуемо и Россия, и Франция с союзниками. Прошли страшные войны, которые унесли миллионы жертв, вызвали к жизни жестокие режимы, заставили и французов, и русских мобилизовать все ресурсы, чтобы выстоять против мощнейшей немецкой экономики. И все – зря. В итоге к началу XXI в. Германия все равно взяла свое и является теперь гегемоном Европы, оплотом устойчивости ЕС. То же самое можно было бы получить и без войны. Фергюсон отвергает, используя множество аргументов, идеи о милитаристической сущности германской государственности как наследие пропаганды эпохи войны, о невозможности найти компромисс между французами и немцами по проблеме Эльзаса и Лотарингии как заблуждение. Во многом он повторяет тезисы Фрида, Энджелла, Гобсона и др.

Причины популярности этой концепции достаточно понятны и укладываются в общее информационное поле современной Европы, где лучшие силы брошены на то, чтобы обосновать идею европейского единства. Как и все поколение «молодых» английских историков, Фергюсон смел в суждениях, прекрасно теоретизирует и вместе с тем отказывается понимать тогдашнюю действительность. Но самое интересное в работе - ответ на вопрос «кто виноват?». Повторяя магистральную идею Барбары Такман, Фергюсон убеждает читателя, что истинным виновником срыва первой волны глобализации стала потрясающая глупость и недальновидность элит европейских стран и, прежде всего, Англии.

Критикуя решения и политику кабинета Асквита-Грея, британские историки в лице Фергюсона и его последователей тесно подходят к общей коллективной вине английского общества за катастрофу 1914 г. Роль «английского зондервега» викторианской и эдвардианской эпохи, т.е. настроя общества на конфликт, на борьбу за мировую гегемонию, понемногу занимает свою нишу в объяснении причин мировых конфликтов. Среди поджигателей войны можно увидеть писателя Стивенсона (конфликт с немцами из-за Самоа, германофобские статьи в «Таймс»), Э.Чайлдерса, А.Грейвса, А.Кертиса, Л. Трейси, П.Коломба, Л.Джеймса, У.Леке, П.Воу и Л.Йексли, Р.Коула, А. Доусона, Ч.Доти, Г.Морье, Е.Оппенгейма,

Г.Манро. Еще большая ответственность лежит на издателях «Дейли мейл», «Дейли миррор», «Сэтидэй ревью», которые десятилетиями вели германофобскую пропаганду в немецком обществе.

Популярность «нравственной» истории, несмотря на все ее огрехи, и в том числе на некоторую «неисторичность», – явление глубоко положительное. Пропаганда мира с использованием ярких исторических образов и примеров, особое внимание к ответственности общества и лично каждого человека за мир, не только обогащает исторические сочинения, но и является своеобразным лекарством против тенденциозности истории.

Остапенко Г. С.
Институт всеобщей истории РАН

Мусульманская община в Великобритании в конце XX – начале XXI вв.: противостояние цивилизаций или путь к согласию

Характерной чертой второй половины XX в. является перенесение конфликта цивилизаций из колониального мира в Западные страны. Для Великобритании эта проблема стоит особенно остро, т.к. до настоящего времени она занимает главенствующие позиции в крупном международном объединении – Содружестве.

Мусульманская община возникла в результате иммиграционных потоков, направлявшихся на Британские острова из Пакистана, Бангладеш, арабских стран Ближнего Востока и Нигерии. По данным переписи 2001 г. численность мусульман в Британии составляет - 1 млн. 591 тыс. человек или 2,7% от всего населения Королевства. Жестких проявлений исламского фундаментализма в форме открытой борьбы против западной цивилизации в Великобритании не наблюдается. Тем не менее, все большее беспокойство правящих кругов и населения в целом вызывает стремление части исламских организаций к политическому и национальному утверждению на основе своих религиозных традиций.

С 1992 по 1998 гг. в Лондоне под покровительством международного Института современной исламской мысли, интеллектуального центра глобального исламского движения, имеющего свое отделение и в Британии, функционировал так называемый Мусульманский парламент. По существу его деятельность отвечала той же задаче, которую ставил перед собой интеллектуальный центр. «Наша задача, - говорилось в документах Института, - мечтать о будущем, работать для будущего, которое мы представляем как время, когда новая Исламская цивилизация будет установлена – динамичная, процветающая, здоровая и благополучная цивилизация; цивилизация при которой человек будет жить в гармонии с собой, с окружающей средой и главное – с самим Создателем. Пока же мы должны создавать предпосылки для такой цивилизации».

Лондонский парламент имел статус неправительственной организации и представлял собой форум для обсуждения проблем, связанных с положением мусульманской общины. Здесь же организовывались кампании против американской оккупации Ирака и Афганистана.

Лидер парламента доктор Калим Саддики ставил своей задачей создание независимой политической организации с ее региональными отделениями. При этом он надеялся, что в дальнейшем модель такой организации будет примером для других западных стран, где обосновались мусульманские меньшинства. Его перу принадлежит ряд книг и Мусульманский манифест «Будущее мусульман в Великобритании», где изложены проблемы общины и обязанности мусульманских сообществ, проживающих в немусульманских странах. В своих книгах он не ставит своей целью разрушение британского государства, нет призывов к джихаду. Задача мусульманских меньшинств, по его мнению, заключается в том, чтобы сохранить себя и выжить в «нечистой» и враждебной среде и «всемерно содействовать... борьбе за восстановление ислама во всем мире как цивилизации добра». Иначе говоря, это рассматривалось, как отложенная, но вполне определенная задача.

В 1996 г д-р Калим умер, а в 1998 г. Парламент прекратил свою деятельность главным образом из-за внутренних распрей, но и под давлением британских властей.

2006-2007 гг. характеризуются обострением этно-религиозных отношений в Великобритании. Причем в первую очередь это обернулось подозрительностью в отношении исламского сообщества.

В ноябре 2006 г. настоящую сенсацию вызвало заявление британского премьер-министра Тони Блэра, в котором он признал, что угроза исламского терроризма существует в настоящем и существовала в течение всего срока его премьерства. Поводом для такого признания послужил доклад главы департамента разведывательной службы М 15 Элизы Маннигем Буллер, опубликованный в печати, что уже само по себе свидетельствовало о серьезности ситуации. В докладе говорилось, что специальным службам удалось зафиксировать активность более 200 террористических организаций, включающих более 1600 членов и способных использовать химическое, бактериологическое и ядерной оружие. 30 террористических актов были раскрыты накануне их совершения.

Реакция со стороны исламской общины на речь Блэра последовала немедленно. Совет мусульман Великобритании Britain заявил, что нельзя возлагать вину нескольких людей на всю общину.

Нельзя сказать, что со своей стороны британское правительство и научное сообщество ничего не делает. Об этом свидетельствуют законы 2001 и 2006 гг.

Крайние формы неприятия исламской культуры присущи в настоящем Британской Националистической партии (British National Party). Но имеются и серьезные исследования. Так, например, группа ученых Лондонского университета провела в ноябре 2006 г. сравнительное исследование. Его название «Евреи и мусульмане в Соединенном королевстве». В нем обращается внимание на ряд факторов, препятствующих интеграции мусульманских меньшинств в британское общество.

По данной тематике проводятся многочисленные опросы. Так, например, 13 ноября 2006 г. ученые Университета Брэдфорда выделили 25 жителей города, членов мусульманской общины пакистанского происхождения в возрасте от 16 до 38 лет. Большинство из них, несмотря на нищету, уверяли, что считают себя британцами и не мыслят своей жизни в другой стране, осудили террор. Но при этом единодушно заявили о своей преданности исламу.

Среди мусульман и частично среди британцев имеются приверженцы так называемого евро-ислама.

Петелин Б. В.
Череповецкий государственный университет

Маргарет Тэтчер и объединение Германии: личные амбиции или государственные интересы?

Стремительное объединение Германии поставило европейских политиков в сложное положение. С одной стороны, Великобритания и Франция, взявшие после окончания Второй мировой войны ответственность за Германию в целом, должны были поддержать начавшийся в 1989 г. процесс объединения ГДР и ФРГ, но в реалии это не отвечало их государственным интересам. В Европе настолько свыклись с германским расколом и Берлинской стеной, что сама возможность объединения немцев рассматривалась лишь в отдаленной перспективе. Появление единой Германии нарушало устоявшийся за четыре десятилетия геополитический, экономический и политический порядок, добавляло проблем в идущую в Западной Европе интеграцию. Поэтому реакция президента Франции Франсуа Миттерана и премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер была предсказуемой: они не только сдержано отнеслись к начавшимся переменам, но и попытались затормозить ход объединения Германии.

Подчеркнем, что прямо потребовать от канцлера Коля отказаться от воссоединения Миттеран и Тэтчер не могли. К тому же, из-за натянутых взаимоотношений (Коль в своих воспоминаниях пишет: «Миттеран также не питал к ней добрых чувств») исключалась возможность их совместных согласованных действий. Каждый из них попытался воздействовать на М.С.Горбачева, полагая, что «ключи» к германскому единству находятся в Кремле. Москва действительно имела куда больше возможностей, чем Париж или Лондон, беря во внимание союзнические отношения с ГДР, которой, в случае объединения, приходилось жертвовать, что неизбежно вело к утрате СССР своих позиций в Европе. Но Горбачев, считает немецкий историк А.фон Плато, так и не смог определиться, в чем собственно заключаются государственные интересы Советского Союза в той, новой ситуации в Европе.

Почему против объединения Германии выступила Тэтчер? Руководствовалась ли она государственными интересами Британии, или только личными амбициями, беря во внимание непростой характер «железной леди»? Из имеющихся на сегодня публикаций, в том числе и принадлежащих Тэтчер, видно, что каких-либо особых симпатий к немцам и Германии она не испытывала. В ее семье, учитывая англо-германские отношения в первой половине XX века, царили стойкие антигерманские чувства, что было свойственно в то время большинству англичан.

В своей книге «Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира» (2003) Тэтчер пишет: «Было бы вполне дипломатичным, но в тоже время и преступно наивным не замечать, что именно стремление Германии к господству привело на моем веку к двум ужасным глобальным войнам, которые унесли жизни сотен миллионов людей, в том числе девяти миллионов немцев. Немцы — культурный и талантливый народ, однако в прошлом они не раз демон-

стрировали поразительную неспособность ограничивать собственные амбиции и уважать своих соседей».

Во втором томе воспоминаний Коль утверждает, что во время воссоединения Германии Тэтчер была его «головной болью» и «играла очень неблаговидную роль». Но при этом он признает, что премьер-министр действовала «исключительно во благо своей страны...». В отношениях с Колем Тэтчер нередко вела себя высокомерно, считала канцлера «провинциалом» и с трудом мирилась в тем, что немцы объединяются без какой-либо оглядки на Лондон.

Английская пресса нагнетала страхи. В конце октября 1989 г. в лондонской «Таймс» появилась статья историка и дипломата О'Брайена, который выступил против позитивного отношения президента США Дж.Буша к перспективе объединения Германии и настойчиво предостерегал от рождения «четвертого рейха». Происходящее, писал он, означает начало германской экономической гегемонии, в орбиту которой попадет пространство от Аранских островов у западного побережья Ирландии до Владивостока. Те же мысли повторял Николас Ридли, министр торговли и промышленности в кабинете Тэтчер, усматривая в заявлениях Бонна о «европейской Германии» лишь коварную форму сокрытия традиционных, то есть гегемонистских намерений. Проект Европейского экономического и валютного союза, заявлял Ридли, был в действительности лишь мошеннической уловкой, нацеленной на поглощение всей Европы. Тэтчер, отстаивая интересы Великобритании, даже брала на себя смелость, чтобы напомнить канцлеру о том, что на территории ФРГ находятся английские войска.

8 июня 1990 г. на встрече с М.Горбачевым Тэтчер не скрывала своих опасений по поводу последствий объединения Германии. Для нее этот процесс, за которым вся Европа «наблюдает со страхом», желательно было бы «растянуть во времени», но советское руководство уже определилось со своей позицией. Главной же фигурой являлся американский президент Дж.Буш, который безоговорочно поддержал стремление немцев к единству.

Спустя годы Тэтчер не изменила своего мнения. В 1999 г. она не поехала на десятилетие падения Берлинской стены. Казалось, препятствий не было. Все главные участники тех событий уже выпали из большой политики. Последним в 1998 г. ушел Гельмут Коль. Бывшего канцлера впереди ждали крупные неприятности. Так что Тэтчер была бы в центре этого юбилея. Но вот как она написала по этому поводу: «Я не участвовала в праздновании десятилетней годовщины падения Берлинской стены... Это событие вызывало у меня чувство обеспокоенности. И вовсе не потому, что я страдаю ностальгией по коммунизму. Стена являла собой неоспоримое доказательство того, что коммунизм — это система порабощения целых народов... Однако я не могла тогда, как не могу и сейчас, видеть в Германии просто другую страну, чье будущее зависит только от немцев, а не от кого-нибудь еще. Объединенная Германия, несомненно, вновь станет доминирующей державой в Европе».

Прокопов А. Ю.
Институт всеобщей истории РАН

Коминтерн, английские коммунисты и всеобщие выборы в Великобритании 1931 г.

С конца 20-х гг. Коммунистическая партия Великобритании (КПВ) под влиянием руководства Коммунистического Интернационала стала проводить в жизнь новую тактику, которая в сжатой форме нашла свое выражение в формуле «класс против класса» и предусматривала усиление борьбы коммунистов с социал-демократами за влияние на рабочий класс. В Великобритании эта политика означала резкую активизацию противодействия коммунистов Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ) и Конгрессу тред-юнионов – крупнейшим организациям, объединявшим многих британских рабочих. В конце 20-х – начале 30-х гг. КПВ переживала кризис и оказалась фактически в изоляции. Ее численный состав сократился с 5 500 членов в марте 1928 г. до 2 724 в середине 1931 г.

В конце лета 1931 г. в обстановке, когда в Британии углублялся острый экономический кризис, в руководстве Лейбористской партии (которая в это время находилась у власти) произошел раскол. В результате этого лейбористский кабинет министров ушел в отставку, и было организовано так называемое Национальное правительство, куда помимо консерваторов вошла часть лейбористов, отколовшихся от своей партии, а также большинство либералов. На 27 октября 1931 г. были назначены всеобщие выборы в парламент. Лидеры Коминтерна придавали немалое значение участию КПВ в этих выборах. В соответствии с новой тактикой они рекомендовали КПВ основной акцент сделать на критике ЛПВ и Независимой рабочей партии (НРП), выпускать листовки специально ориентированные на членов этих партий, издавать агитационные материалы, посвященные таким темам, как «лейбористское правительство и шахтеры», «лейбористское правительство и текстильщики» и др. Английским коммунистам предлагалось создать избирательный фонд, вести пропаганду в рабочих кварталах, на заводах, фабриках и в профсоюзах. Одновременно с этим рекомендовалось разоблачать среди рабочих «парламентские иллюзии».

Коммунисты Британии во время предвыборной кампании, следуя советам центральных органов Коминтерна, значительное внимание уделили Лейбористской партии и НРП. Накануне выборов на страницах ведущей газеты КПВ «Дейли Уоркер» публиковались материалы, в которых говорилось о «предательстве» лейбористскими лидерами интересов рабочего класса, о том, что лейбористы несут ответственность за высокий уровень безработицы в стране, и они не выполняют своих обещаний. Сторонники КПВ пытались срывать митинги ЛПВ, распространяли листовки, в которых содержались критические выпады в адрес лейбористов. В день выборов в «Дэйли Уоркер» был напечатан призыв: «Не голосуйте за лейбористов – врагов рабочих». В этой газете публиковались также призывы к британцам выступать за «диктатуру рабочих и социализм», за «советскую Британию». В одном из номеров газеты можно было прочитать лозунг «Класс против класса! Голосуйте за коммунистов!». В ходе избирательной кампании пропагандисты КПВ выдвигали наиболее заманчивые для пролетариев и безработных обе-

щания бороться с проверкой нуждаемости, против сокращения заработной платы и уменьшения пособий безработных и т.д.

Несмотря на то, что КПВ накануне выборов в целом следовала рекомендациям Коминтерна, английские коммунисты все же не решались именовать лейбористское руководство «социал-фашистами», справедливо полагая, что подобная терминология (принятая на рубеже 20-30-х гг. в Коминтерне) могла лишь оттолкнуть рабочих от КПВ и еще более усилить изоляцию компартии от масс. Кроме того, лидеры английских коммунистов, понимая, что среди рабочих (как и среди представителей других слоев населения Британии) глубоко укоренилась вера в демократию и ее институты, не решились одновременно с выдвижение своих кандидатов в палату общин вести агитацию, направленную на искоренение «парламентских иллюзий» в массах.

Лидеры КПВ надеялись использовать выборы не только для пропаганды своих идей, но и полагали, что удастся провести в палату общин, по меньшей мере, двух-трех коммунистов. Компартию на выборах представляли 26 кандидатов, среди которых было немало ведущих членов КПВ, большинство из них баллотировались в тех рабочих районах страны, где коммунисты имели определенную поддержку. В Дандии (Шотландия) лидеры КПВ выдвинули Р. Стюарта, в Западном Файфе (Шотландия) – У. Галлахера, в столичном районе Северный Бэттерси – С. Саклатвала, в другом лондонском районе Уайтчэпл – Г. Поллита, в Шеффилде – Дж. Мэрфи, в Огморе (Южный Уэльс) – Дж. Кэмпбелла, в шахтерском районе Ронадда (Южный Уэльс) – А. Хорнера и др.

В ходе выборов победили сторонники Национального правительства, за которых отдали свои голоса 14,5 млн. жителей страны – 67% всех избирателей. За лейбористов проголосовало 6,5 млн. британцев (на 1,8 млн. меньше, чем в 1929 г.) На этом фоне результат, показанный коммунистами, выглядел более чем скромно – 74,8 тыс. голосов. Ни в одном избирательном округе кандидат от КПВ не смог не только победить, но и почти нигде коммунистам не удалось составить серьезную конкуренцию прошедшим в парламент представителям других партий. Генеральный секретарь КПВ Гарри Поллит набрал в столичном районе Уайтчэпл 2 658 голосов, в то время как победивший в этом округе либерал Б. Дженнер – 11 031. За другого представителя руководства КПВ У. Галлахера отдали свои голоса 6 829 избирателей, а победу в этом округе одержал консерватор С. Милн с результатом 12 977 голосов.

Руководители Коминтерна были вынуждены признать результаты, показанные КПВ в ходе голосования 27 октября 1931 г., неудовлетворительными. Во время заседания 16 ноября 1931 г. Англо-Американского секретариата Коминтерна, посвященного участию КПВ в выборах, говорилось, что «партия не преуспела в привлечении в революционный лагерь широких масс рабочих». Среди причин поражения представителей КПВ отмечались не политические просчеты Коминтерна и КПВ, а то, что английские коммунисты недостаточно последовательно проводили в ходе избирательной кампании линию Коммунистического Интернационала. «Во время всеобщих выборов мы не смогли показать рабочим ясно и конкретно реакционный характер Лейбористской партии и НРП», – говорилось на этом заседании. Один из функционеров Коминтерна, находившийся во время выборов в Британии, отмечал, что КПВ недостаточно прилагала усилий для разоблачения лейбористов, коммунисты фактически не вели агитации на фабриках и в

округах, где не были выдвинуты кандидаты от КПВ. По мнению представителей Коминтерна, следовало более доходчиво разъяснять рабочим, что лидеры ЛПВ являются агентами буржуазии в рабочем движении, и надо было активнее вести агитацию за революционный выход из кризиса.

Коммунисты не смогли добиться заметной поддержки населения даже в благоприятной для радикальных политических сил обстановке экономического кризиса, в условиях, когда одна из ведущих партий была ослаблена расколом в его руководстве. Истинные причины этого поражения заключались в том, что многие простые британцы, воспитанные на глубоко укоренных в британском обществе демократических традициях, не желали голосовать за «диктатуру пролетариата», поддерживать проводимую КПВ левацкую политику «класс против класса», которая мало учитывала настроения английских рабочих и социально-политическую ситуацию в Великобритании. Оттолкнули избирателей и резкие критические выпады коммунистов против Лейбористской партии, которая, как показали выборы, продолжала пользоваться поддержкой немалого числа жителей страны.

Ранчинский В. П.
Брянский государственный университет

Дипломатическая подготовка английской оккупации Леванта (1940-1941 гг.)

После разгрома Франции фашистской Германией в мае-июне 1940 г. и создания в южной части страны правительства маршала Петена последнее передало подмандатные Франции Сирию и Ливан или Левант под контроль Италии и Германии, что создало угрозу колониальным владениям Англии. Военный кабинет У. Черчилля стал готовить операцию «Эвакуатор» по оккупации Леванта. Дипломатическая борьба между Англией и движением Ш. де Голля, не желавшего перехода Леванта под английский контроль, и является предметом исследования.

После капитуляции Франции верховным комиссаром в Леванте Петеном был назначен его верный сторонник генерал Генри Денц, в распоряжении которого находилась Левантийская армия, насчитывавшая на время начала операции около 30 000 человек.

Приступив к подготовке операции, Англия вступила в переговоры со своею союзницей Турцией, намереваясь привлечь ее к реализации задуманного плана в надежде на то, что ей в этом случае не придется отвлекать крупные силы. Однако против этого намерения категорически выступил де Голль. Таким образом, кабинет У. Черчилля оказался перед выбором союзника для реализации задуманного плана.

Летом 1940 г. Свободная Франция де Голля ничего не значила и с точки зрения военного руководства Англии, занятого на Ближнем Востоке и в Северной Африке никаких резонов вступать в союз с ней не было. Политическое руководство Англии также смотрело на Свободную Францию «как на непослушного племянника». Приставленный к де Голлю глава британской миссии генерал Эдвард Луи Спирс был призван сдерживать амбиции лидера Свободной Франции и опекать его, не позволяя выходить за рамки дозволенного. Де Голль, будучи пол-

ностью зависимым от помощи Англии мог противопоставить ее политике лишь дипломатические демарши. Ситуация изменилась в пользу движения де Голля в июле 1940 г., после того как Англия потопила часть кораблей французской эскадры в Алжирском порту Мерс-аль-Кебир и отношения с петеновским правительством были разорваны. С чисто военной точки зрения Англия могла бы обойтись без де Голля и своими силами оккупировать Левант, однако это выглядело бы как захват французских колоний и могло также вызвать возражения США.

К осени 1940 г. резоны в пользу привлечения к операции Свободной Франции, по мнению У. Черчилля, окончательно перевесили и уже в сентябре начались переговоры, для чего была создана комиссия. От Свободной Франции в нее вошел генерал Георг Катру, а от Англии – представитель Форин офиса Оливер Литтлтон. В рамках комиссии Англия добивалась от де Голля обнародования декларации, обещающей сирийцам и ливанцам независимость. Де Голль полагал, что независимость должна вытекать из двусторонних договоров между его движением и Сирией с Ливаном. Наряду с переговорами в рамках комиссии Катру-Литтлтон обе стороны приступили к зондажу политической элиты Сирии на предмет ее отношения к будущей операции. В то время как Англия добивалась благожелательного отношения к ее приходу в регион, эмиссары де Голля пытались убедить сирийскую сторону вернуться к договору 1936 г., который Франция в свое время отказалась ратифицировать. Переговоры с политической элитой Сирии и Ливана пытался вести и Г. Денц, стремившийся не допустить каких-либо соглашений между политиками Леванта, Англией и Свободной Францией.

По мере завершения подготовки военной операции «Эвакуатор» военное и политическое руководство Англии, задействованное на Ближнем Востоке, опять попыталось исключить из нее Свободную Францию и заменить ее либо Турцией, либо сирийскими друзами, что вызвало крайнее обострение отношений с де Голлем. Кроме того он категорически возражал против попыток Англии выступить гарантом независимости Сирии и Ливана.

Накануне операции, начавшейся 8 июня 1941 г., Англия добилась обнародования Свободной Францией декларации, обещавшей независимость сирийцам и ливанцам, однако с оговоркой, что она будет вытекать из двусторонних договоров, в которых будут оговорены интересы Франции.

После капитуляции Левантийской армии неожиданно для де Голля его представителя Г. Катру англичане фактически не допустили к подписанию соглашения о мире и в его тексте Свободная Франция, принимавшая участие в операции вообще не упоминалась. Кроме того командующий английскими войсками генерал Г.М. Уилсон и представитель Г. Денца генерал Вердильяк подписали секретный протокол, препятствовавший Свободной Франции вербовать в свои ряды личный состав Левантийской армии. Лишь ультимативное требование де Голля побудило Форин офис исправить неуклюжие действия английских генералов. В ходе переговоров де Голль одержал дипломатическую победу и 25 июля 1941 г. было подписано «Дополнительное соглашение». Свободная Франция фактически получила мандат на управление Левантом, однако ресурсное обеспечение возможной реализации мандата у движения де Голля отсутствовало. Де Голль вынужден был идти на уступки Англии в финансовой, военной и экономической сферах, так как реализовать те властные полномочия, которые получила его организация по «Дополнительному соглашению», она не могла.

Риз Т.
Эксетерский университет

From Victory to Defeat: Changing British Perceptions of the First World War

Though concluded ninety years ago, the Great War (as the First World War was called in Britain until 1939) remains a defining experience in British historical and cultural consciousness. Interest in the conflict – the bloodiest in which the British have ever participated with 750,000 dead and many more mentally and physically mutilated – is as strong today, if not stronger, than at any time in the past. This is reflected not only in a continuing outpouring of academic and popular histories covering all aspects of the war and its legacy, but also in the central place that the war has assumed in British culture. The audience for artistic and literary responses to the war remains vast, part of a contemporary cultural canon which in many ways transcends any detailed knowledge of the war's actual history. Reflections on the war in memoirs, poetry and prose, in the memorialisation and remembrance, film and photography, paintings, posters and drawings, maintain an emotional and moral connection with the war. Some of these have become iconic and instantly recognisable: to the extent that references to them still abound. Indeed, the war remains in many ways a lived experience, reflected in films, novels, plays, television dramas and even comedies, which continue to explore the war's meaning and to interpret it for contemporary audiences.

The understanding of the war and, above all, the meaning given to it have not remained static over time – far from it. In fact, the reshaping of British perceptions of the conflict has been central to continued interest in it. Successive generations have provided new interpretations that have changed the central image of the war as a just and necessary victory, achieved at great sacrifice, to a sense that the war was a wasteful and pointless enterprise that only paved the way to further bloodshed. In this sense the First World War stands as an archetypal 'bad' war for the British, senseless and with no positive outcomes both domestically and internationally. In contrast the Second World War came to be seen as a 'good' war: a complete victory over an undeniably evil enemy which led to a progressive outcome at home and abroad, with the important exception of the Cold War that ensued with Soviet communism.

The end of fighting in the 'Great War' following the Armistice of 11 November 1918 was greeted in Britain with scenes of both public and private rejoicing. Relief that the conflict was over was one clear element in this response. But the end of the war was also widely recognised at that moment, and for some considerable time afterwards, as an unqualified British and allied victory in a just cause. Though achieved at tremendous cost in terms of lives and treasure, the defeat of the Central Powers, and particularly Germany, was perceived as a moral and political necessity that preserved civilised values and the independence of Europe's nations – not least that of Belgium over which the British had entered the war in August 1914. The British government also appeared to have achieved the majority of its wider war aims: not just the defence of the Empire but its territorial expansion; the preservation of naval superiority, and the extension of liberal ideals in Europe (albeit with great trepidation over developments within the Russian Empire). Domestically, the war and its aftermath were similarly associated with

social and political progress as much as privation and dislocation. The ability of the state to mobilise the economy and society in a 'total' war legitimised a more interventionist approach to welfare and the delivery of public goods. The war was associated with full employment, improvements in public health, an expanded role for women, and the promise that Britain would become 'a land fit for heroes'. The extension of the vote to previously disenfranchised groups completed the progress towards a full liberal-democracy, making government more representative and finally establishing the notion of British people as citizens as well as subjects.

There were, of course, dissenters to this positive image of the war; including outright opponents from a variety of political and pacifist position, but also significant artistic and literary responses. Although in a distinct minority their voices were to grow in importance, eventually to be identified as *the* 'authentic' responses to the war and the true arbiters of its meaning. Yet in the immediate aftermath of the conflict, and for some considerable time to come, public perceptions – as far as we are able to follow them – rejected any anti-war message, preferring to celebrate the heroism and sacrifice of those who had taken part. As with much historical revaluation what changed were the circumstances from which the past was seen. In the case of the Great War this took place in two main phases and time-periods, in the 1930s and from the 1960s onwards.

By the 1930s the view that the war had a positive outcome, both domestically and internationally, was under challenge from the effects of economic depression, the rise of extremist ideologies and the increasing prospect of a renewed European conflict. Gradual disillusionment was reflected in the publication of more critical histories of the war, in memoirs that responded to increasing criticism of the wartime generation of political and military leaders, and in the increasing prominence of a 'modernist' art and literature that emphasised the suffering of the war. The Second World War reinforced this sense that the First War had served no lasting purpose, and was powerfully played upon by postwar Labour governments that drove home a progressive and reformist agenda by reference to the need not to repeat the failures of the interwar years.

The second phase of revaluation from the 1960s onwards built upon this new consensus but also added new elements derived again from contemporary cultural and political concerns. In particular, the First World War provided a convenient focus for a strong anti-war message, reflecting concerns with Vietnam and the possibility of nuclear war, and with historical and cultural preoccupations with the lives and suffering of 'ordinary' men and women. In the process those who had been directly involved in the war, and who were now beginning to pass away, were reconfigured as powerless victims rather than heroic participants. Images of mud and blood, of the war as a gigantic failure directed by hapless and uncaring generals and politicians (headed by 'butcher' Haig, the British High Commander for the war's bloodiest phase), dominated a new outpouring of historical, artistic, literary, film and television works. An increasing interest in the cultural and social history of the war also chipped away at the idea that the war had brought domestic progress; for example, undermining the achievements of women in gaining economic and political change. Any evidence that the war had been a positive, or even personally fulfilling, experience was swept aside as 'unrealistic' and even distasteful, in favour of the disillusioned – including poets such as Wilfred Owen who were appointed as the voices of their generation and made the objects of compulsory study in schools.

As a result the First World War now figures as a kind of national horror-story for the British, indeed Samuel Hayes identifies 'gothic horror' as the dominant genre in portrayals of the war in popular culture. Or as the military historian, John Keegan, has put it, for the British the trenches of the First World War have taken on the significance of 'the camps' for the victims of Nazism and Communism. It provides powerful 'messages' of suffering that fill an important place in British culture and historical sensibility, but which are quiet distanced from the actual experiences and perceptions of the participants in the actual war. Perhaps not surprisingly, a new group of historians writing from the late 1990s to the present day have come to challenge these popular images of the war, particularly in the actual conduct of military operations and in popular support for the wartime struggle. They have emphasised that the war was certainly not seen as pointless at the time and that generals and politicians were facing an unprecedented military challenge, particularly on the Western Front, for which they eventually found solutions that produced a British victory. It remains to be seen, however, whether this 'revisionist' interpretation of the war can have much impact on now deeply entrenched and constantly reinforced popular perceptions of the Great War as a national tragedy and as a kind of defeat.

Сагимбаев А. В.
Брянский государственный университет

Коалиционный кабинет Д. Ллойд-Джорджа и определение приоритетов ближневосточной политики Великобритании

После заключения Мудросского перемирия практически все ближневосточные провинции Османской империи оказались под контролем Великобритании. Множество проблем послевоенного мироустройства, с которыми столкнулись державы Антанты, отодвинули принятие практических решений по поводу будущего бывших османских владений на довольно длительный срок. Тем не менее, в представлении многих британских политиков Ближний Восток являлся регионом первостепенного значения. В силу этого дискуссии вокруг ближневосточных проблем в 1918 – 1921 гг. были немаловажной составляющей деятельности кабинета Д. Ллойд-Джорджа. Они проходили на фоне целого ряда трудностей, с которыми столкнулась Великобритания после окончания Первой мировой войны. Финансовый кризис, массовая демобилизация, рост национально-освободительного движения во многих частях Британской империи побуждали кабинет Д. Ллойд-Джорджа к поиску более эффективных и экономных методов осуществления своей политики в различных регионах мира, и в том числе на Ближнем Востоке.

Немаловажным фактором, влиявшим на умонастроение многих британских политиков в первые послевоенные месяцы, было состояние победной эйфории, а также стремление получить максимальные дивиденды и компенсировать понесенные в годы войны потери. Применительно к Ближнему Востоку Великобритания стремилась полностью использовать фактор своего военно-политического господства на территориях Месопотамии, Палестины и Леванта, а также морально-психологический аргумент своего решающего вклада в разгром

Османской империи. Представители британского руководства, в первую очередь связанные с англо-индийскими властями или имевшие опыт работы в Индии, надеялись добиться максимально возможных гарантий безопасности индийских владений Великобритании.

Полемика вокруг ближневосточных проблем, в которой участвовали многие высокопоставленные британские политики, была обусловлена в первую очередь серьезными изменениями, произошедшими в мире после окончания Первой мировой войны, и необходимостью поиска новых ориентиров внешней политики Великобритании. Прямым следствием этих изменений стал рост национально-освободительной борьбы в ряде британских колоний и протекторатов. В условиях серьезного обострения политической ситуации глава министерства по делам Индии Э. Монтэгю и вице-король лорд Челмсфорд разработали проект конституционной реформы, призванной смягчить антибританские настроения среди высших слоев индийского общества. Трудности, связанные с его реализацией, побуждали англо-индийское правительство быть особо восприимчивым к настроениям мусульманской общины. Несмотря на то, что мусульмане Индии не откликнулись активно на призыв к «священной войне», лозунги в защиту турецкого султана в 1918-1919 гг. были важной составляющей их политических требований. Выступая в этой связи за скорейшее урегулирование ближневосточных проблем и заключение мирного договора с Турцией, англо-индийские власти оппонировали ближневосточной политике руководства Форин Офис, полагая его геополитические воззрения устаревшими.

Основополагающим фактором, определившим эволюцию британского ближневосточного кризиса в 1919–1920 гг., явились экономические трудности, с которыми столкнулась метрополия после окончания Первой мировой войны. Проблемы массовой демобилизации сочетались с постоянно возраставшим давлением парламента, требовавшего привести военные расходы в соответствие с нормами мирного времени. Общественное мнение в Великобритании после четырех лет военного напряжения негативно воспринимало сохранение довольно высокого уровня затрат на содержание вооруженных сил, обусловленного сложной ситуацией в Индии, Египте, Ираке и ряде других частей Британской империи. Общая численность английских и индийских войск на Ближнем Востоке, в Ираке и Закавказье составляла к августу 1919 г. 225 тыс. чел. Кроме того, в Египте размещалось еще 95 тыс. британских военнослужащих. На территории Ирака находился 60-тысячный контингент, расходы на содержание которого составили в 1919-1920 финансовом году около 18 млн. ф. ст. В январе 1920 г. кабинет Д. Ллойд-Джорджа был вынужден утвердить государственный бюджет с дефицитом в 473 млн. ф. ст. Исходя из одобренных парламентом показателей, еженедельные расходы на содержание британских войск, размещенных на оккупированных территориях Османской империи, не должны были превышать 750 тыс. ф. ст.

В начале июля 1920 г. волнения племен на Среднем Евфрате переросли в крупномасштабное восстание, охватившее в течение нескольких месяцев значительную часть Месопотамии. Британские части не смогли оказать должного сопротивления восставшим и сосредоточили свои усилия в основном на поддержании порядка в крупных городах и контроле над жизненно важными коммуникациями. 2 августа Генеральный штаб объявил о введении военного положения на

всей территории Ирака, в связи с чем была частично приостановлена демобилизация и организована переброска дополнительных войск из Индии и других частей Британской империи. К октябрю 1920 г. восстание было в основном подавлено. Численность британских войск на территории Месопотамии достигла к этому моменту 130 тыс. чел. Расходы британской казны на финансирование операций в Ираке составили, по различным данным, от 20 до 100 млн. ф. ст., что в несколько раз превышало суммы, потраченные в 1916–1918 гг. на поддержку восстания шерифа Мекки Хусейна.

Дебаты вокруг иракской проблемы поставили в декабре 1920 г. британский кабинет на грань кризиса. На заседании кабинета, прошедшем 31 декабря при непосредственном участии Д. Ллойд-Джорджа, были приняты программные решения относительно Месопотамии и всей системы управления подмандатными владениями на Ближнем Востоке. Предусматривалось, в частности, создание в составе министерства по делам колоний отдельного Восточного департамента, координирующего политику в отношении подмандатных владений и обладавшего отдельным бюджетом. Выбор в пользу данного ведомства был обусловлен его довольно эффективной и экономичной политикой в африканских колониях, которая контрастировала с дорогостоящими акциями Форин Офиса в Закавказье, Персии и Египте. Руководство министерством по делам колоний, которое было предложено переименовать в «министерство по делам колоний и подмандатных территорий» было поручено У. Черчиллю, известному своей последовательной позицией в отношении необходимости реформирования механизма ближневосточной политики.

Передача всех полномочий по управлению подмандатными владениями на Ближнем Востоке единой структуре стала логичным итогом продолжавшихся в течение нескольких лет дискуссий вокруг ближневосточных проблем. Возглавивший с марта 1921 г. министерство по делам колоний У. Черчилль видел своей важнейшей целью, в сочетании с сохранением общего контроля над ситуацией, постепенное сокращение уровня военного и административного присутствия Великобритании в регионе и приведение его в соответствие с финансовыми возможностями метрополии. Конкретная реализация данной задачи требовала, прежде всего в Ираке, создания эффективной государственной системы и формирования иной модели взаимоотношений подмандатных территорий и державы-мандатария.

Сафронов Б. В.
Рязанский государственный университет

Некоторые проблемы британско-финских отношений (1919-1945 гг.)

Еще до дипломатического признания Финляндии англичане использовали ее территорию в качестве плацдарма борьбы с советской властью. Пытаясь установить блокаду Петрограда, английские корабли вошли в Балтийское море. Великобритания признала независимость Финляндии 6 мая 1919 г., когда стало понятно, что идея создания монархии во главе с германским принцем полностью про-

валилась. Долгое время Финляндия находилась на периферии интересов английской политики.

Кроме поддержки отношений на официальном уровне, огромное значение для финско-английских отношений имели личные контакты между видными деятелями государств. Особенно активно в этом процессе проявлял себя сторонник укрепления отношений с западными странами К. Г. Маннергейм. В 1919 г. уже после своего регентства он посетил Лондон и встретил там самый теплый прием и установил личные контакты со многими влиятельными людьми. «В Лондоне я встретил многих людей, которые во время моего регентства словами и делами содействовали возрождению Финляндии».

Эти контакты продолжались постоянно даже тогда, когда Маннергейм не занимал никаких официальных постов. В 1934 г. он был приглашен на авиационную выставку в Англию, где так же встречался со многими военными и политическими деятелями. В январе 1936 г. Маннергейм представлял финское правительство на похоронах английского короля Георга V. Он встречался с новым королем Эдуардом VII, на которого произвел хорошее впечатление. Там же он встретился с Антони Иденом, с ним он обсуждал проблему создания союза скандинавских стран. Иден эту идею поддержал: «При условии если это произойдет в рамках положений договора о Лиге Наций». В том же 1936 г. он был приглашен в Англию для знакомства с тактикой и организацией действий бронетанковой техники. Поздней осенью 1938 г. он беседовал в Лондоне с военным министром Хор-Белишей, с заместителем министра иностранных дел лордом Плеймутом, министром торговли лордом Рансименом, а также с министром иностранных дел лордом Галифаксом. Все эти встречи проходили в момент обострения международных отношений и нелегких переговоров Финляндии с СССР.

Англичане начали менять свою позицию в отношении к Финляндии тогда, когда СССР начал готовиться к войне с Финляндией. И особенно, когда началась «Зимняя война» Англия отправляла добровольцев: в Лондоне в январе 1940 г. открылось вербовочное бюро. Также англичане поставляли различные военные материалы. Англичане при этом преследовали свои собственные интересы. Черчилль, выступая в сентябре 1939 г. на заседании военного кабинета, сказал: «Необходимо было бы воспрепятствовать экспорту шведской железной руды в Германию. Финская война снова сделала эту проблему актуальной... Я горячо сочувствовал финнам и поддерживал все предложения, направленные им на пользу. Я был рад этим новым и благоприятным настроениям, считая, что они помогут нам добиться крупного стратегического преимущества перед Германией, которая, таким образом оказалась бы отрезанной от важных для нее источников железной руды».

Возмущение английского общества советско-финской войной привело к тому, что всерьез стали рассматриваться вопросы участия английских и французских войск непосредственно в боевых действиях. 22 декабря 1939 г. начальникам штабов союзных армий поручили разработку операции по высадке десанта в Нарвике, с тем, чтобы оказать действенную помощь Финляндии. В начале февраля 1940 г. в Париже на совете союзников принято решение спасать Финляндию. В феврале 1940 г. в ставку Маннергейма прибыл английский генерал Лингом. 9 марта 1940 г. посол Финляндии в Лондоне Гриненберг сообщил что «правительство Англии вместе с французским правительством решили оказать Финляндии

помощь всеми имеющимися в распоряжении средствами, «если Финляндия попросит об этом».

В это время делегация Финляндии уже была в Москве и вела переговоры о мире. Помощь Финляндии осталась только в планах. Конкретно высадка войск не производилась, потому что это было связано с большими техническими проблемами, а самое главное чревато открытием нового фронта и превращение СССР в полноценного союзника Германии.

Попытки Финляндии после «Зимней войны» сохранять нейтралитет поддерживались английским правительством. Так, министр иностранных дел, выступая в 1941 г. в парламенте, заявил, что «Англия считает Финляндию нейтральной страной». Проблемы во взаимоотношениях возникли в предвоенный период из-за никелевых рудников в Петсамо. Советский Союз предъявил претензии с тем, чтобы эти рудники перешли в концессию к СССР. Финны долго тянули время, так как такие же претензии предъявила и Германия. Англичане старались не допустить, чтобы никель достался немцам.

Начало войны против СССР также не способствовало улучшению этих отношений, так как Советский Союз теперь стал союзником Англии. Правительство СССР просило Лондон оказать давление на финское правительство, чтобы вывести Финляндию из войны. Финляндия отказалась от посреднических услуг Великобритании и продолжила политику, направленную на обострение отношений. Ухудшение отношений выразилось в том, что под давлением германского правительства финны начали ограничивать деятельность посольства Великобритании, подозревая тех в проведении активной разведывательной деятельности. Правительство Финляндии обращалось с просьбой о сокращении сотрудников посольства и запрещении посещать некоторые районы страны. Министр иностранных дел 28 июля 1941 г. заявил послу Англии, что финское посольство в Лондоне прекращает свою деятельность, и одновременно запросил у британского кабинета, намерено ли Великобритания и дальше сохранять свое посольство в Хельсинки. 28 сентября 1941 г. британское правительство заявило, что готово вернуться к прежним отношениям, если Финляндия прекратит боевые действия и отведет войска за границу 1939 г. Если этого не будет, Финляндия станет не только открытым противником в ходе войны, но и после войны.

Отношения между Финляндией продолжают ухудшаться, так как это было время успехов гитлеровской армии. У финнов наступила эйфория от побед, и правительство Финляндии игнорировало все предупреждения со стороны Великобритании. 28 ноября 1941 г. Англия потребовала прекращения боевых действии до 5 декабря 1941 г. В это же время Черчилль обратился с личным, секретным посланием к Маннергейму, дав понять, что Великобритания в случае принятия решения о прекращении боевых действий поддержит финские притязания на захваченные во время боев земли. 2 декабря Маннергейм ответил Черчиллю: «Вы, несомненно, поймете, что я не могу прекратить свои нынешние военные операции, пока мои войска не достигнут позиций, которые, по моему мнению, обеспечат нам требуемую безопасность». 4 декабря 1941 г. правительство Финляндии передало официальный ответ, игнорировавший предложение Великобритании, а два дня спустя Великобритания объявила войну Финляндии.

Сергеев Е. Ю.
Институт всеобщей истории РАН

Группы влияния в Великобритании эдвардианского периода, 1901–1910 гг.

Изучение общественно-политической системы Великобритании конца XIX – начала XX вв. будет далеко неполным, если оставит в стороне вопрос о месте и роли так называемых **групп влияния**, некоторые из которых продолжают оказывать значительное, хотя, как правило, скрытое от поверхностного наблюдателя, воздействие на разработку и осуществление властной элитой британского социума решений государственной важности.

Научная новизна постановки указанной проблемы связана с фактическим отсутствием работ зарубежных и российских специалистов по новейшей истории групп влияния в Великобритании. Анализ их деятельности осложняется завесой секретности, которая всегда скрывала их деятельность, что обусловило недостаточную репрезентативность корпуса источников, представленных в основном не официальными документами, а дневниками, мемуарами и личной перепиской современников.

Сразу же отметим, что понятие **группа влияния** остается дискуссионным. Часть специалистов характеризуют ее как социальное объединение, активно добивающееся удовлетворения собственных интересов путем целенаправленного воздействия на органы государственной власти. Другие фокусируют внимание на создании членами неформальной группы в обществе каналов эффективной конкуренции и массового участия различных социальных образований в политическом процессе для уравновешивания тех или иных действий государства. Третьи представляют указанные группы в виде «локомотивов истории», приписывая им решающую роль во всех социально-политических катаклизмах нового и новейшего времени. На наш взгляд, они возникают только на определенном историческом отрезке формирования индустриального общества и государства как структуры, сопутствующие генезису современной партийной системы. В отличие от придворных клик, тайных обществ и религиозных сект доиндустриальной эпохи члены этих групп связаны между собой не кровнородственными, этническими или конфессиональными узами, а определенными интересами и целями политической борьбы.

С другой стороны, группы влияния могут объединять представителей различных партий и обычно ограничены в количестве членов по сравнению с политическими партиями. Если первые обычно насчитывают десятки членов, то состав вторых измеряется сотнями тысяч и даже миллионами. Анализируя идейную основу групп влияния и политических партий, необходимо подчеркнуть более узкий характер позиций и целей первых по сравнению с общей концептуальной платформой и задачами вторых. Современные авторы справедливо указывают на особую роль таких, используя американскую терминологию, *лоббирующих* групп в качестве связующих звеньев, неформальных посредников между обществом и государством, а также между центрами влияния внутри механизмов власти.

Переходя к анализу реалий политической жизни Великобритании начала XX в., отметим, что ее политическая элита в этот период вынуждена была решать

три важнейших задачи: во-первых, *обеспечение национальной обороны*, во-вторых, *укрепление целостности империи*, и, в-третьих, *повышение конкурентоспособности экономики*. Именно вокруг этих вопросов развернулась ожесточенная полемика в общественном мнении, именно они находились в центре внимания государственных деятелей и институтов власти. Неслучайно поэтому свои пути решения указанных проблем предлагали различные интересующие нас неформальные объединения, представленные в эдвардианской Англии **клубами, ассоциациями и лигами**. Наименее изученными из этих структур остаются первые – политические клубы.

Как правило, их структура включала председателя (наиболее уважаемая персона), руководящий орган (секретариат, правление в составе основателей), остальных постоянных членов и лиц, приглашаемых на тематические заседания (военных и гражданских экспертов). Ряд признаков сближал политические клубы с тайными обществами наподобие лож масонов и розенкрейцеров. Некоторые из клубов, но чаще лиг и ассоциаций, обладали филиальной или корреспондентской сетью на Британских островах и в доминионах. Финансовую основу их деятельности составляли взносы постоянных членов – представителей аристократии.

Низкая боеспособность армии в войне против бурских республик 1899 - 1902 гг., появление германской морской угрозы и возрастание активности России по периметру азиатских границ Британской империи вызвали к жизни общенациональное движение под лозунгом повышения эффективности внутренней и внешней политики. Своеобразным «мозговым центром» движения стал *«Клуб коэффициентов»*, основанный в ноябре 1902 г. двенадцатью общественными деятелями, включая Р. Холдейна, Э. Грея, С. Вэбба, Л. Эмери, Б. Рассела, Х. Маккиндера и даже писателя-фантаста Г. Уэллса (последний описал клуб под названием «Пентаграмм Секл» в романе «Новый Макиавелли»). Своей целью они объявили «проникновение» в государственные органы и изменение «повестки дня» деятельности правительства путем соединения имперской идеи во внешней политике с социалистическими принципами переустройства внутриполитической жизни общества, разделяемыми членами известного Фабианского общества. Результатом деятельности этой группы влияния стал выход из «блестящей изоляции» и переход к блоковой политике накануне Первой мировой войны.

Другой заслуживающей внимания группой влияния можно считать *«Клуб соотечественников»*, созданный известным политическим деятелем Л. Эмери вместе с несколькими единомышленниками в начале 1904 г. Характерно, что в феврале того же года Эмери направил крупному колониальному деятелю, губернатору Южной Африки лорду А. Милнеру приглашение возглавить новую организацию. По свидетельству современников, количество членов этого клуба не превышало 50 человек, которые были воодушевлены идеей пропаганды тарифной реформы, означавшей введение системы имперских преференций в торгово-экономические отношения между метрополией и зависимыми от нее территориями. По мысли министра колоний, юниониста Дж. Чемберлена, новая система регулирования экономических отношений внутри империи укрепила бы ее целостность, повысив конкурентоспособность британских товаров на мировом рынке.

Гораздо меньше информации автору настоящей статьи удалось получить о *«Клубе Конфедератов»*, который упоминается в работах исследователей как «секретное общество сторонников тарифной реформы». К сожалению, точная

дата организационного оформления клуба осталась невыясненной, хотя можно предположить, что он возник в конце 1904 – начале 1905 гг. Подобно аналогичным группам влияния, состав общества включил многих известных политических и общественных деятелей: лорда А. Милнера, лорда Р. Сесила, Б. Лоу, Г. Чаплина, Дж. Коллинса, О. Чемберлена, Э. Голдинга, Ф. Бэнбери. Известно также, что они составили «черный список» из одиннадцати юнионистов – приверженцев свободной торговли с целью не допустить переизбрания этих, по выражению членов клуба, «нераскаявшихся грешников» в парламент.

В заключении упомянем еще одну группу влияния – *«Халсбери Клуб»*, возникший на рубеже 1911 – 1912 гг. и названный в честь крупного британского юриста Х. С. Гиффарда, графа Халсбери. Члены клуба – лорды Милнер, Селборн, Винтертон, Нортумберленд, а также О. Чемберлен, Э. Карсон, Ф. Смит (впоследствии лорд Биркенхед), У. Астор, Х. Макиндер и другие – объединили усилия в борьбе не только против лидера консервативной оппозиции А. Бальфура, но и за реформу Палаты лордов в условиях острого внутриполитического кризиса.

Анализ состава, целей и результатов практической деятельности перечисленных групп влияния позволяет включить их в число важнейших механизмов, обеспечивающих принятие решений по реформированию политической системы Великобритании эдвардианского периода. Алгоритм поиска членами этих групп ответов на вызовы эпохи включал осмысление сущности угрозы, обсуждение возможных мер ее нейтрализации и вынесение предложений на суд широкой общественности. Тем самым представителям британского истеблишмента не только удавалось контролировать общественное мнение, но и поддерживать функционирование неформальных «запасных» каналов взаимодействия государственных органов и социальных институтов.

Соловьева А. А.
Ярославский государственный педагогический университет

Галлиполийская кампания и коллективная память австралийцев

Ушедший XX век – «век тоталитарных режимов и движений», принципиально изменил постановку вопроса о возможностях понимания прошлого и роли самого прошлого. Война стала для всего мира суррогатом «культуры» - смысловым полем, где отыгрываются важнейшие темы и сюжеты современности. Речь идет о том, что война дает модели для ценностного выражения основных конфликтов и драматических моделей взаимодействия. Война превращается в поле образцов для ритуалов групповой и национальной солидарности, испытания, проверки людей на подлинность. Всякий раз, когда упоминается «Победа», речь идет о символе, который выступает для подавляющего большинства опрошенных, для общества в целом, важнейшим элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилом, задающим определенные оценки прошедшего и отчасти - понимания настоящего и будущего. А что происходит, когда война оборачивается проигрышем на фоне общей победы?

Одним из ярких примеров такого исторического явления можно считать Галлиполийскую кампанию во время операции на Дарданеллах. Когда в апреле 1915 г. британским командованием было принято решение о десантирование сол-

дат на Галлиполийский полуостров для нейтрализации Турции и выведения ее из войны, никто не предполагал, что эта операция завершится полным крахом планов британского командования. Галлиполийский десант, состоящий преимущественно из австралийских солдат, сыграл определенную роль в истории первой мировой войны, но еще большую для истории самой Австралии. Галлиполийский десант до июня 1944 г. оставался крупнейшей в истории высадкой с боем на вражеский берег. Опыт, приобретенный британским командованием, как считают историки, в немалой степени способствовал успеху высадки союзников в Нормандии во время Второй Мировой войны.

Первое участие австралийцев в военной кампании вне своего континента принесло Австралии полное поражение и огромные потери, к которым австралийцы были не готовы. Вместе с тем оно привело к рождению многих мифов и легенд о героизме австралийских солдат.

Понять причины трепетного отношения австралийцев к почитанию памяти погибших во время кампании соотечественников, трагизм событий кампании, повлиявший на многие поколения австралийцев, поможет собрание интервью австралийцев, совершивших паломничество на полуостров, на военные кладбища и к местам сражений. Они опубликованное под редакцией Брюса Скетера в книге «В тени Галлиполи».

Каждый народ нуждается в легендах, и для сравнительно небольшой и молодой австралийской нации Галлиполийский десант стал боевым крещением во время Первой мировой войны. Сейчас 25 апреля отмечается как национальный праздник «ANZAC Day» – своего рода день рождения нации и день памяти соотечественников, погибших во всех войнах.

О Галлиполли было рождено множество историй, которые австралийцы бережно хранят. Образ войны на полуострове в воображении людей приобрел подчас фантастические формы, которые, однако, крепко укрепились в сознании австралийцев. Примером, может служить миф о «диггерах», т.е. «копателях» - солдатах австралийского и новозеландского корпуса, возникавших перед врагом из ниоткуда, и исчезавших после победной атаки. Согласно этому мифу солдаты выкапывали подземные траншеи и умудрялись, проходя по ним через весь полуостров оказываться в тылу врага, заставая, тем самым, турецкие войска врасплох. Создателями таких легенд считаются военный историк, принимавший непосредственное участие в Галлиполийской кампании Чарльз Бин, Джон Масфилд - английский поэт, побывавший на Галлиполийском полуострове в 1915 г., и сами солдаты, которые писали стихи и песни, создавали дневники. Эти работы были собраны в книге «АНЗАК» под редакцией Бина. описывая битвы 1915-1918 гг., они невольно, создавали воображаемые образы «Великой войны», которые глубоко осели в сознании австралийцев. Эти легенды способствовали увековечиванию образа национального героя в памяти людей, укреплению интереса к национальной истории.

В мифологии Галлиполи акцент сделан на то, что австралийские солдаты были «закованы» между океаном и горными хребтами без достаточного количества воды, пищи и лишены возможности спать. Они были атакованы хорошо вооруженными и подготовленными турецкими дивизиями. Название АНЗАК стало почти нарицательным, подразумевающим, национальное единство австралийцев. Несмотря на некоторые негативные нюансы таких мифов, они позволили австра-

лийскому народу осознать значимость своей культуры и истории, дали толчок для поддержания и увеличения интереса людей к исторической памяти.

Паломничество – это неотъемлемая часть исторической памяти, которую люди пытаются хранить и уважать. В последнее время растет количество желающих совершить паломничество к местам битв и на кладбища первой мировой войны. Посетив эти «священные места», австралийцы пытаются отдать дань своим предкам, которые пролили свою кровь в «Великой» для них войне. Мотивы таких путешествий австралийцев на Галлиполи почти всегда одинаковые: у людей существует ощущение «поиска», для них эта поездка – путешествие из нормальной жизни в другой мир. Посещение Галлиполи насыщено значением и способствует формированию национальной самоидентичности. Для многих паломничество связанно с ощущением культурной потери невосполнимой временем.

Торп Э.
Эксетерский университет

British Society and Politics during the Second World War (1939-45)

The Second World War was the pivotal event in twentieth-century British history. Its end, 1945, remains the most-used dividing line within the century. At the general election that July, the Labour party won control of parliament for the first time, with a large parliamentary majority. The long Conservative ascendancy of the interwar period was over. For the next 30 years Labour and Conservatives would compete for power on roughly equal terms. This political change was often seen as reflecting major social changes that had taken place in wartime Britain. For a generation after the war, indeed, it was assumed that the war had seen a dramatic change in social relations, with the 'quiet revolution' of 1945 their logical outcome.

There appeared to be evidence to support such a view. It was believed that class barriers had been eroded by wartime experiences. This involved people of different classes serving side by side in the armed forces, for example. Some observers felt that the evacuation of poor children from the cities to more prosperous rural areas promoted social cohesion, not least by awakening middle-class consciences by showing the poor conditions in which many working-class people lived. High taxation on the one hand, and higher wages and full employment for workers on the other, were seen as closing gaps in incomes and wealth. In terms of gender, the entry of large numbers of women into industry was seen as breaking down prejudice and opened up new opportunities – with all-male unions allowing women to join, for example.

However, it is now known that there was much less change here than was thought at the time. The work of Angus Calder in *The People's War* (1969) and *The Myth of the Blitz* (1991) has been especially important here. The examples mentioned above are indicative. In the armed forces, for example, it was often not really a case of people serving on equal terms – officers were still far more likely to be middle or upper class, giving orders to working-class or lower middle-class troops. Evacuation was complex. While there were clearly some middle-class hosts who changed their political views as a result of their experiences with deprived children, there were many others who had previous prejudices against feckless and dirty working-class people confirmed. And, in any case, most hosts were not middle class at all, but the rural poor – agricul-

tural labourers, for example. While there is some support for the idea that actual incomes came closer together, significant differences remained. And wealth was a different matter entirely: there was no revolution in the ownership of property. Finally, in terms of gender, we need to be very cautious indeed. While women did go into industry in large numbers, they were usually placed in inferior positions to men, and paid less. Further, it was widely recognised that their employment was temporary, and would end after the war. After 1945, there was a large movement of women out of the paid labour force. This was in part due to pressure from men and from employers, but there were also pressures in the other direction – with unemployment low and labour short, the government was often keen to keep the women at work. However, many women themselves chose to leave to start families – a factor which led to the so-called 'post-war baby boom' of the late 1940s.

Similarly, the classic view of political radicalisation needs to be severely qualified. Notions of 1945 as a revolution were subjected to severe examination by Steven Fielding and his colleagues in *England Arise* (1995). They argued that while there was a desire to be rid of the Conservatives in 1945, there was much less positive enthusiasm for Labour and any kind of social revolution: at most there was a rather hesitant desire for better welfare policies associated with the Beveridge Report (1942). While this view was subjected to some criticism, it is nonetheless true that many of the traditional views of radicalisation were significantly exaggerated.

In short, these older views of the war as the locomotive of historical change in Britain are now to a large extent discredited. However, this does not mean that there is nothing new or interesting to say about Britain at war: indeed, historians have opened up new lines of enquiry that are, in many ways, much more stimulating. On the social side, two stand out.

First, there has been increasing attention to the issue of popular morale. Why did civilians continue to support the war even at times of heavy bombing, shortages, and so on? A lot of work has been done here. It is clear that, for many, the nature of the enemy was a key motivating factor. So too was the ability of government to deliver some of what people wanted in terms of basic goods and 'luxuries' like cigarettes. Unlike Germany, bombing of civilians was not on a scale to undermine morale seriously. Even so, there is some evidence of briefer periods of severely damaged morale during the blitz of 1940-41: the naval town of Plymouth, in particular, came close to cracking under repeated raids. The flying-bomb and rocket attacks of the summer and autumn of 1944 – the V1s and V2s – caused considerable fear and some panic, and it is noteworthy that the war cabinet repeatedly agreed to keep casualty figures secret for fear of undermining morale. Increasing amounts of scholarly work have also pointed to crime, and other forms of deviance, as suggesting that notions of 'collective solidarity' and the like need to be qualified, at least.

Secondly, there has been increasing interest in the area of national identity. What effect did the war have on people's perceptions of themselves as 'British', or, indeed, English, Scottish or Welsh? Sonya Rose's book *Which People's War?* (2003) raises really interesting questions in this area. She shows very well the range of identities that co-existed in wartime Britain: that there was no single model of 'Britishness' that all people agreed on and submitted to. However, she argues that, far from being a weakness, this was a strength: it allowed a very diverse people to feel that they all 'belonged', and that they had a part to play in the war effort, and a stake in victory. In the

war, for example, Welsh and Scottish nationalism both advanced, but not in opposition to the British war effort.

All of this relates to some extent to society, but also to politics. However, the relationship between the two has been more implied than stated. This is not to say that there has not been some very good work on British party politics in wartime. Paul Addison's *The Road to 1945* (1975) offered a superb and detailed of the politics of the wartime Coalition government led by Winston Churchill. Addison argued the collaboration between Labour and Conservative leaders in the wartime Coalition under Churchill was the start of a broad agreement ('the postwar consensus') about economic, welfare, and foreign policy that would last, by and large, until the 1970s, so that similar policies would be pursued whichever government was in power. This 'consensus' view was challenged in Kevin Jefferys's *The Churchill Coalition and Wartime Politics* (1991). Jefferys argued that the notion of 'consensus' was vague. In wartime, in particular, the parties had disagreed – though often behind the scenes – about a wide range of policies. The Churchill Coalition had always struggled to accommodate these differences and whatever consensus emerged after the war came as a result of 1945 and not before it. This debate has gone rather cold of late, not least because of the difficulty of defining 'consensus' adequately. But there have been superb studies of individual parties, such as Stephen Brooke's *Labour's War* (1992).

In my own recent work, I have tried to open out some new areas for the study of wartime politics, and in particular to take a comparative look at their organisation and attitudes. This work forms the basis of a book entitled *Parties at War*, to be published later this year by Oxford University Press. I made extensive use of local constituency party/association records – 100 Conservative, 100 Labour, and 25 Liberal. These sources offer a new view of a whole series of issues. The sources I have used offer numerous insights into attitudes towards the war itself, state repression, revenge attacks on Germany, post-war reconstruction, gender issues, and many more. These insights, geographically specific as they often are, offer a new way of interpreting social change (or the lack of it) in wartime Britain. They also show that a significant distance remained between the attitudes and beliefs of Labour and Conservative party members. And, overall, it emerges that less changed than is sometimes suggested. The party system remained essentially intact. So did the identity of the major protagonists – the Conservatives and Labour, with the Liberals unable to mount a successful revival, the Communists unable to sustain a temporary surge in support, and other specifically wartime products like the ethical socialist party Common Wealth barely able to survive beyond the German surrender. Even so, while it remained an essentially Conservative-Labour competition, the terms of the competition had changed. The Conservatives would have to work hard to live down their 1945 defeat and their prewar record both internationally and domestically, while Labour had advanced politically and organisationally during the war years.

The book also sheds light on other areas. First, it helps us to understand why Labour won in 1945. It had more money than ever before, was better organised, and had a more positive image. In the 1930s it had struggled because of its close links with trade unionism and socialism, and the Conservatives had been able to exploit popular concerns about both. But unions were now much more popular, having more members and having played a major role in the war effort. Socialism was no longer terrifying –at home, government control of much of the economy and society, allied to ideas of 'fair

shares', had helped win the war; abroad, the Soviet Union had been a key ally in victory. More than this, as well, Labour's whole image had moved into national prominence – with Clement Attlee as deputy Prime Minister, and Ernest Bevin as Minister of Labour and National Service organising the industry in the interests of victory, Labour seemed just as patriotic as the Conservatives – indeed, more so given the failure of the prewar Conservative government to stand up to Hitler until it was almost too late.

Secondly, it shows that although Churchill's wartime Coalition government worked quite well, it could not have lasted into peacetime. Many Labour activists were suspicious of it from the start; these suspicions increased. By late 1944 there were fears that Churchill had not really changed and that all he wanted was a return to prewar Europe minus the fascists. Labour members, on the other hand, wanted to build a new and better world. At home, Conservative hostility towards the welfare state plans of the 1942 Beveridge report, for example, was seen as showing that they remained hostile towards working-class aspirations, and would never accept the kind of change that Labour wanted. My work also shows that the Conservatives did indeed have deep suspicions of many of the changes that were being suggested. Although there were some progressive Conservatives, most members of the party were no more enthusiastic about redistributing wealth, income or power towards the working class in 1945 than they had been in 1939. It took defeat in 1945 to make many Conservatives realise that they had to reach some kind of peaceful co-existence with welfare state politics.

Thirdly, the book contrasts the fortunes of the party leaderships. Churchill, Prime Minister and Conservative leader from 1940, was premier of a popular government but leader of an unpopular party. The dysfunctional wartime relationship with his party that resulted contrasted with the much more favourable position whereby the Labour party at all levels pulled together. This is not to deny that Labour experienced serious problems over issues such as the politics of reconstruction, Communist affiliation, and so on; but Labour was at least able to unite around the banner of 'no return to 1939', whereas the Conservatives could not even agree on that. Again, it was only the shock of defeat in 1945 that forced them to change.

Fourthly, the Communists had a busy war. They changed line in 1939 to oppose the war, which resulted in the resignation of their popular leader, Harry Pollitt. In January 1941 their newspaper was banned, the ban lasting more than a year. Soviet entry into the war in June 1941 brought Pollitt back to the leadership, and membership soared to almost 60,000 in December 1942 – three times the highest prewar level. There was talk of a popular front, and of an alliance with Labour. At the 1945 election, 2 Communist MPs were elected. However, the change of line in 1939 damaged its image with the wider Labour movement; its expansion was not sustained, and was largely due to a sympathy with the USSR that would not outlast the start of the Cold War; and elation at the Soviet war effort finally stubbed out Pollitt's (and others') critical faculties where the USSR and Stalin were concerned, which would lead to damaging consequences in 1956. Even the election of 2 Communist MPs and about 10 Labour MPs sympathetic to the party, which might have been important if Labour's majority had been very small, was rendered irrelevant by Attlee's landslide victory.

Historians will continue to argue over the issues raised in this paper; there are others besides. There are, for example, very few studies of civilian evacuation or other population movements that really get to grips with the extensive local sources available. My own work has shown the extent to which vast resources for the study of political

activity at the grassroots have been ignored by historians fixated on London. In gender terms, while women clearly did leave the workforce in large numbers in the 1940s, it would be interesting to know how many of the same women eventually returned to factory work in the 1950s when they had had started their families and when labour shortages, changing shift patterns, and the increasing availability of consumer goods all made such a return more attractive. The Second World War did not create a revolution in Britain, but it was a harbinger of some important changes that helped to determine the country's development over the next thirty years; and it will continue to offer fertile ground for historians of Britain.

Турдубекова Т. Ш.
Уральский государственный университет

Вопрос об Иране на советско-германских переговорах в Берлине и реакция Великобритании

Поездка наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлин 12-14 ноября 1940 г. стала сенсационным событием для мировой общественности. Визит Молотова состоялся по приглашению министра иностранных дел Германии. Общий смысл письма Риббентропа, переданного послом Шуленбургом наркому иностранных дел 17 октября 1940 г. заключался в том, что Гитлер предлагал Сталину присоединиться к Тройственному пакту и совместно с Германией, Италией и Японией определить сферы интересов каждой из стран. Перед поездкой в Берлин Молотов 9 ноября 1940 г. написал для себя директивы, согласованные с И. В. Сталиным. Директивы включали два круга проблем: выяснение планов участников Тройственного пакта по созданию «Новой Европы» и «Великого восточноазиатского пространства» и наметка сферы интересов СССР. Один из пунктов директив касался Ирана и был сформулирован следующим образом: «Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, так как там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить».

Во время визита в Берлин Молотов беседовал с А. Гитлером, И. Риббентропом и Г. Герингом. Рейхсканцлер объявил, что в скором времени с Великобританией будет покончено, после чего Берлин и Москва смогут приступить к разделу ее колониального наследства. За сферой интересов СССР признавалась территория к югу в направлении Персидского залива и Аравийского моря. 13 ноября 1940 г. Молотов получил инструкции по дальнейшему ходу переговоров, в которых указывалось «не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, не будем возражать против предложений немцев». Дальнейший ход переговоров был сосредоточен в основном на европейских вопросах и проблеме черноморских проливов. Нарком, следуя полученным указаниям, вопросов, связанных с Ираном не поднимал.

Несмотря на значительные позиции Германии и СССР в Иране, взаимоотношения Ирана с Великобританией были, пожалуй, теснее, чем с какой-либо другой державой. В основном это был результат деятельности Англо-иранской нефтяной компании, имевшей на тот момент один из самых больших в мире нефтеперегонных заводов на острове Абадан в Персидском заливе. Неприкосновенность и бесперебойность функционирования иранских нефтепромыслов для воевавшей с

Германией Великобритании были очень важны. Больше всего Великобритания боялась вооруженного союза Берлина и Москвы с целью раздела Балкан, Турции и Ирана. А если учитывать и Японию, ярого участника «сферы Великой Восточной Азии», как партнера Германии и СССР, то визит Молотова в Берлин переживался англичанами как настоящий кошмар. 11 ноября 1940 г. по просьбе Р. С. Крипса состоялась встреча с заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским, где посол фактически указал на невозможность англо-советского сближения, проект которого был предложен англичанами 22 октября 1940 г. при условии дальнейшего развития советско-германской дружбы.

В свою очередь в Иране визит Молотова вызвал нечто похожее на панику. Было достаточно очевидным, что советское правительство может сформулировать определенные требования, включающие передачу или, по крайней мере, оккупацию советскими войсками иранского Азербайджана и контроль над Трансиранской железной дорогой. Англичане развернули пропаганду под лозунгом «Иран продан Германией Советскому Союзу». По Тегерану ходили слухи, что в оплату свободы рук в Дарданеллах, Германия предлагала СССР свободу рук в Иране. Премьер-министр Ирана Али Мансур даже консультировался по этому вопросу у немецкого посла Эттеля. Немецкая сторона в соответствии с указаниями, полученными из Берлина, приписывала слухи английским интригам.

Среди иностранных корреспондентов в Берлине было распространено мнение, что в результате берлинских переговоров СССР отказывался от заинтересованности на Балканах, получая взамен свободу рук в Азии за счет Ирана и Турции. Официальное коммюнике со стороны СССР по поводу итогов визита Молотова с формулировкой установления «взаимного понимания по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию» только распалило воображение англичан. В Великобритании поездка Молотова вызвала смешанные чувства тревоги и раздражения. Тем не менее, английской прессе были даны указания держаться осторожно, не дразнить СССР и большого шума по поводу берлинских переговоров не поднимать. На протяжении ноября И. М. Майскому неоднократно приходилось беседовать с английскими дипломатами и политическими деятелями, интересовавшимися итогами переговоров. Неосведомленность англичан порождала опасения и слухи. Посланник Великобритании в Иране Р. У. Буллард пытался выяснить у советского полпреда М. Е. Филимонова чего может ожидать Великобритания после переговоров в Берлине.

Немецкие газеты после отъезда Молотова указывали на то, что враги нового порядка, созданного СССР и Германией находятся в Лондоне. В свою очередь англичане, пытаясь подбросить горькую пилюлю в советско-германские отношения, опубликовали свои предложения от 22 октября 1940 г. по улучшению отношений с СССР. К концу ноября напряжение, испытываемое англичанами, ослабло. 27 ноября 1940 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. О. Батлер в беседе с Майским указывал, что по его впечатлению никаких твердых соглашений в Берлине заключено не было и что британское правительство не склонно относиться к берлинской встрече «трагически». Вместе с тем Батлер подчеркнул, что усилия по улучшению англо-советских отношений должны продолжаться и путь для переговоров остается открытым.

Необходимо отметить, что циркулирующие слухи по поводу включения Ирана в советскую зону влияния не были лишены оснований. Несмотря на то, что

в своей телеграмме полпреду СССР в Лондоне Майскому от 17 ноября 1940 г. Молотов отметил, что предложение немцев, пытавшихся подтолкнуть СССР в сторону Персидского залива, было отклонено, телеграмма была направлена в большей степени для дезинформации англичан. В действительности СССР не только не отклонил предложения Германии, но и «развил» их: 25 ноября 1940 г. Молотов выдвинул условия присоединения СССР к Тройственному пакту, в которых среди прочего уточнялось, что зона к югу от Батуми и Баку в направлении Персидского залива признается центром территориальных устремлений СССР. Однако этот проект уже не интересовал Германию, и предложения наркома остались без ответа.

Фефилатьева Е. А.
Петрозаводский государственный университет

Рабочее движение в Англии в 1920-1930-е гг. на страницах журнала «Коммунистический Интернационал»

В последние годы интерес отечественных специалистов к проблеме международного рабочего движения в силу ряда причин заметно снизился. Между тем, само движение, судя по недавним событиям в странах Латинской Америки, не только не исчерпало себя, но переживает, что называется, второе рождение. В этой связи обращение к одной из страниц истории международного рабочего движения представляется научно обоснованным и в определенной степени актуальным. Свое внимание мы хотели бы остановить на проблеме освещения деятельности рабочего движения Англии на страницах журнала «Коммунистический Интернационал».

Журнал «Коммунистический Интернационал», периодический орган Исполкома Коминтерна (ИККИ), начал выходить с мая 1919 г. Вначале он издавался в Петрограде на русском, немецком, французском, английском, испанском, китайском языках. Затем русское издание журнала было перенесено в Москву, а европейские издания переместились в Париж, Лондон, Гамбург и Базель. Тираж журнала колебался от 45 тыс. – обычных изданий, до 100 тыс. – юбилейных номеров. Очень быстро журнал завоевал популярность. Его успех объяснялся, прежде всего, активным участием в его работе виднейших коммунистов из многих стран мира. Так, на страницах журнала выступали: О. Куусинен, Г. Димитров, П. Тольятти, В. Коларов, Ф. Геккерт, В. Пик, К. Готвальд, У. Галлахер, У. Фостер, М. Торез, К. Цеткин и другие деятели международного коммунистического и рабочего движения. Журнал был призван решать основные теоретические вопросы и обобщать практический опыт деятельности коммунистических партий.

Большое внимание на страницах журнала уделялось освещению проблем, связанных с рабочим движением Англии (444 статьи). Авторами статей являлись ведущие деятели рабочего движения: Г.Поллит, А.Инкпин, А.Мак-Манус, Р. Пальм-Датт, В.Томми, У.Галлахер, Дж. Кэмпбелл. Редакция журнала внимательно следила за событиями в рабочем движении Англии. И это было не случайно. После Октябрьской революции 1917 г. в России рабочее движение в Англии переживало новый революционный подъем. Массовое забастовочное движение, волнения в армии, рост численности и укрепления профсоюзов, широкое распро-

странение, особенно среди горняков и железнодорожников, лозунга национализации, борьба английских трудящихся против интервенции Советской республики – все это страницы активной деятельности пролетариата Англии. На волне подъема рабочего движения в стране в 1919 г. сформировалась Коммунистическая партия Великобритании (КПВ). Вскоре она сделалась полноправной секцией Коммунистического Интернационала, начав участвовать в решении, как общих проблем коммунистического движения, так и в конкретных вопросах деятельности коммунистов.

Какие вопросы, связанные с рабочим движением Англии, обсуждались на страницах журнала «Коммунистический Интернационал»? Материалы съездов КПВ подробно освещались в статьях П.Арнота. Вопрос о кампании единства рассматривал Г.Поллит. Ряд авторов (М.Манус, В.Рэст, Г.Поллит, Ф.Ротштейн) критически проанализировали программные документы Лейбористской и Независимой рабочей партии в номерах журнала за 1928-1929 гг. Большое внимание журнал уделял деятельности компартии в период избирательной кампании 1922 г., в которой КПВ впервые приняла участие. Весьма показательна статья Е.Броуна в 12 номере журнала за 1925 г. В ней рассказывалось об условиях, в которых проходила деятельность компартии во время выборов. Автор сообщал об аресте 12 лидеров компартии, об использовании правительством полицейских и судебных репрессий, клеветы, рассчитанной на подрыв влияния партии в массах.

Особое внимание журнал уделял освещению событий, связанных с забастовочным и стачечным движением. В журнале была введена специальная рубрика «Хроника революционного движения», в которой сообщалось о стачках и забастовках во всем мире. Англия в этой хронике занимала одно из ведущих мест. Ни одна значительная стачка 1920-1930-х гг. не прошла мимо внимания журнала. Забастовки английских углекопов 1921 г., события «Красной пятницы», стачка ланкаширских ткачей в 1930 г., стачки моряков (1931 г.) и металлистов (1937 г.) – все эти события нашли свое освещение на страницах журнала. И, конечно же, большое внимание журнал уделил крупнейшему выступлению английского пролетариата – всеобщей стачке 1926 г. Помимо специальных выпусков журнала, в которых были помещены статьи П.Датта, Дж. Брайена, Д.Мануильского, А.Тагельмайера, на протяжении нескольких месяцев к событиям всеобщей стачки неоднократно обращались А.Беннет, Д. Мерфи, Дж. Пеппер и другие.

Говоря о революционных выступлениях данного периода, следует напомнить и о широком движении безработных. Один из руководителей голодного похода безработных В.Хенингтон в своей статье приводил данные о росте безработицы, положении безработных, не получавших пособий, о работе коммунистов среди тех, кто лишался работы. На своих страницах журнал помещал публикации о деятельности Конгресса действия и общенациональных голодных походов в Англии в 1934-1935 гг.

Значительное место в журнале отводилось проблеме профсоюзного движения. Публиковались материалы всех конгрессов и конференций Британского конгресса тред-юнионов. С яркими статьями в журналах выступили Мак Лейн («Современное положение в Англии»), Пальм Датт («Проблемы новейшей истории Англии»), Ф.Ротштейн («Перспективы английского профдвижения»). Журнал уделил особое внимание возникновению левого крыла в профсоюзном движении – Движению меньшинства, оформившегося в августе 1924 г. В статье «О роли и

задачах Движения меньшинства» В.Рэст отмечал, что оно вовлекло в свои ряды сознательных рабочих и имело большое влияние на широкие массы, как организованных, так и неорганизованных рабочих. Движение опиралось на традиции революционных выступлений цеховых старост и «движения бдительных», накопленный ими опыт борьбы за права трудящихся. Другой автор П.Датт отмечал влияние компартии на деятельность Движения меньшинства, подчеркивая, что КПВ в 1923-1924 гг. последовательно добивалась объединения всех сил рабочего класса. В осуществлении этой задачи Движение меньшинства занимало важное место. Ведущая роль коммунистов была продемонстрирована, как при выборах руководящих органов, так и при утверждении программы действий.

Итак, подведем итоги. Изучение истории рабочего движения Англии в 1920-1930 гг. имеет большое значение для понимания особенностей современного рабочего движения во многих странах мира. Рабочее движение, как это наглядно видно из материалов журнала «Коммунистический Интернационал», было тесно связано с периодом организации и становления компартии Англии, а также классовыми боями пролетариата. Богатый фактический материал, различные документы, публикации «Коммунистического Интернационала» являются бесценным источником для изучения рабочего движения Англии, а потому не могут быть оставлены без внимания историков.

Ходнев А. С.
Ярославский государственный педагогический университет

«Ноумэнсленд»: организация Британского мандата Лиги Наций в Восточной Африке

Существует мнение, что первая мировая война не имела такого влияния на проблемы афро-азиатского мира как вторая, поскольку основные военные события и их мирное урегулирование происходило в Европе. Однако колониальная периферия решительно напоминала о себе острыми спорами по поводу улаживания вопроса о бывших немецких колониях. Союзники обсуждали, по крайней мере, три альтернативы решения колониального вопроса после войны: утверждение международного контроля над бывшими германскими колониями и владениями Османской империи, передачу указанных территорий под управление одной из развитых стран в виде мандата и под контролем Лиги Наций, прямую аннексия и присоединение колонии. Оккупация территорий в Африке рассматривалась чиновникам в Лондоне как акция «окончательного урегулирования после войны».

В Британской империи переход от оккупации к управлению территорией Германской Восточной Африки (ГВА) в условиях мирной жизни проходил тяжело. 1 января 1917 г. командующий британскими войсками генерал Я. Х. Смэтс согласился передать власть в ГВА гражданскому правительству, и министерство колоний одобрило назначение Г.А. Байатта администратором оккупированной территории.

Тем не менее, многие предлагали оставить ГВА в условиях оккупации. Известный британский политик Л.С. Эмери в письме от 20 марта 1919 г. автору проекта создания мандатной системы Лиги Наций (ЛН) Я.Х. Смэтсу подчеркивал, что

«было бы хорошо сделать мандатную оккупацию как можно более близкой к обычной оккупации территорий в Африке». По мнению Эмери, мандатный принцип был расширением оккупации по договору, а не установлением нового суверенитета над владениями, или международным управлением.

В 1917-1919 гг. в Лондоне идет борьба между военным министерством и министерством колоний за контроль над ГВА, которая закончилась в пользу последнего. Однако вопрос о суверенитете над ГВА еще не был окончательно решен союзниками на Парижской мирной конференции.

В январе 1919 г. Г.А. Байатт, подготовил несколько документов о будущей судьбе ГВА. В одном из меморандумов он рассуждал о том, под каким названием ГВА присоединится к Британской империи. Список предложенных губернатором названий был довольно длинным и включал в себя такие, например, как «Азания», «Бантуленд», «Нью Мэриленд», «Виндзорленд», «Эбурнка», «Лулуленд». Заметим, что ни одно из предложений Байатта не прошло. Серьезный тон документа, показывал, что колониальный чиновник не сомневался в положительном для Британской империи исходе переговоров, начавшихся в Париже, о будущем немецких колоний. Второй документ, подготовленный губернатором, призывал как можно скорее рассмотреть вопросы превращения ГВА в британскую колонию и, прежде всего, развитие железнодорожного сообщения, расширение аппарата управления, увеличение затрат на тюрьмы, полицию, транспорт, таможню, медицинское обслуживание, а также введение новых департаментов образования, сельского хозяйства, лесоводства и общественных работ.

Однако, по мнению экспертов из министерства, реформы управления нельзя было провести до тех пор, пока не прояснятся окончательные позиции Великобритании в ГВА.

По мере того, как у чиновников росла неуверенность, возобновилось обсуждение вопроса о новом названии для ГВА. Эти дискуссии имели два измерения. Одно было продиктовано равнодушием представителей колониального аппарата к судьбе завоеванной колонии с неопределенным мандатным статусом и быстро переросло в сарказм и иронию. Видный служащий министерства колоний У. Боттомли, едко заметил по поводу переименования ГВА, что «для мандатной территории наиболее подходящим названием было бы «Ноумэнсленд» («Ничейная земля»), так как она не обладала, по его мнению, другими характеристиками. Дискуссия о переименовании ГВА закончилась только в начале 1920 г., когда было принято название «Территория Танганьика» в честь известного озера. Новое имя не указывало, являлась ли страна колонией или протекторатом Великобритании.

Второе направление дискуссий – высказывания ее участников в пользу присоединения ГВА к другим британским колониям в Восточной Африке и отмету ее мандатного статуса.

Министерство колоний Великобритании вскоре обнаружило, что нерешенные вопросы не исчезли после подписания 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора: Лига Наций еще не существовала официально и, следовательно, не могла наполнить юридическим содержанием мандаты. В августе 1919 г. один из колониальных служащих поставил вопрос о том, какой флаг должен быть официальным в подмандатной территории: Лиги Наций или «Юнион Джек» с добавлением местного герба, как это практиковалось в Британской империи. Американскому консулу было отказано в аккредитации в ГВА, а колониальное министерст-

во отложило передачу новой информации картографической компании по той причине, что отсутствовал официальный мандат Лиги Наций на управление ГВА.

К осени 1919 г. настроения разочарования и нетерпения у чиновников сменились на раздражение. Путаница в определении будущего положения ГВА привела к тому, что один из работников восточноафриканского департамента издал 2 сентября циркуляр, в котором выражал свое негодование по поводу невозможности регистрации судов в этой стране потому, что она «технически не является владением Великобритании». Чиновники делали язвительные заявления о том, что без мандата ЛН Великобритания имеет не больше юридических прав в ГВА, чем Япония. Часть служащих выражала надежду на то, что начавшееся в Конгрессе США обсуждение Версальского договора закончится провалом, а остальные страны смогут пересмотреть мандатную систему ЛН. Документ, составленный Боттомли, являлся важным проявлением того, как колониальные чиновники предлагали решить проблему мандатов, не связывая себя в будущем какой-либо долей ответственности перед международной организацией. В тексте также защищались старые порядки колониальной администрации от всякого влияния извне. Подобные протесты осенью 1919 г. поступили в адрес премьер-министра из Южной Африки, Австралии, Новой Зеландии. Эти британские доминионы должны были получить мандаты ЛН на управление бывшими немецкими колониями.

Текст мандата на Танганьику был официально одобрен в июле 1922 г. Однако события 1916–1922 гг. показали, что колониальный аппарат как в Лондоне так и в Дар-эс-Саламе работал с целью превращения Танганьики во владение Великобритании. Чиновники, обиженные тем, что все дискуссии о будущем немецких колоний проходили лишь на уровне кабинета министров, составили серьезную оппозицию созданию мандатной системы Лиги Наций, в которой, несмотря на неопределенный ее статус, они видели силу, ограничивавшую свободу в принятии административных решений. Никогда еще в истории Британской империи не происходило присоединения колонии в такой форме, как это было в случае с Танганьикой. Л.С. Эмери отмечал в воспоминаниях об этом времени: «Атмосфера неопределенности в отношении будущего Танганьики в 1920-е гг. породила широко распространенное представление о том, что Британское правительство является временным арендатором Лиги Наций, с обязательством возможного выселения». Это не могло не отразиться на выполнении Великобританией условий мандата и отношениях с Постоянной мандатной комиссией Лиги Наций, так как проведение в жизнь политики международной опеки было возложено на тех же чиновников, которые против нее протестовали.

Таким образом, идея мандатной системы Лиги Наций не снискала себе союзников ни среди политиков доминионов, ни среди колониального аппарата. Господствующим мнением в 1919-1920 гг. в этих слоях было соображение о том, что многообещающие решения Парижской мирной конференции по колониальному вопросу несут для них лишь новые хлопоты, а версальские политические вердикты плохо сочетаются со сложившейся системой управления зависимыми территориями.

Чикалова И. Р.
Белорусский государственный педагогический университет

Женщины в избирательных кампаниях британских лейбористов и консерваторов (1979–2005 гг.)

Отбор кандидатов в парламент является одной из сфер британской партийной жизни, в которой местные организации партий утверждают свою независимость от центра. В обеих партиях отбор кандидатов проводится на низовом уровне местными партийными функционерами, но регулируется унифицированными национальными правилами и является иллюстрацией властных взаимоотношений между избирательными округами и руководством на национальном уровне в Лондоне. В национальных штаб-квартирах обеих партий находятся списки потенциальных кандидатов. Таким образом, чтобы стать членом парламента, кандидат, во-первых, должен попасть в поле зрения руководства политической партии, во-вторых, быть отобран местной организацией в избирательном округе и, наконец, быть избранным на выборах.

Изменение отношения к выдвижению женщин происходило в политических партиях под влиянием ряда факторов: необходимости усиления электоральной привлекательности партий, гендерного разрыва при голосовании на выборах, нажима со стороны как женского крыла внутри партий, так и феминистских организаций извне организаций.

Доброжелательное отношение партий к включению женщин в список кандидатов (или, наоборот, степень сопротивления этому) варьировались. Предубеждение в отношении женщин-кандидатов существовало и у консерваторов, и у лейбористов: прежде оно проявлялось открыто, однако в 1990-е гг. стало менее заметным. Причем поло-возрастной состав отборочных комитетов никак не отражался на предпочтениях селекционеров.

Несмотря на отсутствие очевидных свидетельств о потере женщинами-кандидатами голосов избирателей, на практике, если женщины и отбирались, то часто на безнадежные или маргинальные места. В 1979 г. Лейбористская партия на парламентских выборах выдвинула 53 женщины. Из них 47% были одобрены на заведомо бесперспективные для лейбористов места, 36% определены в маргинальные округа. В свою очередь, Консервативная партия ни одну из 31 претендентки не выдвинула в безопасные округа. Ввиду этого в указанном году шанс женщины быть избранной составлял менее 1 к 10, в то время как мужчины – 1 к 3-4. Примерно такая же динамика сохранялась при распределении мест и на последующих выборах 1983, 1987 и 1992 гг. Консерваторы на фоне лейбористов выдвигали еще меньше женщин.

Финансовые ресурсы представляли другую сложную проблему для женщин-кандидатов. Лейбористские кандидаты с хорошими перспективами на победу могли рассчитывать прежде всего на существенную финансовую поддержку тред-юнионов. Однако женщины среди них оказывались крайне редко: профсоюзы предпочитали тратить деньги на кандидатов, включенных в список «А», т.е. выдвинутых на безопасные места, или на тех, чьи шансы победить оценивались как высокие. Список кандидатов, определяемый литерой "В", не был связан с

какой бы то ни было финансовой поддержкой. В 1989 г. был предложен список кандидатов-женщин "W", но он также не предусматривал финансовой помощи.

Среди прошедших в парламент в период с 1979 по 1992 г. при финансовой поддержке тред-юнионов наибольшую группу составили лейбористские депутаты, профинансированные Тред-юнионом транспортных и общих рабочих. Но этот профсоюз традиционно редко спонсировал женщин. С другой стороны, начавшийся процесс изменения гендерного баланса в профсоюзах, постепенный пересмотр отношения к женщинам внутри тред-юнионистского движения, слияние тред-юнионов государственных служащих *COHSE, NALGO, NUPE* в союз *UNISON* (который, объединив 1,4 млн. членов 2/3 которых составляли женщины, поменялся местами с профсоюзом транспортных и общих рабочих и стал крупнейшим в стране), придало дополнительный вес проблемам женских прав, которым *UNISON* стал уделять намного больше внимания.

С конца 1980-х гг. руководство лейбористов начало склоняться к политике *позитивной дискриминации* с целью увеличить число женщин в парламенте. Для начала партийная конференция 1988 г. одобрила принцип обязательного представительства женщин в окончательных списках кандидатов. За этим решением последовала декларация конференции 1989 г., провозгласившая целью партии достижение равного с мужчинами представительства женщин в парламенте через 10 лет или в результате 3-х очередных парламентских выборов.

Тем не менее, специальные решения для претворения этой стратегии в жизнь не были приняты вплоть до следующего поражения на всеобщих выборах 1992 г. Требовалась реальная работа по изменению маскулинного характера партии, преодолению недоверия к ней, главным образом, со стороны женщин: все проводимые исследования демонстрировали, что намного больше женщин голосовало за консерваторов, чем за лейбористов. Гендерный разрыв при голосовании оказался критически важным во время парламентских выборов 1992 г., когда лейбористы по сравнению с консерваторами лидировали с преимуществом в один пункт среди мужчин, но отставали на 15 пунктов по степени поддержки среди женщин.

Ввиду этого главной целью внутренних партийных реформ становилось изменение отношения избирателей к партии путем отхода от модели закрытой организации, представлявшей узкие корпоративные интересы промышленных союзов, в сторону открытой плюралистической партии, основанной на индивидуальном членстве. Для этого лейбористское руководство стало искать возможность дистанцироваться от профсоюзов, уменьшить их влияние в решении партийных вопросов, переместить власть от активистов избирательных округов к рядовому члену. С другой стороны, стремление к изменению имиджа партии и отношения к ней избирателей увязывалось с проблемой более широкого представительства женщин. Руководство лейбористов надеялось, что привлечение большего их числа в парламент поможет изменить неблагоприятный в глазах массы избирателей облик партии. В 1993 г. Национальный исполнительный комитет лейбористов одобрил фиксированную квоту на половину выигрышных и половину маргинальных мест для передачи их на следующих выборах женщинам в случае, если действовавшие парламентарии вновь не выдвинут на эти места свои кандидатуры. Решение должно было реализовываться через требование к окружным организациям партии отбирать на эти целевые места кандидатов только из женских спи-

ков. Партийная конференция в том же году согласилась с предложенным принципом.

Однако введение новой системы не гарантировало преодоление препятствий внутри партии к отбору женщин-кандидатов, что показали события конца 1995 – начала 1996 г. По иску двоих мужчин-лейбористов *Промышленный трибунал* в Лидсе заключил, что отдельный женский список не совместим с *Законом о дискриминации по признаку пола* и, таким образом, незаконен. Тем не менее, перелом уже произошел, и это решение не могло кардинально повлиять на успех лейбористских женщин на выборах 1997 г., завоевавших 101 место в парламенте.

С начала 1990-х гг. руководство консерваторов, в свою очередь, начало проявлять обеспокоенность тем обстоятельством, что партия стала терять поддержку молодых избирательниц. Количество женщин в возрасте до 25 лет, проголосовавших за лейбористов, на 13% превысило число тех, кто отдал голоса консерваторам. В более широком возрастном диапазоне, охватывавшем 18-34 года, разница была меньшей, но тоже существенной: за лейбористов проголосовало 44% женщин в сравнении с 36%, которые предпочли консерваторов. Претензия консерваторов быть партией людей среднего возраста стала выглядеть все более зыбкой. В 1995 г. среднему консерватору исполнился 61 год, более половины перешагнуло за 65 лет и только 5% членов партии составляли люди моложе 35 лет. Возраст же лейбористов становился моложе: большинство новых членов в 1995 г. были младше 40 лет.

Накануне выборов 1997 г. впервые появились признаки того, что консервативное руководство, в свою очередь, начало склоняться к принятию некоторых мер, которые могли бы увеличить число женщин-парламентариев. Однако попытки руководства консерваторов оказать давление на местные организации в целом не увенчались успехом. Как следствие, на выборах 1997 г. потерпевшие сокрушительное поражение консерваторы провели в парламент лишь 13 женщин, представительство которых в консервативной фракции уменьшилось на 7 человек: перед партией встала угроза вообще остаться без участия женщин в парламенте. Разрыв в представленности женщин-депутатов от консерваторов и лейбористов в результате выборов 2001 г. несколько сократился, составив 14 против 94. В ходе предвыборной кампании и после очередного поражения на всеобщих выборах 2005 г. партийное руководство консерваторов стало предпринимать конкретные действия по выдвижению большего числа женщин. Тем не менее, пока в составе парламента всего 17 женщин (8,8% от партийной фракции) представляет консерваторов на фоне 95, занявших лейбористские скамьи (27% от партийной фракции).

Шандра А. В.
Арзамасский государственный педагогический институт

Специфика концептуальных подходов представителей британской политической элиты к осуществлению управления Палестиной в 1920-е гг.

Завершение Первой мировой войны и общий ход переговорного процесса на мирных конференциях оказали мощнейшее воздействие на видение приоритетов внешнеполитического курса Великобритании. Масштабные структурные из-

менения, происходившие в международных отношениях, затрагивали, в том числе, и установленный колониальный порядок, выразившись в появлении проекта мандатной системы. Получение Великобританией статуса страны-мандатария в свою очередь привело к переосмыслению некоторых концептуальных положений управления Палестиной.

Увеличение числа концепций и теорий, касающихся исследуемого аспекта проблемы, наблюдается со второй половины 1920 г. и обуславливается спецификой решений конференции в Сан-Ремо, началом работы на палестинских территориях британской мандатной администрации и подписанием Севрского договора в августе 1920 г.

Коалиционное правительство Великобритании совместно с МИД разработало еще в июне 1920 г. собственный вариант реализации функций страны-мандатария. Согласно данной концепции, британское правительство рассматривало мандатную систему в виде политического эксперимента, призванного утвердить в Палестине специальные механизмы разрешения существующих проблем в отношениях стран-победительниц и проигравших I мировую войну государств.

Прежде всего, перед британским руководством возникла задача изменения приоритетов в работе органов управления в согласии с принципами мандатного управления. Большинство членов Палаты общин было уверено, что Великобритания обладает колоссальным опытом управления и вполне подготовлена к развитию институтов власти в Палестине. В создавшихся условиях Британия должна выполнить обязательства по Декларации Бальфура, создав национальный очаг в «небольшой области к западу от Иордана, известной как Палестина». Документ указывает на осознание колониальным ведомством двойственности эффекта от получения палестинского мандата. С одной стороны, мандат резко увеличивает расходы британской казны, но с другой, встает вопрос о безопасности Великобритании как империи. Образование национального очага для евреев в этом ключе преподносится колониальным ведомством отдельной частью мандатных обязательств.

Логичным будет выдвижение тезиса о том, что одну из наиболее существенных частей проблемы исполнения Великобританией функций страны-мандатария составляла формулировка целей политики в Палестине в связи с сохранением в силе Декларации Бальфура.

Лидеры подразделений ВСО, в частности, Х. Вейцман, добивались включения Декларации 2 ноября 1917 г. в тексты международных договоров и правовых актов. Итогом активной работы сионистских деятелей следует считать склонность таких фигур британского истаблишмента, как Дж. Керзон, С. Хор, Р. Хэдсон, Н. Чемберлен, У. Эллиной и У. Ормсби Гор к поддержке идеи включения декларации в текст британского мандата на Палестину. В апреле 1920 г. к наделению будущей мандатной администрации обязательствами по восстановлению еврейского национального очага в Палестине призвали лидеры лейбористов Дж. Р. Клайнс, Х. Линдсэй, Дж. Томас, К. Бауэрмен. 14 июня 1921 г. часть британских парламентариев выступила против любого ограничения еврейской иммиграции в Палестину, мотивируя это тем, что далеко не каждый из 15 миллионов евреев, проживавших в мире, захочет приехать в Палестину. Кроме того, еврейская иммиграция из Восточной Европы рассматривалась членами палаты общин в качестве «противовеса большевизму».

Примечательно, что еще в июне 1922 г. Палата лордов опротестовала решение кабинета министров и большинства членов Палаты общин одобрить текст мандата, проголосовав 60 голосами против 29. Этот протест вынудил Дж. Бальфура лично выступить перед лордами 21 июня 1922 г. с просьбой принять необходимость «...восстановления еврейского национального очага как должного для политики Правительства Его Величества», поскольку «...это не только благосклонное отношение к сионизму, но и будущее репутации империи.

В целом, специфика концептуальных подходов представителей британской политической элиты к осуществлению управления Палестиной в 1920-е годы состояла в отходе от выдвижения идеи повышенного стратегического значения Палестины. При этом во взглядах на палестинский мандат проявились два устойчивых компонента концепций. Во-первых, существовала убежденность в том, что Великобритания исполняет «великую цивилизаторскую миссию» в Арабском мире. Во-вторых, определенной константой теоретических подходов являлась ориентация британских политических деятелей на поддержку проекта сионизации Палестины. Это проявилось в том, что подавляющее большинство британских политиков позитивно восприняло проект включения Декларации Бальфура в текст мандата на Палестину и расценивало данные обязательства в качестве приоритетных. Данное обстоятельство, в свою очередь, может свидетельствовать о моральной подготовленности британской политической элиты к учреждению в Палестине национального очага для евреев.

Школьников И. А.
Ивановский филиал
Российского государственного торгово-экономического университета

Ирландский гомруль и право голоса для женщин: внутренняя политика Великобритании накануне Первой мировой войны

Насущной проблемой, которую викторианский либерализм оставил в наследство после 1900 г., был гомруль для Ирландии. Этот вопрос отныне скорее разъединял, нежели объединял либеральную партию. Во многом поворотным годом, как для либеральной партии, так и в целом для политической истории Великобритании стал 1910 г. Этот год был чрезвычайно богат на политические события, которые имели непосредственное отношение и к суфражизму и к гомрулю для Ирландии. Он ознаменовался конституционным кризисом, который закончился потерей либеральной партией доминирующего положения и ее электоральной зависимостью от партии лейбористов и ирландских националистов; суфражистская проблема постепенно перемещается в центр политической жизни – в парламенте формируется межпартийный Согласительный комитет, впервые проходят обсуждения проблемы права голоса для женщин в правительстве.

Положение правительства после январских выборов 1910 г. полностью зависело от поддержки ирландских националистов и лейбористов, что, с другой стороны, было весьма выгодно суфражисткам, так как именно партия лейбористов была единственной партией, которая хотя бы формально выступала за сам принцип наделения женщин избирательными правами. Однако выгода эта была

весьма условной. В сложившейся ситуации завязался и тот узел противоречий, который на протяжении всех предвоенных лет оказывал негативное влияние на проблему избирательных прав для женщин. Результаты парламентских выборов 1910 г. дали ирландским националистам дополнительный рычаг воздействия на либеральное правительство. Связанное партийными принципами, а также тем обещанием, которое было дано Редмонду, правительство вынуждено было на повестку дня в первую очередь выносить проблему ирландского гомруля.

После январских выборов правительственный кризис не исчерпал себя и в ноябре 1910 г. парламент в очередной раз был распущен. Новые выборы состоялись в декабре и мало что изменили в расстановке сил: либералы и консерваторы получили по 272 места, в то время как ирландские националисты и лейбористы прибавили по два мандата. Опираясь на это большинство, правительство Асквита в 1911 г. все-таки добилось проведения законов о Парламенте, в соответствии с которыми палата лордов утратила право на абсолютное вето. Акт о парламенте 1911 г. сделал гомруль неизбежным. В январе 1911 г. создается специальный комитет из 7 министров, в ходе работы которого были выработаны две основные схемы:

1. так называемый «гомруль повсеместно» – предполагалось создать законодательные собрания подотчетные Вестминстеру в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии.

2. «федералистская» схема, в соответствии с которой предполагалось разделить Великобританию на 10 округов, в каждом из которых было бы свое собственное законодательное собрание.

Лидер ирландских националистов, Дж. Редмонд, категорично выступал против первой схемы. С другой стороны, эта схема получила неожиданно широкий отклик среди суфражисток, которые увидели в ней еще одну возможность заявить о своих требованиях в Парламенте. Движения, подобные ирландскому, возникли в Шотландии и Уэльсе, а в 1914 г. соответствующие законопроекты уже обсуждались в парламенте. Суфражистки полагали, что британский парламент должен официально признать тот принцип, что женщины должны быть допущены в качестве избирателей в национальные законодательные органы власти. Внедренный в практику этот принцип мог бы стать первым шагом на пути к получению женщинами права голоса на общенациональном уровне. Была и другая причина, по которой суфражистки активно лоббировали законопроект об ирландском гомруле. Дело было в том, что принятие данного законопроекта привело бы к тому, что Вестминстер покинула бы половина партии ирландских националистов – противников законопроекта о праве голоса для женщин.

28 марта 1912 г. консерватор Дж. Эгг-Гарднер внес в парламент последний «согласительный» билль, который в результате обсуждения (большинством всего лишь в 14 голосов) было решено отложить на шесть месяцев – до сентября 1912 г. Существенным изменением в соотношении голосов была оппозиция со стороны националистов, которые, голосуя против билля, руководствовались исключительно своими интересами. В провале законопроекта о женских избирательных правах они видели прекрасную возможность сохранить неделю парламентского времени для обсуждения билля о самоуправлении Ирландии, который был внесен на обсуждение в ту же парламентскую сессию, что и билль об избирательных правах женщин. Между тем, 17 июня 1912 г. правительство внесло в парламент для об-

суждения в первом чтении свой обещанный билль об избирательной реформе. К предложенному биллю было внесено четыре совершенно различных по характеру поправки о праве голоса для женщин. Однако после июньского обсуждения законопроект исчез из поля зрения до конца января 1913 г.

С наступлением новой парламентской сессии 1914 г. не наблюдалось никаких положительных сдвигов. При жеребьевке очередности подачи частных биллей, ни один из тех парламентариев, кто мог бы внести суфражистский билль, не получил места, а правительство, в свою очередь, отказалось предоставить свое время. Таким образом, возможность внести билль о праве голоса для женщин в течение этой сессии была сведена на нет. Сама же правительственная законотворческая инициатива в это время была полностью посвящена проблеме гомруля для Ирландии. К весне 1914 г. основные противоречия, касавшиеся данного законопроекта, были улажены и 25 мая в Палате общин прошло третье, заключительное, чтение билля о самоуправлении Ирландии. За два дня до этого правительство, дабы получить одновременно с биллем о гомруле королевскую санкцию, решило внести в верхнюю палату законопроект о внесении поправки в уже принятый закон о гомруле с целью исключения из этого закона некоторых графств Ирландии на 6 лет. Палата лордов не пошла на этот шаг и 21–24 июля была созвана межпартийная конференция, чтобы найти выход из сложившегося положения. Единого решения выработано так и не было, а 26 июля в Дублине произошло вооруженное столкновение полиции с мирными жителями.

Таким образом, перед Первой мировой войной на политической арене Великобритании складывается такая ситуация, когда суфражистки начинают поддерживать инициативу ирландских националистов, а последние, в свою очередь, блокировать любые попытки суфражисток и их парламентских сторонников провести законопроект о женских избирательных правах. Со стороны ирландцев дело было не просто в самом принципе наделения английских женщин правом голоса. Партия Редмонда не желала иметь ничего общего с теми политическими инициативами, которые могли бы сорвать планы лидера либералов Асквита по проведению билля о самоуправлении для Ирландии. Любые изменения в избирательной системе могли бы оказать негативное воздействие на представительство ирландцев в британском парламенте. Поэтому, если их парламентское представительство сократилось бы, то это привело бы к тому, что партия ирландских националистов перестала поддерживать баланс власти, что, в свою очередь, повлекло бы за собой падение либерального правительства, формирование нового правительства консерваторов и, в конечном итоге, окончательную потерю надежды на принятие закона о самоуправлении Ирландии. В целом, взаимоотношения ирландских националистов и суфражисток вплоть до начала Первой мировой войны можно рассматривать как борьбу между двумя политическими группами, старавшимися убедить друг друга в том, что проблема одной группы гораздо важнее и насущнее проблемы другой группы. И хотя в начале это в большей степени касалось суфражисток, но, начиная с 1912 г., это стали осознавать и ирландцы, почувствовавшие, что продвижение их законопроекта сдерживается суфражистками.

Юркина О. А.
Ивановский филиал
Российского государственного торгово-экономического университета

Некоторые аспекты формирования лейбористской партии

На протяжении всего исторического развития общественно-политическая мысль находится в поиске новых путей строительства экономически и социально благополучного общества. Данная задача стала ключевой и для одной из крупнейших политических сил Старого света – лейбористской партии Великобритании. В этой связи проблемы формирования и деятельности лейбористов остаются актуальными.

Как справедливо указывает Е. Г. Блосфельд, «ни одно течение общественной мысли и ни одно общественно-политическое течение нельзя рассматривать изолировано ни от конкретной исторической обстановки, ни от других течений». Поэтому необходимо хотя бы вкратце остановиться на характеристике внешней среды зарождения партии.

Конец XIX в. ознаменовался для Великобритании длительным периодом экономического застоя, вошедшим в историю как «великая депрессия» 1873 – 1896 гг. Именно этот период наметил основные тенденции, определившие основные характерные черты последующего экономического развития Англии, а также оказало определенное влияние на положение рабочего класса и, соответственно, на развитие рабочего движения. Одной из характерных черт рабочего движения Великобритании является значительная дифференциация рабочего класса. В Англии раньше, чем где бы то ни было, появляется рабочая аристократия. Именно они, объединенные в тред-юнионы, сформировали своеобразную «идеологию рабочей аристократии», заимствуя многие программные установки у либералов и консерваторов. Что же касается остальной части рабочих, то можно сказать следующее: идейные поиски в среде рабочего класса происходили в условиях, когда само движение переживало определенный спад. Причиной этому было некоторое улучшение материального положения сохранивших работу рабочих, что при необычайно высоком уровне безработицы повлекло за собой спад забастовочного движения. Вследствие этого, основной формой классовой борьбы в Великобритании начала 80-х гг. становятся выступления безработных. Однако данная ситуация продолжалась недолго и уже к концу 80-х гг. борьба разгорелась с новой силой. Это продемонстрировало появление на политической арене страны новой внушительной силы – рабочего класса. К середине 80-х гг., после парламентской реформы 1884 г., значительная часть английских рабочих уже обладала правом голоса. Пролетариат становится все более реальной политической силой, без поддержки которой ни одна из партий не могла удержаться у власти. Естественно, что в этих условиях интерес к рабочему классу со стороны политических партий усилился. Появляются политические течения, которые основную ставку делают именно на рабочий класс как на движущую силу социальных преобразований. Так, например, С. Вебб писал в 1886 г.: «... многострадальные массы наконец восстанут... и пошатнут в отчаянии всю общественную систему... Мы стали социалистами, чтобы попытаться предотвратить развитие событий в направлении всеобщего разрушения».

В начале 1880-х гг. в Англии возникает множество кружков и дискуссионных клубов, в которых обсуждались проблемы современной жизни и велись поиски выхода из кризисной ситуации. Большой популярностью среди членов этих кружков пользовались сочинения Дж.С. Милля, Г. Спенсера, Дж. Раскина. Усилился интерес и к теории К. Маркса, делались попытки синтезировать идеи этих авторов и выработать собственную концепцию. Это дало повод исследователям говорить о конце XIX в. как периоде «социального возрождения». Одним из таких объединений становится «Товарищество новой жизни», позднее Фабианское общество, которое, по мнению историков, явило собой интеллектуальную основу для лейбористского движения.

Между тем, нельзя не подчеркнуть роль представителей других социалистических организаций в процессе формирования новой рабочей партии. Уже в 1880–1890-е гг. становится очевидным слабое представительство рабочего класса в парламенте. Движение за независимое представительство рабочих зародилось на севере Англии. Так, например, в 1891 г. была образована Манчестерская трудовая партия. Спустя два года во многих северных текстильных городах стали образовываться лейбористские союзы, которые ставили основной целью осуществление рабочего представительства на местах и в парламенте. Определенное значение имело основание в 1883 г. Социалистической лиги (Socialist League), которую возглавил Гайндман. К концу 1880-х гг. в Великобритании наблюдается значительный рост профсоюзного движения, в этом же году появляются первые тред-юнионы неквалифицированных рабочих. Подобный рост приводит к зарождению так называемого «нового тред-юнионизма», возникшего в ходе работы Конгресса тред-юнионов, который возглавили Томас Манн и Джон Бернс.

В 1884 г. была образована Социал-демократическая федерация (Social Democratic Federation), а в 1893 г. Независимая рабочая партия (Independent Labour Party). Именно эти вышеперечисленные социалистические объединения совместно с Фабианским обществом составили костяк Комитета рабочего представительства (Labour Representation Committee), созданного в 1900 г. и переименованного в 1906 г. в Лейбористскую партию. Всего же в состав новой партии вошло порядка 70 организаций социалистического толка.

Кроме того, на формирование облика новой партии значительное влияние оказала близость с позитивизмом. Идеи Т. Хаксли и Г. Спенсера заполняли столбцы рабочих газет и тред-юнионистские собрания. Именно они играли значительную роль в политико-философских обществах, которые оказывали влияние на развитие буржуазной социальной мысли и законодательства. Позитивизм был наиболее распространенным направлением буржуазной радикальной общественной мысли в Англии между 1860 и 1880 годами, что и обусловило его влияние на лейбористов, которые считали что О. Конт, основатель позитивизма, в своей «религии человечества» давал решение всех проблем, которые стояли перед обществом. В Конте видели человека, бросившего вызов существующему порядку вещей и предлагавшего положить конец анархии, образовав общество на этических началах. Однако, с ростом социалистического движения в Англии в 80-х гг. поставившего вопрос о создании самостоятельной политической рабочей партии позитивисты сходят со сцены как претенденты на роль идейных вождей пролетариата, пропустив вперед фабианцев.

Другим источником теории лейборизма исследователи справедливо называют политическую экономию Дж.С. Милля и У.С. Джевонса. Кроме того, определенное влияние на лейбористскую доктрину оказал и марксизм. Так, например, Бернард Шоу с восхищением писал: «"Капитал" – это не учебник социализма, это иеремиада против буржуазии, снабженная такой массой доказательств и написанная с таким талантом к разоблачению, какого мы еще не видели». Не случайно, например фабианцы называли себя продолжателями дела Маркса по сбору информации, изобличающей капитализм.

Таким образом, политические идеи лейборизма складывались в условиях экономической неустойчивости и ослабления стремлений других партий к социальным реформам. Впитав в себя традиции большого количества общественных течений, главную цель лейборизм определил следующим образом: «Наша земля открывает перед нами иные пути перехода к социализму, – пусть более медленные, чем в России, но зато более мирные и безболезненные... Революция Англии не нужна... лучше потерпеть лишних полвека капиталистическое общество, чем рисковать кровью, жертвами и разрушениями революции».

Аксюченко М. А., Власова К. А.
Арзамасский государственный педагогический институт

Концепт *джентльмен* в английском языке и английской культуре

Традиционно современная английская социальная структура формируется и мыслится как структура мужская: мужские сообщества и мужские ценности оказывают определяющее влияние на развитие всего социума, в том числе на женское поведение и установки. Для понимания социально-психологических процессов и складывающихся в современном обществе принятых поведенческих стратегий значимыми оказываются психологические аспекты именно мужской социализации и концепты мужской субкультуры. Одним из таких концептов является концепт *джентльмен*.

Накопленный историками, этнографами, лингвистами и культурологами материал дает возможность представить, как менялась разнообразная мужская атрибутика, как формировались репрезентативные жесты, выражающие мужскую сущность и статус, как в мужских играх, ритуалах посвящения закреплялись соответствующие стереотипы поведения.

Соотношение лексико-семантических вариантов лексемы *джентльмен* в различных словарях неодинаково. Наиболее общим значением данной лексемы является «человек с хорошими манерами и хорошо относящийся к другим людям, образованный и которому можно доверять». *Джентльмен* употребляется и как вежливое обращение к мужчине. Эти два значения являются основными в каркасе всей семантической структуры исследуемой лексемы. Сюда же относится и значение *джентльмен* как человек, занимающий высокий социальный статус. *Джентльмен* служит обращением к представителю законодательной власти и обращением к мужской аудитории. (*Джентльмены!*)

Лексема *джентльмен* приобретает дополнительное значение в словосочетаниях: *gentleman's agreement* – «деловое соглашение в устной форме, не требующее подписи нотариуса», *gentleman farmer* – «человек, который владеет фермой ради удовольствия», *gentleman's club* – «клуб, в котором можно находиться лишь мужчинам и запрещено женщинам».

Анализ изучения процесса формирования концепта *джентльмен* с давних времен до наших дней позволяет получить полное представление о том, как происходит его репрезентация в рамках английской языковой картины мира.

Понятие *джентльмен* непосредственно связано с понятием рыцарь. Первоначально данное слово обозначало человека из хорошей семьи, являлось синонимом понятия «благородный». Французское слово *gentilhomme*, от которого произошло слово *джентльмен*, означает «человек доброго рода», «благородный». Это слово пришло в Британию вместе с Вильгельмом Завоевателем, покорившим Британские острова в 1066 г. и раздавшим захваченные земли своим феодалам. Средневековые бароны, засевшие в неприступных замках, побаивались собствен-

ного воинства и всячески его ублажали, наиболее буйных и ретивых посвящали в рыцари, то есть жаловали им дворянство. Закреплял дворянство фамильный герб, который можно было получить на рыцарском турнире. Однажды нанесенный на щит герб становился фамильным и наследовался. Само рыцарство по наследству не передавалось, но, согласно английскому закону майората, старшие сыновья становились «сквайрами» или «эсквайрами», то есть нетитулованными дворянами. Остальные сыновья – не сквайры, но с гербами, стали именоваться «джентльменами», отпрысками благородных родов. Джентльмены составляли отдельную социальную прослойку и имели право носить меч.

В XII в. слово *джентльмен* обозначало человека, который не трудится руками. В «Британской энциклопедии» (1400 г.) слово *джентльмен* означало то же, что и «благородный» и не связывалось с принадлежностью к определенной группе. Приблизительно в 1414 г. в судебных регистрах *джентльмен* начинает означать определенную категорию – младших сыновей, лишенных наследства в силу обычая единонаследия.

В XIV в. в Англии *джентльменом* стали называть ту часть джентри, которая имела право носить герб, но не имела титула. В источниках той эпохи мы находим определение *джентльмена* – это тот, кто не зарабатывает себе на жизнь руками, или тот, кто руками не работает.

В XVIII в. появляются теории «джентльменства», которые пытаются дать этическое наполнение данного понятия. Воспитанию и образованию джентльмена уделяется особое внимание.

Классический образ *джентльмена* сложился во времена правления королевы Виктории. Британский *джентльмен* – это носитель прогресса и цивилизации, безусловный лидер, способный в одиночку управлять миллионами тропических дикарей, ставящий превыше всего честь и чувство долга (сравните, например, героев романа Р. Киплинга и Дж. Конрада).

До второй мировой войны слово *джентльмен* лишается классового или морального содержания и становится просто вежливой формой обращения или упоминания о человеке. Речь не идет о красоте или силе – качествах, столь существенных для рыцаря средневековья. *Джентльмену* достаточно было иметь достойный вид. Он никаким образом не может зарабатывать себе на жизнь. Будущих *джентльменов* воспитывали вне дома, особое значение придавалось хорошим манерам.

Вторая мировая война заставила многое пересмотреть в этом образе. Упало значение ритуального элемента. На первый план выходит такой аспект, как социальная значимость: англичанина с детства приучали заниматься общественными делами, воспитывался он не при дворе, ареной его деятельности был парламент.

Джентльмен являет собой коллективную форму мужской элитарности, которая воспитывается в закрытых частных школах, например, Итон, Винчестер, Вестминстер и др. Здесь молодых людей учат умению воспитывать в себе характер и чувство локтя.

Джентльмену присуще спокойствие, уверенность в себе, отличающая человека независимого. Он владеет собой, что является важным в деле правления, поскольку *джентльмена* готовят к политическому поприщу и общественной жизни. Он правдив, но говорить правду без надобности не станет. Он доверяет другим и сам вызывает доверие. Его отличает немногословность и недоверие к слиш-

ком эмоциональным оценкам, тактичность, выполнение взятых на себя обязательств.

Одним из важных компонентов образа *джентльмена* является его отношение к женщине. Именно он создает культ «нежной беззащитной» женщины, которую нужно беречь и защищать от подлости и ужасов внешнего мира. Ради женщины джентльмен готов на многое, но не на все: на все он готов ради своей карьеры и ради того, чтобы угодить другому джентльмену. Однако женщина не является главным предметом забот *джентльмена*. Он обращает на нее внимание лишь когда ему необходимо жениться и составить во всех отношениях хорошую партию. Свои отношения с женщиной *джентльмен* кодифицирует в рамках законной любви, брака.

В настоящее время английский концепт *джентльмен* русифицирован и ассимилирован в русском языке и культуре. За русским эквивалентом закреплено значение концепта как воспитанного, благородного человека, строго следующего правилам поведения в обществе.

Основные черты и характеристики современного *джентльмена*, наиболее полно раскрывающие значение и внутреннюю форму, это порядочность, отличное образование, элегантность, невозмутимость и хладнокровие, хорошая физическая форма.

Таким образом, *джентльмен* – это социальный поведенческий стереотип человека, обладающего рядом положительных качеств, являющийся одним из образцов современного воспитанного, образованного и благородного мужчины, необходимость следовать которому в настоящее время встает наиболее остро, так как в современном обществе все более заметной становится тенденция к снижению культуры современной молодежи.

Барлова Ю. Е.
Ярославский государственный педагогический университет

Бедность и бедные в визуальной культуре Британии в новое время

«В этом обществе... любят благотворить, любят удивлять своим великодушием и всегда помогут несчастному - но только не бедняку: бедность здесь считается пороком... Ах! Если хотите еще более угнести того, кто и так угнетен нищетою, пошлите его в Англию: здесь... узнает он муку Тантала!...», - написал Н. М. Карамзин в своих знаменитых «Письмах русского путешественника» в 1790 г.

Британия – страна, имеющая самую долгую и, пожалуй, самую уникальную историю развития системы социальной помощи в виде пресловутого треугольника «государство – общество – бедные». Ведущая свое начало с XIII–XIV вв., в новое время эта история характеризовалась, с одной стороны, небывалым взлетом частной благотворительности и филантропии, появлением домов призрения и бесплатного медицинского обслуживания для нуждающихся, наибольшим (по сравнению с остальной Европой) объемом налоговых отчислений в пользу бедных, серией законодательных актов, регулирующих проблему бедности, возникновением организаций самопомощи. С другой стороны, это была и история печально известных работных домов, пронзительно воспетых

Ч. Диккенсом и другими классиками критического реализма как цитадели жестокости, цинизма и бесчеловечности в отношении самых слабых и уязвимых слоев населения. Наконец, это была история зарождения идей социального либерализма и тех реформ, которые в XX в. легли в основу концепции так называемого «государства всеобщего благосостояния» («Welfare State»), предусматривающего ответственность общества за уровень жизни тех людей, кто был не в состоянии обеспечить себя самостоятельно.

Динамика политики в отношении бедных, безусловно, определялась *восприятием* этой категории населения и бедности как явления. При изучении же восприятия бедности *обществом* исследователь всегда ограничен в источниках, т.к. самим бедным практически не позволяли «говорить за себя», а группа зависимых от сторонней помощи бедняков была в прямом смысле *сотворена социальной и политической элитой*, которая, по сути, определяла, кто может считаться бедным, а кто нет, посредством законов, регулировавших соответствующие учреждения и выплаты.

В этом отношении особый интерес представляют *визуальные, или изобразительные источники.* Их достоинства – это, во-первых, то, что изображения полны символов и образов, которые делают видимыми абстрактные представления эпохи, устойчивые обороты политической риторики, дискурс исследуемого периода. Во-вторых, изображения, в отличие от текстового медиатора информации, воздействуют на сознание мгновенно и на эмоциональном уровне. Это позволяет нам, в том числе, делать выводы о мировоззрении и ценностях более широкого спектра участников коммуникативного процесса, включая малограмотные, иноязычные и пр. слои населения с ограниченным уровнем восприятия письменной информации. В-третьих, визуальную культуру Англии XVIII–XIX вв. формировали не только произведения «высокого искусства», искусства для избранных, но и карикатуры, гравюры и эстампы – так называемые «popular prints», - создававшиеся «на злобу дня», рассчитанные на определенный тираж и претендовавшие на доступность широким кругам общественности.

Анализ живописных и графических произведений XVIII–XIX вв. показывает, что в Англии восприятие бедности было неоднозначным, и выявляет несколько разновидностей визуальной репрезентации бедных:

1) Бедные как объекты благотворительности, жалости, симпатии и щедрости со стороны состоятельных людей – некий фон для демонстрации моральных качеств богатого человека. Эта интерпретация присутствовала в основном в живописи, фамильных портретах (например, сэр Уильям Бичи, «Портрет детей сэра Френсиса Форда, дающих монетку нищему мальчику» (1793) – его интересно сравнить с работой датского художника У. Марштранда «Англичанин, преследуемый нищим в Риме» (1810), дающей довольно неприглядную картину «милосердия по-английски»).

2) Бедные как естественная и неотъемлемая часть толпы (нейтральные изображения, «послание» которых аудитории – лишь констатация факта наличия бедности в обществе как естественного состояния части людей). Примерами могут служить работы знаменитых карикатуристов Уильяма Хогарта или Джеймса Гиллрея, в которых толпа, включающая бедняков, - фон для изображения тех или иных злободневных событий (например, выборов).

3) Бедность как следствие и – иногда – как синоним греха, попрания общественной морали, несоответствия нормам и требованиям протестантской этики; изображения бедняков как «бездельников» и «бродяг». Эмоциональная нагрузка таких изображений, как правило, такова, что призвана вызывать неприятие, презрение, отторжение. Примеры: Луи Филипп Буатар, «Мальчик, провожающий к проституткам» (1747), Пол Сэндби, «Уличная торговка» (1760), У. Хогарт, «Переулок Джина» (1751) и другие. В эту же группу я бы включила серию изображений первой половины XIX в., посвященных низшим слоям, сумевшим улучшить свое материальное положение, но не свой интеллект и моральные качества, которые, по мнению авторов, у рожденных в бедности по определению отсутствуют. Пример – «Триумф интИлекта, или Мусорщик с семьей в XIX в.» Дж. Маркса (1820)

4) Бедные как угроза общественному порядку, а также движущая сила мятежей, войн и революций. Этот «визуальный нарратив» стал особенно популярен после 1789 г. в связи с Великой французской революцией. По эмоциональной нагрузке эти изображения можно разделить на две подгруппы. Первая по эмоциональному настрою и символике перекликается с третьей группой («бедность – синоним греха»). Пример – гравюра У. Дента «Санкюлоты, кормящие Европу хлебом свободы» (1793). Более ранний пример – Л. Ф. Буатар, «Месть моряков, или Стрэнд во власти мятежников» (1749). Вторая подгруппа изображает бедных как жертв упомянутых катаклизмов, причем бедность, нищета здесь не изначальное состояние персонажей, а следствие. Пример – серия карикатур Дж. Гиллрея «Карьера Джона Булля» (1793), «Властная бдительность» У. Дента (1790), и др.

5) Бедные как «трудящаяся беднота» («Labouring Poor»), работники, производственный ресурс. Эта тема напрямую связана с последствиями промышленной революции и в основном развивается в живописи и графике со второй трети XIX в., когда обострились проблемы, связанные с безработицей, отсутствием трудового законодательства, плохими условиями труда и т.п. Показательно, что если в политической и общественной мысли Англии того периода преобладала (и возобладала!) позиция, которую отстаивали Т. Мальтус и Дж. Бентам и которая сводилась к тому, что бедные сами виноваты в своих плохих жизненных условиях, что нельзя улучшать условия их работы (например, компенсируя им минимальную заработную плату за счет налогов), что необходимо лишь давать им стимулы к самопомощи, - то в визуальной культуре эти идеи не прослеживаются вообще, а после утверждения системы работных домов появляются живописные работы (не карикатуры!), изображающие тяготы и ужасы существования работающих бедняков. Пример – Генри Уоллис, «Рабочий каменоломни» (1857).

Таким образом, визуальные источники представляют собой особую, не зависимую от письменных документов группу свидетельств восприятия и репрезентации темы бедности и бедных в общественном дискурсе нового времени. Их анализ вскрывает противоречия, свойственные стереотипам, ценностям, мнениям, обитавшим в английском коммуникативном пространстве той эпохи и многом определявшим сложную динамику становления основных направлений и элементов социальной политики в Англии.

Будюкин Д. А.
Липецкий государственный технический университет

Коровы графа Феррерса: конструирование легенды

В Британии с древних времен обитают стада одичавшего крупного рогатого скота, известные как дикие белые коровы. Как следует из их названия, они белого цвета; их уши и морда могут быть красными или черными. До наших дней в Англии сохранились два основных таких стада, не считая еще нескольких небольших. Они содержатся в диком состоянии в лесопарках, находящихся в имениях лордов — в Чиллингеме графа Танкервилля в Нортумберленде и в Чартли графа Феррерса в Стаффордшире. Во всех стадах периодически, иногда довольно часто, рождаются черные телята. При этом с коровами графа Феррерса связана широко известная старинная легенда: считается, что рождение черного теленка в стаде коров Чартли предвещает несчастье в семье владельца имения. Выяснение причин возникновения этой легенды представляет немалый интерес, тем более, что с другими стадами белых коров подобных легенд не связано.

Предварительное рассмотрение различий между стадами заставляет обратить внимание на некоторые детали. Наиболее известным является стадо Чиллингема, так что все белые коровы Британии иногда называются чиллингемскими. Чиллингем — главная резиденция графа Танкервилля, в то время как главная резиденция графа Феррерса — не Чартли, а Стаунтон-Гарольд в Дербишире. Существуют определенные различия и в экстерьере животных, а именно в форме рогов и в цвете ушей. У коров Чиллингема красные уши, а у коров Чартли — черные. Эти сведения могут представлять интерес, однако сами по себе не могут оказать серьезную помощь в изучении механизма формирования легенды.

Символическому значению белых коров, сформировавшемуся в британском общественном сознании начиная со второй половины XVIII в., посвящена прекрасная статья Харриет Ритво «Race, Breed, and Myths of Origin: Chillingham Cattle as Ancient Britons» (Representations, № 39, 1992). Исследуя формирование мифа о том, что белые коровы — непосредственные потомки древних британских диких быков – туров, что они всегда были дикими, сохранились в этом первозданном состоянии и генетически не связаны с обычным домашним скотом, автор приходит к выводу о том, что эти представления возникли и стали устойчивыми постольку, поскольку символизировали аборигенность, древность рода и могущество их аристократических владельцев и, опосредованно, величие и славу всего британского народа.

Недавняя статья Джессики Хемминг «Bos Primigenius in Britain: or, Why Do Fairy Cows Have Red Ears?» (Folklore, Vol. 113, № 1, 2002) показывает связь чиллингемских коров с кельтскими мифологическими представлениями о том, что для животных белая окраска и красные уши являются маркером принадлежности к миру фейри. Автор здесь делает вывод, что чиллингемские коровы явились результатом длительного и сложного процесса селекции и разведения, и в силу своей редкости, особой окраски и лиминального, промежуточного между диким и домашним статуса получили сакральные ассоциации, особенно в Ирландии, где о них знали лишь по рассказам. При этом она отмечает, что эти животные по-

прежнему сохраняют волшебную, таинственную ауру, которая активно используется их владельцами.

Статья Хемминг целиком посвящена красноухим коровам Чиллингема, поэтому упоминаний о легенде Чартли в ней нет. Всего одно упоминание легенды о коровах Чартли имеется в статье Ритво. Автор со ссылкой на статью конца XIX в. пишет: «в Чартли... убийство черных телят связано с древней легендой о том, что каждое такое рождение предвещает смерть во владельческом семействе Феррерсов».

Но действительно ли древняя эта легенда? Сама Ритво отмечает, что до второй половины XVIII в. белые коровы Британии привлекали к себе мало внимания, и упоминания о них в источниках того времени немногочисленны и малоинформативны. Тем более мы не находим в них никаких сведений о легенде Чартли. Не упоминают о ней в своих описаниях Стаффордшира ни Сампсон Эрдесвик, ни Роберт Плот. Наполненная многочисленными трагическими событиями история графов Феррерсов из рода Ширли в первой половине XVIII в. также не вызвала никаких упоминаний о легенде. Например, казнь 4-го графа связывают с рождением черного теленка только поздние и недостоверные источники, у современников событий упоминаний об этом не выявлено.

Впервые в книжном издании легенда была изложена в работе Уолтера Денди «The Philosophy of Mystery» (1841 г.), а незадолго до этого, вероятно, излагалась в местной печати Стаффордшира. Денди утверждает, что рождение черного теленка предвещало поражение графа Дерби из рода Феррерсов в битве при Бертон-Бридже в правление Генриха III, после чего граф лишился титула и большей части владений. В дальнейшем автор связывает легенду с несколькими смертями в семействе графов Феррерсов в 1830-е гг., каждая из которых была ознаменована рождением черного теленка. Все последующие изложения легенды о черных телятах повторяют текст Денди, иногда с сокращениями или добавлением несущественных подробностей. Ни одного факта, связанного с предзнаменованием, сбывшимся после 1840 г., не отмечается никем из авторов. Поэтому, хотя у нас и нет оснований безусловно отвергать фольклорные истоки легенды, ее широкое распространение, очевидно, относится к середине XIX в. и связано с работами Денди и последующих авторов, которые заимствовали его текст.

Исходя из имеющейся информации, мы можем сделать предварительные выводы о причинах формирования легенды. Обращение к генеалогии графов Феррерсов показывает, что за период между 1824 и 1835 гг. умерли 7-й граф Феррерс, два наследника этого титула — старшие сыновья 7-го и 8-го графов, обе графини Феррерс и две дочери 8-го графа. Вероятно, эти семь смертей за десять лет в значительной мере совпали с рождениями черных телят. За предшествующий период смертей в семействе было значительно меньше, поскольку 3-й, 4-й и 5-й графы потомства не оставили. Никаких оснований предполагать столь резкие изменения частоты рождения черных телят в Чартли у нас нет. Возможно, с возникновением легенды связано и то обстоятельство, что графы Феррерсы жили в Чартли изредка и недолго, так что рождение теленка и смерть в семье графа не совпадали по месту.

В 1831 г. вышел роман Джеймса Далтона «Chartley the Fatalist». Чартли здесь — имя главного героя, и никакого отношения к легенде о коровах и вообще к графам Феррерсам романтический сюжет этой книги не имеет. Тем не менее и

эта книга внесла свой вклад в формирование легенды. Уже в 1861 г. Хорас Уэлби в книге «Mysteries of Life, Death and Futurity», а за ним еще несколько авторов утверждают, что сюжет легенды был «впечатляюще обработан в романтической истории, названной "Chartley; or the Fatalist" (sic!)».

В дальнейшем легенда начинает нередко упоминаться и в научных текстах, касающихся коров Чартли. Например, без подробного ее изложения не обошлось в фундаментальном труде Дж. Сторера «The Wild White Cattle of Britain» (1879 г.). В 1896 г. вышла статья известного фольклориста Шарлотты Берн «Staffordshire Folk and Their Lore» (Folklore, Vol. 7, № 4). К сожалению, подробно рассмотрев фольклорные представления жителей Стаффордшира, она, как сама пишет, смогла «лишь только упомянуть... черного теленка, иногда появляющегося среди диких белых коров Чартли-парка, чье рождение предвещает смерть в семействе Феррерсов». После этого количество подробных изложений легенды Феррерсов, опирающихся все на тот же первоначальный текст, и простых упоминаний о ней уже не поддается исчислению. Легенда не только излагается в многочисленных книгах о паранормальных явлениях, по крайней мере одна из которых — книга Дж. Мичелла и Р. Рикарда «Феномены книги чудес» — вышла в русском переводе уже в 1988 г., но и упоминается в большинстве научных текстов о коровах Чартли.

Итак, легенда о черных телятах Чартли стала частью мифологического комплекса, сложившегося вокруг белых коров Британии. Она сформировалась и стала актуальной одновременно с другими компонентами этого мифа, в итоге оказавшись самым устойчивым из этих компонентов. Действительно, если псевдонаучные утверждения легко поддаются научному опровержению, то легенда, приобретая ореол древности и тайны, становится частью традиции и в итоге некритически принимается как данность даже в научном дискурсе.

Гавристова Т. М.
Ярославский государственный университет

Африканский Лондон: вехи интеллектуальной и культурной истории

Лондон – образец конформизма и космополитизма – всегда обладал особой притягательной силой для африканцев. При Генрихе VII и Генрихе VIII в нем проживало немало чернокожих музыкантов. Все барабанщики в составе королевских стрелков были чернокожими.

В последней трети XVIII в. численность чернокожей общины достигла 20 тысяч человек. В Лондоне вышли в свет первые из известных историко-философских и литературных трактатов, написанных африканцами. В них впервые были сформулированы идеи расовой солидарности и самосознания, а их авторы: О. Эквиано, О. Кугуано и другие - сыграли роль предтечей по отношению к негритюду, панафриканизму и афроцентризму.

Африканцы играли на сцене лондонских театров. На 1890 г. пришелся пик популярности африканской инструментальной музыки. С. Тэйлор соединил африканские мотивы с классической музыкальной традицией. В XX-XXI вв. Лондон стал местом проведения панафриканских конгрессов и сезонов африканской куль-

туры. Здесь возник африканский авангард и мода на африканскую живопись. В Лондон африканцы ехали учиться и работать. Здесь находили пристанище либералы и радикалы, ссыльные и изгнанники.

В середине XX века африканская молодежь знала Лондон по рассказам отцов. Англоманы выписывали из Лондона журналы, газеты, книги, пластинки. Африканцы черпали знания из произведений В. Шекспира, Ч. Диккенса, В. Теккерея, Д. Остин. Лондон был синонимом слова цивилизация и олицетворял власть и могущество англичан, символ содружества наций.

В этих условиях формировались «сердитые молодые люди»: африканские интеллектуалы, чье детство пришлось на годы Второй мировой войны, а взросление - на послевоенный период. Они противопоставляли конформизму «отцов» жесткий радикализм сторонников независимости. К моменту обретения независимости они были молоды, не участвовали в освободительной борьбе, «опоздав» к моменту «раздачи портфелей». Жизнь в Лондоне превратила их в конформистов и космополитов, хотя в большинстве своем они смогли реализовать себя. В. Шойинка раскрылся как театральный деятель: актер, режиссер, драматург, поэт и публицист. Успех пришел к скульптору Б. Энвонву и многим другим африканцам. На рубеже XX-XXI вв. чернокожие ученые, врачи, адвокаты, актеры, художники, писатели стали частью лондонского истеблишмента.

В начале 60-х гг. в Лондоне был открыт Африканский центр. В его помещениях проходили фестивали фильмов, книжные ярмарки, выставки, показы мод, концерты, съезды этно-региональных объединений, дни африканской кухни. Учебные и просветительские программы центра были рассчитаны на знакомство с историей и культурой континента и диаспоры и формально предназначались для всех интересующихся. Фактически они проводились для африканцев, никогда не видевших Африки. В Африканском центре афро-британская аудитория внимала слову Ч. Ачебе, Нгуги Ва Тхионг'о, Б. Окри, Н. Фары, Чинвейзу, В. Шойинки, Б. Эмечеты - представителей литературной эмиграции. Временами здесь собирали писателей, читателей, издателей, ученых, критиков, профессоров и студентов, специализирующихся на изучении африканской литературы, чтобы поговорить о ней, и, это было величайшей привилегий Лондона.

Более полутора веков Лондон являлся местом изысканий в области музыки. В настоящее время здесь представлены практически все направления африканской музыкальной культуры.

Наиболее колоритной фигурой в англофонной музыке стал нигериец Ф. А. Кути. В начале 60-х гг. он оказался на вершине лондонского музыкального Олимпа. Репутация агрессивного, сексуального музыканта, мастера импровизации и эпатажа, способствовала взлету его карьеры. В кругу специалистов он считался гениальным композитором и исполнителем, родоначальником стиля афробит.

Имя Тедди Осея (Гана), руководителя группы «Осибиса», не менее известно публике. С 1962 г. он постоянно жил в Лондоне. Его композиции вызывали интерес и звучали в университетских гостиных. Они отличались мелодичностью и энергетикой и служат удачным примером смешения стилей (джаза, рока, диско).

Культурная жизнь Лондона многообразна. В 1990 г. в Лондоне прошла первая художественная ярмарка. В ней участвовали художники континента и диаспоры. В 1995 г. Лондон впервые стал местом проведения «африканского сезона», организованного под патронажем Королевской академии искусств. Его орга-

низатор и устроитель, член Королевской академии художеств, художник и собиратель африканского искусства Т. Филлипс сделал ставку на синкретизм африканской культуры, предложив соединить во времени ряд мероприятий, направленных на пропаганду современного изобразительного искусства, музыки, театра, литературы, кино. Сезон открылся презентацией выставки «Африка: искусство континента» в зале Королевской академии искусств. Программа сезона включала выставки, концерты, театральные представления, демонстрацию документальных и художественных фильмов, конференции, встречи с писателями, художниками, актерами. Демонстрация достижений в области изобразительного искусства продолжалась в течение трех месяцев.

В последней трети XX в. в Лондоне сформировалась большая колония художников. Африканцы: Эдди Чемберс, Соня Бойс, Кейт Пайпер - трудились в жанре «ностальгического реализма». Они ощущали себя лондонцами, хотя нередко воспринимали Лондон в черно-белых тонах.

Пребывание в Лондоне диктовало новые темы. Новые реалии способствовали рождению новых образов. Символами новой жизни стали самолеты, компьютеры, мобильные телефоны. Африканец с книгой вытеснил с полотен художников африканца с велосипедом. На смену Богу в маске пришел Бог с транзистором. Чернокожие манекены в одеждах Викторианской эпохи, космонавты в скафандрах из ткани с традиционным орнаментом йоруба заняли достойное место в галереях. Их автор, ироничный «лондонский денди» Й. Шонибаре, эрудит и эстет, стал «звездой» современного постановочного искусства.

Интеллектуальное воздействие Лондона на африканцев происходило через восприятие языка, культуры, образа жизни. Интеллектуалы выступали в роли носителей особой миссии. Их целью была пропаганда африканской культуры. Конформизм англичан способствовал восприятию ее составляющих на самом широком уровне, что привело к превращению Лондона в культурную столицу «африканского зарубежья».

Загриева О. Е.
Вятский государственный гуманитарный университет

Социокультурные аспекты раннего английского сентиментализма

Генезис сентиментализма как нового художественного направления в европейских литературах был связан с упадком героического и интересом к «частному», приватному в жизни человека, с приданием этому «частному» статуса особой ценности. Причиной изменения трагической концепции долгое время считалось увеличение после «славной революции» 1788–1789 гг. количества представителей «среднего» сословия в зрительном зале английских театров, чьи вкусы якобы и вынуждали авторов вносить соответствующие коррективы в идейное содержание пьес. Сегодня данная точка зрения представляется ограниченной и устарелой, неправомерно игнорирующей другие важные факторы становления сентиментализма, в частности, влияние идей так называемой «сентиментальной» этики. Они широко распространились на рубеже XVII–XVIII вв. и впоследствии развились в настоящий культ чувства и чувствительности.

Предпосылки сентиментализма можно обнаружить в английской драматургии последней четверти XVII в. Н. Ли, Т. Отвей, Дж. Бэнкс, Т. Саутерн концентрировали внимание зрителя не на действии, а на переживаниях персонажей, апеллируя преимущественно к чувству жалости зрителя. В их пьесах прославлялись кротость, эмоциональная отзывчивость и невинность протагонистов, а действие часто переносилось в обыденную среду. Ощущение безысходности от неразрешимости конфликта утрачивалось, ожидаемым эмоциональным откликом стали не столько страх и сострадание, сколько слезы зрителя.

Среди причин усиления эмоционального начала пьес и рождения новой теории трагедии было изменение взгляда на проблему психологии зрительского восприятия. С удовольствием, которое трагедия доставляла зрителю, тесно связывались ее этические функции. Необходимость исследовать вопрос о природе трагического удовольствия диктовалась стремлением повысить дидактический потенциал жанра.

Акцент на этическом содержании произведения делал Т. Раймер, утверждавший, что ничто не может быть более поучительным и приятным, чем созерцание торжества божественной справедливости. Дж. Аддисон признавал наслаждение эстетической стороной произведения – искусным построением интриги, выверенной композицией и языковой гармонией – одним из важных источников трагического удовольствия. По мнению Дж. Денниса, Ч. Гилдона, Э. Юнга, испытавших влияние картезианской психологии, страх и сострадание, ощущаемые зрителем при созерцании трагических событий на сцене, ослабляясь и гармонизируясь сознанием нереальности происходящего, преобразовывались в эстетическое удовольствие. Этические идеи Гоббса нашли выражение в концепциях Дж. Денниса, Дж. Аддисона, Дж. Трэппа, которые связывали получаемое зрителем удовольствие с сознанием им собственной безопасности при сравнении своего благополучного положения с состоянием страдающего трагического героя.

Все эти теории опирались на интеллектуальную сторону зрительского восприятия. Невозможно без участия рассудка оценить справедливость божественного Провидения и драматургическое мастерство автора, так же как и сравнить свое относительное благополучие с несчастной судьбой героев трагедии. В другом случае рассудок должен был постоянно напоминать человеку об отсутствии реальной угрозы, контролируя степень его эмоционального возбуждения. Удовольствие рассматривалось как результат мысленного созерцания возникающих эмоций, их рационалистического анализа.

В то же время трагическое удовольствие было поставлено в прямую зависимость от силы воздействия пьесы на эмоциональную сферу зрителя. Более сильное эмоциональное возбуждение должно было доставить зрителю большее удовольствие, коль скоро имитация трагического действия никогда не сможет воздействовать на его чувства настолько сильно, чтобы причинить реальную боль. Чем несчастнее трагический герой, тем большее удовлетворение давало зрителю ощущение собственной свободы от страданий. Эти теории требовали от автора пьесы не столько художественного мастерства и следования декоруму, сколько умения создать и правильно расположить эмоционально насыщенные эпизоды.

Когда дидактический потенциал трагедии был поставлен в прямую зависимость от интенсивности чувств сострадания и жалости, которые испытывал зритель, поиск способов повысить его заинтересованность и живое участие пре-

вратился в первостепенную задачу драматурга. Круг интимных, семейных проблем позволял авторам обращаться непосредственно к чувствам аудитории, поэтому конфликт часто ограничивался рамками личностных взаимоотношений персонажей. Трагический герой постепенно лишался подобающего ему величия и исключительности, напоминая зрителю его самого, а стиль трагедий освобождался от излишней орнаментальности. Ощущение большей достоверности достигалось путем обращения за сюжетами к эпизодам из национальной истории.

Уклон в сентиментальную патетику с акцентированным мелодраматизмом, начавшийся в жанре трагедии в конце XVII в., еще более усугубился, когда к объяснению природы трагического удовольствия была привлечена выдвинутая английскими богословами-латитудинариями теория о врожденной склонности человека к добру и о благожелательной симпатии, объединяющей людей. Ее приверженцы (Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Э. Берк, А. Смит и др.) были убеждены, что акт сострадания был приятен сам по себе, поскольку он удовлетворял природную потребность человека в проявлении врожденного морального чувства благожелательности. В объяснении природы трагического удовольствия они полностью перенесли акцент с сознательной, рассудочной деятельности человека на его интуитивный эмоциональный отклик на изображаемые события, полагаясь исключительно на чувства сострадания и жалости. Они же выдвинули тезис о том, что целью трагедии должно быть воспитание чувствительности – особой восприимчивости к страданиям других, – ведь это качество человеческой личности стало восприниматься обществом как показатель ее нравственности. Дабы усилить трогательность пьес драматурги прибегали к образу положительного героя-жертвы, обреченного на страдания из-за несчастливого стечения обстоятельств. Акцент часто переносился с героя на беззащитную героиню, покорно терпящую удары жестокой судьбы. Обильное использование сентиментально-мелодраматической фразеологии, описывающей горестные переживания персонажей, было призвано закрепить достигнутый эмоциональный эффект. Необходимость понижения социального статуса персонажей с целью «приблизить» их к среднему зрителю, так же как и изображение героев в обстоятельствах повседневной жизни получили дополнительное обоснование.

В процессе дальнейшей трансформации теории трагедии второй компонент аристотелевой формулы этого жанра – страх – оказался «лишним». По мнению ряда теоретиков драматургии середины XVIII в., страх не только не доставлял наслаждения, но мог значительно ослабить удовольствие, которое давала жалость. Они выступали против включения в трагедию сцен, вызывающих страх. В конце концов было признано существование двух разных видов трагедии – «патетической (жалостной)», которая воздействовала на эмоции и рисовала картины добродетели и порока, и «моральной», пробуждавшей в зрителе сострадание и страх. Иными словами, речь шла о двух художественных концепциях мира и человека, каждой из которых соответствовала своя теория трагедии.

Таким образом, в генезисе сентиментализма как качественно нового творческого метода литературы XVIII в. далеко не последняя роль принадлежит драматургии. Усилившееся в период раннего Просвещения внимание к дидактической направленности художественного творчества побудило драматургов искать новые способы воспитания человека. Обращение к его эмоциям и чувствам, прежде всего к чувствам сострадания и жалости, представлялось перспективным в

свете идей набиравшей популярность «сентиментальной» этики, что в итоге способствовало рождению сентименталистской теории драмы.

Зобнина Н. С.
Вятский государственный гуманитарный университет

Понятия «комическое», «остроумие» и «юмор» в цикле эссе Уильяма Хэзлитта «Лекции об английских комических писателях» (1819 г.)

Период 10 – 20 гг. XIX в. является зрелым периодом творчества Уильяма Хэзлитта. В эти годы он выступает прежде всего как литературный критик и историк литературы. Свои историко-литературные труды Хэзлитт, прежде чем издать, излагал в виде публичных лекций, которые вызывали огромный общественный интерес, собирая большое число слушателей. В изданном виде сборники этих лекций представляли собой циклы эссе, посвященные различным писателям и поэтам. Именно в эти годы был создан цикл эссе «Лекции об английских комических писателях», целиком посвященный истории английской юмористической литературы.

В основе критического анализа произведений лежит своеобразная эстетическая концепция Хэзлитта, ключевые понятия которой («смех», «комическое», «юмор», «остроумие») рассматриваются в первом, вводном эссе «Об остроумии и юморе». Эссе содержит основные теоретические положения, на которые опирается Хэзлитт при разборе конкретных произведений. Цель данной работы – проанализировать основные теоретические идеи Хэзлитта, связанные с пониманием эстетических категорий «комическое», «остроумие», «юмор».

Эссе открывается рассуждениями Хэзлитта о природе человеческих эмоций. Критик подчеркивает, что эмоциональная сфера необычайно важна для человека, так как именно способность эмоционально воспринимать действительность отличает человека от животных (постулат, типичный для английского сентиментализма и романтизма): «Человек – единственное животное, которое смеется и плачет». Однако дальнейшие рассуждения об эмоциональной сфере идут с материалистических позиций. Хэзлитт подчеркивает, что смех и слезы являются «естественным и непроизвольным ресурсом сознания», реакцией человека на воздействие внешней среды (в том числе социальной), и выбор определенной реакции зависит от силы раздражителя.

Серьезное является следствием типичной реакции человека на закономерный и обычный ход событий. Если вследствие воздействия происходит интенсивное напряжение чувств, внутренний конфликт добра и зла, то возникает патетика и трагизм. Комизм, наоборот, появляется вследствие ослабления психического напряжения, вызванного нетипичным ходом событий, застающим человеческий разум врасплох. Хэзлитт также подчеркивает защитную функцию смеха, который необходим для поддержания психического равновесия личности.

В основе комического, по мнению Хэзлитта, всегда лежит несоответствие, и, в зависимости от глубины этого несоответствия, критик выделяет три формы комического: забавное, смехотворное и смешное.

Забавное является самым мелким и недолгим видом комического. Здесь смех вызывает сама последовательность событий, не соответствующая нашим ожиданиям. Смехотворное возникает там, где есть противоречия между объектом и ожиданиями субъекта и связано с нелепостью характера. Высшая форма комического – смешное - обнаруживает противоречия в причинах и смысле событий. Здесь смех соседствует с презрением и осуждением, смешное – с серьезным. Как правило, главная сфера проявления смешного – сатира.

В своем эссе Хэзлитт противопоставляет понятия «остроумие» и «юмор», опираясь на свою концепцию воображения. Под юмором критик понимает просто описание комического, «имитацию естественной или приобретенной нелепости человечества». Остроумие представляет собой воссоздание комического через призму авторского воображения. Автор не просто изображает смешную ситуацию, он выражает свое к ней отношение, сравнивая или противопоставляя ее чему-то другому. Остроумие усиливает и иллюстрирует смысл жизненной нелепости с помощью ассоциаций, некоторым внезапным сходством или противоречием. Остроумие, по мнению Хэзлитта, сильнее воздействует на читателя, чем юмор, поэтому является более значимым (так же как и в концепции воображения более значимым является не простое подражание природе, а преобразование и идеализация действительности с помощью воображения).

С данных эстетических позиций Хэзлитт анализирует в последующих эссе развитие английской юмористической литературы от Шекспира до современных критику писателей. Его исследование отличается глубиной восприятия произведений, широким анализом историко-культурного контекста, вниманием к бытовым деталям и историческим реалиям эпохи. Эта книга оказала значительное влияние на развитие английской литературной критики. В частности, можно отметить тот факт, что Теккерей, собираясь работать над лекцией об английских юмористах XVIII в., в первую очередь послал за томиком Хэзлитта. Своеобразная эстетическая концепция Хэзлитта, в которой тесно переплетаются материалистические идеи французского Просвещения и идеалистические концепции Романтизма, является ведущим стержнем, вокруг которого объединяются в цикл разрозненные эссе, посвященные разным авторам и эпохам.

Игина Ю. Ф.
Санкт-Петербургский государственный университет

Медицина против демонологии: дискуссии вокруг одержимости дьяволом и практик экзорсизма

Демоническая одержимость – явление не новое для Средневековья и известное в Европе еще с античности. Однако античные авторы понимали под ней особого рода болезнь, не имеющую никакого отношения к сверхъестественным силам. Свое название и этиологию болезнь впервые в истории медицины получила от Гиппократа, назвавшего ее истерией и считавшего ее болезнью матки (с греч. hystera - матка), свойственной по этой причине лишь женщинам. Заложенное Гиппократом понимание истерии как болезни, связанной с особенностями женской физиологии было воспринято последующими поколениями античных

медиков - Цельсием, Аретеем, Соранусом из Эфеса и Галеном, став преобладающим для античной медицины.

Однако в средневековый период светская медицина переживала период стагнации и в том, что касается истерии, не стала преемницей античной медицины вовсе. В то же время, клир монополизировал сферу излечения людей и доминирующей этиологией истерии, как собственно и всех душевных болезней, стали теологические объяснения, впервые сформулированные Августином Блаженным. Он считал, что причиной истерии являются злые духи – демоны, способные вселяться в тела людей, а потому эта болезнь имеет сверхъестественное происхождение. В связи с этим, излечение ее возможно только с помощью божественной силы, чудесами святых, постом, молитвами и экзорсизмом. Таким образом, теология объяснила истерию самостоятельным вмешательством демонов и приписала ей сверхъестественное происхождение. Так, истерия – болезнь, известная с античности, перекочевала из рук медиков в домен христианской церкви.

В период «охоты на ведьм» понимание демонической одержимости обрастает новым смыслом. Теперь ее происхождение перестают связывать с самостоятельно действующими злыми духами или демонами, а приписывают самому дьяволу и его агентам – ведьмам, которые считаются способными сделать людей одержимыми, вселяя в них дьявола. Одержимые стали восприниматься, таким образом, жертвами вредоносного колдовства ведьм, служащих проводниками между миром людей и миром дьявола. Именно благодаря идее ведовства, ведьмы стали той самой точкой, на которой соприкоснулись представления о способности дьявола и демонов проникать в тела людей с представлениями о дьяволе, как источнике особой вредоносной силы. Таким путем истерия как демоническая одержимость проникла в феномен ведовства и «охоты на ведьм», и, обогатив его содержание, стала составной и значительной частью этого явления.

В Англии начало дискуссии датируется 1550-ми гг., когда экзорсизм в качестве идолопоклоннической церемонии, не имеющей одобрения в Библии, был вычеркнут реформаторами из списка англиканских церковных ритуалов, однако расцвет дискуссий об одержимости и экзорсистских практик приходится на 1580-1590 гг. Запрещение спровоцировало иезуитских миссионеров, начавших проникать в Англию после 1580 г., на использование экзорсизма в качестве средства пропаганды католической веры. Вскоре монополию католических миссионеров на проведение экзорсизма разрушили пуританские священники, взявшие идею об изгнании дьявола на вооружение в целях пропаганды своего собственного учения. В результате экзорсистский «бум», большую роль в котором сыграл священник Джон Даррелл, вызвал общественный резонанс и обратил на себя внимание церкви. После длительных «памфлетных войн» между сторонниками и противниками Джона Даррела церковь наложила запрет на проведение практик экзорсизма без специального разрешения епископа.

Совершенно очевидно, что в тот период актуальности идеи одержимости способствовала ситуация религиозного противоборства между различными течениями внутри христианской церкви. Также ясно, что общественный интерес к этой теме стимулировался как этим противоборством, так и неожиданно ставшим актуальным после принятия государством антиведовского статута 1563 г. вопросом ведьм и необходимости «охоты» на них, поднимавшимся и подробно обсуждавшимся в памфлетной литературе тех лет. Однако острота религиозного вопро-

са и ведьмомания той эпохи были не единственными факторами, определившими развитие идеи одержимости в Англии. Уже к концу XV в. все более очевидным стал кризис замкнутой системы средневековой медицины. Этот процесс шел параллельно с развитием светских наук и светской культуры, и на этом фоне медики начали наступление против засилья церковных идей в медицинской сфере. Начиная с эпохи Ренессанса, врачи постепенно заняли следующую позицию: все болезни, как духовные, так и телесные, основаны на естественных изменениях организма, а потому должны относиться скорее к сфере медицины, чем к сфере религии. Так Парацельс в Швейцарии, И. Вейер в Нидерландах, Паре во Франции и другие врачи вместе с ними вернулись к позиции Гиппократа, отрицавшего какое-либо сверхъестественное влияние на человеческий организм. В силу этого одержимость стала тем краеугольным камнем, на котором острее всего столкнулись натуральная медицина и теология.

Суть позиции медиков по этому вопросу сводилась к тому, что они настаивали на естественном характере одержимости, считая ее тем, что античные врачи называли истерией, и, следовательно, относили ее диагностику и лечение к сфере натуральной медицины. Адептом этой идеи в английской медицинской мысли стал известный врач Эдуард Джорден (1569-1632 гг.). Он посвятил этому вопросу небольшой трактат под названием «Краткое рассуждение о болезни, названной «удушьем матки», в котором подробно изложил свой взгляд на природу и лечение одержимости, предлагая рациональный подход к решению проблемы этиологии болезней, считавшихся имеющими сверхъестественное происхождение. Понимание одержимости истерии затем было воспринято последующими поколениями английских медиков, среди которых У. Гарви, Т. Уиллис, Т. Сайденэм и другие. Оно постепенно прочно прижилось не только в Англии, но стало определяющим и для общеевропейской медицины. Благодаря усилиям медиков, так долго озадачивавшее средневековых людей явление было возвращено в домен медицины и получило новое осмысление в зарождающейся неврологии. Таким образом, результатом противостояния медицины и теологии была победа медиков и утверждение концепции истерии.

Возвращение к концепции истерии оказало существенное влияние на изменение восприятия ведовства в целом, и, в результате, на прекращение «охоты на ведьм» в Англии. Идея о естественном характере одержимости-истерии, переводила жертв колдовства - одержимых - из разряда «сверхъестественно больных», или околдованных, в разряд непростых, но при этом «естественно больных», нуждающихся в особом медицинском уходе, а не в известном церковном ритуале. Кроме того, согласно этой идее, ведьмы автоматически лишались своей силы насылать демонов на людей, и, следовательно, с них снималась вина за «странные» припадки и болезни, которые приписывались их власти. Однако изменение в восприятии ведовства шло медленно, хотя и неуклонно. Первым результатом стало официальное церковное запрещение проведения обряда экзорсизма без соответствующего разрешения епископа и врачебного освидетельствования, закрепленное в каноне 1604 г. Этот запрет неоднократно нарушался, о чем свидетельствуют как известные историкам факты проведения несанкционированных обрядов после 1604 г., так и то обстоятельство, что дискуссия вокруг одержимости регулярно возобновлялась. Однако уже к концу 1620-х гг. можно наблюдать сокращение не только экзорсистских практик, но и, главное, ведовских судов. Вполне вероятно,

что сокращение судов было прямым результатом деятельности Джордена. Его позиция привлекла короля Якова I, чьи взгляды относительно ведовства сменились на прямо противоположные как раз в тот самый период. Любопытно также, что в 20-30 гг. XVII в. наблюдается пауза в издании антиведовских памфлетов, зафиксированная историками, что свидетельствует об исчезновении интереса к теме ведовства со стороны широкой публики. Вполне вероятно, что это - прямой результат дискуссии вокруг одержимости и вызвавших ее громких случаев разоблачения лже-экзорсизмов, ставших широко известными. Считается, что эти факторы способствовали нарастанию скептицизма вокруг темы ведовства и снижению интереса к ней как со стороны ученых кругов, так и со стороны обывателей. В результате тема ведовства исчезла на два десятка лет со страниц популярных изданий и вернулась на новом этапе благодаря другим обстоятельствам, уже только в период гражданских войн.

Каракина А. А.
Арзамасский государственный педагогический институт

Образ Англии в русской литературе

В системе сравнительного литературоведения, области взаимодействия литератур, особое место занимает восприятие «чужих» стран, их литератур и культур своей национальной литературой. В общемировом диалоге культур велика роль комплиментарного образа «чужой» страны. Решению этой проблемы призвана служить имагология – наука, в задачу которой входит изучение образа, его составляющих и формирующих факторов.

Учитывая все аспекты восприятия русскими писателями Запада, можно говорить о русской литературной субъективизации образа Запада, поскольку в литературном произведении образ никогда не может быть подлинно объективным, ибо в нем всегда присутствует авторское видение.

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина представляют собой классический тревелог, особенностью которого является сочетание путевых очерков с отступлениями лирического, философского, политического и социального характера. «Письма русского путешественника» очень информативны. В них представлена жизнь Германии и Швейцарии, Франции и Англии. Следуя за русским путешественником по Англии, мы знакомимся с биржей и королевским обществом, с Тауэром и Вестминстером, с судопроизводством и театром.

Весьма глубоки его наблюдения за национальным характером англичан, в коем скрыта двойная мораль, столь свойственная Западу в целом. Вся картина окружающего мира в русском тревелоге Карамзина дается сквозь призму восприятия именно русского человека, а не абстрактного гражданина мира.

Традицию Н. М. Карамзина продолжил И. А. Гончаров. Его «Фрегат Паллада» (1855) - замечательный пример документальной беллетристики. Примечательно, что И. А. Гончаров, как и Н. М. Карамзин, характеризуя англичан, обращает внимание на двойной стандарт их поведения и образа жизни. С одной стороны, Гончаров восхищается организованностью англичан, например, их трепетному и уважительному отношению к письмам. Писатель не может не признать,

что именно организованность, целенаправленность и специализация лежат в основе «успехов на всех путях Англии».

В постоктябрьский период значительный вклад в осмысление русской литературой национальных образов мира, в частности, Англии, внес своим творчеством И. Г. Эренбург. Он познакомил читателя со своими представлениями и видением самых различных уголков мира и их духовными ценностями.

В этом образном ряду поэтический и метафорический облик города неповторим и запоминаем. Создаваемая тем или иным автором картина Англии во многом зависела от того, какую идеологическую «веру» исповедовал автор.

В общем восприятии Англии русскими эмигрантами XIX столетия сохраняется многообразие мнений и подходов, которое было вызвано как сложностью самого рассматриваемого объекта, так и усложнением спектра русской общественной мысли.

Тогда же, когда внимание публицистики останавливалось на более сложных явлениях политического, государственного, экономического характера, общественного строя Англии, мнения часто сильно разнились, формируясь под влиянием мировоззренческих установок, которых придерживались авторы.

Карева А. В.
Российский государственный открытый технический университет путей сообщения, Рязанский филиал

Развитие межкультурного общения между Россией и странами Западной Европы (Англией, Францией, Германией) в конце XIX - начале XX в.

Рубеж XIX–XX вв. – время широкого выхода русской культуры на международную арену и усиления процесса интеграции России в европейскую и мировую культуру, а также время невероятного распространения контактов в области науки, литературы и искусства. Этому способствовали складывающаяся международная обстановка, новые тенденции мирового развития, международное положение России, внутренняя и внешняя политика царского правительства. Во внутренней политике, особенно в области культуры, царское правительство стремилось придерживаться цивилизованных норм и методов, прислушиваясь к мнению Европы. Проводимый правительством либеральный курс способствовал значительным преобразованиям в культурной жизни, не мешал творческим начинаниям. Во многом это объяснялось тем, что правящая элита России, воспитанная в западном духе, избегала чересчур жестких мер, опасаясь осуждений цивилизованного мира.

В этой связи необходимо обратиться к вопросу, имеющему давнюю историю, – к вопросу взаимоотношений России и Запада. Без него невозможно понять суть и значение межкультурного общения и взаимодействия культур, особенно на рубеже XIX–XX вв. В богатейшем наследии того времени явно прослеживается давний конфликт славянофильской и западнической тенденций. Но культура этой эпохи смогла преодолеть извечный конфликт соперничавших установок и осуществила их сочетание, результатом чего и стал блестящий культурный феномен под названием «Серебряный век».

Все исследователи признают выдающиеся достижения русской культуры в конце XIX - начале XX в., глубокое взаимодействие и взаимопроникновение разных культур. Но все это было бы невозможно без активного и постоянного межкультурного общения, предполагавшего некоторую свободу выезда за границу. Для представителей творческой интеллигенции выезжать за границу, находиться там какое-то время было достаточно привычным делом. Это могли позволить себе многие состоятельные люди, в том числе художники, писатели, артисты, ученые. Желание духовной элиты общества выехать в Европу объяснялось рядом причин. Одной из них было стремление осознать происходящие в России изменения, в том числе в культурной жизни, оценить собственный творческий поиск. Для многих деятелей русской культуры выезд за границу становился переломным моментом в их биографии, означающим смену ценностных ориентиров и новый творческий подъем. В «серебряном веке» признание нередко находило художников и ученых именно на Западе, а не в России. Слава многих знаменитых деятелей русской культуры началась за границей.

Русская культура, приобретая черты общеевропейского характера и не теряя при этом своей национальной самобытности, активно проникала в Европу и успешно «завоевывала» ее. Представители творческой интеллигенции налаживали тесные профессиональные контакты с другими странами в области философии, изобразительного, музыкального и драматического искусства, а также литературы. Межкультурные связи были не только интенсивными, но и разнообразными. Это и творческие поездки и путешествия, обучение художественному мастерству, стажировки, участие в международных художественных мероприятиях (выставки, салоны). Выезжая за рубеж и знакомясь с творчеством европейских мастеров, русские деятели культуры считали своим долгом познакомить Россию с лучшими образцами мировой и европейской культуры.

Отличительной стороной русской культурной жизни и конкретным проявлением межкультурного общения того времени стали зарубежные художественные выставки, которые знакомили Россию с искусством зарубежных стран. В силу разных обстоятельств наиболее прочные зарубежные связи у русских художественных организаций существовали с Францией. В 1880 г. в Санкт-Петербурге состоялась первая выставка картин французских импрессионистов. Французское искусство намного чаще, чем другое зарубежное творчество, демонстрировалось в России. Подобное внимание объяснялось сочетанием разнообразных интересов русской публики ко всей французской культуре. Здесь сказались и элементарная погоня за модой, и просветительские устремления, и, естественно, профессионально-художественные стимулы. Но при всем многообразии причин повышенного интереса к французской культуре и искусству существовала основная: многие современники признавали художественный гений французов и их значительную роль в развитии всей европейской культуры XIX в.

Творческие контакты с другими европейскими странами были не столь значительны. Английское искусство как целое не заняло определенного места в русской культурной жизни. Английские выставки играли довольно скромную роль в русско-британских художественных связях. Очень модным в то время стало творчество английского художника Обри Бердслея. Интерес к нему возрастал во многом благодаря усилившейся популярности Оскара Уайльда. Культ Бердслея в России был достаточно долговечным, но всегда отличался некоторым снобиз-

мом и «избранничеством», что, естественно, не прибавляло ему сторонников.

Что касается немецких выставок, то они стали лишь небольшим эпизодом русской культурной жизни. Но общий интерес к Германии со стороны деятелей культуры и широкой публики был достаточно глубоким и имел многие практические последствия. Именно немецкий сецессион - стиль, возникший в 1892 г. в Мюнхене, повлиял на развитие так называемого «югендстиля». А он, в свою очередь, послужил одним из главных источников общеевропейского направления, которое позже в России получило название модерн.

В истории развития межкультурного общения и зарубежных творческих связей России в тот период особое место занимают выставки, организованные будущими деятелями «Мира искусства», а позже и самим этим объединением. Будущие члены сообщества под руководством С. П. Дягилева в 1897 г. участвовали в организации нескольких больших выставок. На них демонстрировались работы немецких, английских художников. Впервые в России работы русских и европейских художников были помещены вместе. Кроме того, «мирискусники» большое внимание уделяли показу русских художников за границей. С 1897 г. русские выставки в Европе становятся ежегодными. Самой заметной из всех стала грандиозная выставка 1906 г. После триумфального успеха в Париже, выставка экспонировалась в Берлине, Венеции.

Для мирового и европейского развития культуры на рубеже XIX–XX вв. было характерно устройство международных художественных выставок. Они проводились в Берлине, Венеции, Лондоне, Мюнхене, Париже или как собственно международные мероприятия, или как национальные выставки с привлечением иностранных художников (таков был обычай больших парижских салонов). Постоянными участниками таких выставок были Австрия, Венгрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Голландия, Испания, Италия, Норвегия, США, Франция, Швейцария, Швеция. К их числу принадлежала и Россия.

Дягилев при организации выставочных предприятий, особенно при устройстве своих блистательных «русских сезонов», руководствовался принципами зарубежной выставочной практики. «Русские сезоны» - яркое проявление зарубежных связей и творческих контактов духовной элиты России в разных видах искусства. Оперные и балетные спектакли проходили чаще всего в Париже, а также в Лондоне, Берлине, Риме.

Таким образом, необычайный расцвет культуры в России на рубеже XIX–XX вв. - это во многом очередная встреча с мировой и европейской культурой, их синтетическое усвоение. Русская культура, при всем ее своеобразии, развивалась в органическом союзе с западноевропейской. Все это подтверждает, что развитие любой культуры – процесс не изолированный, и русская культура в этом смысле не исключение. А через межнациональное общение, разнообразные зарубежные связи и контакты проявляются лучшие стороны той или иной культуры, происходит взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур, а, в конечном итоге, - мировой культуры.

Карначук Н. В.
Томский государственный университет

Специфика формирования национального самосознания в зеркале площадной литературы позднетюдоровской Англии

В исторической литературе, так или иначе освещающей процесс формирования национальных государств в Европе в эпоху Позднего средневековья, неоднократно поднимался вопрос о возникновении и развитии «патриотических» настроений в сознании широких социальных слоев. Само-осознание себя как особой, национальной, общности, вырабатывалось параллельно с развитием городов, созданием внутреннего рынка и формированием профессионального аппарата государственного управления, но, как правило, рационализировалось и оформлялось в культуре как отождествление нации с фигурой монарха и обосновывалось божественным соизволением. Однако пластика рождения национального самосознания, его тесная связь со специфическими, региональными путями развития государств Европы, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении, и необходимым инструментом в подобном исследовании может стать техника анализа процессов, протекающих на стыке рационального и бессознательного.

История Елизаветинской Англии дает много ярких материалов, отражающих проявление крепнущего «чувства нации»: это и энтузиазм, обеспечивший и сопровождавший разгром Армады, и своеобразие культа королевы, обрученной со своей страной, и многократные обращения к исторической памяти нации в театральных и публицистических произведениях второй половины XVI в. Менее изучен, хотя и отмечен в научной литературе, феномен формирования представлений о различии национальных характеров и особенностях нрава, костюма, манер англичан в сравнении с итальянцами, испанцами, французами. Процесс национальной самооценки берет начало во второй половине XIV в. и, если не достигает своего пика, то, во всяком случае, становится одним из «общих мест» массового сознания в елизаветинскую эпоху.

При этом значимым, хотя и неиспользованным до сих пор в этом качестве, является материал, поставляемый пластом литературы «низких жанров», таких, как памфлетный листок, площадная баллада, плутовской роман. Именно эта массовая литература, печатные «однодневки», дают богатый материал для выявления настроений и предпочтений самой широкой аудитории (поскольку циркуляция их не ограничивалась средними слоями города, а достигала, с одной стороны, двора, с другой – деревень и мелких городков в провинции).

Анализ этой литературы показывает, что в ней (и, прежде всего, в площадной балладе), в изобилии присутствует дух «монархического национализма», а королева рассматривается как гарант независимости, силы и процветания нации, как посредница между последней и Богом. Характерно, что пожелание долгих лет королеве и выражение веры в ее праведность и справедливость часто сопровождает тексты, содержательно не имеющие прямого отношения к политике и государственным делам. При этом сомнительно, что целью этих вставок была целенаправленная лесть: безымянный автор баллады не мог рассчитывать на милость мецената, в отличие от литератора или драматурга, предпосылающего своему сочинению панегирическое посвящение. Точно также здравицы в адрес королевы

не были необходимы для напечатания текста: правила публикации «листков» в этот период были более чем либеральны. По всей видимости, авторы в данной ситуации искали одобрения прежде всего со стороны своей аудитории, поскольку торговля площадными балладами жестко зависела от массового спроса.

Однако, если вера в монарха как в заступника за страну перед Богом и миром не является уникально-английской чертой, а, скорее, роднит «островную» площадную литературу с французской или германской, то заметно и весьма показательное различие. Судя по памфлетам и балладам, для англичан образ монархини отнюдь не является единственным столпом справедливости и мира в обществе. Многочисленные примеры показывают: в роли праведного судьи, защитника обиженных и невинных, могут выступать и другие представители власти, как правило, коллективные - Королевский совет, суд пэров, даже Звездная палата. Не только сакральная зоркость монарха, но и решения вполне земных судов наделяются положительными характеристиками в качестве защитников мира и правды.

Напрашивается, хотя и нуждается в дальнейшей проверке, вывод о том, что в государствах, где власть принадлежала более закрытой и узкой страте, интересы которой и стали в результате определяющими в политике государства, к примеру, в Испании и Германских землях, уверенность в справедливости высших судей страны не имела почвы, чтобы укорениться. Более того, сам авторитарный характер власти способствовал выделению образа монарха как трудно досягаемого, но единственного гаранта справедливости для его подданных. Показательно, что и сама вера в справедливость, в защиту, которую подданный может получить от «родной» власти, пронизывающая почти все английские баллады, отсутствует или даже осмеивается в континентальных образчиках «низкой» литературы. Достаточно вспомнить издевательские интонации испанских плутовских романов, когда речь заходит о соблюдении законов страны и норм морали. Этот вывод делает вполне объяснимым и тот факт, что английская «низкая литература» в значительно меньшей степени склонна к сакрализации власти и суда в целом.

Важным аспектом является также общий тон баллад, в сравнении с германской балладой и плутовскими романами. Это – оптимистическая вера в то, что моральные нормы и правосудие не только существуют, но и вполне действенны. Это заметно даже в таком под-жанре, как перечисление «чудес и ужасов», которое автор сопровождает призывом к покаянию и исправлению людского рода. Английские образцы такого рода «листков» почти неизменно упоминают о том, что покаяться необходимо сейчас, пока еще есть время, в то время, как германские склонны напоминать о том, что приближаются последние дни и время, образно говоря, «уже вышло». Точно также многочисленные истории об ужасных преступлениях в английских балладах не только завершаются успокоительным сообщением о казни или тюремном заключении преступника, но и сообщением о раскаянии злодея (злодейки). Не возникает ни малейшего сомнения, что для авторов баллад нарушение закона – исключение, «сбой», но никак не норма. Плутовской роман снова дает нам иную модель: здесь нарушение закона само является нормой, поскольку жульничает весь мир и прав тот, кто хитрее всех.

Может возникнуть возражение о том, что жанры площадной баллады и плутовского романа имеют различные цели и сравнение их интонационной палитры неправомерно. Но разве не показательны сами различия в востребованности этих жанров: в Англии образцы плутовских романов можно пересчитать по

пальцам, и в значительной их части герой-пройдоха – не англичанин по национальности, а экзотический чужак. В то же время «благонамеренная» народная баллада не получает распространения в Испании, и это далеко не случайный факт: ожидания и идентификации аудитории сформировали соответствующий рынок массовой литературы.

Таким образом, как представляется, массовая литература Англии отражает специфику формирования государства, успешно проходящего этап ранней европейской модернизации, в котором достаточно успешная наработка новых методов экономики и управления способствует, в том числе, формированию позитивной идентификации личности. В свете этой позитивности осмысление государственной власти еще не лишено сакрального оттенка, но обретает черты рационального восприятия ее.

Кирияк О. А.
Ярославский государственный педагогический университет

Культурно-языковые представления о воровстве современных представителей английской этнолингвокультуры (психолингвистический ассоциативный эксперимент)

В данном докладе описываются культурно-языковые представления современных англичан о воровстве. Выявление культурно-языкового содержания названного концепта проведено на материале экспериментальных данных, полученных в результате тестирования англичан.

В ноябре 2006 г. был проведен свободный ассоциативный эксперимент с группой английских юношей и девушек, приехавших в Россию по программе «Интенсивного курса обучения русскому языку и культуре», организованной отделом культуры посольства Великобритании в Москве. В эксперименте приняли участие 75 человек: учащиеся в возрасте 15–18 лет из разных районов Англии и сопровождающие их преподаватели. Испытуемым было предложено без длительного раздумья, в течение короткого отрезка времени отреагировать любыми языковыми единицами, обозначающими образы, всплывающие в их сознании, на предложенный набор слов-стимулов: theft, stealing и larceny. Выбор их реакций на данные стимулы какими-либо классифицирующими признаками ограничен не был.

Обобщенные результаты проведенного опроса носителей английского языка, как представителей английской этнолингвокультуры, представляют картину культурных ассоциаций, вербализующих исследуемый концепт в сознании современной английской молодежи.

Все ответные реакции можно сгруппировать по нескольким тематическим блокам. Первый блок составляют реакции, объединенные по формальному признаку «формулировка определения воровства»:

THEFT – *stealing (6), robbery (2), shoplifting, burglary, car-theft, robbing things, robbing from others,*

STEALING – *taking (5), is another word for "theft", theft (2), robbery (4), burglary, fraud, shoplifting, larceny, taking something that's not yours, taking stuff, hurting people*

LARCENY – *theft (6), posh word for "theft", theft and larceny, car theft, stealing, fraud, Grand theft, white-collar crime, making money, taking things without their owners permission.*

Следующий блок объединяет ассоциации, связанные с преступлением и наказанием:

THEFT – *crime (5), illegal, law, laws, morals, the one sin, sin, pain, trouble, problems, cannot be stopped, alarm, punishment, isolation.*

STEALING – *crime, illegal, against the law, law, break the rules, knife, security, dog, police*

LARCENY - *crime, illegal (3), misbehaviour, violence, guns, arson, police, jail (2), prison (2).*

THEFT ассоциируется с глаголами: *steal, rob, nick, pinch*

STEALING – ассоциируется с глаголами *take (5), nick, galvanize*

LARCENY – *take (2)*

Моральная оценка данному явлению определяется следующим блоком ассоциаций:

THEFT – *wrong (6), bad (3), not good, stupid, negative, not honest, naughty, evil, worst, hate, amoral, dark*

STEALING - *bad (11), wrong (7), nasty, cruel, sad, mad, sickening, disgusting, ebony, dirt*

LARCENY – *bad (6), not good, wrong, nervous, it`s stupid, scummy, interesting*

Еще один блок идентифицирует персоналии, занимающиеся данным видом деятельности:

THEFT – *thief (4), thieves (3), criminals (3), a criminal, burglar, liar, poor, proletariat, a person stealing*

STEALING – *thief (3), poor, poor people, Puerto Rican, a Polish guy*

LARCENY – *thieves, robbers, Dennis Kozlovsky, white collar*

Блок предметов, ассоциированных с воровством.

THEFT – *car (7), money (5), gold, big and expensive items, handbag*

STEALING – *money (2), expensive items, not yours*

LARCENY – *someone else`s possession, family phone*

Еще один блок связан с местом действия.

THEFT – *shops (7)*

STEALING – *bank, shops*

LARCENY – *America (3)*

На основе проведенного анализа ответов-реакций были подведены следующие итоги.

Реакции были представлены как одной словоформой, представленной различными частями речи – существительными, прилагательными, глаголами, так и словосочетаниями, и целыми предложениями.

Три данных стимула в языковом сознании информантов явились взаимозаменяемыми синонимами. Доказательством этого послужило то, что у большого числа информантов реакцией на «theft» явилась «*stealing*», а на «stealing» – «*theft*», «*is another word for "theft"*, реакциями на «larceny» также стали ассоциации «*theft*", *"posh word for "theft"; "theft and larceny", "stealing"* и "*taking things without their owners permission*".

В то же время можно констатировать, что «larceny»:

1) не является полноценным синонимом двум первым лексическим стимулам: само оно только единожды является вербальной реакцией на стимул «stealing»;

2) не имеет широкого хождения в языке, что подтверждается реакциями *"posh word for "theft" (posh word - словечко высших кругов общества,* обычно употребляется с некоторым пренебрежением), «*Mike doesn`t know what larceny is. No one does";*

3) ассоциируется с Америкой (3 реакции *America*).

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента показал, что информанты обнаружили больше всего ассоциаций, связанных с эмоциями, вызываемых восприятием этих явлений, а именно с отрицательной моральной оценкой данных явлений: *not good, stupid, negative, not honest, naughty, evil, worst, hate, amoral, dark, nasty, cruel, sad, mad, sickening, scummy, disgusting, nervous, ebony, dirt;* наиболее же частотными ассоциативными реакциями на слова-стимулы, образующими центр ядра их семантического поля, оказались: «*bad*» и «*wrong*».

Сумма наиболее частотных реакций позволяет построить следующее ассоциативное семантическое поле рассматриваемого концепта в английской этнолингвокультуре. Ядром данного ассоциативного семантического поля, помимо вышеназванных *bad* и *wrong*, являются такие вербализаторы, как *thief / thieves, take, car, money, shops, crime, illegal.* В ближайшей периферии расположены: *criminals, jail, prison, law / laws;* в средней: *robbery, shoplifting, police, poor / poor people; expensive items.*

В дальней периферии данного концепта находятся такие лексические единицы-реакции, как *misbehaviour, violence, guns, knife, arson, security, dog, virginity, urgency, war.*

В английском языковом сознании выделяются следующие четкие признаки данного концепта: taking things without their owners permission; taking stuff; taking something that`s not yours; *not yours; someone else`s possession, robbing from thers, making money; desire to have more.*

В английском языковом сознании зафиксировано, что сам феномен интернационален (реакция - *international*). Агент деятельности данного явления идентифицируется: с представителями различных (небританских) национальностей, с представителями некоторых социальных слоев, профессиональных групп, с лгунами, и с конкретными людьми. Практически все реакции английских информантов на данный набор стимулов, вербализующих исследуемый концепт, имеют ярко отрицательную коннотацию.

Таким образом, в английском языковом сознании изучаемый концепт четко определен, понятийно детерминирован, регламентирован и систематизирован. Англоязычная специфика понимания воровства также состоит в полном его неприятии и ассоциативном перенесении его на другие народы вследствие своего «английского превосходства» и исключительного законопослушания (исследователи отмечают, что уважение к закону является источником национальной гордости англичан).

Креленко Н. С.
Саратовский государственный университет

Прерафаэлитское братство в контексте европейской культуры третьей четверти XIX в.

В начале сентября грозового для Европы 1848 г. в Лондоне на квартире одного художника собралась группа молодых людей. Приятели задумали обновить английское искусство, объединившись для этой цели в «братство». Пятеро из семерых присутствовавших были учащимися Королевской Академии. Их звали: Томас Вулнер, скульптор и поэт, Джеймс Коллинсон, слушатель Академии, Джон Э. Миллес, живописец, Данте Г. Россетти, художник и поэт, Уильям М. Россетти, клерк, интересующийся вопросами искусства, Фредерик Д. Стефенс, последствии художественный критик, Уильям Х. Хант, художник. «Общества» и «братства» самые различные по интересам и направленности деятельности участников были характерной приметой времени.

Приметой времени было и то, что несколькими месяцами раньше двое из членов вновь созданной организации (Хант и Миллес) участвовали в одной из массовых чартистских демонстраций. Европа переживала смутные времена брожения во всех сферах – политической, социальной и духовной.. Суть процесса - переход от традиционного к индустриальному обществу. Обогнав своих соседей в переустройстве на принципиально новый лад экономики и социальной сферы, английское общество вместе со всей остальной Европой оказалось перед необходимостью решения проблем духовной жизни. Глашатаями неприятия урбанистической цивилизации в Англии стали философ и историк Т. Карлейль и литературный критик Д. Рескин. Показательно, что эти авторы большое внимание уделяли вопросам литературы и искусства, когда, казалось, в искусстве *полезность* восторжествовала над *красотой*, а условность, канон над непосредственностью восприятия.

Требования обновления, объекты неприятия в разных странах были одинаковыми, а вот то, что предлагалось взамен существующего, заметно различалось в контексте национальных культур. Одни объединялись в полумонашеское назарейское братство (1809 г. Вена), другие создавали художественную артель (1863 Санкт-Петербург). Молодые британские индивидуалисты свою общность ограничили тем, что решили ставить на своих картинах три загадочные для непосвященных буквы «P.R.B.» (Pre-Raphaelite Brathers).

От чего отказывались. Что касается интересующей нас группы молодежи, то их раздражала необходимость писать не так, как они видели, а так как их заставляли видеть. В своем протесте они не были оригинальны и одиноки – творческая молодежь по всей Европе, где раньше, где позже выступали с подобными требованиями. «Почему отдельные составные части композиции должны быть пирамидально построены и противопоставлены? Почему самый яркий свет должен падать на главную форму? Зачем один из углов картины всегда должен быть затенен? По какой причине небо в картине, изображающей день, должно быть черным, как ночь?»

На кого опирались. Обновление предполагало поиски новых ценностных ориентиров, а новое они обнаружили в подзабытом старом, творчестве художни-

ков дорафаэлевского периода Возрождения. В этой живописи британских художников очаровала серьезность и наивная убежденность «нравственного чувства». Возможно, такой подход был извлечен из сочинения Рескина «Современные художники», первый том которого вышел из печати в 1843 г. Очень существенным было для молодых художников знакомство с творчеством романтиков начала XIX века, которых они оценили и сделали достоянием общественного интереса. Собственно их творчество во многом свелось к передаче поэтических образов средствами живописи.

Что предлагали. В своем манифесте молодые художники заявили, что считают достойным изображения возвышенные темы. Это перекликалось с теми идеями, которые проповедовал Д. Рескин: «Труд и правдивость – это две вещи, которые не подлежат осуждению». В этой фразе заключено очень важное, ключевое положение морально-этической составляющей протестантизма, согласно которой всякий добросовестный труд является наиболее верной формой служения Богу. В свое время, в XVII в. английский пуританизм эту идею выразил в учение о «мирском призвании», духовные реформаторы середины XIX в. возродили ее в формах свойственных своему времени. Интересно, как эта идея была озвучена в литературном творчестве Д. Г. Россетти. В 1850 г. прерафаэлиты затеяли издание журнала, получившего название «The Germ» («Росток»). В первом номере «Ростка» (а всего у художников-издателей хватило средств на издание четырех выпусков журнала) появилась новелла Д. Г. Россетти «Рука и душа». В ней рассказывается о великом, но безвестном художнике Кьяро дель Эрма, будто бы жившем в XIV веке. Он долго и усердно совершенствовался в своем искусстве сначала ради Славы, позднее ради Веры, но не нашел успокоения, пока не сумел изобразить свою Душу. Трудолюбие, вера, умение быть достоверным – ключевые слова для старшего (в ту пору молодого) поколения прерафаэлитов.

Появление первых работ прерафаэлитов на академических выставках было встречено достаточно спокойно и даже одобрительно. Ситуацию обострил непредсказуемый Д. Г. Россетти, открывший «по секрету» нескольким знакомым тайный смысл трех букв «P.R.B.», присутствовавших на каждой из картин членов братства. В умах критиков эта аббревиатура стала знаком «тайного общества», свидетельством возможной угрозы революционного заговора исходящей от его членов. На очередной художественной выставке 1850 г. прерафаэлиты были атакованы критикой. Публике и ее глашатаям казалась слишком будничной, приземленной трактовка персонажей Священного Писания. А ведь художники только чуть опередили имевшуюся в обществе тенденцию.

В этой тяге к достоверности проявлялось заявленное прерафаэлитами стремление обратиться к натуре, точно, тщательно, детально, фиксировать увиденное, передавать портретное сходство. А это не что иное, как главная установка времени – умение наблюдать реальность. Глаза зрителей, воспитанных на «благородной» музейной затемненности колорита, раздражали сочные краски на полотнах прерафаэлитов. Их творческий метод некоторые исследователи (С. Сакеверелл) называли «научным реализмом». Главным для художников становится скрупулезная передача всех составляющих внешнего мира. Каждая деталь выписывается тщательно и методично вне зависимости от того близко или далеко она расположена. Именно воспроизведение материальной составляющей видимого мира, а не воздух и свет, как впоследствии в работах импрессионистов,

стала главной заботой прерафаэлитов. Отсюда стремление к сочным, чистым краскам, прозрачно положенным на свежую белую грунтовку. Кроме того, на этом этапе существования прерафаэлитов как единой группы очень важным для каждого из них был нравственный аспект их живописи. Викторианские бунтари были плотью от плоти общества их породившего, викторианского менталитета, для которого вопросы морали в их идеальном варианте были очень важны.

Прерафаэлиты писали свои картины на темы, часто имеющие литературную основу: это и поэзия Данте, Китса, и новеллы Боккаччо, и пьесы Шекспира, или неиссякаемый источник Нового Завета. Творческий подчерк прерафаэлитов отличался еще и тем, что они не просто обращались к историко-литературным темам, они пытались воссоздать археологическую достоверность изображаемого времени, прибегая к приемам старых живописцев. Поддержка Рескина сыграла свою роль. Прерафаэлитов признали, свидетельством чего стало их включение в состав британской экспозиции на Всемирной выставке в Париже 1855 г. К этому времени пути членов братства разошлись. «Братство прерафаэлитов» перестало существовать, но движение прерафаэлитов, пополненное новыми именами, сохранило свое влияние на культурную жизнь британского общества вплоть до конца XIX в. Кроме картин и стихов прерафаэлиты оставили богатое наследие – возрождение интереса к раннему Возрождению, открытие английских романтиков (это переоценка прошлого); кроме того, именно с их деятельностью связана тенденция поисков синтеза искусств, перенесения высоких эстетических критериев на изготовление предметов бытовой культуры. Последнее было обращено к будущему.

Крючкова Н. Д.
Ставропольский государственный университет

«Охота в английском стиле»: социокультурная динамика в Викторианскую эпоху

Понятие «охота в английском стиле» вошло в обиход европейского и российского высшего общества в XIX в., в эпоху, когда подражание стилю жизни английской аристократии стало общераспространенным явлением. В реальности «охота в английском стиле» была разнородным феноменом и включала в себя различные виды охоты, с разными функциями и разным способом исполнения этих функций. В XIX в. наблюдается расцвет или

возрождение таких видов охоты, как преследование оленей, стрельба по пернатой дичи, пешее преследование крупных экзотических животных, сохраняла популярность охота на зайцев. Но наиболее часто с «английским стилем» ассоциировалась верховая охота на лис.

Охота на лис распространилась с конца XVIII в., когда осушения, очистка земли и огораживания сельскохозяйственной революции создали необходимый для развития данного вида спорта ландшафт, а научные эксперименты по селекции привели к воспроизводству новых пород собак, достаточно быстрых, выносливых и обладающих хорошим нюхом, чтобы охотиться на такого проворного и хитрого зверя, как лиса. Расцвет охоты на лис в конце XVIII – первой половине XIX в. был связан с возрождением патерналистских традиций в английской де-

ревне. На протяжении большей части XVIII в. высшее общество дистанцировалось от простонародья, изобретая утонченные, социально исключительные виды досуга, теперь же, напротив, большее значение стало придаваться покровительству народным обычаям и традициям и объединяющему досугу. Охота на лис стала видом спорта, в котором титулованное и нетитулованное дворянство тесно контактировало с представителями других социальных групп сельской местности, включая фермеров и крестьян. Последние, хотя и не имели возможности охотиться верхом, обычно следовали пешком за группами охотников. Таким образом, основной функцией верховой охоты на лис было объединение сельского сообщества. Она стала символом идеального, основанного на узах почтительности доиндустриального мира, в котором царила гармония, а бедняки, фермеры и землевладельцы находились в наилучших взаимоотношениях. Конечно, охота могла вызывать трения между землевладельцем и местным населением, в особенности в том, что касалось законов об охране дичи и нанесения ущерба фермерскому хозяйству, но эти проблемы обычно разрешались щедрыми компенсациями и приглашением участвовать в охоте.

Охота на лис осуществляла регулярный публичный показ структуры власти в деревне. Вместе с тем, это был важнейший социальный институт провинциальной жизни высшего класса, прививший аристократии любовь к деревне. Аристократ чаще всего являлся Хозяином гончих, и именно он погашал большую часть издержек, связанных с организацией и проведением охоты, включая расходы на охрану дичи и компенсации за причиненный фермерам ущерб. Он натаскивал превосходных охотничьих собак, не знавших себе равных, содержал конюшни. Гунтер, способный брать препятствия и длительное расстояние мчаться во весь опор, мог стоить сотни гиней. По самым скромным подсчетам, землевладелец, несколько раз в неделю занимавшийся верховой охотой, тратил две тысячи ф. ст. в год. Постепенное падение доходов аристократов создавало необходимость в подписке и открытии этого вида спорта для большого числа городских и сельских энтузиастов. В 1810 г. было только 24 общества, проводящих охоту «по подписке», в 1854 г. – уже более сотни, а с 1870-х гг. это явление приобрело повсеместный характер. Представители верхней части среднего класса, достаточно богатые для того, чтобы позволить себе аристократический досуг, могли теперь не зависеть от симпатий и расположения старой элиты. Они просто вносили определенные суммы на проведение охоты и, таким образом, чувствовали себя более уверенно и независимо. Они возмещали расходы Хозяина гончих и, в долгосрочной перспективе, помогли сохранить данный спорт. Развитие железнодорожного сообщения, предоставлявшее возможность путешествовать вместе с лошадью в отдаленные графства, также давало верхам среднего класса возможность соединять активную деловую жизнь с сельским досугом.

С «новым богатством» в деревню приходило разрушение обычаев и связей сельского сообщества. Из охоты на лис постепенно были исключены сельскохозяйственные работники. Фермеры также выражали недовольство, поскольку для участников охоты «по подписке» было характерно стремление скрупулезно точно распределять сумму взносов, которую фермеры, особенно в последней четверти века, позволить себе не могли. С сокращением вовлечения местного населения в охоту на лис и увеличением притока среднего класса менялась ее социальная функция, на первый план выходила новая функция охоты как вида спорта,

«сплавляющего средний класс и аристократию в новый имперский правящий класс».

Новые охотники рассматривали охоту на лис совсем не так, как старая аристократия. Для них она не была искусством захватывающей верховой езды, наблюдением за «работой» гончих, наслаждением от общения в приятном обществе во время обедов после охоты. Для нуворишей это была еще одна область конкуренции, где можно было пощеголять в дорогом охотничьем костюме или произвести впечатление количеством добычи. Но охота на лис была сложной сферой реализации подобных амбиций. Во-первых, искусная езда на лошади требовала длительного периода обучения: аристократов с детства готовили к этому. Не случайно лошадь была символом статуса аристократии. Во-вторых, охота на лис была делом, достаточно трудным и утомительным, а также рискованным.

Намного меньше ловкости и храбрости, чем охота на лис, требовала пешая охота на пернатую дичь. Для тех, кто искал удовольствий сельской жизни и не желал испытывать при этом никакого дискомфорта, она представляла наиболее удобный вид отдыха. Современное огнестрельное оружие, не говоря уже об искусственном разведении фазанов, куропаток и тетеревов, позволяло охотникам приносить большое количество добычи. Состязание в количестве подстреленных птиц стало основой стрельбы по дичи. Все это делало ее наиболее популярным видом охоты у плутократии. Если «золотой век» верховой охоты на лис пришелся на первые три четверти XIX в., то «золотой век» охоты на пернатую дичь пришелся на поздневикторианский и эдвардианский периоды, то есть на время, когда плутократия затмила старый правящий класс. В отличие от публичной охоты на лис, пешая охота всегда была приватной, всегда носила исключительный характер, подчеркивала и консервировала статусные отличия. Ее социальная функция на протяжении викторианской эпохи почти не изменилась. Просто личные связи в приглашении на охоту были заменены связями наличных денег.

В целом, можно утверждать, что изменения в социальной структуре и социальных взаимоотношениях более всех других факторов повлияли на характер охоты в викторианский период. Но они воздействовали не только на характер, но и на место, которое охота занимала в обществе. К началу XIX в. так называемый «спорт на природе» (верховая и пешая охота, а также рыбная ловля) был фактически единственной формой организованного спорта, которым занимались аристократы, а к концу XIX в. спортивная активность в аристократической среде стала заметно разнообразнее. Командные игры, такие как футбол, регби, крикет, которые приносила молодежь из общественных школ, составляли достойную конкуренцию «спорту на природе». «Спорт» в высшем обществе перестал быть синонимом убийства животных. С другой стороны, сама охота, в особенности пешая, бывшая к началу викторианской эпохи преимущественно дворянским видом спорта, стала более демократичной, допуская наиболее богатую прослойку среднего класса. Пристрастие высшего среднего класса к охоте шло в русле подражания аристократическому стилю жизни, а также общего увлечения спортом, характерного для XIX в., и особенно для второй его половины.

Кузьмичева Л. О.
Ярославский государственный университет

Образовательная политика лейбористского правительства (1997-2005 гг.)

1997 год ознаменовал триумфальное возвращение к власти лейбористской партии Великобритании после восемнадцати лет, проведенных в оппозиции. Немногие могли тогда предположить, что политика первого кабинета Тони Блэра окажется настолько успешной, что позволит лейбористам сформировать правительство и в 2001, и в 2005 гг. Несомненно, что успех «новых лейбористов» был подготовлен предыдущим десятилетием, когда партия пошла по пути радикальной модернизации партийной платформы и пересмотра программных документов. Обновление коснулось практически всех сфер политики, не стало исключением и образование. Более того, образовательная политика стала одним из ключевых компонентов идеологии «нового лейборизма».

В предвыборном манифесте лейбористской партии (1997 г.) образование определяется в качестве первоочередного приоритета. Именно с характеристики предстоящих изменений в образовательной политике начинается главный партийный документ. Образование как один из компонентов социальной политики оказалось в центре внимания «новых лейбористов» по нескольким причинам.

Во-первых, образование стало важной составляющей идеологии «третьего пути», которая разрабатывалась лейбористской партией с конца 1980-х гг. Проанализировав несколько документов, посвященных политике «третьего пути», становится ясно, что в политическом процессе «новые лейбористы» пытались найти промежуточный вариант между традиционной социал-демократической политикой (с высокими затратами на социальную сферу) и правой идеологией свободного нерегулируемого рынка. По мнению сторонников Т. Блэра, в современной политике появились такие проблемы, которые не могут быть решены в привычных категориях «левые» - «правые». Для этого потребуется «третий путь», который позволит сочетать справедливую социальную политику с динамичной экономикой. И в этой связи человеческие ресурсы становятся главными на пути к экономическому успеху. Развитие человеческого капитала требует значительных инвестиций, и прежде всего, в сферу образования.

Во-вторых, образование не может рассматриваться как чисто социальная политика, оно является важной составляющей экономической и даже промышленной политики. И если «регулирование производства» и «контроль капитала» были основными атрибутами традиционной политики предыдущих лейбористских кабинетов в сфере экономики и промышленности, то «новые лейбористы» сделали акцент на эластичности рынка труда, адекватной квалификации людей и зрелости институтов, регулирующих трудовые отношения, как необходимых компонентах успешной экономической и промышленной политики. Таким образом, образованию отводилась важная роль в новой экономической стратегии лейбористов.

В-третьих, грамотная образовательная политика становилась и важным средством в повышении конкурентных преимуществ государства на мировой арене. Согласно «новой теории роста», инвестиции в человеческий капитал про-

сто необходимы для того, чтобы справиться с такими вызовами современных экономических процессов как глобализация и усиливающаяся международная конкуренция.

Итак, образование стало необходимым связующим звеном в программе «новых лейбористов». «Третий путь», внимание к вызовам глобализации, поиск новых приоритетов в экономической сфере – все эти компоненты предвыборной программы лейбористской партии оказались удачно и последовательно «сшиты» идеей образования в качестве первого приоритета будущего правительства. Неудачи образовательной политики консерваторов также играли не последнюю роль в предвыборной риторике «новых лейбористов».

Реформы лейбористских правительств (1997-2005) в сфере образования затронули три основных направления: школьное образование, высшее образование, а также так называемую систему обучения в течение всей жизни (сюда относятся - повышение квалификации, переподготовка, практика, профессиональное и дополнительное образование в рамках вновь созданного Университета промышленности). Однако правительство Т. Блэра достигло смешанных результатов на каждом из этих направлений.

Наиболее успешной и последовательной оказалась реформа системы школьного образования. Сразу же после победы на выборах в 1997 г. правительство опубликовало Белую книгу, определившую основные принципы политики в области школьного образования. Особое внимание уделялось слабым школам в экономически неблагополучных районах. Правительство намеревалось усилить все виды контроля над качеством образования и жестко реагировать на факты недостаточной квалификации преподавателей. С этой целью учреждались специальные зоны, в которых власти устанавливали особый контроль над качеством образования. Лейбористы обещали сократить нормы по количеству учеников в классах начальной школы (не должны превышать 30 человек), а также обеспечить местами в дошкольных учреждениях детей в возрасте четырех лет. Уже в течение первых двух лет реальные расходы на образование увеличивались на 2% в год, а в предвыборном манифесте 2001 г. «новые лейбористы» пообещали рост расходов на образование на 5% ежегодно. Также вводилась система грантовой поддержки для школ. Однако лейбористскому правительству, несмотря на декларируемую цель «образование для большинства, а не единиц», не удалось решить извечную дилемму британской образовательной системы – противоречие между свободой *выбора* учебного заведения родителями и учениками и принципом *отбора* учеников грамматическими школами, традиционно обеспечивающими более высокий стандарт образования.

Еще будучи в оппозиции, лейбористы заявили о намерении довести количество молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, обучающихся в высших учебных заведениях, до 50%. Однако правительство не собиралось решать эту задачу за счет увеличения налогового бремени; поэтому для студентов устанавливалась плата за обучение в размере 1 000 фунтов стерлингов в год. Хотя студентам и предлагались образовательные кредиты на выгодных условиях, по мнению экспертов, это не увеличило количество желающих из рабочих семей обучаться в ВУЗах. Более того, плата за обучение не смогла поправить плачевного финансового состояния многих университетов, а правительство не спешило увеличивать

финансирование высшего образования. Таким образом, политика кабинета Блэра в сфере высшего образования оказалась малоэффективной.

Не произошло кардинальных изменений и в сфере профессионального образования. Хотя правительство в 1999 г. учредило систему так называемых индивидуальных счетов на обучение (к 2001 г. было создано более 2,5 млн счетов), идея не получила дальнейшего развития после переизбрания лейбористов в 2001 г. Привлекательная концепция обучения в течение всей жизни, разработанная лейбористами еще в годы оппозиции, также оказалась труднореализуемой на практике. Усилия многих специально созданных экспертных групп по решению проблем дальнейшего обучения, переподготовки и повышения квалификации зачастую не были востребованы деловым сообществом Великобритании, которое просто не нуждалось в высококвалифицированных кадрах во многих сферах занятости. Идея «экономики знаний», в которой преобладают сотрудники высокой квалификации, на практике оказалась во многом идеалистичной. Да и сама политика правительства в области обучения в течение всей жизни не была хорошо продуманной и последовательной. По меткому замечанию ряда экспертов, эта политика возлагала нереалистичные ожидания на индивидов, которые смогут самостоятельно принять верное решение об использовании тех возможностей в области обучения и переподготовки, которые нужны именно им с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке труда.

Таким образом, активная и продуманная политика лейбористского правительства в области обязательного школьного образования не была поддержана соответствующим курсом в области высшего образования и дальнейшего обучения.

Купер Х.
Университет Кумбрии

History in English Primary Schools

The National Curriculum

The statutory National Curriculum for England was introduced by the Department for Education and Skills in 1991 and updated in 1999 (DfEE 1999). It consists of ten compulsory subjects, progressing from Programmes of Study for Key Stage 1(5-7 years), Key Stage 2 (7-11 years) and KS3 (11-14 years). The aim was to provide an entitlement for all children to the same broad and balanced curriculum. Previously the only compulsory subject was Religious Education. The rest of the curriculum depended on teachers' (and pupils') interests and enthusiasms. There was some very good primary history but in many schools history was badly taught, if at all.

The debate about what the National Curriculum for History should include was extremely political and contentious amongst academics, educators in the Historical Association, politicians and the press, with meetings organised by different groups all over the country. The final outcome was a curriculum in which content, must be learned through the processes of historical enquiry. Both the content, the 'breadth of study', and processes, the 'knowledge, skills and understanding' are specified but allow freedom of interpretation by teachers.

In the Key Stage 1Programme of study for history pupils should be taught about changes in their own lives and the lives of others around them, the way of life of people in the more distant past, the lives of 'significant' men, women and children in Britain and the wider world and 'past events from the history of Britain and the wider world'. At Key Stage 2 the 'breadth of study' consists of a local study unit, three units of British History with some choice, a European Study and a World History Study.

The processes of enquiry through which the content must be addressed are the same for each key stage, but applied at different levels: finding out about people and changes), using concepts of chronology, time and change, in order to create and communicate accounts, (for example through drawing, writing and Information and Communication Technologies).

Historical Enquiry

It is therefore expected that, from the beginning, and in increasingly complex ways, children should engage in historical enquiry which involves: making inferences and deductions from sources, understanding that sources can often be incomplete and of varying status, that accounts of the past are constructed by selecting and combining sources and that therefore accounts may be equally valid but different.

Historical Enquiry and Learning Theories

My doctoral research was undertaken from 1986 – 91, while I was a full- time primary school teacher. Coincidentally, it provided some theoretical underpinnings for the National Curriculum by first, identifying the key aspects of historical enquiry used by historians on which the curriculum came to be based, then linking these to constructivist theories of how children learn. Through empirical research the study showed how, if 8-9 year old children are taught how to make inferences and deductions about a variety of types of historical sources in whole class lessons they are able, both individually and through small group discussion with no teacher present, to make reasonable and imaginative deductions and inferences about new sources, using learned abstract concepts, and also to recognise what they can not know (Cooper 1991; 2007). It draws on the work of Piaget on deductive reasoning and causal argument, of Vygotsky on concept development, discussion and the Zone of Proximal Development and on Bruner's modes of representation and the spiral curriculum. I have subsequently applied these theories to historical enquiry with children at Key Stage 1 (Cooper 2002) in Nursery settings (2004) and at Key Stage 3 (Cooper and Chapman 2 2008). As Bruner said,

'If we respect the thought of the growing child, if one is courteous enough to translate material into its logical forms and challenging enough to tempt him (or her) to advance, then it is possible to introduce him at an early age to ideas and styles that in later life will make him and educated man.' (1966:52).

The Impact of the National Curriculum

Resources were invested in Continuing Professional Development. Museums and Galleries offered taught sessions, which were based on the common curriculum, using their collections. Publishers produced quantities of high quality resources for history to support the National Curriculum. Teachers and children, especially at Key Stage 1, found that history was an appropriate and enjoyable subject. It is concerned with identity, with developing language and generic, as well as historical thinking skills and embraces the broader curriculum; art, music, technologies, geography.

The International Dimension

Jon Nichol and I, who had both been involved in implementing the English National Curriculum for History, set up the History Educators' International Research Network in 2004. The International Journal of Teaching, Learning and Research publishes the most significant conference papers. There was previously no organisation for sharing research into pupil's historical thinking. In most countries history education was seen as transmitting knowledge, a received version of the past, in a didactic way. There followed conferences in Cumbria (2005), London (2005), Capetown (2006), Istanbul (2007) and this year symposia in Yaroslavl and New York. Colleague attend from previously Fascist countries such as Spain, Portugal, Brazil, from Eastern Europe, from countries where history is contested, South Africa, Northern Ireland, Singapore, and European countries where, as previously in England, there was no recognition of a continuum between didactic school history and enquiry-based academic history.

In my view this is recognition of the need to engage pupils in the processes of historical enquiry in order that they learn to understand why there are many different perspectives of the past and that history is dynamic, constantly evolving as times change and new evidence and perspectives emerge. This process underpins the English National Curriculum for history.

Pressures on the English Curriculum for History in Primary Schools

Since the introduction of the National Curriculum for History in 1991 a highly detailed and prescriptive National Literacy Strategy has been introduced (DfEE 1998) and a National Numeracy Strategy (DfEE 1999), now combined as the Literacy and Numeracy Framework (DfEE 2007). Children's progress in literacy and numeracy is assessed, at 7 and 11 years old, through Standard Attainment Tests (SATS) and the results are published in newspapers as ' league tables'. As a result, history has become marginalised in the curriculum. Local Education Authorities and schools, understandably, feel the need to prepare excessively for the tests by which schools and teachers are judged. The success of the tests in raising standards is debateable.

There have been attempts to restore a 'broad, rich curriculum', in a document called 'Excellence and Enjoyment (DfEE 2003) and in the 'Futures Programme' (DfEE 2005), which asserted teachers' responsibility for managing time and the curriculum and encouraged cross curricular links, through themed approaches. The detailed thinking underpinning the Literacy Framework and the National Curriculum have given a much more robust approach to 'topic work'. However many teachers are seeing the new Literacy Framework as the basis of the curriculum and adding the other subjects onto this framework rather than integrating the literacy objectives into themes. I am currently working with colleagues on a book of case studies in which the humanities are central (Cooper and Rowley 2008), in the hope that this may suggest an alternative approach to curriculum construction in primary schools.

(Wyse et al. 2008) in a report which is part of an independently funded Primary Review, finds that high stakes testing of pupils has led to a system focused on literacy and numeracy at the expense of a broad curriculum which, they claim, contributes to a 'state theory of learning'. On the other hand Professor Jim Rose has been asked by the Secretary of State for Education to report on the primary curriculum and to make recommendations about how more space can be made for numeracy and literacy. Meanwhile the Every Child Matters agenda, a ten year government programme aiming to enable everyone from 3-19 to 'enjoy and achieve, 'keep safe' and 'make a positive contribution'. This is supported by organisations such as English Heritage, the Arts Council

and the Museums, Libraries and Archives Council. When the primary curriculum is revised in 2009 let us hope, after all that was achieved in primary history education, that its rich educational potential is understood and valued.

References

Bruner J.S. (1966) Towards a Theory of Instruction, Harvard: Belknap Press.

Department for Education and Employment (1998) National Literacy Strategy,

Department for Education and Employment (1999) National Numeracy Strategy, London: DfEE.

Department for Education and Employment (2003) Excellence and Enjoyment, a strategy for primary schools, London: DfEE

Department for Education and Employment/Qualifications and Curriculum Authority, (1999) The National Curriculum, Handbook for Teachers in England, London: QCA.

DfEE (2007) Primary Framework for Literacy and Mathematics, London: DfEE.

Department for Education and Skills (2003) Every Child Matters, Green Papers, London:DFES

Cooper 1991 Young Children's Thinking in History, unpub. PhD, London University Institute of Education.

Cooper, H. (2007) History 3 – 11 a guide for teachers, London: David Fulton.

Cooper, H. (2002) History in the Early Years, London: Routledge.

Cooper, H. (2004) (ed.) Exploring Time and Place Through Play, London: David Fulton.

Cooper, H. and Rowley, C. (2008) Cross-curricular Approaches to Teaching and Learning, London: Sage. (in progress)

Cooper, H. and Chapman, A. (2008) History in the Secondary School (working title) (in progress), London: Sage.

Piaget J. ((1926) The Language and Thought of the Child, London, Routledge.

Primary Review

Qualifications and Curriculum Authority (2005) Futures Programme, London: QCA.

Vygotsky, L.S. (1962) Thought andLanguage, Edited andtranslated by E. Hanfman and G. Vakar, London: Wiley.

Wyse, D. McCreery, E. and Torrance, H. (2008) The Trajectory and Impact of National Reform: curriculum and assessment in English primary schools (Primary Review Survey 3/2), Cambridge: University of Cambridge faculty of Education.

Литвинов А. В.

Ярославский государственный педагогический университет

Английская экспедиция в Эфиопию 1867-1868 гг.: социокультурный аспект

Военная кампания англичан в Эфиопии под руководством сэра Р. Нэпира традиционно рассматривалась в исторической литературе в колониальном дискурсе, как ответ Британской империи на оскорбление, полученное от эфиопского императора Теодроса II (1855-1868), взявшего в заложники группу английских миссионеров и дипломатов. А между тем она имела и большое культурное значе-

ние для построения взаимоотношений, познания странами друг друга, формирования этнических стереотипов.

В первой половине XIX в. эфиопы, как представители традиционного общества, относились к иностранцам с позиции этноцентризма. Восприятие англичан зависело от социального статуса эфиопов. Простые крестьяне и ремесленники плохо различали англичан, французов и немцев. Эфиопы вполне верили тому, что «Англия - это маленькая страна, под властью Турции, а все английские товары изготовлены греками». Региональная знать Эфиопии несколько лучше была осведомлена об иностранцах. Главную роль в их идентификации играла не национальная, а религиозная принадлежность. Поэтому к английским протестантам относились гораздо хуже, чем к католикам, потому что они «не соблюдают абсурдных постов и придерживаются богохульных учений», «не почитают святых, или не верят, что Христос действительно присутствует в святом причастии». Эфиопская придворная знать, имевшая непосредственные контакты с иностранцами, была осведомлена о мировых делах несколько лучше, но тоже руководствовалась не практическими, а религиозными соображениями. В целом, большинство эфиопов было уверено, что иностранцы пришли «только за тем, чтобы захватить нашу страну», но не сомневались в своем военном и культурном превосходстве. Однако, хотя в общении с иностранцами жители Эфиопии были крайне настороженны, они традиционно стремились использовать их знания для достижения своих целей, особенно военных. Англичане же предпочитали посылать в Эфиопию не дипломатических представителей, а миссионеров, оказывать не материальную, а духовную помощь эфиопам, уверенным в своем религиозном превосходстве. Такая политика Британской империи послужила одной из причин англо-эфиопской войны 1867-1868 гг.

Англичане, прибывавшие в Эфиопию, тоже смотрели на нее с позиции культурного превосходства, не понимали феодальную страну, называли многие ее обычаи «странными суевериями», видели признаки отсталости во всем. Естественно британские чиновники не находили необходимости в поддержании регулярных связей с такой страной, и письма Теодроса II к королеве Виктории долгое время оставались без ответа, что и стало поводом к аресту консула Камерона и ответной экспедиции Р. Нэпира.

Экспедиция обошлась британской казне в 9 миллионов фунтов стерлингов. Ей потребовалось полгода, чтобы преодолеть 400 миль от побережья до резиденции Теодроса в крепости Макдала при самом дружественном отношении большинства населения, что признавал и сам Р. Нэпир: «Британская армия не смогла бы достичь Макдалы в это время года, если бы не помощь вождей и народа страны». Эфиопы согласились помогать англичанам против Теодроса при условии, что их войска «должны исчезнуть со сцены так скоро, как это будет возможно». Дружественное отношение эфиопских вождей могло в любой момент перемениться, если бы британцы выступили не как враги тирана-императора, а как оккупанты их страны. Англичане прекрасно понимали это и щедро расплачивались со своими помощниками, став первой в истории Эфиопии оккупационной армией, которая платила за свое снабжение серебряными талерами Марии Терезии, наиболее популярной иностранной валютой в стране. Английский банк специально закупил 4 530 000 монет. Безусловно такое количество талеров способствовало

развитию товарно-денежных отношений в Эфиопии, где основным эквивалентом обмена до этого были соляные бруски и патроны.

Кроме того, англичане, одолев Теодроса, на обратном пути оставили значительное количество огнестрельного оружия, которое для Европы было уже устаревшим, но во внутриполитической борьбе в Эфиопии сыграло решающую роль в приходе к власти императора Йоханныса IV (1872-1889). Таким образом, после британской экспедиции Р. Нэпира сила феодала в Эфиопии стала определяться не количеством, а качеством войск, наличием огнестрельного оружия. Убедившись в военном могуществе иностранцев, эфиопские правители для обеспечения безопасности стали больше заботиться о вооружении своей армии.

Экспедиция Р. Нэпира стала и очередным этапом укрепления боевого содружества эфиопских и иностранных войск. Эфиопы традиционно использовали иностранцев, владевших огнестрельным оружием, в своей армии. Португальские мушкетеры помогли им одержать победу в войне с мусульманами Ахмада Граня в XVI в. Эфиопы использовали и мусульманские подразделения йеменских стрелков. В 1868 г. эфиопскую знать впечатлила выучка англо-индийских войск Нэпира, и она попыталась перестроить свою феодальную армию. Будущий император Йоханныс IV, пригласил в качестве военного инструктора шотландского сержанта Джона Киркхэма. Однако попытки того ввести западную дисциплину потерпели полный крах среди феодального воинства. Тем не менее, работа Киркхэма вскоре сыграла свою роль, когда менее многочисленная армия Йоханныса одержала победу над войсками другого претендента на престол Тэкле Гиоргиса. Для перехода эфиопской армии в современное состояние во второй половине XIX в. еще не было социально-экономических предпосылок и феодальное ополчение, хотя и вооруженное огнестрельным оружием, оставалось ее главной составной частью. Но иностранные офицеры стали вполне обычным явлением в гвардии эфиопских правителей.

Кратковременное пребывание англичан в 1867-1868 гг. осталось и в исторической памяти эфиопов. В 1941 г., именно англичане освобождали Эфиопию от итальянской оккупации и были встречаемы как освободители от врагов, а не как очередные захватчики.

Результат экспедиции Р. Нэпира, однако, не сильно изменил отношение большинства эфиопов к иностранцам, не развеял миф об их превосходстве. Однако, в период правления Йоханныса IV эфиопы начинают ездить на обучение в Англию, становясь первыми представителями зарождающейся интеллектуальной элиты и одновременно проводниками проевропейской политики. Они пытались развенчать миф о силе Эфиопии, но призывы первых интеллектуалов не были услышаны в родной стране.

Экспедиция Р. Нэпира способствовала и более близкому знакомству англичан с Эфиопией. Англичане увезли в Лондон более 1 000 важнейших эфиопских манускриптов, которые до сих пор служат значительной научной базой для британской эфиопистики. Среди этих книг был и знаменитый трактат XIV в. «Кебра Нагаст» (Слава Царей), который вплоть до падения эфиопской монархии в 1974 г. возводился в ранг официальной идеологии, а некоторые его положения попали в тексты эфиопских конституций 1931 и 1955 гг. Он имело сакральное значение для эфиопов, и в последствии был возвращен Йоханнысу IV, но с печатью Британского музея.

В результате военной кампании 1867-68 гг. произошел и первый прямой контакт между царствующими домами двух старейших монархий. Сын Теодроса II Алемайеху был взят Нэпиром ко двору и стал подопечным королевы Виктории.

Экспедиция Р. Нэпира обогатила и европейскую фауну. Британцы привезли из Эфиопии дикую африканскую кошку. С ней была продолжена селекционная работа и выведена новая очень популярная в Европе порода. В настоящее время абиссинская кошка включает восемь разновидностей в зависимости от цвета шерсти.

Таким образом, благодаря военному походу англичан в Эфиопию 1867-1868 гг. заметно обогатились знания народов друг о друге, произошли экономические, политические и культурные сдвиги в феодальной африканской стране, а межкультурные и дипломатические контакты стали более регулярными.

Маркова И. В.
Вятский государственный гуманитарный университет

Артур Мэрфи и театральная полемика XVIII в.

Восемнадцатое столетие в драматургии Англии по преимуществу можно назвать эпохой комедии, развитие которой было внутренне противоречивым. В декабре 1772 г. Оливер Голдсмит опубликовал «Эссе о театре, или сравнение между сентиментальной и веселой комедией», отразившее своеобразное сосуществование на английской сцене XVIII в. двух разновидностей жанра. Под «веселой комедией» Голдсмит понимал возрожденную комедию нравов. Термином «сентиментальная» он обозначил всю традицию подобных пьес, начиная с Р. Стила, хотя слово «сентиментальный» появилось позднее. Сравнивая традиционную и современную комедии, Голдсмит выступал за возвращение к смеху. Он не посягал на права сентиментализма, а ставил вопрос о проблеме юмора в сентиментальной комедии. С тех пор было предпринято множество попыток проследить переход от «комедии Реставрации» к «сентиментальной комедии», но и по сей день остается дискуссионным вопрос о сущности данных жанров, их периодизации, типологии, терминологии и др.

Философской основой жанровой трансформации стал, вероятно, спор Дж. Локка с Т. Гоббсом о «человеческой природе», который был продолжен в начале XVIII в. их последователями, в частности, А. Шефтсбери и Б. Мандевилем. Именно философская полемика обусловила борьбу двух разновидностей комедии в эпоху Просвещения. Большая популярность в первой половине восемнадцатого столетия новой комедии, в основе которой – оптимистическое толкование человека с присущим ему «моральным чувством», привела к тому, что многие литераторы стремились дать свой вариант ее названия, выражая при этом и свое понимание жанра. Эту комедию называли «моральной», «благородной», «трогательной» и др. Современные исследователи предлагают различать комедию «веселую» и «сентиментальную», «сатирическую» и «поучительную», «веселую» и «серьезную». Более широко можно говорить о «старой» и «новой» комедии. Отсутствие однозначно принятой терминологии может объясняться неоднородностью двух разновидностей жанра.

В настоящее время существует несколько типологий английской комедии XVIII в. Р. Д. Хьюм, например, выделяет два типа: «веселую комедию» и «серьезную комедию». К первой он относит комедию фарсовую, сатирическую, «гуманную» и др. Серьезная комедия, по его мнению, отличается двумя признаками: переносом акцента на чувства и стремлением оказать моральное воздействие. Можно предположить, что позиция Р.Д. Хьюма основывается на некоторых положениях критики XVIII в. Так, Г. Уолпол различал «веселую» и «серьезную» комедии, выделяя при этом «слезную» («сентиментальную») комедию как новую промежуточную форму. Убедительной кажется позиция французского просветителя Д. Дидро, который в эссе «О драматической поэзии» (1758) попытался выявить основы для дифференциации двух типов комедии: «Объектом веселой комедии является высмеивание пороков, объектом серьезной комедии – добродетель и человеческий долг». Очевидно, что на рубеже XVII–XVIII столетий в комедии произошли изменения, связанные, в частности, с этическим характером национальной просветительской идеологии. В ходе трансформации взглядов на нравы и природу человека центральным звеном комедии становится герой (а не сюжет) и меняется способ его представления: недостатки героя рассматриваются в оптимистическом ключе. Р. Д. Хьюм считает, что термин «сентиментальный» не отражает сути этого изменения. Однако традиционно принято придерживаться терминологии, предложенной О. Голдсмитом в его знаменитом «Эссе».

Существуют различные точки зрения относительно «сосуществования» на английской сцене двух разновидностей комедии. Некоторые исследователи считают, что доминирующей была сентиментальная комедия (Д. Круассан), другие убеждены в преобладании веселой комедии (А. Шербо). Также говорят о ведущей роли той или иной комедии в зависимости от этапа в развитии драмы Просвещения. Большинство исследователей отмечают, что сентиментальная комедия возрождается между 1750–1767 гг., достигает своего апогея в 1760–1767 гг., подвергается резкой критике сторонниками комедии нравов в 1768 – 73 гг., удерживает лидирующие позиции в период с 1773–1780 и последующие годы (Э. Бернбаум, А. Никол, Ф. Т. Вуд). Однако Р. Д. Хьюм, например, утверждает, что оба типа комедии сосуществовали с переменным успехом. «Веселая традиция» не ушла со сцены и в середине столетия благодаря произведениям Мэрфи, Фута, Кольмана, а затем Голдсмита и Шеридана.

Артуру Мэрфи (1727–1805), ирландскому драматургу и журналисту, принадлежит важная роль в возрождении комедии нравов. Появление в 1760 г. комедии Мэрфи «Как удержать мужа» стало важным событием в драматургии XVIII в., которое позволило «оживить» традиционную комедию. Анализ критических и драматургических произведений показывает, что Артур Мэрфи был одним из первых, кто выступил с критикой сентиментальной комедии и оказался наиболее последовательным ее противником. Являясь сторонником классицистической жанровой системы, он критически относился к смешанным жанрам, в том числе, сентиментальной драме, представляющей собой синтез комедии и трагедии. Главный аргумент Мэрфи против сентиментальной комедии заключался в его убеждении, что смешение жанров не оставляет возможности воплотить художественную правду. Драматург придерживался мнения, что нравоучительные изречения и сентиментальные диалоги не могут составлять комедию, задача которой –

изображать жизнь и нравы. Он отвергал новую комедию и с позиций поэтической справедливости.

Некоторые критики (Б. Мэтьюс, Ф. Шеллинг) называют Мэрфи сентиментальным автором, ссылаясь на определенные черты его пьес. Причина заблуждения этих исследователей, вероятно, заключается в том, что основное различие между веселой и сентиментальной комедией они видят в противопоставлении «непристойных» пьес Реставрации, где часто побеждает порок, и нравоучительных пьес восемнадцатого века, воспевающих добродетель (Неслучайно одним из определений новой комедии было «моральная»). Но практика показывает, что комедия нравов может и не быть аморальной, оставаясь при этом надежным средством высмеивания пороков. Именно такие комедии писал Артур Мэрфи, последовательный представитель эпохи Просвещения. Он придерживался традиционного понимания функции данного жанра: развлекать, поучая при этом.

В период Просвещения основополагающей становится концепция о положительной природе человека, способной к совершенствованию и восстановлению нравственных ценностей. Изменения в эстетике приводят и к изменениям в комедии нравов восемнадцатого столетия. В пьесах («Как понять себя», «Горожанин», «Как удержать мужа» и др.) Мэрфи высмеивает отрицательных героев, делая их заложниками своих пороков и заставляя ответить за свои поступки, при этом предоставляет им возможность исправиться. Например, драматург пытается нас убедить, что даже скандальный сплетник Дэшвуд в комедии «Как понять себя» имеет доброе сердце. Кроме того, Мэрфи «лишает» большинство своих пьес традиционной для комедии Реставрации интриги любовного треугольника и иногда вводит добродетельных героев («сентиментальные» влюбленные в пьесе «Три недели после свадьбы»). Однако наиболее ярко в его комедиях предстают сатирические образы, особенно женские, вызывающие неподдельный смех.

Произведения Артура Мэрфи свидетельствуют о стремлении автора сохранить целостность комической традиции. Источник комического он видит в тонкой сатире на нравы. Драматург убежден, что создатели комедий должны учить добрым нравам через смех (а не слезы) и создавать реалистические образы без гиперболизма при изображении недостатков. Таким образом, Мэрфи использует методы Реставрации в новых целях, соответствующих эпохе, и остается при этом верен традиции веселой комедии.

Марчук М. И.
Ярославский государственный педагогический университет

Английский постмодернистский роман как интерпретация национальных культурных традиций

К концу двадцатого столетия накопившаяся за века творческой деятельности человечества сумма художественных текстов приобрела самостоятельное культурное значение, способность оказывать влияние на человеческую жизнь. Текст стал пониматься шире, чем просто литературное произведение: теперь стало можно и собственно поведение человека прочитывать как последовательность знаков. Возникновение в литературе постмодернизма, таким образом, не только помогало, человеку двадцатого века управляться с огромным литературным на-

следием. Философия текста анализировала, помогала читать и усваивать наборы определенных культурных знаков и кодов.

Современное культурное пространство, на первый взгляд, предоставляет личности огромное количество вариантов в выборе стратегии поведения, жизненной позиции. Традиционно богатство выбора оценивается обществом как благо, однако сам выбор не осознается простым. Наш современник зачастую актуализирует модели поведения, элементы традиции, не чувствуя их сущностной значимости. Неудивительно, что еще во второй половине XX в., в момент появления в культуре постмодернизма, провозгласившего своим принципом игру (несерьезность), наиболее серьезные из писателей ощутили как опасность, так и нежизнеспособность такой позиции. В данной статье мы хотели бы проанализировать роль литературных и культурных традиций в романе Джона Фаулза «Волхв».

Роман «Волхв» предстает как произведение, в котором сугубо постмодернистские приемы создания сюжета «работают» на достижение цели, доставшейся в наследство от эпохи гуманизма XIX в. - поэтапно, пристально проследить нравственное взросление героя. «Волхв» вообще может быть назван романом о взрослении, а в классической литературной традиции - романом воспитания.

Фаулз исследует психологию человека, не чувствующего себя уютно ни в одной из двух ролей, предлагаемых ситуацией (конформист – нонконформист), более того – задающегося вопросом о собственном месте в культурном процессе, но умудряющегося лавировать между двумя полюсами за счет своей способности менять маски. Герой отделен от прошлого, от предшествующей традиции прежде всего через неприятие ее во всех формах и проявлениях. По своей исходной позиции герой Фаулза – максималист, проверяющий актуальность любых установок через их способность быть полезными конкретно ему. Читатель найдет в романе не столько борьбу отживших идеалов и нарождающейся культуры, сколько вытекающие из этой борьбы поиски истинного, живого среди косности, свойственной как той, так и другой стороне. В итоге герой приходит к тем же традиционным ценностям (семья), но на более глубоком по сути, довикторианском по форме уровне. Так обозначается проблема толкования традиций (здесь – в сфере рода и семьи) – на формальном или личностном уровне. Путь обретений человека в нравственном плане, по Фаулзу, выглядит как поиск золотой середины между принципом, доведенным до абсолюта, и его антиподом.

В соответствии с национальной установкой традиции освоены героем на уровне памятников культуры и сугубо в рациональном плане. Нравственный аспект этого наследия не занимает героя во многом в силу возраста и упрощается им до формального приятия викторианской морали его родителей. Говоря о традициях, следует обратить внимание на авторскую оценку этого феномена: культурные реминисценции используются Фаулзом как метод построения лабиринта и не представляют трудностей для «прохождения» по ним героя, обладающего определенным уровнем образования и специфическими особенностями характера, порожденными эпохой (поиск острых ощущений и др.). Иное дело – исторически сложившиеся нравственные приоритеты, которые герой должен постигнуть в процессе своего ускоренного духовного взросления. Наше исследование выявляет своеобразную эволюцию героя в определении своего отношения к трем культурным факторам: эстетическому наследию, этическому наследию и специфике эпохи, в которой существует герой (это заостренность конфликта нового и старого,

необходимость выбора). Ключом к осмыслению этого является, по Фаулзу, определение понятия свободы: «Истинная свобода – между тем и другим, а не в том или другом только, а значит, она не может быть абсолютной». В таком определении заложено признание права личности на осознанный выбор, обусловленный культурой и временем, но апеллирующий к общечеловеческим традициям, а не к ритуалам.

Историческое наследие представлено в «Волхве» в двух масштабах: крупные события (битва под Нефшапелью, расправа над жителями на острове Фракс-сос) и «истории» в духе своеобразно понятой диалектики души, то есть до поры до времени никак не связанные с общей логикой происходящего, логикой игры, рассказы об отдельных личностях. «Малые истории» предполагают расшифровку, интеллектуальную работу; фрагменты большой истории за счет личностной подачи ориентированы прежде всего на эмоциональное восприятие. Через это воздействие автором проверяется устойчивость, жизнеспособность героя.

Важным моментом в самоопределении героя относительно традиций является его отношение к смерти. Первое столкновение Николаса со смертью - неудавшаяся попытка самоубийства. Проект такого театрализованного самоубийства вполне в традициях романтиков: противостояние личности и мира, акцент на непонимании и невозможности сближения с окружающими, бегство от людей и, наконец, самоубийство как окончательный уход из мира. Однако Николас добавляет к вышеперечисленному еще одну причину - невозможность выразиться в творчестве, единственной области приложения сил романтиков прошлого. Это как бы итог определенного периода, подтверждение инфантильности Николаса на тот момент - по отношению к культуре, творчеству в том числе. Человеческое и «ницшеанское» начала противопоставлены в романе вплоть до финала. Это противопоставление само по себе - также культурная традиция, начало которой положил романтизм.

Начинается его путь к истине, точнее - к окончательному признанию ее надындивидуального характера. Испытания внешнего и внутреннего плана как бы пробудили в герое потребность в нравственных исканиях и обретениях: чтобы противостоять внешним воздействиям и сохранять относительную устойчивость в развитии личности, необходима проверенная, а не слепо заимствованная система нравственных ориентиров. Возможно, возникновение таких потребностей знаменует взросление.

Логика финала объясняется авторским толкованием фамилии главного героя, где «есть скрытый каламбур: Эрфе на самом деле означает Earth, Земля – словечко, возникшее задолго до напрашивающейся ассоциации с Оноре д'Юрфе и его «Астреей». Очевиден приоритет бытийных ценностей (Земля – идея рода) над культурными ассоциациями, игра которыми доводит героя до безумия. Метания героя между этими двумя полюсами характерны не только для какого-то поколения, конкретной эпохи: ситуация такого выбора существовала всегда, определяя жизнеспособность, долговечность каждой культуры как выбор между созиданием и разрушением.

Особенности эволюции героя, на наш взгляд, целиком обусловлены эпохой, временем культурного перелома и национальной традицией. Первое условие обеспечивает четкое разделение людей и мнений, непременный максимализм оценок в борьбе «старого» и «нового». Но герой сделает выбор в пользу «немод-

ных» ценностей верности и семьи, выбор, подкрепленный правом на собственное мнение.

В своем поиске герой последовательно пробует себя в исполнении практически всех зафиксированных культурной традицией ролей: наследник, поэт-романтик, экспериментатор-сверхчеловек, герой-любовник и др. Так герой опытным путем определяет свое положение по отношению к традициям и современности, обретает устойчивую (так как проверенную) систему ценностей.

Михалева Г.В.
Таганрогский государственный педагогический институт

Исторические этапы развития медиаобразования в Великобритании

История развития медиаобразования в Великобритании насчитывает около полувека. Как и во многих других западноевропейских странах, это движение началось с кинообразования, а затем расширило диапазон исследования (пресса, радио, телевидение, видео, реклама, Интернет и т.д.). Этап зарождения медиаобразования в Великобритании хронологически совпадает с периодом образования Британского киноинститута (*British Film Institute - BFI*) – 30-е гг. XX в. В институте есть отдел образования, обладающий уникальной коллекцией книг, журналов и газет, имеющих непосредственное отношение к медиакультуре. Отдел образования в течение многих лет проводит конференции и семинары, медиа-курсы для учителей, осуществляет научные исследования, публикует книги, учебно-методические пособия для педагогов.

Под влиянием культурно-просветительской традиции в английской литературной критике, заложенной британскими культурологами и педагогами Ф. Р. Ливисом и Д. Томпсоном (*Culture and Environment*, 1933), первоначально медиаобразование в Великобритании (тогда данный термин еще не употреблялся, речь шла об обучении с применением масс-медиа – кино, радио, прессы) развивалось в рамках так называемой «инъекционной» или «защитной» парадигмы (*Inoculative, Protective Paradigm*), основанной на предвзятом отношении к продукции масс-медиа. Основной целью данного подхода стала попытка защитить традиционные культурные ценности цивилизации от негативного влияния масс-медиа.

На рубеже 50-х – 60-х гг. поколение учителей, воспитанных на эстетических идеалах Ф.Р. Ливиса, но имевшее определенные предпочтения в области экранного искусства, стали использовать на занятиях в школе отдельные формы массовой культуры. В основном, это были общепризнанные шедевры мирового кинематографа, серьезные периодические издания, содержательные образовательные телепрограммы. Педагоги пытались развивать эстетические вкусы школьников посредством знакомства их с лучшими образцами, главным образом, экранного искусства. В то же время на развитие медиаобразования в Британии определенное влияние оказали идеи выдающегося канадского исследователя медиакультуры М. Маклюэна (M. McLuhan). В 50-х гг. в Великобритании сформировалась концепция «экранного образования». Термин «экранное образование» (*Screen education*) появился как международный лишь в начале 1960-х гг. До этого был больше распространен термин «киновосприятие» или «кинообразование»

(*Film appreciation / Film education*). Под воздействием теории «авторского кинематографа», медиаобразование в Великобритании было связано с изучением «медиа как популярной культуры» в лучших ее образцах (*Popular Arts Paradigm*). Начиная с 60-х гг., медиакультура в том или ином виде стала изучаться в большинстве британских университетов. В ряде школ в Англии в начале 60-х экранное образование успешно преподавалось автономно.

В 70-х - 80-х гг. XX в. медиаобразование в Британии расширилось с созданием новых кинообразовательных курсов для средней школы и позже новых курсов по медиа, которые были включены в экзаменационный список для 16-18-летних учащихся. В связи с развитием семиотических теорий в 70-х годах медиаобразование стало больше ориентироваться на структуралистскую трактовку медиатекстов как знаковых систем (*Semiotic/Representation Paradigm*). Эти направления были впервые довольно подробно описаны и проанализированы Л. Мастерман. С 1975 г. открыт *The English and Media Centre* - независимая некоммерческая образовательная организация. Ее деятельность тоже направлена на развитие медиаобразования в Соединенном Королевстве.

Возможность использования видеотехники и расширение влияния телевидения сделало работу на телематериале базовой для британской модели медиаобразования. Однако вплоть до 80-х гг. XX в. оно осуществлялось только в тех школах, где были учителя-энтузиасты, заинтересованные в том, чтобы их ученики могли лучше ориентироваться в мире массовой коммуникации.

Коренные изменения произошли лишь в 1988-1989 гг., когда по инициативе образовательного отдела Британского киноинститута медиаобразование впервые стало составной частью национальных учебных планов в Англии и Уэльсе. При этом наиболее эффективным путем медиаобразования был признан интеграционный подход. Изучение медиакультуры предусматривалось в рамках такого обязательного предмета начальной и средней школы как «Английский язык» (в основном для возраста с 11 до 16 лет). При этом подразумевалось, что медиакультура станет изучаться и на других уроках (иностранных языков, истории, географии, искусства, музыки, точных наук и т.д.).

Однако оказалось, что к середине 90-х гг. XX в. медиакультура во многих случаях преподавалась поверхностно. В отличие от университетов, медиаобразовательные уроки не имели должного веса в школах, кроме того, не хватало целенаправленной подготовки учителей. Быть может, именно поэтому британское правительство дважды (в 1992 и в 1993 гг.) предпринимало попытку исключить медиаобразовательные элементы из школьных учебных планов. Так или иначе, к 1993 г. позиции медиаобразования в английских школах были ослаблены. Однако, несмотря на это, в 1995 г. 30 000 британских школьников выбрали предмет «Медиа» для сдачи экзаменов.

В 1996 г. в Англии на базе педагогического факультета Саутэмптонского университета открылся Центр медиаобразования (*Media Education Centre*), который возглавил профессор Э. Харт (A. Hart). Данный центр стал инициатором серьезных научных исследований на британском и международном уровнях. Главными проектами центра в 90-х гг. стали исследования - «Медиаобразование на уроках английского языка» и «Международные перспективы медиаобразования». Центр вот уже несколько лет готовит магистров и докторов наук в области

медиаобразования, проводит занятия в рамках специализированных медиакурсов.

В 1998 г. при патронаже правительственного департамента культуры Британский киноинститут создал Рабочую группу по кинообразованию (*Film Education Working Group*), которая активно занялась исследовательской деятельностью по кино/медиаобразовательным проблемам. В 1999 г. вышел в свет отчет этой группы *(Making Movies Matter)*. Согласованный по решению правительства с Британским киноинститутом, он стал рекомендацией в помощь развитию кинообразования в Соединенном Королевстве и способствовал дальнейшему расширению исследований Британского киноинститута.

Сегодня около 25 000 шестнадцатилетних школьников изучают в Британии элективный курс по медиакультуре. Свыше 15 000 восемнадцатилетних старшеклассников проходят элективные курсы по кино/медиаобразованию в течение года. Количество студентов, посещающих курсы по медиакультуре в университетах, составляет примерно 30 тысяч.

Музалев А. В.
Кузбасская государственная педагогическая академия

Образы Эдуарда Исповедника и Гарольда Годвинсона в романе Э. Бульвер-Литтона «Король Гарольд». Опыт историографической экспертизы художественного текста на основе полидисциплинарной технологии анализа ментальности

Известно, что формирование исторических образов в обыденном сознании формируется не только на основе интеллектуальной продукции профессиональных историков, сколько на основе исторической памяти, художественных текстов, средств массовой информации. Поэтому важно понять, в какой степени тот или иной автор смог нарисовать достоверный образ прошлого, и для этого необходимо обратиться к экспертизе художественных текстов. Автор попытается сделать это с помощью полидисциплинарной технологии, фокусом которой является бессознательное. Данная исследовательская стратегия скомплектована в режиме взаимодополняемости, общей фокусируемости и методологической конвертируемости используемых концептов и методов.

Объектом исследования выступят образы Эдуарда Исповедника и Гарольда Годвинсона, последних королей англосаксов, воссозданных в романе Бульвер-Литтона. Литтон рисует образ Эдуарда как крайне религиозного и нерешительного правителя. Это отражает гендерный образ Эдуарда Исповедника. Он изображается как обуреваемый противоречивыми чувствами, о чем свидетельствует, скажем, диалог с Гарольдом, где король говорит: «Когда в цвете юности, меня силой заставили видеть перед собой молодость и красоту, и человеческий закон и голос природы твердили безотвязно: "Они принадлежат тебе!..", разве я не почувствовал, что борьба внесена в мое уединение, что я кругом опутан светскими обольщениями и что враг человечества сторожит мою душу? Говорю тебе, вождь, ты не знаешь борьбы, которую я вынес, ты не одерживал тех побед, которые мне при-

шлось одержать... И ныне (...) могу ли я без горечи и без чувства стыда смотреть на живое воспоминание пережитой борьбы и искушений (...) Тех дней, когда в лице женщины я видел сатану?...».

Известно, что гендерная идентичность отражает целостную структуру личности. Из текста диалога вырисовывается конфликт разных ценностных установок короля. С одной стороны, сила витальных и вместе с тем социокультурных устремлений (его жена - дочь Годвина, всесильного эрла Уэссекса, была не только знатна, но и хороша собой), с другой – их жесткая аскетичная табуированность, приведшая не только к тому, что король остался без наследника, но и лишившая его простых радостей природного свойства.

Встает вопрос, насколько точно приблизился писатель в этой реконструкции к наиболее исторически вероятному образу англосаксонского короля. Используя означенную исследовательскую стратегию, мы можем предположить, что идентичность Эдуарда Исповедника носила негативный характер. Как известно, главный объект идентификации для молодого Эдуарда – отец – англосаксонский король Этельред Неспособный. Своими неумелыми действиями последний предопределил поражение англосаксов сначала от Свена Вилобородого, сестру которого приказал убить, а затем от сына Свена – Кнуда. Известно, что питаемая отношением окружающих идентичность отца, является важной частью самоидентификации ребенка. Это один из факторов, заложивших основу для негативного «образа себя». Религиозная идентичность короля была органична общей структуре его личности, которую в терминах концепции Э. Фромма можно описать как авторитарную с доминированием мазохистких тенденций (слабости Эго). Попытки насадить нормандские порядки и усилить свою власть, неподкрепленные уверенностью в себе и отсутствием харизмы в глазах знати, привели к тому, что негативные идентификации стали доминирующими в структуре его идентичности. Учитывая это, можно предположить, что ощущавший на бессознательном уровне свое несоответствие образу сильного короля, Эдуард рационализировал эту неадекватность в понятиях собственной эпохи как отражение собственной греховности. Вложенные Литтоном в уста короля слова о его победе над дьяволом органично коррелируются с полидисциплинарной реконструкцией общей структуры его идентичности и могут быть интерпретированы как рационализация, ширма, прикрывающая бессознательные процессы.

Гарольд же в свою очередь изображен в романе фигурой трагической, как человек одаренный и благородный он не может противостоять року, который приводит его к поражению и смерти. Но наряду с мистической составляющей Литтон раскрывает нам свое виденье психологической эволюции этого героя. Необходимо отметить, что Англия в середине XI века представляла собой очень разнородное общество. Проходили процессы христианизации, становления феодальных отношений, изменения затронули и сферу бессознательного. Это ясно видно на примере Гарольда и его братьев Свена и Тостига. Свен, старший сын Годвина, действует вполне в духе своих предков по материнской линии – викингов, он занимается морским разбоем, нарушает церковные запреты и в конечном итоге отправляется в изгнание, становится отшельником. Это версия Литтона, но часть источников говорят о том, что Свен отправился как паломник в Иерусалим и умер во время обратного пути в 1049 г. Путь от разбойника к праведнику характерен не только для Свена, но и для других представителей англосаксонской зна-

ти: неудачи приводят к кризису идентичности, на фоне конфликта старых варварских и новых христианских установок, все это вытекает в бегство от мирской жизни. Тостиг, с другой стороны, был по своей ментальности типичным викингом, для которого не страшны христианские запреты. Гарольд же изображается в романе как человек разумный, рациональный. Вместе с тем он доверчив и Вильгельм Норманнский, пользуясь этим, заманивает Гарольда в ловушку, добиваясь клятвы на мощах святых, что он будет способствовать восшествию Вильгельма на престол после смерти Эдуарда Исповедника. Клятву он не соблюдает и сам вступает на английский престол после смерти Эдуарда Исповедника. Нарушение клятвы приводит к разрушению положительной социопсихологической идентичности. Он перестает воспринимать себя в качестве достойного человека.

Гарольд не только сам находится в надломленном психологическом состоянии, но и деморализует своих соратников. Установки характерные для варварского общества: жажда славы, избыточная смелость, вступают в конфликт с установками христианского происхождения, которые уже получили достаточное распространение в англосаксонском обществе. И негативная часть идентичности, которая рационализировалась также как у Эдуарда в восприятии себя в качестве грешника, привела Гарольда к роковым решениям. Усиление неосознаваемых установок негативного ряда в общей структуре идентичности, потеря веры в себя превращают авторитетного и решительного государя в полководца, который заранее отдал победу, чтобы тем самым наказать себя за клятвопреступление. Попытки преодолеть с помощью ссылок на вынужденный характер клятвы ситуацию психологического кризиса идентичности, невозможность выработать новые установки в короткий срок, которые смогли бы помочь адаптироваться в новой ситуации, все это закончилось провалом. Решение вступить в битву в невыгодных для англосаксов условиях связано, в том числе, и с личным кризисом Гарольда, так как он до битвы при Гастингсе демонстрировал обдуманное, своего рода, рациональное поведение. Он мог и умел идти на компромисс и шел на противостояние в исключительных случаях. И совет младшего брата: не участвовать в битве мог бы быть услышанным, если бы не глубокое чувство неуверенности в собственной правоте и стремление разрешить тот кризис, который довлел над Гарольдом.

Как видим, те позитивные установки, которые уже были у Гарольда и сдерживали его импульсивность, отошли на второй план. Очевидно, что они не были достаточно прочны, и трансформация идентичности, прирастание груза негативных установок привели к актуализации установок архаического типа, повышенной импульсивности и неуверенности в себе. Причем можно говорить о том, что эти процессы резко обострились перед битвой. Иными словами, использованные концепты позволили установить высокую вероятность достоверности художественной интерпретации реконструированных в романе исторических образов.

Муравьева М. Г.
Российский государственный педагогический университет

За границей дозволенного: джентльменское поведение и сексуальное насилие в Англии XVIII в.

Джентльменство как концепция поведения и особый элитарный этос формируется в Великобритании XVIII-XIX вв. именно вокруг жестких правил игры, соблюдение которых отличает представителя элиты от простолюдинов. Появившись как исключительно социальный конструкт, присущий определенной общественной группе – джентльменам (благородным), – джентльменство постепенно распространяется на все элитарные общественные группы, включая пэрство, и к началу XIX в. становится доминантным набором правил поведения. Частью этоса стало и поведение в отношении женщин, вошедшее затем в обыденный язык как синоним уважения и почитания. Однако, джентльмены и пэры, несмотря на строгие правила не бить и не насиловать женщин (а это грозило потерей чести и репутации одновременно), тем не менее, регулярно оказывались виновными в супружеском и сексуальном насилии. Известными литературными примерами могут служить «Кларисса Гарлов» С. Ричардсона середины XVIII в. и «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси начала XX в., которые маркируют собой эпоху, когда, с одной стороны, концепция джентльменства стала эталонной элитарной концепций, а с другой стороны, уровень насилия над женщинами со стороны джентльменов увеличился в разы. В чем причины такой ситуации? Какие механизмы функционирующего патриархата предоставляли джентльменам оправдание своих действий? Как сосуществовало уважение и почитание женщин с высоким уровнем сексуального насилия?

Джентльменство как система базовой идентичности распадается на две тесно взаимосвязанных системы отношений и символов: система отношений между равными (=джентльменами) и система отношений к «Другому» (то есть всем тем, кто джентльменами не является). Отношения между равными и есть то привлекательное, что будоражит воображение мужских групп: солидарность, правила честной игры, безукоризненное исполнение обещаний, слово чести, сама концепция чести, - эти и другие сопутствующие им этические положения призваны демонстрировать как унитарность элиты и невозможность ее дезинтеграции (кроме физического уничтожения), так и те эталонные, гегемонные ценности, к которым обязан стремиться каждый мужчина вне зависимости от социального статуса. Положения эти, однако, распространяются только на самих мужчин: половая (даже не гендерная) принадлежность является решающей при отборе. Вторая система, хотя ее основные элементы и совпадают с первой, имеет совершенно отличные цели и задачи: формирование таких связей с различными половозрастными и социальными группами, которые бы каждая из них ценила как уникальные и особенные (хотя по сути своей они ничем не отличаются). Ее можно сравнить с политикой Рима по отношению к варварским народам. Центральным «Другим» для джентльменов становится женщина, чей образ в свою очередь делится на женщин своего круга и женщин-простолюдинок. Оставляя в стороне общую сексуальную культуру джентльменов, обратимся к тем практикам, которые касались применения силы. Под сексуальным насилием, таким образом, мы будет понимать не

только насильный половой акт (то есть вступление в половые отношения против воли женщины), но и физическое насилие, тесно связанное с идеями о том, каковые обязанности женщины и мужчины по отношению друг к другу.

Английское уголовное право серьезно карало сексуальное насилие (изнасилование или *rape*): за это преступление в XVIII в. полагалась смертная казнь. В связи с таким положением вещей процессу доказательства совершенного преступления придавалось особое значение. Состав преступления включал в себя несколько условий: «внутреннее познание тела» (*carnal knowledge of the body*) или обязательный половой акт, и отсутствие согласия жертвы. И то и другое было достаточно сложно доказать, особенно при условии, что вся тяжесть доказательств, также как и необходимость инициирования иска, падала на потерпевших. Поэтому фигура потерпевшей/его всегда была в центре внимания. Однако аристократы и представители джентри редко попадали в суд за изнасилование в XVIII в., во всяком случае, гораздо реже, нежели представители других социальных слов. Отсутствие аристократов в суде с лихвой компенсировалось картинами аристократической жестокости на страницах художественной литературы: начиная с «Похищения Лукреции» Шекспира (*Rape of Lucrece*; на русский язык слово *rape* традиционно переводилось как похищение, но не как изнасилование) и заканчивая «Клариссой Гарлов» Ричардсона. И все же эсквайры, баронеты и лорды периодически оказывались в суде по обвинению в изнасиловании, но, как правило, со стороны женщин, ниже стоящих по социальному положению. Только один случай 1630 г. графа Каслхейвена включал обвинение в изнасиловании жены графом, но в XVII в. концепция джентльменства еще не была доминантной для британской элиты. Низкий показатель количества дел об изнасиловании аристократами обусловливается очень зыбкой границей между определением изнасилования и совращения (*seduction*), которое, в свою очередь, уголовным преступлением не являлось, но могло быть преследуемо по гражданскому иску. Совращение предполагало добровольное вступление в половые отношения со стороны женщины в ответ на определенного рода обещания (чаще всего женитьбы). Жертвами совращения становились не только простолюдинки, но, конечно, и девушки из благородных семей, поэтому романтическая литература второй половины XVIII – первой половины XIX в. постоянно предупреждала молодых девушек быть осмотрительнее и сторониться тех «псевдоджентльменов», которые не держат своего слова. Обычно в таких историях поведение мужчины рассматривалось как неджентльменское и накладывало отпечаток на его репутацию. Однако, именно здесь и возникает коллизия, связанная с пониманием джентльменства как идентификационной концепции и джентльменства как социальной группы: джентльмену, выходцу из среды джентри (социальной группы, близкой к дворянству), в случае потери репутации грозило изгнание из общества или, по крайней мере, продолжительное исключение; джентльмену же, выходцу из среды пэров, такое изгнание не грозило в силу сложности социальных и политических связей – здесь потеря репутации не изначала потерю социального статуса. Более того, в случае с совращением пэрские семьи, как правило, откупались крупными и не очень суммами. В случае же изнасилования, если семье не удавалось откупиться на начальной стадии, то последствия могли быть также тяжелыми. Знаменитое дело лорда Балтимора 1768 г. тому пример. Модистка Сара Вудкок обвинила Фредерика Калверта, 6-го лорда Балтимора в изнасиловании, что вызвало широкую публичную

полемику о роли аристократии в обществе: социальное напряжение было настолько велико, что поток памфлетной литературы антиаристократического характера грозил подтолкнуть британский парламент к очередной попытке реформы Палаты Лордов. И хотя лорд Балтимор был оправдан, он все же продал свое имение и покинул Англию.

Джентльменство как определенная система поведения, принятая на вооружение британской элитой, устанавливало определенные ограничения и на сексуальное поведение своих членов. Мужественность должна была выражаться не через доказательство особой гипертрофированной сексуальности, многочисленность связей, общением с проститутками, но умением сдерживать и перенаправлять свою сексуальность в «цивилизованные» формы брака и семьи посредством сети ритуалов, авторизовывавших использование насилия в особых случаях, таких как война или дуэль. Каждый истинный джентльмен должен был использовать свою сексуальность на благо империи, то есть вступить в брак и родить детей, но не растрачивать ее попусту, совращая и насилуя простолюдинок. Это, однако, не означало, что джентльменство как концепция признавало женщину личностью или равной мужчине: женщина могла находиться под защитой этоса только в случае жесткого подчинения установленным патриархатным правилам поведения – только выступая в роли добродетельной, стремившейся к материнству и домашнему очагу особы.

Нечаева Е. Н.
Кировский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Натурфилософия Кристофера Смарта в контексте английского предромантизма

Предромантизм как литературное течение возникает в середине XVIII в. и оформляется в стройную систему, определяя терминологию и содержание основных понятий, именно в Великобритании, где, по мнению многих отечественных литературоведов (Н. А. Соловьева, В. А. Луков и др.), существовали предпосылки для наиболее благоприятного развития антипросветительских идей. Особенность предромантизма – в его положении между классицизмом и романтизмом, но, как указывает Н. А. Соловьева, «самостоятельный и оригинальный характер» предромантизма заключается в «его подготовке к окончательному разрыву с нормативной поэтикой».

В первую очередь одним из «симптомов» новой культуры XVIII в. стала полемика «старых» и «новых», контекст которой заключался в научных спорах между сторонниками Рене Декарта и Исаака Ньютона. Если для Р. Декарта природа являлась совершенным механизмом (ибо его Создатель также совершенен, а сам механизм регламентирован математическими законами и максимально упорядочен), то И. Ньютон, являясь авторитетным религиозным мыслителем, не считал природу идеальной и полагал, что Бог активно вмешивается в земные дела, ибо сотворенный Им мир не безразличен Ему. Исаак Ньютон применял категорию воображения для построения научных концепций, а эксперимент и пассивное наблюдение стали основой его научной методологии. Воображение как эстетиче-

ская категория становится особым свойством разума, ибо разум воспринимается как единственно возможная основа любой достоверности и определенности в познании. Эмпиризм Ньютона и его принцип «наблюдения ради наблюдения» становились причиной многочисленных дискуссий, как в науке, так и в религии.

Кристофер Смарт, один из наиболее выдающихся религиозных поэтов Великобритании XVIII столетия (1722–1771 гг.), в прошлом являясь старшим лектором по философии одного из колледжей Кембриджского университета, не мог игнорировать эти споры. Его собственная натурфилософия, безусловно, является продуктом эпохи предромантизма, временами совпадая с позицией Ньютона, но отвергая некоторые основные его принципы и выдвигая собственные взгляды в рамках общего контекста эстетики названного периода. Двойственность и нестабильность многих понятий и категорий относительно восприятия природы философией и религией вообще характерна для предромантизма, и эта двойственность отражена в натурфилософии Смарта в полной мере в его поэме «Возрадуйтесь в агнце» (Jubilate Agno, впервые опубликована в 1939 г.).

Основа натурфилософии Смарта – его отказ от любых гипотез и предположений – частично сближает поэта с Ньютоном. Кроме того, Смарт также не воспринимает мир как нечто абсолютно идеальное, ибо мир есть результат грехопадения человека. Философия Смарта берет свое начало от понимания человека как падшего и несовершенного существа, и это убеждение накладывает особый отпечаток на восприятие им божественного порядка в мироздании. Мысль о несовершенстве мира и тема грехопадения человека и разрушительной силы Дьявола является ключевым в религиозной и философской концепции поэта:

For the SHADOW is of death, which is the Devil, who can make false and faint images of the works of Almighty God.

For every man beareth death about him ever since the transgression of Adam, but in perfect light there is no shadow.

(B 2. 308-9)

То есть, для Смарта причина тени – это не распространение света, а козни и происки Дьявола. Космология Смарта основана на таком представлении о природе, когда опыт и наблюдение могут оказаться не самыми надежными ключами к пониманию и восприятию мира и в которой «ложные образы» сбивают с пути эмпирического философа. Конечно, натурфилософия для Смарта – это не только средство понимания реального мира, но и метафора или аналогия, посредством которой можно осознать духовный опыт, и многие из ее очевидных идиосинкразий есть результат религиозности поэта. Но эти религиозные взгляды нельзя назвать несоответствующими системе натурфилософии эпохи. Очевидно, что во многих вопросах разница между взглядами Ньютона и Смарта заключается лишь в методе, так как метод Смарта не является исключительно индуктивным. Натурфилософия Смарта обращается к проблеме, которая в мировоззрении Ньютона признается только как результат технических затруднений, замедляющих научный прогресс. Например, сложность измерить скорость света при наблюдениях за орбитами спутников планет воспринимается в основном как проблема создания достаточно мощного телескопа и накопления достаточного количества достоверных наблюдений, а не как вероятность ошибочного толкования полученных результатов или применения метода, который оказался бы ненадежным. Для Смарта наблюдение всегда проблематично, особенно потому, что на него влияет взаимо-

действие света и тени (олицетворений Бога и Дьявола соответственно). Кроме того, с его точки зрения, человеку вообще сложно правильно оценить и понять вопросы, связанные со светом и огнем. Огонь (и свет, как его проявление) по Смарту может быть божественным или дьявольским, может и преобразовывать, и очищать, и разрушать, и его природу следует познать до того, как оценивать его результат:

For Fire is a mixed nature of body and spirit, and the body is fed by that which hath not life.

For Fire is exasperated by the Adversary, who is Death, unto the detriment of man.

(B 1. 171-2)

Для Смарта природа обладает двойственностью, и в наблюдениях за ней важно распознавать подлинные, богоданные истины и отличать их от дьявольских проявлений. Смарт, однако, указывает, что проблему их разграничения достаточно сложно разрешить. Смарт признавал тот факт, что процесс познания природы должен включать в себя акт интерпретации. Однако если для Ньютона этот акт происходит под знаком уверенности в правоте человеческого разума, то для Смарта он тесно связан с библейским контекстом, который, как пишет В. Джонс, «можно интерпретировать различными способами, в зависимости от убеждений того, кто это делает». Именно в нежелании Ньютона соотносить результаты наблюдений с Библией Смарт и неоднократно упрекает ученого в поэме «Возрадуйтесь в агнце». В этой поэме Смарт рассматривает такие ключевые для концепции Ньютона понятия как инерция, трение и др., объясняя их с библейских позиций (сила трения, например, есть вмешательство сил зла в божественный порядок вещей и т.д.).

Таким образом, ключ к пониманию естественной философии Смарта лежит в методе восприятия природы и оценки данных визуальных наблюдений. Смарт рассматривает природу в контексте веры как демонстрацию существования деизма, но, очевидно, для него подобный контекст меняет природу видения:

For the Argument A PRIORI is GOD in every man's CONSCIENCE.

For the Argument A POSTERIORI is God before every man's eyes.

(B 2. 359-60)

Мироздание Смарта существует в равновесии противопоставления добра и зла, одушевленного и неодушевленного, и этот баланс символизируется в поэме «Возрадуйтесь в агнце» цветком, который *«glorifies God and the root parries the adversary»* (B 2. 499). Точно так же, эхо, которое есть «дух доброго голоса», не может *«act but when she can parry the adversary»* (B 1. 235, 238, 236). Эхо само по себе от добра, так как *«she can assist in prayer»* (B 1. 237), но оно становится активным или эффективным только когда встречается с сопротивлением, и тогда оно вступает в схватку со злом, отражая его атаки. Смарт и сам является вовлеченным в эту схватку, так как его поэма прославляет слово Божье, которое является «мечом» (B 1. 20), созданным для «искоренения врага». Деизм Смарта, несомненно, доказывает его принадлежность к эпохе предромантизма, а тот факт, что его рассуждения с современной точки зрения носят скорее теологический и метафизический, чем научный характер, тем не менее, не отделяет его от традиций английской философии XVIII в.

Никол Дж.
Плимутский университет
Эксетерский университет

History Education as Political Education: the Role of the History Educators International Research Network (HEIRNET)

Introduction

In 2004, as Hilary Cooper noted, we decided to establish an informal international organisation for colleagues interested in History Education: the *History Educators International Research Network* [HEIRNET]. HEIRNET aimed to interface theory with practice; research and scholarship with applied knowledge; and politics with education - with specific reference to the role that History Education can play in the education of children and their development as citizens of plural democracies. History Education is just that – the historical dimension of a child's education in whatever guise, shape or form it might take. Most History Education takes place outside the history classroom – indeed, in many cases despite and not because of the history teaching that children receive. As such History Education is an integral, central element in all aspects of curricular provision, becoming prominent in the political dimension of a pupil's education. The political dimension of History Education can be both tacit and explicit but in all cultures and polities it plays a major formal or informal role in the educational process.

History Education and Political Education

The concept of History Education as political education has been central to HEIRNET since its inception and for even longer in its academic publication, the *International Journal of Historical Learning, Teaching and Research.* IJHLTR is now in its thirteenth edition – it has reported on developments in History Education from around the world with a wide range of contributors from all continents. A consistent element of papers and reports in IJHLTR has been the complex and evolving relationships between states/polities, education and the role of memory in terms of identity and its political expression – nationalism and the state's political orientation on axes that ranges from anarchy to autarchy, Christianity to Communism and democracy to dictatorship. A central feature that HEIRNET has addressed is the role of a 'master narrative' particularly as seen through the eyes of government, i.e. the body of historical knowledge that gives citizens their orientation towards family, society and the nation. Who better than a Scot, the current British Prime Minister, Gordon Brown, to comment on this phenomenon. In a speech in January 2006 on Britishness he commented:

And we should not recoil from our national history –rather we should make it more central to our education. I propose that British history should be given much more prominence in the curriculum – not just dates places and names, nor just a set of unconnected facts, but a ***narrative*** *that encompasses our history. And because citizenship is still taught too much in isolation, I suggest in the current review of the curriculum that we look at how we root the teaching of Citizenship more closely in History.* (Gordon Brown's speech on Britishness Fabian Society New Year Conference Imperial College London Saturday 14th January 2006)

Gordon Brown's speech raises as many questions as answers. Whose narrative? What form does it take? Who selects its content in terms of substantive and symbolic

meaning? What are the values the 'master narrative' transmits and its ethical overtones? How does the transmission of a received master narrative relate to the perspective of minorities and interests whose views it discounts but who are integral, valued members of British society? What are the implications for society of the nationalistic teaching of a 'master narrative' and its manifestation in forms such as participation in the Iraq war? A focus of this paper will be on the meaning and role of 'master' and 'minor' narratives in the discourse on History Education across a range of polities that the two most recent HEIRNET conferences in Cape Town and Istanbul addressed. Here we find two societies where the role and nature of a master narrative is hotly contested, and where the resolution of such debate has major implications.

While Nikita Khrushchev's remark 'historians are dangerous people' is in danger of becoming a cliché, it still contains a grain of truth. History Education to politicians has a clear focus: the individual memories of citizens that combine in a great, welling stream to form the main flow of national consciousness and specific identity. This sense of identity, of belonging in a passive sense fuels the justification / rationale for active citizen participation in national policy and its implementation. Deep seated residual memory fuels and supports national behaviours that might otherwise appear as bizarre, the outcome of deep seated mental malaise or even vindictive stupidity. For example, what on earth is the British navy doing in the coastal waters of Iraq and what is the British government doing protesting so vehemently when a group of sailors are arrested for being in contested waters on the Iraq/Iran maritime border? How would the British government feel if an Iranian naval force was patrolling off the Isle of Wight intercepting British shipping going in and out of Southampton? Or in a Russian context, how would Russians feel if an Iraqi naval task force was regulating the access of shipping to St. Petersburg or Port Arthur [pre 1917]? The issue of collective, national mentalities is a central theme of this paper which will attempt to explore both its meaning and significance in contexts that range from the genocide of Rwanda to the development of peace in Northern Ireland. Here powerful forces are at work: myths, traditions, folk memory and deep seated feelings, sensibilities, values, beliefs, traditions and religious orientations.

In Russia the State and Historical Education have been coterminous since the Bolshevik Revolution of 1917. In England the explicit role of the state in History Education was formalised in 1988-89 through an Act of Parliament that nationalised education and, in terms of its political role, made even more explicit through the introduction of Citizenship as a new subject in the National Curriculum in 2000. A similar focus can be traced in the development of countries as different as South Africa and Turkey. In all four countries there has been a dynamic tension between the role of History Education in educating for citizenship between the substantive component – the 'master narrative' and the 'syntactic element' - the skills, concepts, procedures and protocols that 'Doing History' develops in the proto-citizens of plural democracies. A potential role of History Education which has not been explored is what might be called the 'reverse' flow: the impact which History Educators might have upon the orientation of members of 'the political nation'. Its intermeshed networks include individuals, interest, groups, agencies, associations and organisations that in any way inform, shape and implement policy at the local, regional, national and international levels. The direct impact that History Educators might have upon our political masters is from drawing upon a common body

of scholarship and research to inform the development of History Education within the wider school curriculum.

Syntactic, 'Know How' Knowledge & History Education

Crucially, axiomatically, History Educators within their own national contexts can engage in a dialogue to promote history as a civilising educational influence with the 'political nation' in general and with government policy makers in particular. In England and Northern Ireland from 1989, in South Africa from 1996 and in Turkey since 2000 this process is evident in analyses of how their history curricula have developed. The fundamental issue is the extent to which the agenda of 'master' and 'minor' narratives can be combined with the educational role which History can play in developing in proto citizens in their formative years the empirical knowledge and understanding that enables them to objectively consider contemporary issues and problems and relate them to their provenance – the evidence upon which claims are based. History curricula which demand the long term development of the historical skills and processes that historical enquiry require and of second order concepts such as evidence and causation can play a key role in developing critical, sceptical thinking as research from Northern Ireland has suggested. 'Know How' or syntactic knowledge underpins the 'Know That' or substantive knowledge that makes up historical narrative and analysis. Informed scepticism is at the heart of plural democracy - and if History Education can carry the torch for such scepticism, it demands to play a central role in the curriculum. As such, History Education requires a complex and sophisticated pedagogy that promotes reflective, critical thinking through long term engagement with the protocols, procedures, concepts and skills that are central to 'Doing History.'

Conclusion

History Education is as much about the syntactic, 'know how' knowledge that is at the heart of sceptical, reflective thinking as the 'know that' received body of knowledge that fuels atavistic nationalism, fundamentalism and the impoverished historicism that has fuelled the engines of war and civil discord since the French Revolution.

Новикова Н. В.
Ярославский государственный педагогический университет

Культура протеста в кампании суфражисток начала XX в.

Борьба британских женщин за обретение ими политических прав ведет свою историю с середины XIX в. Еще участницы чартистского движения выдвинули положение о необходимости принятия избирательных законов, в которых были бы уравнены возможности мужчин и женщин. Однако только знаменитая кампания сбора подписей под сформулированной Дж. С. Миллем поправкой к проекту закона 1867 г. о реформировании парламента вызвала к жизни массовое движение женщин, получившее название суфражистского движения. К концу столетия суфражисткам удалось объединить свои многочисленные разрозненные группы и организовать общенациональную кампанию в защиту женского политического равноправия.

На протяжении десятилетий это движение развивалось как реформаторское. В частности, деятельность самого представительного Национального союза женских суфражистских обществ (с 1897 г.) строилась на принципах демократии

и парламентаризма, его участницами использовались все возможные легальные средства политической борьбы, подчеркивалась готовность и способность действовать в пределах и согласно правилам существующей государственной системы. Выразив политическое кредо объединения кратким лозунгом «Вера. Настойчивость. Терпение», суфражистки проводили идею о предоставлении равных прав женщинам посредством просветительских и петиционных кампаний, на страницах своего еженедельника «Коммон Коз». Включение женщин в пространство политики мыслилось ими как естественное и неизбежное следствие поступательного развития британского конституционализма, как следующий шаг в реформировании национальной парламентской системы.

К началу XX в. суфражистская кампания начинает приобретать черты протестного движения, главными признаками которого являются неприятие существующего положения и стремление его дискредитировать. Наиболее яркое выражение эта тенденция получила в деятельности милитанток-суфражеток, объединенных главным образом вокруг таких организаций, как Женский социально-политический союз (с 1903 г.), Лига женской свободы (с 1907 г.), Федерация суфражеток Ист-Энда (с 1914 г.) и др. Основой своей тактики милитантки объявляли политику сознательного нарушения закона, призванную, во-первых, привлечь внимание общественности к себе, во-вторых, оказать давление на правительство и, в-третьих, показать, что существующий порядок не действует.

Акции протеста осуществлялись милитантками в самых разных формах: организации многолюдных митингов и зрелищных парадов, прерывания ораторов на политических собраниях, попыток вручения петиций премьер-министру и другим ключевым политикам лично, что чаще всего заканчивалось стычками с полицией. Поскольку правительство не выражало готовности удовлетворить требования участниц женского движения, милитантки переходили к более радикальным способам протеста. Помимо массовых шествий и уличных схваток с полицией развернулась «атака на собственность». Вооружившись молотками, женщины разбивали окна офисов и витрины роскошных магазинов, портили площадки для гольфа, обрезали телефонные провода, устраивали поджоги и взрывы.

Представления о протестной культуре суфражеток могут быть существенно дополнены анализом поведения участниц движения в тюрьме, их отношения к заключению – этот сюжет и получит развитие в предлагаемом выступлении.

Первоначально арестованных «нарушительниц общественного спокойствия» надолго не задерживали, но все возраставшая активность милитанток привела к ужесточению репрессий, и к 1913 г. в тюрьмах оказалось около тысячи женщин, пострадавших за свои убеждения. Власти столкнулись с серьезными трудностями, когда узницы стали практиковать голодовки. В июне 1909 г. художница Марион Уоллес Данлоп впервые отказалась принимать пищу и пить, добиваясь статуса политической заключенной. За ней последовали другие четырнадцать суфражеток, и с тех пор голодовки вошли в арсенал средств давления на общественное мнение и правительство. Такими забастовками женщины доводили себя до крайнего истощения. Тюремная администрация пыталась нейтрализовать их усилия, применяя принудительное кормление. Эта насильственная процедура была болезненной и довольно опасной, поскольку жертвы отчаянно сопротивлялись. Массовый характер подобных акций повлек принятие в 1913 г. так называемого закона «о кошках и мышках», контролирующего обращение с узницами-

милитантками. Согласно этому закону, ослабевших женщин освобождали из тюрьмы, а после того, как они восстанавливали свои силы, заключали под стражу снова.

Тюремный опыт, по признанию многих участниц суфражистской кампании, стал важным моментом в процессе роста самосознания женщин и выступал основой для формирования групповой идентичности вовлеченных в движение. Изучение свидетельств, оставленных бывшими узницами, доказывает, что формы протеста, место и время выступлений не программировались руководством суфражистских организаций (как это подчеркивалось в некоторых влиятельных исторических текстах), а были результатом гражданской инициативы рядовых участниц движения.

Постепенный переход суфражеток к использованию радикальных форм протеста заставлял феминисток уделять повышенное внимание риторическому обоснованию своих действий. Избрание обструкции, организации массовых демонстраций и депутаций к министрам в качестве средств воздействия глава Женского социально-политического союза, харизматичная Эммелин Панкхерст оправдывала, с одной стороны, эффективностью этих мер. С другой стороны, она подчеркивала, что женщины пользуются лишь теми приемами политической борьбы, которые «приняты» в Британии. Использование «воинственных» методов представлено ими как вынужденные действия, навязанные исключительно неуступчивостью правительства. Другим важным элементом риторики суфражеток была опора на традиционные викторианские образы женственности, акцент на специфически женские качества и социальные функции. Виктимизация собственного образа (милитантки изображали себя жертвами политических интриг, коварства и жестокости правительства) способствовала усилению впечатления о приверженности суфражеток ценностям и идеалам британского общества. Соответственно, восприятие и репрезентация суфражетками опыта тюремного заключения были использованы в борьбе против правительства и удачно интегрированы ими в пропагандистскую войну, развернувшуюся в предвоенный период.

Нуриева Н. С., Курмаева Н. В.
Российский государственный гуманитарный университет

Политические будни Великобритании в контексте обучения теории и практике перевода английскому языку в вузе

Вопросу обучения переводу источников информации по специальности уделяется большое внимание в методической литературе за последнее время. В литературе приняты разные представления об адекватности перевода, что определяется разными задачами обучения переводу в языковом или неязыковом вузе. В условиях обучения практике перевода в неязыковом вузе приоритетной задачей является обучение правильному пониманию содержания иностранного подлинника. В данной статье рассматриваются возможности обучения переводу газетно-публицистических текстов для студентов неязыкового ВУЗа.

При разработке курса обучения особенностям перевода студентов международных специальностей, основной целью программы является обучение грамматическим и лексическим трудностям, с которыми приходится чаще всего стал-

киваться при переводе английских общественно-политических текстов, а также способам их преодоления (примеры обучения лексическим и грамматическим приемам переводу приведены ниже).

Программа условно состоит из трех частей. Первая часть содержит ряд разделов, каждый из которых описывает грамматические (морфологическая/ синтаксическая) или лексические трудности. В работе на этом этапе дается характеристика явления и оно иллюстрируется примером и одним или двумя вариантами (способами) перевода его на русский язык. Приводятся наиболее употребительные варианты перевода, которые естественно не исчерпывают всех возможностей в этом отношении. Далее приводятся предложения для перевода на данную трудность. Эти разделы (как теоретическая их часть, так и количество предложений, предлагаемых для перевода) не одинаковы по объему, что зависит от сложности данного явления и от частотности его употребления в аутентичных общественно-политических текстах.

Вторая часть содержит специально подобранные и более сложные предложения с двумя или более различными трудностями. И при этом достигается цель выработки умения выделить из текста предложения на заданную трудность и использовать известные приемы перевода. В третьей части приводятся тексты как для устного, так и для письменного перевода и ее целью является развитие навыка перевода: а именно умение выделить трудности перевода и, используя известные приемы, перевести текст.

С учетом временного дефицита в работе над практикой перевода нами выделены только некоторые аспекты практической морфологии и синтаксиса, представляющие, на наш взгляд, трудности при переводе. К ним относятся неличные формы глагола и некоторые наиболее широко применяемые в специальных текстах обороты с ними. Особое внимание уделяется объяснению такой категории личной формы глагола как страдательный залог. Некоторые особенности в роли определенного и неопределенного артиклей и модальных глаголов should, can, may, must. Синтаксические трудности ограничиваются работой над безличными предложениями с неличными местоимениями it, one, that. Рассматриваются сложноподчиненные предложения и эллиптические конструкции.

Как было отмечено, работа над переводом определяется также необходимостью обучения распознаванию лексических трудностей. В этом аспекте в объеме работы над практикой перевода нами рассматриваются некоторые многозначные трудные для перевода слова: существительные, прилагательные, служебные слова, неологизмы и «ложные друзья» переводчика. Кроме того в ходе основных занятий разъясняются понятия «буквальный перевод» и «адекватный перевод».

Для составления примерных образцов предложений и текстов были использованы материалы современной британской печати, а также страноведческий материал по политической системе Великобритании. Важной особенностью в работе над газетно-публицистическими текстами является то, что они представляют собой большой *страноведческий раздел*, что способствует повышению эрудиции студентов в жизни современной Великобритании и других стран.

Далее в статье рассматриваются особенности работы по практике перевода с лексическими и грамматическими приемами, один или два из которых приведены нами в тезисах.

К группе **лексических** приемов относятся транслитерация/транскрипция, калькирование, семантическая модификация, описание, комментарий, смешанный (параллельный перевод). Краткое теоретическое обоснование этих приемов дает возможность освоить их на примерах из газеты ***Times,*** некоторые из которых приведены в даных тезисах.

The conference is supposed to take place this month in Annapolis, Maryland, but so far no invitations have been sent out and there are growing fears that the event may be postponed indefinitely because of a lack of faith among Arab leaders in the commitment of the Bush Administration. В данном предложении мы видим простые примеры транскрипции и калькирования. *Annapolis,Maryland* - транскрипция. *Growing fear, lack of faith, Bush Administration, Arab leader* – калькирование. В следующих предложениях находим примеры семантической модификации. *Female suffrage followed in the twentieth century* -В *XX веке право голоса получили и женщины.* Здесь интересно словосочетание *female suffrage*, которое нельзя перевести без семантического преобразования. Или в другом предложении *King Abdullah is known to feel very strongly about the plight of the Palestinians and the need for a settlement to the Arab-Israel conflict. To feel very strongly* - означает ответственность и деятельность короля Иордании Абдуллы II за урегулирование конфликта на Ближнем Востоке, что должно быть отражено в переводе конкретно этого предложения.

Другим акцентом в работе над курсом перевода является рассмотрение **грамматических приемов.** Грамматические приемы используются, когда объектом перевода, отягощенным нестандартными зависимостями, является та или иная грамматическая структура исходного текста от морфемы до сверхфразового единства. По сравнению с лексическими проблемами этот вид проблем представляет собой меньшую сложность для студентов, однако имеет свою специфику и требует определеных примеров. Одним из основных переводческих приемов является трасформация синтаксической структуры предложения при переводе на другой язык.

Традиционно в английской специальной литературе широко используются формы страдательного залога по сравнению с русским языком, что не совпадает с правилами и узусом русского языка. Рассмотрим некоторые особенности на примере следующих предложений. *The human rights cannot be taken away or watered down, whatever a person's gender, age or religion. – Невзирая на пол, возраст и вереисповедание человека, его права нельзя игнорировать.* Там где в английском предложении сказуемое в страдательном залоге (*cannot be taken away or watered down*) при переводе на русский лучше использовать действительный залог. Или в предложении *In some cases social tensions between migrants groups have also arisen where one national group is victimised by another. - Социальные конфликты возникают между группами эмигрантов, если какая-либо национальная группа унижает представителей других групп* (*one national group is victimised by another).*

В заключение можно сказать, что залогом успеха предлагаемого курса является работа по разъяснению основных лексических и грамматических приемов, используемых при переводе изучаемых материалов. Одна из важных задач курса – ознакомление студентов с основными приемами перевода. Он позволяет расширить лингвострановеческую компетенцию студентов в сфере общественно-политической жизни Великобритании и других стран и снабдить лексическими

средствами, необходимыми для обсуждения печатных материалов по данной тематике и их профессиональной обработке.

Осипов А. С.
Ярославский государственный педагогический университет

Кулачные бои в Англии: развлечения как способ конструирования национальной идентичности

В современной историографии уделяется большое внимание теме идентичности (социальной, национальной и т.д.), то есть проблеме определения «своих» и «чужих». Новая культурная история через современную интерпретацию, казалось бы, известных фактов зачастую находит новые объяснения поведению людей, которое во многом связано с их самоидентификацией. Вопрос о формировании английской нации и так называемой «английскости» (Englishness) обсуждался неоднократно. Такие исследователи, как Джефри Этлон, Линда Колей и др. посвятили работы этому вопросу, но тема развлечений в данном контексте практически не рассматривается. Может быть, в том, как люди проводили свободное время, как развлекались, можно обнаружить некоторые элементы, которые помогали им чувствовать себя представителями определенной нации. Процесс, в котором люди перестают чувствовать себя просто дворянами, буржуа или крестьянами, а начинают ощущать себя представителями единой нации, возможно, начался в сфере досуга.

Важные изменения в сфере развлечений происходят в Англии в XVIII - первой четверти XIX в. – она становится профессиональной, то есть появляются люди, профессией которых становится именно организация досуга. Примером может служить «батский щеголь» Ричард Нэш, который, занимая пост главного церемониймейстера, превратил Бат в самый модный и знаменитый английский курорт. Вот что пишет о гуляниях в Бате Тобайс Смоллетт в книге «Путешествие Хэмфри Клинкера»: «Здесь мы найдем министров, судей, генералов, епископов, прожектеров, философов, остроумцев, поэтов, актеров, аптекарей, уличных музыкантов, балаганных шутов...» Все чаще аристократ и простолюдин проводили свободное время бок о бок, перенимая друг у друга некоторые модели поведения. Известны случаи, когда аристократы переодевались в кучеров, выезжали на городские улицы и занимались извозом, при этом грубо ругались, а некоторые даже специально учились плеваться. Простой народ, наоборот, старался перенять у знати манеру одеваться, неспешно прогуливаться по городским улицам и т.д. Мысль о том, что знать и беднота, начиная с XVIII столетия, часто пересекаются на всевозможных гуляниях и празднествах, звучит и у современного британского исследователя Питера Акройда, который пишет, что «...и лорд и подмастерье могли участвовать в одних и тех же увеселениях, делать ставки за одними и теми же игорными столами». Так постепенно формируется то, что принято называть национальной идентичностью, и этот процесс активно продолжался и в XIX в.

Еще со средних веков одним из наиболее распространенных видов развлечений англичан были кулачные бои. Интерес к этому развлечению сохранялся и в первой четверти XIX в. Бои были популярны среди всех слоев населения: и знать, и простой народ с удовольствием посещали подобные соревнования, а среди ари-

стократов считалось хорошим тоном быть спонсором какого-нибудь бойца. Часто дворяне, любители кулачных боев, пресыщенные роскошью и всяческими удовольствиями, устраивали ужин для боксеров в простонародном кабаке «Карета и кони» и сами с удовольствием присутствовали на подобных вечерах.

В 1819 г. в России в «Благонамеренном журнале» была опубликована статья «Известия о Лондоне». Автор, вероятно немец, в нескольких главах описывает повседневную жизнь жителей Лондона и его окрестностей. В главе «Кулачные бойцы» рассказывается об одном из наиболее популярных видов развлечений англичан – кулачных боях, причем в самом начале отмечается, что «в Лондоне и вне его высшие и низшие классы народа принимают живейшие участие в искусстве кулачного боя». О том, насколько эта забава была популярной, можно судить хотя бы по тому, что, по словам автора статьи, в той деревне, где проходили бои, собиралось не менее трех тысяч зрителей. Однако, то, что автор выбирает для описания именно кулачные бои среди прочих развлечений, может вызывать вопрос: действительно кулачные бои были значимым событием, или автор стремится задеть англичан, выбрав для описания столь нелицеприятное увеселение? Вероятно, второй вариант более реалистичен, потому что в большей части источников и исследовательской литературы по истории повседневности чаще всего говорится об особой популярности охоты или скачек, а кулачные бои привлекли меньшее внимание. Важно отметить и тот факт, что в статье говорится о присутствии женщин на, казалось бы, чисто мужском развлечении. Это свидетельствует о том, что процесс демократизации общества, который характерен для XIX в., имел место и в сфере досуга. Кроме того, присутствие, а подчас и участие женщин в состязаниях, доказывает, что в этом случае уместнее вести речь именно о национальной идентичности, так как гендерные различия в этом случае сглажены. За описанием той обстановки, в которой проходил бой, в статье следует подробнейшая панорама самого сражения, начиная с внешнего вида бойцов и заканчивая живописным описанием боевых приемов, разбитых носов и сломанных ребер.

Но самое интересное заключается в том, что автор пытается дать оценку кулачным боям и сравнить отношение англичан и немцев к подобным забавам. Противопоставление исходит из убеждения, что для англичан кулачные бои превращаются из простой драки в строго регламентированное состязание, «возвышенное в науку», а немцы продолжают лишь иногда посещать бои «странствующих искусников турнирования». Говоря об отношении англичан к подобным развлечениям, автор упоминает некоего Баронета, который написал целую книгу, посвященную кулачным боям – «столь важной для человеческого рода части гимнастики». В чем же причины такого разного отношения к одному виду развлечений? В статье дается однозначный ответ на этот вопрос: англичане «любят морально и физически все грубое», а немцы «столь умны, что не могут долго и постоянно заниматься безделицами». Это объяснение замечательно тем, что его дает не историк, не моралист, рассуждающий о жестокости кулачных боев с точки зрения стандартов XX или XXI столетия, а человек, который пишет «на злобу дня», который знаком с ситуаций не понаслышке. Разумеется, как и любой источник, тем более, ориентированный на публику и требующий образности повествования и остроты оценок, эта статья носит субъективный характер. Автор мог ошибаться, но он, вероятно, чувствовал ту разницу, которая существовала в отношении англичан и немцев к кулачным боям. И это различие ощущалось им не

на уровне отдельных классов, а нации в целом, что дает основание полагать: национальная идентичность проявлялась в сфере развлечений, превратившейся в один из механизмов конструирования национальной идентичности.

Пилецких А. Ю.
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Английская школа XVII в. - выбор пути

Многие считают, что XVII век вошел в историю как век, положивший начало новой цивилизации. Английская буржуазная революция, приведшая к коренным социально-экономическим и общественно-политическим изменениям, значительно повлияла на духовное развитие Западной Европы.

В Англии со времен средневековья укоренилось представление о воспитании как о прерогативе церкви. Английская Реформация не оказала влияния на воспитание и обучение, так как англиканство не приняло идею о персональной ответственности за спасение души. Этот постулат предполагал самостоятельное изучение Библии каждым верующим, и требовал всеобщей грамотности и народной школы. В результате англиканская церковь просто приняла у католической контроль за сферой образования, занималась выдачей лицензий учителям и следила за лояльностью учителей по отношению к новой религии.

Система грамматических школ, дававших классическое филологическое образование, к началу XVII в. претерпела ряд изменений. Гуманистическое по целям и содержанию обучение стало формальным. Латынь из средства освоения классического античного наследия стала целью преподавания, воспитание в христианской вере отождествлялось со следованием учению и обрядам и строгой дисциплиной.

Современники критически оценивали английскую школу, отмечая малое количество школ, пренебрежение в них родным языком (Дж. Бринсли - Ludus Literarius, or the Grammar Schooles, 1612) и устаревшее содержание (Ф. Бэкон).

Как и любой период революций и выбора дальнейшего пути государства, английское междуцарствие характеризовалось жаркой полемикой о том, какой должна быть английская школа.

С приходом к власти пуритан парламент издавал акты, касающиеся образования. Пуританизм возвестил, что каждый должен уметь читать и толковать Библию. Однако судьбы образования волновали в основном небольшую группу энтузиастов и радикальных политиков, и в условиях политической нестабильности большая часть проектов реформ так и не была реализована.

Многие политики (Дж. Уинстенли - «Закон свободы, изложенный в виде программы, или Восстановление истинной системы правления, 1652), литераторы (Дж.Мильтон, On Education, 1644), религиозные деятели (Дж. Дьюри, Exercitation of Schooling, 1646, The Reformed School, 1649), ученые (С. Хартлиб, A Reformation of Schools, 1642, Уильям Петти, Истинная реформа обучения, 1648) внесли свой вклад в обсуждение проблем целей, методов и содержания образования, продолжая гуманистические традиции Возрождения, развивая идеи Я.-А. Коменского.

После Реставрации монархии большая часть реформаторов оказалась в опале, а труды их были забыты. Дореволюционная система обучения и воспитания не претерпела изменений. Опасаясь новых мятежей, власти боролись с сектантами, в том числе и закрывая им доступ к образованию. Вопросы воспитания и обучения остались прерогативой церкви (в том числе и нонконформистских сект, открывавших так называемые «диссентерские академии»

С течением времени контроль церкви ослабевал, а общество принимало все большее участие в решении вопросов воспитания и обучения с помощью благотворительных обществ («Общество распространения христианского знания», 1699, «Общество проповеди Евангелия», 1701). Появляются и новые трактаты, касающиеся проблем обучения и воспитания, - как, например, «Очерк о проектах» Д. Дефо, «Об образовании леди» Дж. Свифта, проект «трудового колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства» экономиста Дж. Бэллерса. Однако дальнейшее развитие педагогики эпохи Просвещения шло преимущественно под влиянием идей Дж. Локка, который подчеркивал утилитарный характер образования и выдвигал две концепции воспитания: одну - для «джентльменов», другую - для низших классов.

Таким образом, разочаровавшись в возможности радикальных реформ системы, английская школа пошла по пути медленного эволюционного развития, постепенно «вновь» открывая для себя идеи реформаторов XVII в.

Поляков О. Ю.
Вятский государственный гуманитарный университет

Публицистика Дж. Аддисона и Р. Стила как просветительский культурный проект (опыт изучения журнала «Спектейтор»)

Этическая направленность английского Просвещения обусловила появление влиятельной нравоучительной журналистики, моделью которой послужили периодические издания Дж. Аддисона и Р. Стила, в частности, журнал «Спектейтор» («Зритель», 1711-1714). В отечественной науке он привлекал внимание, главным образом, литературоведов, исследовавших проблемы сатиры (В. Д. Рак), эволюции жанра эссе (В. И. Березкина-Липина), реализации категорий гения, остроумия, возвышенного в раннепросветительских эстетических трудах (Л. В. Сидорченко); развития просветительского английского романа (отметим труды А. А. Елистратовой, сделавшей важные замечания о синкретизме литературного стиля «Спектейтора» и плодотворном использовании его авторами принципа типизации, который продемонстрировал прозаикам той поры богатые возможности художественного обобщения). Гораздо меньше журнал изучался в социокультурном контексте эпохи, в связи с изменением культурных парадигм. В западном литературоведении в последние годы появилось немало исследований «Спектейтора», делающих акцент на соотнесенности литературных и социальных форм. Так, М. Уорнер называет «Спектейтор» «республиканским текстом», формой «публичной идентичности», опосредованной технологией печати. С. Шерман говорит о журнале Аддисона и Стила как новой форме «приватной идентичности», организуемой документально-публицистической литературной формой: в

этой трактовке «Спектейтор» становится «суррогатной версией или субститутом» читательского частного дневника. С. Блэк делает акцент на эволюции сочинений Аддисона и Стила от традиций ювеналовой сатиры к эссе монтеневского типа, связывая обновленный жанр с первыми проявлениями идеологии гражданского общества.

«Спектейтор» создавался в период упадка придворной культуры и формирования буржуазной, когда особую популярность приобрели клубы и кофейни, в которых обсуждались насущные вопросы политической, экономической и культурной жизни. Участниками коллективной рефлексии становились представители неаристократической аудитории, осваивавшей новое дискурсивное пространство. В этих отличавшихся культурным эгалитаризмом коммуникационных центрах общественное мнение и нормы вкуса формировались разнородными социальными сообществами, включавшими политиков, дипломатов, адвокатов, богословов, врачей, актеров и др. Дискурсивные идентичности, как подчеркивает Т. Иглтон, не были данностью, а определялись самим актом участия в ученой беседе. Появлялся своеобразный «рынок идей», изоморфный экономическому.

По модели клубов создавались первые дидактические периодические издания, отразившие буржуазные идеологические приоритеты и стремление к классовой консолидации, поиск возможностей образовать «союзное поле» буржуа и аристократии. Юрген Хабермас указывает, что в Англии раньше, чем в других странах, сформировалась так называемая «публичная сфера», поскольку высшие классы в этой стране имели общие экономические интересы с возникающим предпринимательским слоем. Наметилась общность не только экономических, но и политических, культурных устремлений двух классов.

Одним из главных компонентов буржуазной «публичной сферы» были периодические издания, которые ставили перед собой задачу возвышения общественных вкусов. Наиболее значимый из этих журналов, «Спектейтор» публиковался как серия очерков вымышленного повествователя, героя-маски, вокруг которого формировался клуб собеседников, представлявший срез современного английского общества: в него входили деревенский сквайр, сторонник тори Роджер де Каверли, состоятельный торговец из Сити виг Эндрю Фрипорт, офицер Сентри и представитель городского дворянства Уилл Ханикоум.

«Спектейтор», отстаивавший принцип горацианской золотой середины, стремился возвышаться над распрями партий, но иногда допускал легкую сатиру в адрес тори (комическое изображение Каверли). Мистер Спектейтор – умеренный виг, приветствующий результаты «славной революции», с интересом наблюдающий за ростом английской экономики, биржевой активностью, сторонник реформ, но прежде всего – реформы общественных вкусов, устанавливающий культурные стандарты для своих современников. Аддисон и Стил выступили против увлечения азартными играми, дуэлями, модничанья, вывели образец настоящего джентльмена, «одаренного как для служения и блага общества, так и для его украшения и услаждения», человека, наделенного ясным, свободным от предрассудков умом, чувствительным сердцем, скромностью, открытостью, чувством вкуса.

Исправление нравов было не единственной целью «Спектейтора». Он стремился прививать своим читателям вкус к литературе, эстетике. «О Сократе говорили, что он низвел философию с небес и заставил ее жить среди людей; а я

проявившая себя в ходе Крымской войны. Кроме того, за заслуги перед мировой медициной Лига Международного Красного Креста в 1912 г. учредила медаль и премию имени Найтингейл как высшую награду для медицинских сестер при уходе за больными и ранеными.

XX век богат открытиями, появляются новые медицинские науки, таких как иммунология, микробиология, биохимия и развиваются уже существующие: педиатрия, генетика, оториноларингология, пластическая хирургия, психология, гематология и многие другие.

В то время, когда особенно остро встал вопрос об инфекциях, английский хирург *Александр Флеминг* в 1945 г. создал первое лекарство от некоторых инфекционных болезней - пенициллин. За эту работу он был удостоен Нобелевской Премии в области физиологии и медицины.

Английский физиолог *Чарльз Скотт Шеррингтон* (1857-1952), исследовавший нейронный механизм рефлексов создал учение о рецептивных полях, разработал концепцию интегративной деятельности нервной системы. Его труды сыграли важную роль в развитии экспериментальной и клинической неврологии. Ч. С. Шеррингтон ввел представление о синапсах и определил их значение в механизмах нервно-мышечной передачи.

Деятельность англоязычных ученых внесла большой вклад в мировую медицинскую науку, отразившись в терминологии - в наименованиях болезней, симптомов, анатомических единиц организма, медицинских теорий, лекарственных средств и медицинского инструментария, получивших имена медиков, их открывших. К числу таких терминов можно отнести болезнь Ходжкина (Hodgkin's disease), синдром Дауна (Down's syndrome), симптом Каллена (Cullen's sign), ножницы Купера (Cooper's scissors), болезнь Адамса-Стокса (Adams-Stokes disease), болезнь Аддисона (Addison's disease), криз Аддисона (Addison's attack), анемию Аддисона (Addison's anaemia), болезнь Потта (Pott's disease), перелом Потта (Pott's fracture) и многие другие.

Подводя итог, следует заметить, что англоязычные медики XVII-XX вв. внесли большой вклад в мировую медицинскую науку. Благодаря их открытиям, человечество получило возможность защитить себя от таких страшных заболеваний как малярия, оспа, полиомиелит, пернициозная анемия, а также почти от всех инфекционных болезней.

Рафалюк С. Ю.
Московский педагогический государственный университет

Театральная публика Викторианской эпохи как социокультурное явление

Изучение публики как особого культурно-исторического феномена является актуальным направлением современной исторической науки с ее междисциплинарными установками и особым интересом к человеку, к анализу его поведенческих стратегий, в частности – в контексте истории повседневности. Современный подход к понятию «публика» содержит массу исследовательских дискурсов. С одной стороны, публика выступает в качестве объекта социологического анализа и, в то же время – как особый предмет изучения в культурологи, где может

рассматриваться в виде обязательного элемента культуры нового и новейшего времени, в особенности – эпохи постмодерна, но также и как особая «социально-психологическая общность со свойственными ей признаками оппозиционности» (в контексте противопоставления ее другим общностям). Ряд исследователей особое внимание уделяет анализу публики как общности «коммуникативной» в рамках формирующегося современного научного направления – теории и истории художественной культуры.

В нашем случае, возможно, более точным для определения исследуемого феномена, является не столько термин «викторианская публика» (применительно к конкретной исторической эпохе), столько «викторианский зритель», поскольку речь идет о «потребителях» тетральных зрелищ, само же понятие «публика» носит гораздо более многогранный характер. В него включаются такие элементы, как, например, «читающая публика» или «публика салонов и кофеен» и т.д. Различные подходы к определению базового понятия «публика» были подробно проанализированы в монографии Н. К. Хренова «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», серии книг и статей того же автора, а также в ряде других научных работ (Ю. Перова, В. Конева, А. Сохора, Л. Когана, Г. Дамадяна, Л. Кесельмана и некоторых других).

Театр, современные формы которого возникли именно в Англии, играл особую роль в становлении феномена публики. Применительно к викторианской эпохе можно условно разделить ее по социальному признаку на аристократическую дворянскую, представителей среднего класса и городские низы. (Кстати, в театре они так и сидели: в ложах размещались представители аристократии, в партере – буржуазии, а на галерках по традиции находилась беднота.) Каждая из перечисленных групп имела различный уровень эстетических запросов, однако, логика развития культуры в XIX в. еще говорила о действии механизма определенной преемственности в культуре. В интересующий нас период именно дворянское сословие являлось носителем универсальных художественных ценностей, значительно отличавшихся от традиций средневековой культуры. Выработка этих ценностей была связана с почти полной утратой дворянством к концу XVIII в. служилых функций и появлением у него большого количества свободного времени, которое проводилось в светских салонах и клубах, на балах, на охоте и т.п. В эти, казалось бы, традиционно дворянские формы проведения досуга включались и представители других сословий. Таким образом, на протяжении всего XIX столетия происходило постепенное превращение элитарных культурных ценностей в массовые.

Это важный тезис, поскольку театр как вид зрелищного искусства изначально являлся неотъемлемой частью массовой культуры. Но если в начале правления королевы Виктории театральные зрелища не являлись популярным времяпрепровождением, то уже в поздневикторианскую эпоху посещение театров стало неотъемлемой частью формирующейся индустрии досуга. Об этом свидетельствует как само количество театров (более 60 в Лондоне к концу века), так и их разнообразная «художественная специализация»: от уличных балаганов до элитарных подмостков типа театра «Савой» и «Ковент Гарден».

В XIX в. влияние средств массовой коммуникации и технических изобретений на эволюцию викторианской театральной культуры (и культуры в целом) было огромно. К первым можно, прежде всего, отнести многочисленные перио-

дические печатные издания, на страницах которых обсуждались все театральные новинки. Они, с одной стороны, ретранслировали позицию зрителя, делая искусство зависимым от мнения публики, а с другой – сами способствовали формированию общественных вкусов и новых культурных стереотипов. Знаковым явлением эпохи стало возрастание роли критика, который выступал своеобразным посредником между публикой, государством и автором. Наиболее известным и влиятельным критиком викторианской эпохи был Э. Крэг. Изменилась и роль создателя произведения, поскольку искусство превратилось в профессиональный род деятельности: художник включался в систему рыночных отношений, и его позиция опосредованно зависела от публики, ибо именно она теперь оплачивала его труд. Что же касается важнейших технических изобретений, то здесь необходимо отметить роль системы освещения театра, которая изменилась дважды за столетие: в 1809 г. Гемпфри Дэви изобрел дуговую лампе, дававшую яркое белое свечение, и использование электричества, впервые пришедшего в театр в 80-е гг. XIX в. Яркое освещение залов заставляло зрителей обращать внимание не только на происходившее на сцене, но и друг на друга. Поход в театр оборачивался определенной демонстрацией собственного социального статуса, и в конце XIX столетия посетителями театров становятся в основном состоятельные люди.

Меняется статус актера и актрисы в глазах зрителя: из бродячих комедиантов, которых толпа в любой момент могла забросать испорченными помидорами или яблоками, они превращаются в профессиональных деятелей искусства. Самые популярные из них становятся персонажами светской жизни. Достаточно вспомнить имена Элен Терри (1847-1928) или Генри Ирвинга (1838-1905).

Театральная культура XIX в. – это культура прежде всего городская, то есть ее эволюция теснейшим образом была связана с процессом урбанизации, рост темпов которой становится особенно заметным в XIX столетии. В то же время возрастание роли семьи в викторианскую эпоху, подчеркивание особого статуса женщины-матери и хранительницы очага, создание представления о доме как о «крепости», где человек мог укрыться от ускорявшихся темпов развития индустриального мира, способствовало формированию особого комплекса этических ценностей, лежавшего в основе викторианского сознания. Постепенное обособление приватной и публичной сфер жизни человека также способствовало возникновению публики как особого социокультурного феномена. Театр – место проявления публичного.

Как указывалось выше, викторианская публика в целом в социальном плане представляла собой неоднородное явление. Однако, в контексте собственно театральной зрительской аудитории имеет смысл говорить, прежде всего, о двух других ее составляющих, которые складываются по-существу именно в XIX столетии: так называемой «случайной публике», установки и вкусы которой находились за пределами исторически утвердившихся культурных ценностей, и «неслучайной (или «постоянной») публике», регулярно посещавшей театры, совместно воспринимавшей произведения искусства, так или иначе обменивавшейся мнениями по поводу увиденного на основе сходных эстетических установок и, в силу этого, являвшейся активным творцом культуры. Появление постоянной публики стало важной вехой не только в истории театра, но и культуры в целом. Испытывая коллективные переживания в зрительном зале, участвуя в обсуждении поста-

новок, постоянная публика постепенно превращалась в носителя общественных ценностей.

На рубеже XIX-XX вв. наметился некий культурный надлом, ярким проявлением которого стал модернистский бунт против традиционных культурных ценностей. Эти изменения повлияли как на саму театральную культуру, так и на характер театральной публики.

Савинова Е. А.
Казанский государственный университет

Изменения в статусе валлийского языка во второй половине XX в.

В истории национальных движений язык занимает разное место. В некоторых случаях он отходит на второй план, уступая место религии, как произошло, например, с Ирландией. В других – язык является главным символом и инструментом для достижения политических целей. Это утверждение относится и к Уэльсу. В случае Уэльса те трансформации, которые происходили в статусе валлийского языка во второй половине XX в., явились во многом показателем изменений в сознании валлийцев.

Прямым последствием интеграции Уэльса в Британское государство стало постепенное исчезновение валлийского языка, особенно проявившееся во второй половине XX в. Согласно статистическим данным, 26% (656,022 тыс. человек) от населения Уэльса могло говорить на валлийском языке в 1961 г., в 1971 г. – 20,9% (542,425 тыс. человек), 18,9% (508,207 тыс. человек) – в 1981 г. и 18,6% (508,098 тыс. человек) – в 1991 г. Возможность найти работу в тех областях, где традиционно основным языком общения был валлийский, неуклонно падала, что заставляло население, в особенности молодых людей, переезжать в индустриально развитые области Уэльса.

Изменения в статусе валлийского языка начались как результат деятельности неофициальной политической организации. Этой организацией стало Общество валлийского языка, созданное в 1962 г. Общество провозгласило своей целью сохранение языка. Единственным способом сохранить язык они видели дарование ему официального статуса. Члены Общества требовали уравнять права английского и валлийского языков. С помощью ряда мер, многие из которых зачастую выходили за рамки закона, члены общества сумели обратить внимание общественности на положение валлийского языка. Правительство лишилось возможности игнорировать возрастающие требования касательно валлийского языка. Результатом стал Закон о валлийском языке 1967 г., по которому валлийский язык номинально получил равный статус с английским на законных основаниях.

Важным недостатком закона было то, что английский оставался единственным официальным языком для использования в суде. Но главным минусом Закона о языке 1967 г. было его ограниченное действие на практике. Ни государственные организации, ни тем более частные компании, не поспешили его выполнять. Хотя официально они придерживались прописанного в Законе принципа о равенстве двух языков, на практике наблюдался процесс неравного использования валлийского и английского языков. Конфликтные ситуации стали часто возникать на почве невыполнения Закона организациями. Жалобы вызывали, с одной сторо-

ны, условия обязательной способности говорить по-валлийски при приеме на работу в некоторые государственные учреждения, а с другой стороны, наблюдались случаи дисциплинарных взысканий за разговоры на валлийском языке на частных предприятиях. Все эти противоречия поставили на повестку дня в конце 1970-х гг. вопроса о создании нового закона о валлийском языке. Началась разработка планов по составлению нового закона о языке, который принял бы в расчет все недочеты Закона 1967 г. Однако в условиях спада национального движения в 1970 и 1980-е гг. никаких реальных мер в этом направлении принято не было.

Большое значение для развития языка имеет его место в системе образования. К середине XX в. в этой области были достигнуты определенные успехи, и в областях, где валлийский язык был языком большинства, преподавание в начальных школах велось на валлийском. Благодаря деятельности Общества валлийских школ (Ysgolion Gymraeg) с середины XX в. начали открываться валлийскоязычные средние школы в областях, где большая часть населения говорила на английском, но существовали также и те, кто говорил только на валлийском и нуждался в наличии подобных образовательных учреждений. Одним из последствий расширения числа средних валлийских школ, стало увеличение количества детей в возрасте от 3 до 15 лет, которые говорили на валлийском. Их число возросло с 18% в 1981 г. до 24,9% в 1991 г. Число этих школ значительно возросло с середины XX в. К примеру, в Кардиффе в 1949 г. существовала только одна валлийская школа с числом учеников в 17 человек. К 1992 г. здесь насчитывалось уже 6 валлийских школ с общим числом учеников – 1 400 человек. При этом способность детей в возрасте от 3 до 15 лет говорить по-валлийски была на 153% выше, чем знание валлийского языка в остальных возрастных группах.

К 1980 г., по крайней мере, 75% школ Уэльса включали в свою образовательную программу несколько уроков валлийского языка. Благодаря этому в областях, где, как казалось, валлийский язык давно уже прекратил использоваться, опять появилось население, которое могло говорить на валлийском. Закон об образовании 1988 г. определил двуязычные школы как те школы, в которых половина предметов может преподаваться на валлийском языке. Согласно этому закону в валлийских школах валлийский язык должен был стать основой учебной программы, а в не валлийских средних школах, он должен был получить статус основного предмета. Преподавание валлийского языка в старших классах и в университетах также претерпело изменения. В университетах увеличилось число лекций, которые можно слушать на валлийском языке, в основном на гуманитарных факультетах. Постепенно стали появляться отдельные факультеты валлийского языка.

Изменения в публикации литературы на валлийском языке начались еще в 1950-е гг. В тот период стало появляться большее количество книг и периодических изданий на валлийском языке. Эта сфера была поручена образованному в 1961 г. Совету валлийской литературы (Welsh Books Council) и Совету валлийского искусства (Welsh Arts Council), созданному в 1967 г. Рост степени изучения валлийского языка в школах и университетах повлек за собой спрос на валлийскоязычную литературу. Традиционная валлийская поэзия стала трансформироваться, подстраиваясь под требования читателей конца XX в. Появились валлийские издательские компании и книжные магазины.

В связи с активизацией национальных настроений в Уэльсе в декабре 1992 г. правительство консерваторов установило билль, целью которого провозглашалась возможность использования валлийского языка в Уэльсе на базе равного положения с английским в общественных и судебных организациях. Для исполнения этих целей, законом предусматривалось создание нового Управления валлийского языка, которое заменит собой старое созданное в 1988 г. Первым шагом в деятельности вновь созданного Управления должно было стать изучение ситуации с состоянием языка и поиск наилучшего положения, в котором два языка смогут мирно сосуществовать. Для этого Управление валлийского языка было наделено полномочиями требовать от общественных организаций предоставление планов использования валлийского и английского языков в их повседневной деятельности. Билль стал Законом о валлийском языке в 1993 г. Согласно ему подтверждался равный статус валлийского и английского языков, и жители Уэльса имели возможность выбирать, какой язык они предпочитают использовать. Положение языка на предприятиях и в госучреждениях было отрегулировано. Частные учреждения были освобождены от выполнения условия Закона. Как и в предыдущий раз, недостатком Закона о валлийском языке было недостаточное количество функций, полученных Управлением валлийского языка для преследования в судебном порядке организаций, не выполняющих условия Закона о равенстве двух языков.

Изменения в статусе валлийского языка во второй половине XX в. происходили постепенно. Путь к этим изменениям, если не всегда был конституционным, то исключал применение террористических методов. Нельзя сказать, что к концу XX в. результаты в области сохранения валлийского языка были выдающимися. Тем не менее, валлийский язык обладает в Уэльсе статусом одного из двух государственных языков.

Сивкова Ю. А.
Вятский государственный гуманитарный университет

М. Арнольд о роли академий в духовной жизни Англии XIX в.

В сборнике литературно-критических эссе Мэтью Арнольда особое место занимают размышления о роли академии в литературной и в целом культурной жизни Англии середины XIX в.

Общая канва эссе может быть представлена следующим образом: констатация факта отсутствия в Англии учреждения подобного французской Академии, объяснение причин и выявление следствий такого отсутствия.

Обращаясь к этому вопросу, Арнольд осознает, что многие его современники считают отсутствие подобного учреждения доказательством национального превосходства. Именно поэтому он вслед за Спинозой утверждает, что такая «заносчивость» - один из самых злейших врагов человечества, и призывает отказаться от нее, дабы суметь разобраться в реальном положении вещей: нужно ли Англии учреждение с такими задачами и функциями.

Чтобы показать, какую роль могло бы сыграть подобное учреждение в интеллектуальной жизни Англии, Арнольд описывает историю возникновения французской Академии и обозначает функции, которыми она обладала. Он отдает дань

дальновидности, творческому гению и проницательности учредителя Академии Ришелье, который сам, будучи сторонником высокого стиля и высокой культуры, верил, что первейшей задачей членов нового общества будет «пропаганда и поддержание высокого уровня культуры и мысли». Это общее руководство содержало в себе две более частные задачи необходимые для реализации подобной установки: во-первых, «такое очищение и украшение французского языка, чтоб он превзошел по силе и красоте язык латинский, как тот, в свою очередь, некогда превзошел греческий»; во-вторых, Академия создавала общие литературные каноны и законы, задавала литературной, да и всей интеллектуальной жизни «осознанную», высокую направленность, служила руководством к действию и мыслям. Таким образом, Академия становилась авторитетным органом, вырабатывающим стандарты, регулирующим эстетические вкусы и интеллектуальную жизнь общества в целом.

Арнольд отмечает, что подобного рода учреждения, с одной стороны, противоречат самой человеческой природе с ее тягой к своенравности, желанию поступать и думать так, как мы хотим. Но, с другой стороны, Арнольд вслед за Цицероном утверждает, что человеку свойственно стремление к некому закону, образцу, который бы регулировал его действия, и следование которому приближало бы человечество к совершенству. Ведь именно это отличает человека от всех других живых существ. Таким образом, мы видим, что неоднозначность отношения Арнольда к вопросу о необходимости учреждения, регулирующего интеллектуальную жизнь человека, как впрочем, и двойственность отношения людей в целом, коренится в самой человеческой природе.

Генезис Академии именно во Французском обществе объясняется Арнольдом высокой степенью «сознательности» французов в интеллектуальной сфере: «им всегда важно различать, что правильно, а что нет». Такая сознательность свидетельствует о наличии ума «восприимчивого», «открытого», «подвижного», «гибкого». Только такой ум может в полной мере уважать существующий или установленный эстетический или интеллектуальный идеал.

Арнольд отмечает, что англичане не обладают таким открытым, подвижным, чистым умом, каким обладали, например, афиняне или обладают современные французы. Характерные черты английской нации совсем другие. Это «энергия» и «честность». Для Арнольда это особенные свойства не только английского ума, но и характера, ментальности в целом.

Арнольд пишет, что энергия – необходимое составляющее гения, а гениальность ярче всего проявляет себя в поэзии. Достаточно вспомнить Шекспира. Да и в целом поэзия англичан, по мнению Арнольда, более оригинальная, талантливая, нежели ограниченная рамками и законами, «искусственная» поэзия французов. Или, например, в науке, благодаря неуемной энергии и гениальности, занял по праву принадлежащее ему место Ньютон.

Арнольд подчеркивает, что гениальность с присущей ей энергией всегда требует свободы, отказа от норм, авторитетов. Отсюда он приводит нас к выводу о том, что общество, характерной чертой которого является энергичность (энергия) никогда не будет стремиться к созданию Академии, ограничивающей эту свободу.

Но в то же время Арнольд отмечает, что есть в интеллектуальной работе нечто, зависящее от открытости и подвижности ума: умение видеть главное и

второстепенное, соотносить части и целое, умение проследить эволюцию, соблюдать пропорцию, - без всего этого любая интеллектуальная работа или, например, изыскания в прозе не будут успешны. Прямым доказательством вышесказанного служит, по мнению Арнольда, отсутствие в английской литературе высоких достижений именно в области прозы.

Арнольд утверждает, что даже гений, каким бы великим он ни был, не может передать другим поколениям в интеллектуальном отношении того, что может сделать нация, имеющая четко установленные правила и поддерживающая их с помощью специальных органов. Ярким примером может послужить история английской литературы, в которой после периода величайших достижений (от Марло до Мильтона) была эпоха «второсортной», «провинциальной» литературы XVIII в. В то время как во Франции XVIII в. – время наиболее «интеллектуальной», высокой литературы. Подобное положение вещей Арнольд обнаруживает и в науке: после гениального Ньютона лишь «бесплодные последователи мастера», а вслед за Лейбницем - череда великих математиков.

Ко всему вышесказанному Арнольд добавляет, что главным негативными последствиями отсутствия в стране учреждения, способствующего распространению и поддержанию единых высоких стандартов, правил и «необходимых качеств ума» является провинциализм (все сами по себе), эксцентричность (в стиле и в идеях), своеволие, даже вульгарность в английской литературной и интеллектуальной жизни. Более всего, по мнению Арнольда, пострадала от отсутствия единого авторитетного, «высоко образованного» мнения, на которое можно было бы ссылаться или опираться, так называемая «поденная интеллектуальная работа» (термин Арнольда): словари, справочники, переводы. Он с горечью отмечает, что они зачастую настолько отходят от истины, настолько неточны и представляют собой крайне вольную интерпретацию, что образованные люди предпочитают читать французские или немецкие источники в оригинале, нежели прибегать к английским переводам и толкованиям.

Таким образом, Арнольд приводит нас к выводу о том, что, когда в обществе нет некого регулирующего учреждения, гениальные идеи и открытия вынуждены существовать в несовершенной по стилю форме (достаточно вспомнить споры о творчестве Шекспира). Кроме того, эти достижения, не имея под собой нормативной базы, «платформы», не могут быть в полной мере усвоены и переданы последующим поколениям. Арнольд добавляет, что когда в обществе не существует «центра правильной и верной информации», оно неминуемо приходит к провинциализму, с которым нужно яростно бороться.

В итоге Арнольд приходит к следующему выводу: у каждой нации есть свои традиции и особенности культурной и в частности интеллектуальной жизни, которые крайне сложно изменить, особенно, если в этой жизни было что-то выдающееся (Шекспир, Ньютон). Именно поэтому такой Академии, как у французов («авторитетного суверенного органа мнений и вкусов») в Англии не будет никогда. Английскому обществу, по мнению Арнольда, больше подходит берлинский тип, с его ограниченными, специализированными, строго научными полномочиями. Возможно, Англии и вообще не нужна Академия. Но в таком случае, по мысли Арнольда, англичане, обращаясь к литературе или другой интеллектуальной деятельности, всегда должны помнить, к каким ошибкам они склонны и чего им

следует остерегаться, чтоб сохранить «равновесие стиля и равновесие мысли», присущее классическим, высоким творениям человеческой мысли.

Тернопол Т. В.
Ярославский государственный педагогический университет

Образ брауни в английском фольклоре (этнографический и ментальный аспекты)

Один из самых популярных персонажей английского фольклора – брауни, сверхъестественное существо, которого часто сравнивают с русским домовым. Согласно данным фольклористов, вера в брауни отмечена на севере, востоке и в центре Англии. Наименование этого демонологического персонажа указывает на цвет его одежды, по другим данным – на смуглую кожу этого существа. Кроме нарицательного имени, брауни могут иметь и собственные имена: например, Брауни-Клод (Brownie-Clod – буквально: «дурень» или «олух» Брауни), Грязная нога (Puddlefoot). Иногда к имени брауни добавляли название замка или деревни, где обитало это существо, при этом слово «брауни» становилось именем собственным и писалось только с заглавной буквы (Брауни из Дэлсуинтона – The Brownie of Dalswinton). Следует отметить, что табу на произнесение имени этого домашнего духа во всех его региональных вариантах не наблюдается, а собственные имена, которые даются брауни (подчас очень обидные), свидетельствуют об отсутствии у английского крестьянина особого пиетета перед этим сверхъестественным существом.

К. Бриггс пишет, что, по мнению носителей фольклора, брауни должны работать на людей, пока последние не сочтут их труд достойным оплаты. Обычно брауни представляют как существ исключительно мужского пола, живущих поодиночке. Внешний облик брауни описывается по-разному. Например, в фольклорных рассказах, собранных на границе Англии и Шотландии, это маленький человек, около трех футов (90 см.) ростом, одетый в коричневые лохмотья, со смуглым лицом и лохматыми волосами. Иногда брауни описывается как человек с разными физическими недостатками: у него нет носа, только ноздри; пальцы на руках и ногах отсутствуют или сросшиеся, оставлен лишь большой. Как правило, брауни представляют живущими только в старых домах, часто в богатых и родовитых семьях, что служит косвенным подтверждением того, что брауни являются предками семьи. Место обитания брауни в доме в фольклорных рассказах конкретно не называется, иногда он живет в чулане, хлеву, но может появляться в любой комнате жилища и даже вне его, у реки или ручья.

О функциях брауни нет ярких и подробных свидетельств, но во многих фольклорных рассказах брауни предстают не только как трудолюбивые и преданные хозяину существа, но и как глуповатые и несколько неуклюжие работники, над которыми подшучивают слуги. Подобно многим представителям нечистой силы, брауни, по мнению носителей фольклора, неохотно идут на контакт с человеком, во многих рассказах отмечается, что они показываются ночью, а в разговор вступают, только если чем-то недовольны или получили в подарок одежду. Свои эмоции брауни, по мнению английских носителей фольклора, выражают не разговором, а пением. Отметим, что общение при помощи пения, а не разговора харак-

терно для представителей нечистой силы в фольклоре Британских островов. Рифмованные реплики брауни свидетельствуют, с одной стороны, что он не может строить свою речь свободно (как это делают люди), а с другой - что он принадлежит к некоей высшей силе.

Обрядов, как календарных, так и некалендарных, связанных с этим персонажем, в фольклоре Великобритании не зафиксировано. Возможно, это объясняется тем, что работа брауни воспринимается носителями фольклора как его прямая обязанность, за которую нельзя благодарить. Оговаривается, что брауни будто бы принимает подношения в виде молока или сливок, пресных лепешек или кексов. Однако эти подарки для брауни не предназначаются ему напрямую, их просто кладут в укромный уголок, где он может найти их как бы случайно. Если же брауни пытаются как следует угостить или подарить что-нибудь, духу, по мнению информантов, кажется, что его хотят подкупить, он обижается и уходит из дома. Следы обрядности, связанной с этим персонажем, сохраняются лишь в ритуалах, направленных на избавление от брауни. По всей Англии распространена вера в то, что оставить брауни в подарок одежду – это беспроигрышный способ избавиться от него.

Рассказов о брауни в фольклоре Англии зафиксировано довольно много, однако особого разнообразия сюжетов не отмечается. Наиболее распространены фольклорные рассказы о том, как брауни по ночам помогает людям выполнять тяжелую сельскохозяйственную работу: жнет, косит, молотит, пасет скот, следит, чтобы куры не уходили со двора, трудится в огороде. Брауни также доделывает за хозяев то, что те не успели сделать за день в доме, и блюдет их интересы, наказывая нерадивых или вороватых слуг. Другой известный сюжет, связанный с брауни – рассказ о том, как домашний дух едет за повитухой для хозяйки дома или ее дочери. Привязанность брауни к семье, которой он помогает, доходит, по мнению информантов, до того, что он следует за своими хозяевами при переезде. Но эти распространенные фольклорные сюжеты не должны создавать впечатление, что брауни в английском фольклоре – это нечто вроде сверхъестественной бесплатной рабочей силы. Иногда брауни в фольклорных рассказах не только помогает, но и вредит хозяевам. Необходимо отметить, что брауни, как и любая нечистая сила, по мнению носителей фольклора, очень обидчив и требует к себе уважительного отношения.

Брауни является самым известным английским домашним духом, его образ хорошо разработан в фольклорных рассказах и преданиях и ярко отражает особенности английской традиционной культуры. Прежде всего, брауни, как это ни странно для домашнего духа, не привязан к дому. Переселение брауни на новое место жительства не требует никаких обрядов, он просто отправляется вместе со всей семьей. Видимо, брауни больше связан с представлениями англичан о домашнем уюте ("home"), который уходит из дома вместе с переездом его обитателей. Это косвенно подтверждается и тем, что брауни, согласно собранным фольклористами сведениям, не живут и не появляются в заброшенных домах. В английском фольклоре укоренилась традиция давать брауни имя, как правило, по названию дома, в котором он жил. Имя не только выделяло конкретного брауни из сонма таких же домашних духов, но и косвенно отражало власть над ним хозяев. Таким образом, в английском культуре брауни, олицетворявший понятие "home",

рассматривался как объект, находящийся как бы в частной собственности владельца этого дома.

Можно говорить и о том, что сама вера в существование брауни наносит серьезный удар по представлениям англичан о доме как о крепости, закрытой для посторонних. В некоторых фольклорных рассказах о брауни встречаются указания на то, что эти духи приходят в дом только для работы, а обитают вне его. Если же англичане готовы были терпеть под своей крышей постоянное присутствие домашнего духа, то только одного. Согласно английским фольклорным рассказам, в образе брауни не отражено гендерное разделение обязанностей в семье: он выполняет как мужскую работу (труд в поле), так и женскую (уборка в доме). Кажется, что образ брауни аккумулирует в себе качества идеального слуги. По мнению английских крестьян, единственный способ сделать приятное брауни – это угостить его любимыми блюдами. Англичане в своей национальной кухне предпочитают именно сладкий вкус, который присутствует в большинстве их обрядовых блюд, поэтому и своего домашнего духа они представляли сладкоежкой. Представления о любви брауни к молочным продуктам отражают приоритетную роль скотоводства на севере и в центральных районах Англии, где и были распространены рассказы об этом духе. Однако подкармливали брауни довольно редко, и угощение не было связано с празднованием каких-либо важных событий в религиозном календаре. Очевидно, отсутствие в английской культуре представлений о важности праздничной обрядности привело к тому, что домашний дух в фольклорных рассказах не требует обязательного праздничного угощения от хозяев дома. Будучи единственным домашним духом на фермерском подворье, брауни вынужден был не только работать в доме и в поле, но и быть патроном семьи хозяев. Черты духа-предка семьи, покровителя деторождения, проявляются в сюжете о поездке брауни за повитухой для хозяйки дома или ее дочери.

Таким образом, в фольклорных рассказах о брауни отражаются не только особенности материальной культуры англичан, но и менталитет носителей фольклора, их представления о доме, семье и домашнем хозяйстве.

Устарханов Р. И., Курамина Н. В.
Российский государственный гуманитарный университет

Семиотика британского кино: стилистика, идеи и мотивы

Как интересно заметил кинокритик и кинорежиссер Алан Розенталь, в контексте всемирного признания, уважения и интереса к русскому, французскому, немецкому и итальянскому кинематографу, британское кино часто остается без внимания «подобно той тетке, засидевшейся в старых девах, на которую никто не обращает внимание на свадьбе у родственников». Именно эти фактом и может быть объяснима попытка авторов данной статьи объять необъятное и взглянуть на этот, на наш взгляд, определенно заслуживающий внимания национальный и, в то же время, наднациональный и вневременной феномен.

Значительное место в британской киноэстетике 1930 - первой половины 1960, пожалуй, занимают эпические фильмы, воспевающие феномен Britishness (стоицизм, высокие представление о морали, чести и долге) – *Black Narcissus, Bridge over the river Kwai, Lawrence of Arabia, Four Feathers,* оказавшие значи-

тельное влияние на появление уже в 70-е и 80-е «ностальгирующих» по «былым» ценностям и масштабам фильмов, как *Hope and Glory* Нила Джордана, *A Bridge too far* Сэра Ричарда Аттенборо. Нельзя утверждать, что пропагандистский и идеологический компонент британских лент этого периода проистекал из финансовой зависимости кинопроизводителей, которым в этот период еще удавалось снимались картины на средства британских киностудий Ealing, Arthur Rank Organisation и British Lion. Скорее, речь шла нравственных идеалах общества того периода, просто объясняемых известным выражением 'King and Country'. На фоне патриотической патетики еще одним явлением британского кино 50-х стали социальные комедии упомянутых студий, в которых центральной фигурой становится «маленький» человек из среды рабочего класса, противопоставленный системе бюрократического аппарата и финансовых корпораций (например, роль Алека Гиннеса в фильме *The man in the white suite)* или являющегося членом гангстерской группы, как в *The lavender hill mob.* Жанр гангстерского и шпионского триллера пережил свой расцвет значительно позже, в период второго пришествия американского «кинодоллара» (достаточно назвать серию фильмов с Майклом Кейном).

Говоря о немалой роли в формировании идейной проблематики британского кино в условиях холодной войны и практики отсутствия государственной поддержки, можно вести речь скорее о примерах «американского госзаказа» в британском кино, реализовывавшегося через известные финансовые механизмы. Ко второй категории фильмов, затрагивавших проблематику в изнаночном, или точнее, диссидентском уже по отношению к официальной политике Великобритании и США варианте, можно отнести картины Чарли Чаплина, Джозефа Лоузи (*The Damned, 1961*), снятая в жанре пародии политическая антиутопия *Doctor Strangelove* Стэнли Кубрика или анимационная версия нашумевшей книги Рэймонда Бриггса, снятая Джимии Мураками *When the Wind Blows*, интересным образом интегрировавшая политическую риторику и идеалистическую эстетику.

Доминатами жанровой и эстетической ориентации британского кино конца 50-х–начала 60-х стали нарочитая (а иногда даже искусственная, как в фильмах Теренса Дейвиса *A taste of honey* и *The loneliness of the long distance runner*) «социальность», от граничащая с бытовой документалистикой (так называемые *kitchen sink dramas),* контуры которой обозначились вслед за оформлением литературного течения «поколения рассерженных» (the angry young men generation) до лирических мелодрам и драм. К последним следует отнести *Billy Liar* (1963), *Darling* (1965) Джона Шлезингера, имевших успех на международной арене, выдвинув автора в ряды молодых режиссеров английской «новой волны».

Непосредственным продолжением социально-ориентированного кино конца 50-х – начала 60-х стало развитие с конца 60-х британской традиции авторского кино, с одной стороны, противопоставлявшей самодостаточную личность обществу и государству, рассматривавшей проблемы расовой и социальной дискриминации, а с другой, пытавшейся представить все это в том числе и в неизвестных и ранее нетрадиционных для британского кино формах – от притчи (например, трилогия Линдсея Андерсона о типичном британце, выжившем после системы государственной школы, после обработки средствами массовой информации и медицинского заведения; «Юбилей» - грустная притча о возможном будущем Англии Дерека Джармэна, «Возвращение в Ватерлоо» Рэя Дейвиса) до откровен-

ного фарса и ухода от осознания реальности, как в фильмах Кена Рассела или визуальных киношедевров Питера Гринэуэя, с поражающим воображение откровенным визуальным рядом, как в *The Prospero's Books* (1991), поставленной с использованием последних компьютерных технологий и телевидения высокого разрешения, а также часто довольно откровенными социальными комментариями, как, например, в черной комедии с намеком на политику кабинета Тэтчер *The cook, the thief, his wife and her lover* (1989). Отдельно следует сказать и об оформившейся в 60-е традиции британской эксцентричной и сатирической комедии (теле- и кинопостановки *Carry On, Monty Python's Flying Circus*), получившей свое развитие в эпоху тэтчеризма и позднее.

С начала 80-х в британском кино наметился отчетливый крен в пользу предпочтения социального, гиперреального кино, связанного с попыткой, с одной стороны, ответить на вопросы поиска новой национальной идеи и самоидентификации, маргинализации личности, а с другой, с доминированием на рынке киноиндустрии Голливуда и при одновременном прекращении американских киноинвестиций, традиционным равнодушием британского правительства и отсутствием финансирования на общем фоне идеологических ценностей, пропагандировавшихся политикой Тэтчер. Решением стало вынужденное сращивание кино с телевидением (недавно основанным Channel Four, а также BBC и Granada). Именно малобюджетные кино и телепостановки Channel Four, построенные по модели «театральная сцена-телепостановка-сценарий-фильм», становятся с этого времени визитной карточкой Великобритании (например, *London kills me, The madness of king George*). Любопытно, но именно на этот период приходится очередной и традиционно кратковременный «взлет» британского кино, связанный с международным успехом таких авторских картин, как *Ghandi* и *Chariots of Fire*.

На сегодняшний день британский кинематограф в целом придерживается рамок, заданных социальным кино 80-х, с уклоном в гиперреальность и гиперсоциальность, Майка Ли, политическую сатиру (как в свое время в телепостановках *Yes, minister* или *Black Adder*) черный юмор (*Trainspotting, Lock, stock and the two smoking barrels*), по-прежнему обращается к вопросам национальной идентификации в условиях меняющейся политической и демографической реальности (*The Buddha of Suburbia, My beautiful launderette, East is East, This is England*). При этом наблюдается смещение акцентов в британском киноэкспорте фильмов, все более предпочитающего традиционно исполняющему роль артефакта всеобщего пользования романтизированному образу квазиреальной Британии (так наз. shared heritage) откровенно пост-модернисткие версии литературной классики (например, *Richard II* Дерека Джармэна, *Cock and Bull Story* Стива Кугана) и оригинальные романтические комедии и фильмы, изображающие «пролетарский триумф» над суровой правдой жизни, причем в контексте «всебританского» все более отчетливо проступают «шотландские» контуры, претендующие на свой, отличный почерк.

Федорова Д. Н.
Уральский государственный университет

Интеграция по-британски: современный правительственный мультикультурализм и иммигранты

Проблема иммиграции, особенно мусульманской, становится все актуальнее для правительств и обществ Европы, в частности для Великобритании. Особенно остро стоят вопросы регулирования отношений между иммигрантами с чуждой мусульманской культурой и коренными жителями, рост ксенофобии с обеих сторон.

Британское правительство проводит более гибкую политику по отношению к иммигрантам. В 1950-х гг. в Великобританию потоком хлынули иммигранты из Индии, Пакистана и других стран. С одной стороны, правительство приветствовало приток новой рабочей силы, а с другой, оно опасалось воздействия, которое иммиграция может оказать на традиционное понятие «британскости». К концу пятидесятых азиатские иммигранты, прекрасно владеющие английским языком (прибывали они, в основном, из бывших английских колоний) уже стали частью жизни британского общества (правда, культурной ассимиляции так и не происходило), что облегчало задачу правительству по интеграции.

С 1971 г. по настоящее время в Великобритании было принято около 11 актов, затрагивающих вопросы иммиграции и предоставления убежища. Именно применительно периоду с 1971 г. по настоящее время принято говорить о складывании политики мультикультурализма. Основными вехами здесь служат периоды правления неоконсерваторов (тэтчеристский курс Джона Мэйджера, с 1991 по 1997 гг. – ужесточение иммиграционного законодательства) и лейбористов (Тони Блэр, 1997-2002 гг., - либерализация иммиграционной политики и принятие мультикультурализма как основополагающей доктрины).

О неоконсервативной эпохе можно сказать, что вместо старых представлений о принадлежности к определенной нации и культуре по принципу кровного родства, происхождения была предпринята попытка переформулировать понятие «нация» в терминах культуры. С этого момента открывалась дорога для реальной интеграции иммигрантов из стран Содружества.

Первое поколение иммигрантов в основном возновало противостояние дискриминационному контролю, борьба против расистских нападений, проблема полицейского произвола. Но с конца 1980-х гг. правительство сталкивается уже с культурно-религиозными требованиями иммигрантов, оторванных от исторической родины, и в тоже время не принятых британским обществом (например, скандал в 1988 г. с книгой С. Рушди «Сатанинские Стихи»).

Д. Мэйджер в 1993 г. официально включил Женевскую конвенцию 1951 г. в национальное законодательство. Согласно ее положениям, политическое убежище должно даваться всем, кто преследуется из-за своей религии, национальности, расы или убеждений, что несколько смягчило положение мигрантов. А в 1996 г. был принят встречный Акт об иммиграции и убежище (Asylum and Immigration Act 1996), который вводил дополнительные ограничения на социальную поддержку, предоставление жилья и работы для беженцев и иммигрантов, что привело к усилению культурной самоидентификации этнических общин, к выдвижению

культурно-религиозных требований, к нарастанию напряжения между иммигрантами и британцами.

Правления Тэтчер и Мэйджера оказали на страну пародоксальный эффект: они хоть и восстановили представления о британском величии, но в то же время сломали основу британской идентичности и рост его популярности.

Победа на выборах 1997 г. лейбористов во главе с Тони Блэром и провозглашение «третьего пути» для Британии внесли свои коррективы и в культурную политику страны. Постоянно подчеркивалась многообразная, многоэтничная, мультикультурная природа страны.

В 1998 г. британский парламент утвердил Акт о правах человека, придающий Европейской конвенции 1953 г. силу национального закона. В 1999 г. был принят Акт об иммиграции и убежище (Asylum and Immigration Act 1999), который смягчал некоторые положения в отношении иммигрантов. Правительство лейбористов официально признало мультикультурализм государственной идеологией. Поток иммигрантов в страну увеличился по сравнению с правлением консерваторов почти в четыре раза. Э. Блэр поддерживал подобное положение дел, ссылаясь на экономическую выгоду. Кроме того, правительство шло навстречу культурным требованиям иммигрантов, снимались многие ограничения, строились мечети, религиозные школы и т.п. В ряде случаев, это начинало ущемлять права коренных британцев. Далее события 9 сентября 2001 г. показали, что правительство оказалось в своеобразной ловушке. Всплеск антиисламских настроений, последовавший за этими взрывами, прокатился по всей Европе. Мусульманские общины еще более агрессивно стали выдвигать свои требования, ссылаясь на право свободы религии и частной жизни. Подобная ситуация стала показателем кризиса правовой системы Великобритании, а также кризисом политики мультикультурализма. В 2002 г. на фоне подъема крайне правых был принят Акт о гражданстве, иммиграции и убежище (Nationality, Asylum and Immigration Act 2002), посвященный, прежде всего, дополнительным возможностям депортации беженцев, что позволило смягчить ситуацию и значительно снизить «правые» настроения в обществе.

Так или иначе, иммиграция – один из факторов, что будет определять идентичность Великобритании, Европы в целом. Тем более что данные вопросы выходят за рамки демографических и экономических. Поэтому для современных обществ так важно обращаться к механизмам политико-правового регулирования проблемы.

Филипповский Г.Ю.
Ярославский государственный педагогический университет

Интерпретация мотива инициации в культурной традиции Британии и России

Не секрет, что именно регионы всегда наделены возможностями сохранения древних, пережиточных, архаических верований, традиций, народных обрядов, ритуалов. В полной мере сказанное относится как к находящейся на крайнем Западе Европы Великобритании, так и к расположенной на крайнем Востоке Европы России. Так, стаффордширский весьма архаический «олений» танец из Эб-

ботс Бромли, ежегодный ритуал, разыгрывается в сентябре при музыкальном сопровождении аккордеона и треугольника и использует бережно хранящиеся в приходе оленьи рога, датируемые еще англо-саксонским ранним средневековьем. Любопытно, что и в регионах России «оленьи» архаические верования и обычаи сохраняются в виде, например, ритуального печенья «козули», которое традиционно изготовляется и продается в Архангельске под Рождество и Новый год, или древнего ритуального танца «козуля», который автор данной статьи наблюдал в 1955 г. на Ильин день в с. Ильинское-Урусово под Ярославлем.

Настоящий текст обсуждает на британском и русском этнографическом материале древний, архаический обычай «пролезания или протаскивания через дыру в камне в лечебных или апотропеических целях (защитных), что соотносится с пролезанием и через другие естественные или специально созданные отверстия, ассоциирующиеся с женским детородным органом: обруч, хомут, сосуд без дна, материнскую рубаху, расщепленное или дуплистое дерево, вырытую в земле дыру и др. и имеет семантику перерождения, приобретения плодородия и здоровья» (Е. К. Левкиевская, С. М. Толстая. Камень. «Славянские древности». Этнолингвистический словарь. Т. 2). Конкретный британский материал опирается на рассказ каноника Джона Метьюина (John Matthuen), настоятеля (декана) собора св. Петра в Рипоне (Сев. Йоркшир), записанный автором данного текста 07.04.2000 в присутствии Дерека и Мэри Хьюитсон из Стейнфорда, Сетл. Речь идет о подземном окне (squint window) древней крипты VII в., сохранившейся от древнего англо-саксонского собора св. Петра в Рипоне, построенного св. епископом Уилфридом. По словам кан. Дж. Мэтьюина, большой камень, лежащий внутри крипты, используется женщинами Рипона, имеющими дочерей, в весьма своеобразных целях. Они приводят сюда своих дочерей перед свадьбой или же перед замужеством (в пору поиска жениха) помогают им встать на камень, чтобы затем создать возможность девушке дотянуться и попытаться пролезть (протиснуться) в узкое окно древней крипты (squint window), расположенное непосредственно над лежащим внутри крипты камнем. Умение протиснуться в очень узкое окно, ведущее вверх из крипты по местной устойчивой традиции приносило девушке успех и счастье в браке или в поиске хорошего жениха. Обычай, безусловно, очень древний, что соотносится с древностью англо-саксонской крипты собора св. Петра в Рипоне, который в VII в. принадлежал эпохе возрождения начал римско-католического христианства в Англии в ряду первых соборов в Кентербери, Св. Андрея в Рочестере, св. Павла в Лондоне к VI – нач. VII вв., построен св. еп. Уилфридом параллельно с собором св. Андрея в Хексэме в середине VII века. С точки зрения описываемого народного обряда, этнокультурного ритуала отмеченная выше тема христианских начал могла иметь особое значение, поскольку по мнению Мирча Элиаде отмеченный народный обряд-ритуал «совершенно явно относится к «второму рождению», «означает перерождение посредством женского космического начала». Весьма примечательно местное название узкого окна древней крипты св. Петра в Рипоне – «Wilfrid`s Needle», т. е. иголка св. Уилфрида. Этнокультурный контекст «игла», по данным М. М. Валенцовой в одноименной ее статье в т. 2 энциклопедии «Славянские древности» – весьма примечателен: 1) гадание невест на Украине – на восходе солнца им надлежало вдеть нить в иголку обязательно через ворота; 2) в Сибири перед Новым Годом девушка старалась при лунном свете вдеть самую тонкую нитку в самую тонкую иголку, и, если

это удавалось, то свадьба ожидалась в этом же году, если нет, то через столько лет, сколько попыток девушке потребовалось: 3) белорусы верили, что тех, кто крал иголки, на том свете испытывали: если его душа не пролезет через игольное ушко, то она останется мучиться в аду до тех пор, пока не источится до нитки. Очевидна соотносительность описанного выше древнего ритуала невест из Рипона и старинного русского (славянского) этнокультурного материала, обычаев, ритуалов и традиций.

Народные этнокультурные апотропеические ритуалы, часть которых сохранилась до наших дней, оказались связанными со стойкими в народной среде традициями христианской культуры, переплелись с ними. Так произошло в Рипоне, так произошло в России, в маленьком городке Тутаеве (старинное название – Романов-Борисоглеб) на Волге выше Ярославля. Речь идет о почитаемом издревле большом по размерам образе (иконе) Спасителя XIV–XV вв. из Воскресенского собора Романова-Борисоглеба, с которым связана старинная традиция «пронимания» под образом, через специально изготовленный лаз. Чаще всего этот ритуал поддерживается женщинами с детьми, которые опускаются на колени и «пронимаются» под чтимой иконой на пространстве нескольких метров. Лексема «прониматься», «пронимание» не узко-местная, она упомянута автором статьи «круг» О. В. Беловой в т. 3 энциклопедии «Славянские древности»: «... пролезание или пронимание через круглые отверстия...» Разница с ритуалом в б. Романово-Борисоглебе в том, что там «пронимаются» либо через квадратный в сечении лаз, либо вообще под иконой на ее пути по всем улицам и переулкам города. Два раза в год чтимую икону носят (в том числе в праздник 1 августа, Всемилостивого Спаса) по всему городу, перевозят через Волгу, останавливаясь для «пронимания» в том числе перед больницами. Налицо, как и во всех сходных случаях, черты лечебного, живоносного, апотропейного, защитительного, предохранительного ритуала. Заслуживает особого упоминания то, что недавно под патронажем Русской Православной Церкви был снят специальный документальный фильм, с подробной фиксацией отмеченного выше православного ритуала, связанного с движением чтимой иконы Спасителя в Тутаеве (Романово-Борисоглебе).

Наиболее ценное обобщение архаической ритуальной традиции «пронимания» представил на материале многочисленных исследований европейских ученых XIX–XX вв. Мирча Элиаде в своей книге «Очерки сравнительного религиоведения» (Patterns in comparative religion. Lnd, 1958), в гл. IV.78. «Камни с отверстиями». Он отмечает, в частности, «даже сегодня бытующий в Европе обычай пропускать новорожденных младенцев через отверстие в камне». М. Элиаде пользуется в своих обобщениях исследованиями, в частности, С. Зелигманна, Ж. Дешелетта, Х. Рида, С. Рейнака и др. Говоря о доисторических больших камнях с отверстиями, в роде упомянутого выше Mên-an-tol из британского Корнуолла, М. Элиаде вспоминает «религиозные «жернова» (ulv-kvarnar) доисторической Скандинавии, со ссылкой на Альмгрена приписывает им инициационные функции, символическое значение, близкое к значению йони. Большое место отводит М. Элиаде камням с отверстиями в древней мифологической традиции Индии, рассматривающей их как «врата спасения», освобождение от кармического цикла.

Возвращаясь к сопоставлению британских и российских этнокультурных традиций, связанных с архаическими ритуалами «пронимания», следует отметить, что они во многом сходны и связаны с этнокультурным контекстом матери и до-

чери-невесты, матери и ребенка и включают мотивы апотропеического характера, защиты здоровья, благополучия от зла, порчи, беды и несчастья, болезни в любом понимания этого слова. При этом ритуал предполагает передачу живоносного, предохраняющего начала, энергию спасения и сохранения юного человека на пути нелегких земных испытаний. Характерно, что эти древние пережиточные ритуалы не могут обойтись сейчас без христианского храма.

Хвостова Е. В.
Ивановский государственный университет

Женщина на пиру у англосаксов: сакральная и миротворческая функции (на основе анализа «Беовульфа»)

Эпоха великого переселения народов – важный этап в историческом развитии древних германцев. Как пишет Беда в «Церковной истории народа англов», англы (или саксы) были приглашены королем бриттов в помощь для защиты от нападений пиктов и скоттов, но настоящей их целью было завоевание. С этого момента начинается англосаксонский период в истории Англии.

Мир англосаксонского общества – это мир, строго регулируемый определенными нормами поведения, имеющими свое выражение в различных ритуалах. Для раннесредневекового общества проблема ритуальности поведения является одной из важнейших. От соблюдения таких норм зависела жизнь как отдельного индивида, так и общества в целом, т.к. их нарушение вело к дестабилизации отношений, что могло вылиться не только в ссору, но и вызвать крупный конфликт.

Ритуалом принято считать упорядоченную последовательность действий, слов и вещей, пускаемых в ход социальной группой в символических целях. В ритуале все имеет определенный смысл и значение, которые характеризуют ментальность конкретного общества, в рамках которого рассматривается этот ритуал. Так, по убеждению англосаксов, благополучие их рода полностью зависело от соблюдения норм поведения, подобающих королю и его воинам, которые сохранялись их многовековой традицией.

Ярким примером ритуального поведения является пир. Пир имеет социальное и сакральное значение. С одной стороны, это форма общения, как между равными, так и между неравными по происхождению. Пир – это способ сплочения людей в коллективе, средство поддержания мира и благополучия. Здесь обменивались новостями, обсуждали волнующие группу вопросы, слушали песни и саги. С другой стороны, на пиру происходило общение с высшими силами языческого мира – богами, в честь которых совершались возлияния и жертвоприношения.

Пир является своеобразным социальным институтом раннесредневекового общества. Целью его было сохранить сплоченность коллектива, формировать определенное мировоззрение, прививать такие модели поведения, которые способствовали бы комфортному, бесконфликтному существованию общества.

Пир можно рассматривать как символ спокойствия, упорядоченности и гармонии в противовес битве, которая несет ущерб обществу. Однако оба эти

института окутываются англосаксами множеством ритуалов: от начала действа и до его завершения.

Наиболее подробно англосаксонское общество описано в германском эпосе, ярким образцом которого выступает «Беовульф». По мнению большинства исследователей, поэма «Беовульф» сложилась в период великого переселения народов приблизительно в конце VII или в первой трети VIII в. Рукописный вариант произведения сохранился в единственном экземпляре и датируется примерно 1000 г. «Беовульф» - единственное крупное произведение героического эпоса англосаксов, дошедшее до нас целиком. Поэма очень сложна и неоднозначна при толковании, и дает обширный материал для историков, филологов, культурологов и других специалистов, которые могут найти в «Беовульфе» описание быта, обрядов, вооружения, различных этических представлений той эпохи. Текст поэмы представляет переплетение кратких пересказов библейских историй, чисто архаических сюжетов борьбы героя с чудовищами, этики раннефеодального общества, записанных с помощью древнего аллитерационного стиха, сложных метафор и т.д. Смешение черт героического эпоса с христианскими мотивами приводит к разнообразной трактовке «Беовульфа». Предполагалось, что первоначально поэма была языческой, но затем ее переработка в христианском духе привела к переплетению двух мировоззрений. Современные исследователи, которые воспринимают поэму как народный эпос, склонны сводить к минимуму значение влияния церкви. Но есть и другая точка зрения, для которой языческие черты «Беовульфа» являются ничем иным, как стилизацией под старину, в то время как основное внимание уделяется христианским мотивам поэмы.

Пир, наряду с битвой, – одна из самых распространенных тем германского эпоса. Эта тема находит отражение в представлениях о женщине, господствовавших в эпоху родоплеменного строя и язычества. Образ «женщина на пиру» развивается в героическом цикле «Старшей Эдды». Наиболее полное представление о роли и функции женщины на пиру дает поэма «Беовульф», повествование которой строится вокруг трех битв с чудовищами и сопровождающих их пиров.

Женщина принимает важное участие в ритуале пира, совершая определенные действия: «по древнему чину» приветствует гостей, подносит угощения, произносит речи, преподносит дары, следит, чтобы на пиру не было ссор и разногласий.

Женщина появляется на пиру не с самого его начала. Ее появлению предшествует приветствие всех пирующих конунгом. Воины, предавая друг другу чаши для вина, рассказывали о своих подвигах, слушали песни сказителя о других героях.

С появлением женщины разногласия на пиру утихали; все внимание пирующих было обращено к ней. Действия жены конунга были упорядочены специальным ритуалом: сначала она подносила чашу мужу, а затем обходила с чашей всех гостей, предлагая испить медовой браги. Для женщины было характерно произносить речи на пиру. При обращении с речью к мужу, она настраивала конунга на добродушный и мирный лад, хвалила и подбадривала его, иногда предостерегала. Обращаясь к воинам, она благодарила их за подвиги, настраивала на свершение новых, и создавала мирную атмосферу в пиршественной зале. При этом отношение женщины к тому или иному герою выражалось в определенном к нему обращении.

Композиция «Беовульфа» построена таким образом, что позволяет взглянуть на пир и роль женщины на нем с двух сторон. Пиры, представленные в начале поэмы, служат в первую очередь для представления главного героя – Беовульфа, и этики дружинных отношений. При этом читатель видит пир глазами автора произведения (описательная сторона), что дает возможность проследить последовательность действий на пиру, появление и представление на нем женщины. Поэма также дает возможность увидеть пир глазами действующего героя, самого Беовульфа, который оценивает как гостеприимство данов, так и хозяйку дома, встретившую его на пиру. При сравнении обе точки зрения на женщину на пиру позволяют проследить отношение к ней в ту эпоху, построить предписываемую обществом идеальную модель поведения женщины.

Через поведение женщины на пиру отражается ее роль в обществе вообще. Она зовется «пряхой согласия», т.к. своими словами и действиями пытается примирить спорящих, установить дружественные отношения среди присутствующих на пиру. Необходимо отметить, что в англосаксонском эпосе женщине чужда роль воительницы, свойственная ей в скандинавских мифах. Ей скорее присуща миротворческая функция, главное для нее – это сохранение порядка и мира. Произносимые ею речи нередко близки магическим заклинаниям и имеют целью обеспечить процветание рода.

Таким образом, за внешней стороной поведения женщины на пиру прослеживается и иная, связанная с сакральным обрядом. Как и ее знатный супруг – конунг, женщина стремится обеспечить благополучие своего рода и детей.

Шатун О. А., Смольянинова Е. И.
Таганрогский государственный педагогический институт

Развитие английского языка в культурно-историческом аспекте

Объектом исторической науки является человеческое общество в процессе его исторического развития. Однако, нет и не может быть человеческого общества и народа, которые не имели бы языка, так как он является важнейшим средством человеческого общения. Изучением языка занимаются многие науки: языкознание, философия и, история в том числе.

Безусловно, на наш взгляд, мы можем говорить о связи языкознания и истории, поскольку история языка являются частью истории народа. Конечно же, особенно явственно заметны связи с историей общества словарного состава языка, сферы и характера его функционирования.

Связь истории и языкознания двусторонняя: данные истории обеспечивают конкретно-историческое рассмотрение языка, данные языкознания являются одним из источников при изучении таких исторических проблем, как происхождение (этногенез) народа, развитие культуры народа и его общества на разных этапах истории, контакты между народами.

Язык есть условие и продукт человеческой культуры, и поэтому всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом саму культуру, то есть - историческое изучение.

Английский язык как никакой другой отражает культуру английской народности. Современный английский язык - это продукт длительного историческо-

го развития, в процессе которого он подвергается всевозможным изменениям, обусловленными различными причинами.

В настоящее время взгляд на язык со стороны наук о человеке и о его мире способствовал возникновению и развитию новых междисциплинарных научных направлений (историческая социолингвистика, лингвокультурология, история языка и современные компьютерные технологии и др.).

Будучи сложным и многоаспектным явлением, язык может изучаться с позиций разных сфер знания. Так, лингвисты, рассматривая язык в культурно-историческом аспекте, ввели понятие "культурный компонент значения" и эта культурологическая ориентация лингвистики позволяет по-новому взглянуть на язык, на его уровни с точки зрения отражения в нем национальной культуры, по-новому подойти к раскрытию закономерностей развития языка и т.п. Историки же, изучая историю языка (например, английского), исследуют ее в диахронном аспекте и, чаще всего либо рассматривают язык в качестве компонента этнической истории английского народа, либо в общеисторическом процессе выделяют стадии развития языка, на каждой из которых он представлял бы систему отличную от предыдущей и последующей.

Однако, на наш взгляд, история английского языка требует более тщательного исторического исследования: изучение языка как культурного фона при рассмотрении исторических событий. Приведем конкретный пример, как этимология одного слова носит в себе целую цепь исторических событий. Так, например, одно только слово **army**, если изучать его с этимологической стороны, показывает, как события истории народа влияют на лексический состав языка. Это - заимствование из французского языка, связанное с нормандским завоеванием Англии в середине XI в., после которого многие сферы государственной жизни и среди них все, что связано с армией, находились в ведении французов. Это слово вытеснило древнеанглийское слово **here**, обозначающее вражеское войско, и **fierd**, обозначавшее собственное войско. Слово **army** устранило эту дифференциацию. Таким образом, уже одно слово является тем кусочком мозаики, из которой состоит вся история английской народности. Поэтому история развития любого языка тесно связана с историей народа, говорящего на этом языке, что в свою очередь означает, что изучать историю народа и тем более преподавать ее необходимо при как минимум базовой лингвистической подготовке.

Современный английский язык относится к западной группе германской ветви индоевропейской семьи языков. Историю английского языка принято делить на три периода, которые в целом, совпадают с хронологическими рамками средневековья (раннего, высокого, позднего) и нового времени.

I древнеанглийский период (VII - к. XI вв.)

Историки связывают этот период со складыванием английской народности. Этот этап характеризуется покорением кельтских племен римлянами, затем вторжением на остров германских племен (саксов, ютов, англов, фризов), а затем скандинавских племен. Все эти перепитии в истории Англии отражаются в ее языке (представленном в виде диалектов), который как нельзя более точно показывает изменения в истории народа.

II среднеанглийский период (нач. XII в. - XV вв.)

Этот период, по мнению многих исследователей, завершает период образования английской народности. Он характеризуется нормандским завоеванием в

1066 г., войной Алой и Белой Розы (1455-1485), введением книгопечатания в Англии (1477 г.), оформлением Лондона - как столицы, а также складыванием национального литературного языка и т.п. Опять же в этот период история народа напрямую отражается в истории языка, посредством влияния других языков на английский язык.

Поскольку Британия - это островное и в некоторой степени изолированное государство, то столь сильное влияние на развитие английского языка других языков объясняется не просто поверхностными межкультурными связями, а имеющими важное историческое значение событиями.

III новоанглийский период (XVI в. - до наших дней)

Ученые полагают, что в этот период мы можем говорить о складывании английской нации. Английский язык распространяется за пределы Англии (Ирландия, Шотландия), а также за пределы Британских островов (Северная Америка, Австралия и т.д.), чему способствуют Великие географические открытия. Развитие межкультурных связей отражается в заимствовании многих слов иностранного происхождения.

Итак, современный английский язык представляет собой результат долгого исторического развития. И, хотя он значительно изменился в течении своей истории, тем не менее его грамматический строй и основной словарный фонд продолжают сохранять основные черты языка германской группы. Кроме того, несмотря на то, что английский язык в течении своего исторического развития неоднократно скрещивался с различными языками (кельтским, французским, скандинавским), но он во всех случаях выходил победителем и продолжал развиваться по своим внутренним законам. Поэтому английский язык и законы его развития можно хорошо понять и общее направление их можно установить только рассматривая в культурно-историческом аспекте, в связи с изучением истории Англии и английского народа.

Шмелева Е. Е.
Московский педагогический государственный университет

Языковая реализация концепта «море» в контексте лингвокультурологии (на материале английского языка)

Проблема взаимосвязи языка, культуры и личности в современном мире является одной из наиболее актуальных. Традиции, культура, национальный характер и обычаи сохранены в языке народа. Вопрос взаимодействия этих реалий разрабатывается в лингвокультурологии. Основной категорией лингвокультурологии является концепт, выступающий посредником между культурой и человеком. Суммируя существующие точки зрения о сущности данной категории (А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов и др.,) мы предлагаем понимать под термином «концепт» единицу коллективного знания / сознания (подразумевающую высшие духовные ценности), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой. Так, в лексической семантике, языковая картина мира представлена множеством ментальных единиц – концептов.

Как известно, при выявлении национально-культурных элементарных понятий в лингвокультурологии используется компонентный анализ. Лингвокультурология к изучению семантики слова применяет когнитивный подход, которого мы придерживаемся в нашей работе. Мы полагаем, что наиболее продуктивно исследовать национально-культурный компонент значения слова можно при помощи методики, которую предлагает С.Е. Никитина, где концепт анализируется через определение его связей с другими концептами той же культуры. В настоящем исследовании концепт «море» тесно переплетается с концептами «корабль» и «человек», которые взаимовлияют и взаимодополняют друг друга. Лингвокультурологическое поле концепта «море» в нашей работе изображено графической схемой, в которой корабль является связующим звеном между человеком и морем, между социальным и природным. С одной стороны корабль - творение человеческих рук, выполняющий конкретные функции на пользу человека. С другой стороны, море – стихия, существующая вне человека, которую человек пытается подчинить себе, посредством корабля.

Неоспоримую важность корабля для англичанина подчеркивает пословица «It's better to lose the time than the ship" (Лучше потерять время, чем судно»). В книге «The Influence of Sea Power upon history»(1987), доктор Белвуд пишет так: «На море англичане сдавались неохотно (если вообще сдавались) – на суше не стыдно, а в море сдать врагу свой корабль англичанину - ни за что!». Р. Х. Хайруллина указывает на, то что слова- концепты, за которыми «стоит» символическое осмысление реалии мира, могут закреплять общечеловеческое восприятие предметов и событий с общим значение во многих языках. Так, слово-концепт «корабль» выступает как символ средоточия морского величия родины англичан так как экономическое развитие, мощь и процветание королевства веками зависели от успехов английского флота в морских баталиях, в охране от внешних врагов, покорении новых земель и основании колоний, транспортировки груза морем и т.д. Обороноспособность объединенного королевства, его торговые и культурные связи - все это издавна было неотделимо, в представлениях населения страны, от мыслей о флоте. Англичане живут на острове, что характеризует их прежде всего как оторванных, изолированных от мира и от других людей. Корабль символизирует движение спасти человека от одиночества, наделяет человека способностью путешествовать, где угодно и когда угодно.

Данная работа представляет собой попытку изучения и выявления одного из базовых мировоззренческих концептов - море, «sea» в английском языке, в заимосвязи с основными концептами «ship» и «man». А также при лингвистическом анализе значения смежных концептов, отдельных слов и словосочетаний, связанных с морем, можно установить когнитивный контекст (область знания), который лежит в основе данного концепта, и определенным образом его структурировать.

Изучению семантики отдельных слов сквозь призму идеи национального характера посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов (см., например Вежбицкая1997, 2001; Зализняк 1999; Левонтина 1999; Яковенко 1999). В результате анализа выделяется ряд концептов, специфичных (только) для английской культуры или других европейских культур. Например, символическое осмысление и, соответственно, образную интерпретацию в русском языке получают такие реалии, как «земля», «небо», «ветер» «поле», «хлеб», характеризую-

щие уклад жизни русского народа, типичный русский пейзаж и основное занятие – земледелие. В английском же языке это ship, coast, land, rock, dock, fishing и др., характеризуют особенности морской (прибрежной) жизни жителей Англии. Трудности в описании абстрактных концептов (например, боль, красота, надежда, гнев) возникают потому, что при их формировании в нашем сознании отсутствует непосредственный чувственный опыт, то есть они не имеют предметно-чувственной основы. Описание же концептов конкретных, в данном исследовании концептов лингвокультурологического поля «море», таких трудностей не вызывает. Также к концептам, специфичным для английской культуры можно отнести следующие: island, water space, seascape, sailing, The Royal navy и др. Интересно заметить, что англичане живут рядом с морем, но воспринимают его как часть ландшафта, и называют его просто вода «water» - подразумевая море. (Blue Waters, to be in smooth water, between wind and water, watery waste, in deep waters).

… at last they had turned the corner of their lives and **were in smooth water**. (J. Galsworthy "Caravan")

Mr. Elderson got it **between wind and water**. He didn't like it a little bit. (J.Galsworthy. "The White Monkey")

A fine bristling Atlantic air blew in hot from the **watery waste**. (Bates H.E. "Across the bay", p 49)

Наряду с общечеловеческими символами, у каждого народа есть национально специфические символы, отражающие особенности их мировосприятия. Так в среде английских моряков бытуют словесные единицы, для обозначения Атлантического океана, которые отмечены отрицательной коннотацией, что проявляется в их речи как пренебрежительное отношение к морю, например Big Ditch , Big Pond, Big Drink, Пролив Ла-Манш также именуется как Ditch –канава. Национальные образы могут закрепляться не только в языке, но и в литературе, искусстве, культуре в целом. В Англии, например, до сих пор существует мнение, что выход в море в пятницу, и тем более в пятницу 13-го числа, совершенно немыслим и должен быть под любым предлогом перенесен. Ибо пятница, как гласит предание, день распятия Христа. А между прочим, как раз 13-е число чаще других дней в году приходится именно на пятницу. В конце XVIII в. это суеверие настолько сильно распространилось, что английское правительство решило доказать абсурдность приметы. Построили корабль под названием "Friday" –«пятница», который заложили в пятницу, спустили на воду тоже в пятницу, выход судна в первый рейс состоялся в пятницу. Но такова ирония судьбы: судно вместе с командой пропало без вести. Также до сих пор в Англии существует поверье: пока черная кошка в доме, - моряку не грозит опасность в море.

Рассматривая связь семантики слова с фоновыми знаниями, мы пришли к выводу о том, что некоторые слова-реалии, обозначающие ключевые для данной культуры понятия и явления, обретают в этой культуре чрезвычайно важное место. Они, как правило, обладают богатой палитрой национально-культурных коннотаций (ship, cliff, sailor, anchor, и т.д.), образуют обширные фразеологические гнезда, участвуют в создании многих пословиц и поговорок.

Уже на лексическом, фразеологическом и афористическом уровнях языка эти слова начинают играть роль своеобразных образов-символов национальной культуры существенных элементов национальной лингвокультурологической картины мира. В работе « Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фра-

«общего согласия короля, лордов и общин». «Возрожденный Платон» скорее являлся философско-политическим трактатом, в котором рассматривались вопросы организации политической власти, но при этом полностью игнорировались модели организации других сторон общественной жизни. Однако «в своей попытке направить будущее по начертанным им идеальным линиям и в видении этого будущего как состояния постоянного равновесия, они (подобного рода трактаты) обнаруживали в себе утопические надежды и устремления».

Как ни парадоксально, но философское наполнение внешне фривольного «Острова Пайна» глубже, чем у серьезного, а кое-где и высокопарного «Возрожденного Платона». Чтобы показать, в какой тупик могут привести в совокупности абсолютная государственная власть, всеобщая праздность в условиях достаточного природного изобилия и отказа от нравственных ограничений Невилль одним из первых использовал литературную форму антиутопии (негативной утопии). В определенном смысле придуманная Невиллем история о нравственном разложении и социальном регрессе, напоминает ветхозаветную легенду о грехопадении человека. Его герои оказываются в полной изоляции на необитаемом острове, по описанию поразительно напоминающем библейский Эдем, то есть, получают потенциальную возможность запустить ход общественного развития с самого начала в любом направлении и достигнуть качественно новой ступени развития. Но вместо этого они предаются праздности и разврату, а их потомки год за годом, поколение за поколением идут от вседозволенности - к ханжеству, от анархии – к деспотизму, от патриархального единства – к непрекращающейся междоусобной вражде. Таким образом, антиутопия «Остров Пайна» становится романом-предупреждением, показывающим к каким социальным последствиям приводят единоличная и безраздельная власть, праздность и неограниченная свобода.

Якушева Л. А., Филичева Ю. А.
Вологодский государственный педагогический университет

Повседневная жизнь англичан сквозь призму произведений Е. Замятина

Художественный текст, попадая к современному литературоведу, претерпевает воздействие двух исследовательских традиций: классической и постмодернистской. Первая ориентирована на целостный анализ текста, вторая - представляет собой «броуновское» движение отдельных цитат и положений. Уязвимость подхода заключается в том, что в произведении, прошедшем временной аксиологический отбор, можно найти подтверждение разным идеям, в том числе и двоюродным для автора.

Выбрав в качестве объекта рассмотрения «английскую тему» на материале «английской дилогии» Е. Замятина («Островитяне», «Ловец человеков»), мы исходили из актуальности писательского опыта в освоении «другой» культуры» (от неприятия через «прививание» к привнесению в свою культуру элементов чужеродности). Обращение к образному восприятию картины мира позволили выделить социальные, нравственно-психологические доминанты характерные как для английского, так и для русского пространства культуры. Это, например, сопоста-

вимые концепты «дом», «семья» и ментально-специфические: «путь» (у русских), «движение», «механистичность» - у англичан.

Высказывания современников, портреты писателя (литературные и живописные) свидетельствуют о признании его «островитянином» - человеком, чуждым богемной среды, вольнодумцем и скептиком. И он сам (имевший прозвище англичанин), и его произведения казались многим слишком хорошо сделанными: «нженерия его вещей просвечивает <...> как ребра человека на рентгеновском экране», - утверждал К. Федин. Боязнь конфликтных ситуаций, манерность, породистость, «инаковость» то восхищала окружение, то становилась поводом сатирических колкостей и непонимания. Е. Замятин на своем автобиографическом опыте испытал отсутствие толерантности к писательскому стилю, выбору образа жизни. «Европеизм» писателя в определенном смысле стал не только условием творческого взлета, вектором самоосуществления, но и причиной его «внутренней» и внешней эмиграции. Однако, если сравнивать Е. Замятина с его героями (как однажды сделал К. Чуковский), то можно отметить одну важную черту, характерную для русской ментальности. Обособленность от других, изоляционность является для англичан нормой, условием их равенства. Для русского человека высокое одиночество - это условие осознанного выбора, позиции, и даже, как в случае с Е.Замятиным, качественного наполнения жизни.

Для анализа избранных произведений мы использовали принципы, предложенные Е. Замятиным в статье «Закулисы», где он акцентировал внимание на живописных и музыкальных характеристиках своих персонажей. Отметим, что в этом случае, отдельные главы повести, части рассказа выглядят пейзажными, бытовыми, портретными зарисовками, к которым применим принцип искусствоведческого анализа. Этим определяется смысловое движение: по принципу удаленности/близости предметов, по отношению к линии горизонта верх/низ; по композиционной соотнесенности персонажей, планов. Кроме того, предпринятый автором «интегральный» способ раскрытия образов позволяет свободно перемещаться от частности к общему, от детали к панораме. Во многих случаях эпизоды имеют картинную раму (окно, сцена, дверь), что помогает фиксировать ракурс, останавливает взгляд, вызывая эффект «визуального удивления» (Р. Барт).

К музыкальности мы относим повторяемость, рефренность отдельных элементов текста (описание отношения к книге в «Островитянах»), мотивов, характеристик (наличие признаков механистичности у разных персонажей).

Особое внимание нами уделено рассмотрению характеристик культуры повседневности, представленной в текстах Е. Замятина. Нас интересовали внешние атрибуты жизни англичан: пространство дома, города, среда обитания (социологический аспект); образ жизни, распорядок дня, занятия, предпочтения, обычаи (антропологический аспект), взаимоотношения между людьми, семейная жизнь англичан (психологический, коммуникативный аспект); ментальные характеристики: механистичность, консерватизм, бесстрастность, отсутствие духовности при набожности и патриархальности (культурологический аспект). Сходство материала «изготовления», фактуры, внешней формы объектов и субъектов действия позволили сделать вывод об усредненности, однообразии английской реальности, контуры которой обозримы лишь со стороны моря, извне.

В произведениях Е. Замятина «конструктивизм» повествования сопрягается с повышенным эмоциональным градусом изложения, в котором читается и

неприязнь, и маета, и тоска по лучшей жизни, которая так свойственна русскому интеллигенту. Зоркость, наблюдательность, умение слышать и вслушиваться выдают человека тонкой душевной организации, неординарную личность. Таким образом, мы констатируем, что «место встречи» двух культур становится для писателя изживанием того, что он не принимал, от чего отказывался - чеховской процедурой «выдавливания из себя раба», а сам текст – примером познания (принятия, примирения) действительности сквозь призму художественного опыта творца.

Амбарцумян К. Р.
Ставропольский государственный университет

«История семьи» как отрасль современного британского исторического знания

Современная ситуация, в которой оказалось историческое знание, характеризуется многообразием субдисциплин, в контексте которых возможна реализация самых разнообразных исследовательских интересов. Подобное структурное оформление позволило углубить изучение отдельных исторических феноменов, в том числе и семьи. Согласно мнению С. И. Маловичко, дисциплинарная история все больше сосредотачивает внимание на региональных/локальных/микросоциальных объектах и их особенностях, выдвигает на первый план в качестве объекта изучения не «героя», но рядового человека, культивирует интерес к отдельным общностям, группам, семьям, к коллективной и семейной психологии и т. д.

Уже в 1960-х гг. институт семьи получает особый статус в социальных британских науках. В последующие десятилетия популярность резко возрастала с ориентацией на новейшие достижения гуманитарной мысли. Особенно активным было взаимодействие с социологией.

Большое влияние на развитие отрасли оказал интересе к локальным сообществам, проявляемый не только профессиональными историками, но и многочисленными сообществами по изучению истории семьи (Family History Society), сферой интересов которых, как правило, является генеалогия и геральдика. Активное функционирование подобных непрофессиональных объединений (например, Manchester and Lancashire Family History Society, Bedfordshire Family History Society, London Westminster & Middlesex Family History Society и др.) свидетельствует об интересе на уровне сознания обывателя к прошлому своей семьи. Для профессиональных историков функционирование подобных корпораций важно и с точки зрения концентрации в них источников по проблемам семьи. Наличие социального заказа, безусловно, стимулировало формирование «истории семьи» в рамках профессионального исторического знания. Более того, согласно суждению Л. П. Репиной, важным элементом массового исторического сознания «социальная история снизу» стала благодаря соединению интереса энтузиастов к истории семьи, деревни, прихода, города со стремлением историков-социалистов (популярных и авторитетных в Англии) включить любительское краеведение в контекст большой «народной истории».

Немаловажным фактором развития отрасли явилась вековая традиция локальной истории. Комплексное исследование любого локального сообщества (городского или сельского) немыслимо без изучения главной единицы социума – семьи, и в то же время изучение семьи как явления должно происходить с учетом

специфики локального контекста. Поэтому многим работам британских историков семьи свойственна тематика локальной направленности. Так Аластер Оуэнз (University of London) конструирует образ семьи на примере британского городка Стокпорта в XVIII в. Исследовательское видение проблемы историком строится на понимании семейного микросоциума как важного источника социальной поддержки. Одной из главных функций была передача другому поколению профессиональных навыков и сохранение и передача накопленных средств. Исследовательница Шейла Суитберг (University of Kent), опираясь на материалы завещаний двух рыбаков (Лайда и Фоукстоуна), изучает стратегии наследования в позднесредневековых общинах рыболов на примере двух кентских городков.

Изменения в парадигме постановки и решения исследовательских задач историка, произошедшие во второй половине XX в., определили качественное содержание работ, связанных с изучением микросоциума семьи. Междисциплинарность детерминировала применение в рамках отдельно взятой отрасли самых разнообразных методологических практик, заимствованных из других отраслей исторического знания, в частности, и гуманитарного, в целом. Проблемы, связанные с изучением семьи, могут носить не только узколокальный характер, например, в соответствии с традициями исторической биографии, работа может сосредотачивать в себе рассмотрение сюжетных линий, связанных с жизнью отдельно взятого человека, или сопоставление нескольких биографий. На этих принципах построена статья Пэт Зэйн, которая рассматривает отношение к престарелым дамам разного социального уровня в семье и обществе, их самоидентификацию в окружающей действительности. Опираясь на опыт исторической биографии, Пэт Зейн рисует портреты нескольких богатых и известных женщин: Беатрис Вебб, Джорджианы Берн-Джонс, Марии Джексон. Эта работа построена на источниках личного происхождения (воспоминания, переписка, дневники). В рамках этой же работы исследовательница использует результаты социологических исследований.

На сегодняшний день историки семьи в Великобритании имеют солидную теоретическую подготовку, так как формирование отрасли связано с саморефлексией ученых относительно целей и задач исследования данной группы проблем, проблем морально-этических императивов. Неоспоримо обстоятельство, что изучение семьи требует от ученого знания и соблюдения определенных нравственных норм. В своей статье, вышедшей в 1987 г. в «Журнале истории семьи» (Journal of Family History), Питер Ласлетт утверждает, что историк семьи (как и всего общества) несет ответственность перед предками, собственным поколением, а так же перед всем научным сообществом (не только историческим). Ответственность перед миром ученых связана с обязательным стремлением науки к максимальной истинности знания.

Одним из стремлений истории семьи, и это тоже отмечает П. Ласлетт, является изучение эмоциональной сферы семейного микросоциума. В понимании Ласлетта, для историка семьи глубокое проникновение, «вчувствование» в мир внутрисемейных отношений, попытка оценить в соответствии с системой ценностей изучаемого времени – это не просто задача, а обязательство (obligation), которое он должен выполнять с осознанием себя как потомка. Таким же безусловным обязательством, согласно Ласлетту, является знание истории семьи не только в прошлом, но и настоящем. Это тоже непременное условие максимальной адек-

ватности знания о семье. Таким же условием для историка семьи является изучения мира чувств и эмоций отдельных членов семьи в соответствии с их статусом (вдова, мать, невеста, ребенок, отец и т.д.).

Широкий тематический спектр исследований британских историков, содержание этих работ позволяют говорить о понимании семьи как структуры, включенной во все сферы жизни общества (политическую, экономическую, религиозную, идеологическую и т.д.), а так же о признании семьи как явления, развивающегося под влиянием внешних изменений. На сегодняшний день британская история семьи четко определилась с дефинициями, так семья «family», родство «kinship», домохозяйство «household» - понятия, которые обозначают конкретный уровень человеческих отношений и не подменяют друг друга.

Таким образом, «история семьи» в Великобритании призвана комплексно изучать микросоциум семьи, максимально глубоко проникать в сферу человеческих взаимоотношений, соблюдая при этом все морально-этические нормы. Данная отрасль гармонично вписалась в структуру британской историографии, и если говорить о региональных исследованиях семьи, то они, выделившись в отдельную дисциплину, только обогатили локальную историю новыми взглядами на локальные сообщества. В равной степени изыскания в рамках истории Великобритании расширили исследовательские горизонты национальной истории, добавили новые грани видения проблем всех сфер жизни общества.

Давидсон А. Б.
Институт всеобщей истории РАН

Проблемы англоведения в трудах Н. А. Ерофеева

В 2008 г. исполнился бы 101 год Николаю Александровичу Ерофееву (1907-1997). Историей Великобритании он занимался с 1942 г. (после того, как был демобилизован из действующей армии из-за тяжелой контузии) до конца своих дней. Работал в Институте истории Академии Наук СССР (с 1968 г. – в Институте всеобщей истории АН СССР). Заведовал сектором истории Великобритании.

В его многогранной деятельности хочу выделить три направления:

Первое – изучение взаимных представлений народов друг о друге. Апофеоз его исследований – книга «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1925-1853)» (Москва: Наука, 1982).

С помощью контент-анализа, который тогда еще довольно редко использовался отечественными историками, Н.А. Ерофеев проанализировал, как отношение к Англии и англичанам отражалось в десятках периодических изданий, наиболее распространенных в тогдашней России. Он выявил типичные для российского общества, во всяком случае, для его наиболее образованной, читающей части., взгляды на национальный характер, социальные отношения, культуру Англии, и на отношение англичан к России.

Н.А. Ерофеев разработал – и это особенно важно для нас сейчас, методику исследования взаимных представлений народов и стран друг о друге (вступительная глава его книги названа: «Этнические представления»).

Другое направление его исследований: изучение миграционных потоков между континентами. Он изучал те потоки, которые шли из Великобритании в ее заморские владения и привели к заселению британской Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки (монография Н.А. Ерофеева «Народная эмиграция в Англии в 1825-1850 гг.», М., 1962). Сейчас, в эпоху массовых миграций в обратном направлении: из Азии и Африки в Европу, результаты исследования Н.А. Ерофеева чрезвычайно актуальны.

Проблемы распада Британской империи Н.А. Ерофеев изучал также с позиций, которые для нас сейчас важны. Его интересовало не только сам распад (этим занимался у нас ряд историков), но и те связи в Британской империи, которые привели к созданию, трансформации и сравнительной устойчивости британского Содружества.

Конечно, явственные параллели между созданием британского Содружества и СНГ вряд ли правомерны, но все же проведенное Н.А. Ерофеевым изучение перехода Британской империи в Содружество может иметь для нас и какой-то практический смысл.

Научная деятельность Н.А. Ерофеева не исчерпывается этими тремя направлениями, но к ним, мне кажется, целесообразно привлечь внимание нашей конференции.

Ерохин В. Н.
Нижневартовский государственный гуманитарный университет

Либеральное и ревизионистское направления в изучении религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии

В современной британской историографии сосуществуют и полемизируют, а в некоторой мере также идейно взаимодействуют либеральное и консервативное направления в изучении религиозной Реформации в Англии. Для историков либерального направления (определяющее влияние на формирование присущих ему подходов оказал А. Дж. Диккенс), которое есть основания называть также вигско-протестантским, поскольку в их трудах проявляется симпатия к протестантизму, Реформация при Генрихе VIII (и английская Реформация в целом) была по своему сущностному содержанию подъемом протестантизма, объясняемым упадком католицизма в Англии к началу XVI в. Реформация рассматривается ими в позитивных понятиях как установление реформированной церкви и реформированной религиозности. А. Дж. Диккенс и его последователи рассматривают Реформацию как преимущественно богословскую по своей природе. Реформы при Генрихе VIII рассматриваются как конструктивные и благотворные для дальнейшего исторического развития страны.

Рассматривая источники происхождения Реформации, либеральное направление, хотя все-таки признает за Генрихом VIII приоритетную роль в отношении начала Реформации, стремится также выявить признаки поддержки религиозной Реформации в народе, идейные влияния со стороны лоллардизма и континентальных религиозных реформаторов. В понимании хронологических рамок истории религиозной Реформации в Англии либеральные историки определяют

их в промежутке между 1520 – 1559 гг. и считают, что фундаментальным по своему историческому значению событием, способствовавшим завершению английской Реформации, было восшествие на престол королевы-протестантки Елизаветы в 1558 г., что привело к парламентскому решению религиозного вопроса в стране в 1559 г. По мнению либеральных историков, все ключевые события в истории религиозной Реформации в Англии к концу 1559 г. уже произошли.

В развитии либерального направления в изучении Реформации в Англии прослеживалась определенная динамика, связанная с тем, что в 1960-70-е гг. в связи с активизацией в британской историографии исследователей, исповедовавших методологические подходы социальной истории, стали появляться работы, авторы которых стремились вписать религиозно-политическую историю Реформации в более широкий контекст тех социально-экономических процессов, которые происходили в Англии в XVI в. Вместе с тем, среди современных либеральных историков, занимавшихся изучением английской Реформации, всегда доминировали историки-традиционалисты, отводившие главную роль в исследовании Реформации изучению событий в сфере религии и политики, которые под влиянием социальной истории пытались интегрировать в свои подходы элементы социальной, интеллектуальной, экономической истории, не отходя от своих методологических убеждений, остававшихся, в сущности, традиционалистскими.

Историки-ревизионисты (наиболее значительными представителями этого направления являются К. Хейг и Дж. Скарисбрик) понимают Реформацию как политический акт, в результате которого был нанесен удар католической церкви Англии, которая, по мнению ревизионистов, в предреформационный период была вполне жизнеспособной и удовлетворяла духовные потребности англичан. Ревизионисты подчеркивают, что Реформация при Генрихе VIII была по своей сущности актом государства, а не результатом каких-то крупных изменений в менталитете. Ревизионисты утверждают, что протестантизм медленно укоренялся в английском обществе в течение значительной части правления королевы Елизаветы. У ревизионистов нет представления об историческом процессе как реализации определенных целей – утверждении истинной религии и т. п., и они подчеркивают неопределенность, незавершенность, хаотичность исторического процесса, его непредзаданный характер.

В оценке либерального и консервативного направлений в изучении английской Реформации, если рассматривать эти направления извне, можно предполагать, что эти два конкурирующих подхода дают возможность посмотреть на историю Реформации, исходя из разных позиций и перспектив. Историки либерального направления рассматривают реформы Генриха VIII так, как на эти реформы посмотрели бы протестанты, а ревизионисты рассматривают эти реформы с возможной точки зрения католиков. Оба этих подхода зависят от тех мировоззренческих, ценностных, и даже, как представляется, в какой–то мере и религиозных позиций, которых придерживаются историки, и поэтому они выбирают, какие из свидетельств источников вывести на первый план. Ни либеральное, ни ревизионистское направление не могут полностью исключить интерпретацию, предлагаемую оппонентами, хотя историки обоих направлений могут претендовать на объективность своей версии истории английской религиозной Реформации.

При этом следует отметить, что ревизионистские подходы не стали в современной британской историографии господствующими в изучении истории английской Реформации, но они, несомненно, оказали заметное стимулирующее влияние на исследование связанных с нею проблем. Исследования ревизионистов и близких к ним историков, критиковавших либеральную концепцию А. Дж. Диккенса, в целом углубили представления о ходе Реформации в Англии. Объяснение истории Реформации стало возможным без предположения о существовании в стране при Генрихе VIII активного протестантского движения, поскольку по-новому было осознано, что начавшаяся при нем Реформация была религиозно-политическим явлением, развернувшимся по инициативе главы государства. Нашлось более адекватное объяснение и долгому сохранению в стране в реформационный период относительной популярности католицизма, и тому, что католицизм в итоге сохранился в Англии и был впоследствии полностью легализован в середине XIX в. Произошло это, видимо, еще и потому, что восприятие протестантизма в XVI в. не было общенациональным порывом с инициативой, которая проистекала бы из массы народа. Протестантизация и евангелизация страны происходили сверху и, хотя с течением времени они принесли свои благотворные плоды, в Англии сохранялись и приверженцы традиционной религиозности, католики, не поддававшиеся на попытки обращения со стороны властей. Английское католическое сообщество при такой трактовке переставало выглядеть как собрание закоснелых невежественных противников «истинной веры», как оно трактовалось протестантами. В известном смысле, из трудов ревизионистов стали уходить остатки протестантских конфессиональных пристрастий в оценке английской Реформации, которые сохранялись еще в британской историографии у А. Дж. Диккенса в тот период, когда его труд «Английская Реформация», опубликованный первым изданием в 1964 г., безусловно, воспринимался как крупнейшее достижение в изучении этих проблем. Теперь же в этой проблемной области распространилось также влияние консерватизма и национализма, проповедуемых ревизионистами, которые высоко оценивают историю своей страны и подчеркивают те достоинства, которыми она, по их мнению, отличалась по сравнению даже с крупнейшими континентальными европейскими странами: ведь в Англии не было разрушительной религиозной Реформации с кровавыми внутренними конфликтами, как на европейском континенте, поскольку королевская власть в стране была наиболее благоразумной в Европе, насколько это было возможно в условиях XV–XVII вв. Либеральные историки тоже высоко оценивают историю Англии раннего нового времени, но при этом либералы ценят вклад Англии в утверждение экономических, политических, мировоззренческих и личных свобод, базовых и основополагающих для западноевропейской цивилизации и культуры, а консервативные по убеждениям историки-ревизионисты пропагандируют ту умеренность и постепенность в проведении политических преобразований, которые привели к утверждению этих свобод в английском обществе.

Ефремов А. В.
Российская государственная библиотека

Британия Данилевского

«Россия и Европа» - центральная тема историософии Николая Яковлевича Данилевского. В разделе «Европа» Англия у Данилевского, безусловно, занимает одно из важнейших мест. Это обусловлено не только великодержавным статусом Соединенного королевства, но и тем обстоятельством, что сами принципы, на которых основывалось островное государство, по мнению русского мыслителя, оказывались диаметрально противоположными основам российского бытия. Россия – континентальная, глубоко христианская, соборная в своей основе цивилизация. Англия – морская коммерческая держава, где господствует конкуренция и индивидуализм. Характер британской цивилизации, как думал Данилевский, выражают экономическая теория Адама Смита и учение Чарльза Дарвина. «Смит создает теорию свободного соперничества» в экономике, а Дарвин теорию борьбы за существование в мире живой природы. Впрочем, сами европейцы утверждали, что «английский Бог, воинственный Бог Ветхого завета, противостоит Богу Достоевского, его представлению о русском Христе, спасителе мира».

Европейская политика Англии, по утверждению Николая Яковлевича, состоит в поддержании системы «европейского равновесия». Поэтому «до низвержения Наполеона I целью Англии было ослабление и унижение Франции, с 1815 же года, или по крайней мере с начала двадцатых годов – место Франции заняла Россия».

Между тем перед Россией стояла сложная, но в высшей степени благородная задача освобождения славянских народов от турецкого, а в перспективе и от австрийского господства. Основным противником этой освободительной миссии, кроме собственно Турции и Австрии, стала Англия. Именно Англию и Австрию называет Данилевский главными недоброжелателями славянства.

Не иначе как цинизмом и лицемерием считал русский мыслитель звучавшую с Британских островов проповедь политической свободы. «Англия, всегдашняя покровительница всех смут и заговоров», препятствовала освобождению почти десятка славянских народов, обрекая их на растерзание дикому азиатскому деспотизму. При этом почти вся остальная Европа так же оставалась равнодушной к страданиям славянских подданных султана. «При ужасной вести об изнасилованиях, убийствах, истязаниях стариков, женщин, детей, у Европы не вырвался вопль негодования, который, заглушив мнимый и лживый политический расчет, заставил бы ее встрепенуться, броситься на помощь несчастным и своим могучим словом исторгнуть раз и навсегда жертву у палача», - писал Данилевский после зверств башибузуков.

Впрочем, двойные стандарты, по отношению к славянству вообще и к России в частности, в политике Европы и, конечно, в политике Британии неизбежны, если следовать логике самого Данилевского. Ведь одной из центральных историософских идей автора «России и Европы» является идея противостояния и враждебности германо-романского культурно-исторического типа и рождающегося славянского типа. Справедливости ради отметим, что дело не только в славянах. При учреждении Лиги наций в 1919 г., европейские державы отказались внести в

ее устав предложенное Японией положение о расовом равенстве. В тоже время Данилевский с уважением отзывается о тех «благородных англичанах», которые публично выступили с осуждением злодеяний турок. Среди них были такие значимые фигуры, как У. Гладстон, Т. Карлейль, Д. Брайт.

Однако англо-русские отношения, по мысли Данилевского, не имеют необратимо негативного характера. Во-первых, военное могущество Великобритании, обладает ограниченными возможностями. «Относительно материковых стран Европы, западной Азии, Америки – писал русский мыслитель, – где она встречается с могущественными континентальными державами, могущество Англии не более как мираж, отсвечивающий явления давно прошедшего».

Во–вторых, английское противостояние России на Востоке, как утверждали сами англичане, происходило из желания защиты британского владычества в Индии которому якобы угрожает Россия. Однако «Россия не имеет ни малейшего интереса овладевать Индией или какою бы то ни было частью ее... Поэтому английская Индия ограждена от вторжения русских не столько физическою, сколько нравственною невозможностью индийского похода...». Таким образом, политическое противостояние Англии и России в значительной мере было, как думал Данилевский, следствием очевидного недоразумения. «Если бы лица, управляющие политикой государств, были действительным олицетворением холодного расчетливого рассудка, какими их себе обыкновенно представляют..., то ничего не могло бы быть легче соглашения России и Англии по Восточному вопросу...». Увы «на политические, как и на всякие другие человеческие отношения, имеют огромное влияние страсти и предрассудки» – и поэтому мы – «будем иметь ее в числе самых отъявленных наших врагов».

Парадокс отношений нашей страны с Великобританией состоит в том, что постоянная враждебность в относительно спокойные времена в критические моменты истории сменялась военным и политическим союзом. Ныне, между Россией и Англией, как и во времена Николая Яковлевича Данилевского находится «всемогущий предрассудок, (все то же нежелание признавать справедливые и законные права России – А. Е.), и конец его могущества еще не предвидится».

Карандашев Г. В.
Ярославский государственный педагогический университет

Проблема потребления спиртных напитков в Великобритании в работах российских исследователей конца XIX – начала XX в.

Алкогольная проблема стала привлекать к себе внимание российских исследователей с конца XIX – начала XX в. В печати появились работы, посвященные различным аспектам питейного дела, как в России, так и других странах. Сопоставляя зарубежный и отечественный опыт, ученые старались с различных сторон рассмотреть сложившуюся обстановку, найти положительный опыт в борьбе с пьянством. О народном пьянстве писали представители самых разнообразных профессий: врачи, учителя, экономисты, священники, криминалисты, общественные деятели. Произведения, в которых использовались различные источники - статистические материалы, отчеты государственных ведомств и различных организаций, бюджетные исследования - носили научный характер. Тогда же началась

публикация переводов зарубежных авторов. Одной из стран, чей опыт изучался с особой тщательностью, была Великобритания.

Авторов интересовал широкий круг вопросов. Важное место занимала проблема достоверности статистических показателей потребления спиртных напитков в государствах Европы и США. Ей уделяли большой внимание Н. О. Осипов и И. Р. Минцлов, которые служили в Главном Управлении неокладных сборов и казенной продажи питей, а также В. Норов, Д. Н. Бородин, К. К. Толстой, В. Ивановский и др.

Серьезный вклад в уточнение данного вопроса внес экономист В. К. Дмитриев, обобщивший и проанализировавший зарубежные и российские источники. В конце XIX – начале XX в. Великобритания особенно не выделялась в ряду других европейских стран по уровню потребления алкоголя во всех напитках в пересчете на безводный (100%) спирт. Он составлял 10,63 л. на душу населения в год.

По высоте потребления алкоголя лидировала Франция – с 19,04 л. на одну душу. В Дании, Германии, Австро-Венгрии расход чистого алкоголя варьировал от 10,92 до 8,59 л. Меньше всего алкоголя потреблялось в Норвегии – 2,27 л.

Большое влияние на выбор того или иного типа спиртного оказывал климат. Основным отличием Великобритании от большинства других стран мира было то, что в ней главным алкогольным напитком являлось пиво, в виде которого потреблялось более 76% алкоголя. Процент крепких напитков в общей сумме был относительно невелик. В России, Дании, Швеции, где средняя температура в январе не поднималась выше –3°С, пили в основном водку. В Италии, Франции, Испании, теплых странах со средней температурой в январе не ниже +3°С, где было развито виноградарство, предпочтение отдавалось вину.

Потребление спиртного в Великобритании укладывалось в схему, предложенную С. Первушиным, который, исходя из классификации потребностей человека на материальные, духовные и бытовые, предложил выделить три разновидности массового алкоголизма. Во-первых, буржуазно - столовый алкоголизм, потребление алкоголя как обычного продукта питания. Во-вторых, алкоголизм, вытекавший из недовольства собой или окружающим миром, когда спиртные напитки выступали в роли наркотиков. В-третьих, обрядово-бытовой алкоголизм, когда алкогольные напитки потреблялись по заведенному порядку, традиции, унаследованной от предков.

Буржуазно-столовый алкоголизм был более всего характерен для зажиточных слоев. Алкоголизм второго рода порождался жизненной неудовлетворенностью. С. Первушин назвал его социальным. У обездоленных классов причиной его развития выступала социальная необеспеченность, неуверенность в завтрашнем дне.

Рука об руку с алкоголизмом шли преступность, проституция, многочисленные психические и физические заболевания. И. М. Диомидов, С. В. Познышев, Н. И. Григорьев обращались к алкогольному вопросу с точки зрения криминалистики и права. В. М. Бехтерев, Д. А. Дриль, И. А. Сикорский, А. Чехов рассматривали проблему с медицинской стороны. В Англии парламентскими анкетами 1834, 1850, 1872 гг. было выяснено, что не менее двух третей преступлений совершались в пьяном виде. Один из знатоков мира преступников и арестантов Англии, лорд Кольридж говорил, что если бы Англия протрезвела, то опустело бы девять десятых ее тюрем.

В английские тюрьмы, по сведениям Н. И. Григорьева, ежегодно заключалось до 112 тыс. мужчин. Из них 50–60% совершали преступления в пьяном виде. Также за решетку попадало около 33 тыс. женщин, из которых 80-85% преступили закон в состоянии опьянения. У 43,5% осужденных за тяжкие преступления отцы злоупотребляли алкоголем. Не менее 25% английских душевнобольных страдали алкоголизмом.

В 1894 г. в Англии (включая Шотландию и Ирландию) существовало 32 лечебных заведения для алкоголиков: 7 – для мужчин, 22 – для женщин и 3 – для лиц обоего пола. Надзор за заведениями находился в руках правительственного инспектора. Больные принимались или по частному соглашению, или на основании акта о пьяницах. Плата за неделю лечения составляла от 8 шиллингов до 2 фунтов стерлингов и зависела от условий содержания.

Особое место исследователи отводили изучению трезвенного движения, возникшего в Великобритании в период бурного развития промышленного переворота в первой половине XIX в. Увеличение спроса на крепкие напитки связывалось с ростом количества «регулярных потребителей спиртного», чему способствовали причины, обусловленные развитием капитализма. Рост фабрично-заводского населения сопровождался увеличением группы «привычных» потребителей алкоголя. Кроме того, благодаря развитию промышленности, спиртное значительно подешевело и стало общедоступным.

Первые английские трезвенники выступали за воздержание от потребления крепких напитков. Но уже в 1838 г. появились лозунги с призывами отказаться от спиртного вообще. Борьба с пьянством была не только средством от него избавиться, но и способствовала социализации и самовыражению личности. Постепенно органами государственной власти были приняты просветительные меры в отношении подрастающих поколений и молодежи. В британской армии поощрялось членство в обществах трезвости. В 1905 г. в Англии и Индии в них состояло примерно 51.8 тыс. членов.

Также борьба с алкоголизмом велась кооперативными учреждениями. Английская кооперация старалась подорвать пьянство решительным запрещением продажи спиртных напитков в лавках потребительских обществ. Английские кооперативы усиленно вербовали членов в общества трезвости. Всего в трезвенном движении в то время участвовало более 1 млн. (а по некоторым оценкам – до 5 млн.) жителей Великобритании. Изучением антиалкогольной пропаганды в этой стране занимались В. Андреев, Л. Грановский, А.М. Коровин, Н.М. Иорданский, Б.Ф. Брандт, П.И. Поляков, Л. Б. Скаржинский и др.

По мнению Л. Грановского, пьянство в Великобритании не принимало чудовищных форм, так как с этим пагубным явлением там активно боролось множество общественных организаций.

Работы российских исследователей конца XIX – начала XX в., в которых рассматривались проблемы потребления алкоголя в Великобритании, преследовали в основном практические цели. С помощью изучения иностранного опыта ученые пытались проанализировать и найти решение вопросов российской действительности.

Кочешков Г. Н.
Ярославский государственный педагогический университет

Британская историография русской революции

В течение многих десятилетий немалое число историков, не только отечественных, но и зарубежных, считали Октябрьскую революцию неким рубежом новой и новейшей истории. Британский исследователь П. Дьюкс отмечал, что Октябрь «отражал всеобщие чаяния и потому является событием не столько локального, сколько мирового значения. Он пробудил в людях желание бороться против старого, несправедливого мира и строительства нового общества, которое должно быть справедливым». С ним солидарны Дж. Кармайкл, Д. Браун, Д. Кип и некоторые английские исследователи. В то же время в британской историографии существуют и прямо противоположные оценки Октябрьского переворота. Так, по мнению Р. Дэниэлса революция не выходит за рамки «национального события», а «коммунизм остается специфически русским явлением, продуктом русского общества, русских идей и русской власти».

Вплоть до середины 1980-х гг. западные исследователи имели весьма ограниченный доступ к архивным материалам и даже многим опубликованным источникам. Первые годы перестройки мало что изменили в этом плане. По-прежнему западных историков ограничивали в получении информации, не позволяя им знакомиться с описью архивных документов. Поездки в регионы были крайне затруднены. Контакты между западными и советскими историками не поощрялись; вплоть до конца 1980-х гг. иностранные исследователи работали в специальных залах архивохранилищ. Западные ученые не воспринимали советскую историческую школу из-за пристрастий советских историков к марксистско-ленинской терминологии. В то же время их советские оппоненты называли западных «коллег» не иначе как «буржуазными фальсификаторами».

Крах КПСС и распад СССР серьезно изменили политическую ситуацию в России. Если сравнивать постсоветский период с предыдущими десятилетиями, то можно сказать, что 1990-е гг. – это рай для исследователей, несмотря на финансовый и правительственный хаос, бюрократические проволочки, рушившиеся стены и потоки архивных зданий, невыплаты зарплат архивным работникам. Огромный массив документов из партийных, государственных, военных архивов был рассекречен. КПСС потеряла контроль над архивными документами, открыв их для исследователей (следует оговориться, что секретные политические документы – собственность КГБ, а затем ФСБ, оставались закрытыми для ученых).

Другой важной чертой второй половины 1990-х гг. является активное сотрудничество западных и российских коллег. Этот процесс диалога был особенно трудным и болезненным для старшего поколения советских историков, чей профессионализм основывался на марксистско-ленинской идеологии, ныне признанной не только ошибочной, но и утопичной. Значительно легче адаптировались к новой среде молодые российские гуманитарии, над которыми не довлел груз старой идеологии и стереотипов.

Изменились и представления и взгляды историков на русскую революцию. Октябрь перестал быть началом новой социалистической стадии в мировой истории. По точному определению Э. Эктона, «западные исследователи лишились

старого врага, марксизм-ленинизм был отвергнут в своем отечестве». В этих условиях неизбежен был пересмотр прежних версий и концепций, поиск новых вариантов ответа на вопрос: что есть русская революция. Трудно не согласиться с мнением профессора С. Смита: невозможно понять революцию, если «подходить к ней с явной враждебностью».

Господствовавшие представления о большевиках как «непревзойденных демагогах», «манипуляторах» общественным сознанием уступили место серьезным, научным исследованиям, основанным на глубоком знании, обилии архивного материала. Все чаще в трудах по истории России звучит «социальный мотив». Э. Эктон предлагает обратить особое внимание на проблемы социальной стабильности и «поляризации общества» накануне Февральской революции.

Не обходят стороной исследователи и вопросы, связанные с неудачной попыткой реализации либеральной конституционной модели в постфевральской России. К сожалению, в оценках британских историков сохраняется прежний стереотип – обвинять во всех бедах Временное правительство. Вместо того, чтобы немедленно приступить к решению основных проблем российского общества – земельной реформы, войны и мира, рабочего вопроса, Львов и К°, надеясь «избежать конфронтации» (Э. Эктон), откладывали их решение до созыва Учредительного собрания. Государственная власть недооценила уровень радикализации масс в условиях революционного времени. Ориентация на Учредительное собрание в условиях «вседозволенности и беспредела» (Р. Сервис), проявившихся не без участия самого правительства, заранее была обречена на провал. В этих условиях только «радикальные меры, предложенные большевиками» (Э. Карр), могли спасти Россию от развала.

«Некомпетентность» либерального правительства была очевидна при решении важных социально-экономических проблем, но особенно ярко она проявилась в сфере земельных отношений. По словам Э. Эктона, между крестьянством и Временным правительством не было диалога. Либералы обязаны были «предвидеть трагические последствия нерешительности власти при решении земельного вопроса».

Земельная реформа являлась одной из труднейших и сложнейших социально-экономических проблем, которые когда-либо человечеству ставила история. Все, что приходилось делать в области земельных отношений в других странах, даже самым отдаленным образом не могло идти в сравнение с тем, что предстояло осуществить России. Западные коллеги признают факт того, что земельный вопрос должен был быть решен только законным путем при полной компенсации земельным собственникам. Поспешность могла привести к разрушению всей системы земельных отношений, вызвать социальные потрясения, массовое дезертирство с фронта. Нужны были время, социальная стабильность, социальный мир в стране для разрешения столь сложной, комплексной проблемы. Ничего этого в России не наблюдалось. Волна поддержки Временного правительства спала, всенародный энтузиазм сменился разочарованием. Ожидания крестьян, связанные с удовлетворением земельных интересов тотчас же, немедленно, оказались иллюзорными. Таков социальный фон, на котором «расцвела» большевистская партия (Э. Эктон).

Значительное внимание британские историки уделяют и проблеме взаимоотношений либералов и социалистов. Отказавшись по ряду причин сформировать

социалистическое правительство, меньшевики и эсеры, тем не менее, образовали коалицию с кадетами в мае 1917 г. Это был риск с их стороны, но они пошли на этот шаг сознательно, «надеясь придать ускорение правительственным инициативам в решении земельного вопроса, рабочего законодательства» (Э. Эктон). Первоначально народным массам коалиционное правительство представлялось не только приемлемым, но и необходимым, войдя в кабинет министров, смогут заставить буржуазию признать превосходство Петроградского Совета в решениях вопросов о войне, земле и регулировании экономики. Однако в течение нескольких недель рабочие, солдаты и крестьяне обнаружили, что социалисты, делившие власть с буржуазией, потеряли свободу действий. Умеренные социалисты «оказались заложниками» собственных политических игр (Э. Эктон). У них был уникальный шанс «взять власть в свои руки», но они не воспользовались им. Тем самым влияние социалистов на массы все падало и падало и усиливалось влияние большевиков, голос которых звучал громче всех.

Изучение русской революции западными историками продолжается. Появляются новые темы, малоизученные в историографии, в частности, проблема модернизации, занимающей одно из ключевых мест в объяснении предпосылок Октября, комплекс проблем под общим названием «российский либерализм» и ряд других тем.

Науменкова Е. О.
Башкирский государственный университет

Российские дореволюционные историки и публицисты о третьей парламентской реформе (1884 г.) в Великобритании

В связи с развитием парламентской системы в современной России актуален и небезынтересен опыт проведения парламентских реформ в Великобритании в XIX в.

Также небезынтересно изучение историографических аспектов, касающихся британских парламентских реформ XIX столетия. А в частности, нас заинтересовали взгляды российских дореволюционных историков и публицистов.

«Русская историческая школа» всеобщих историков (кон. XIX - нач. XX вв.) занимала ведущие позиции в мире в области англоведения, однако ее представители (В.Ф. Дерюжинский, Н.И. Кареев, П.Г. Мижуев, Р.Ю. Виппер) фактически обошли вниманием изучение парламентских реформ XIX в. Парламентские реформы рассматривались российскими дореволюционными историками и публицистами в контексте общего политического развития страны как один из эпизодов, без детального и углубленного анализа. Из трех парламентских реформ мы выделили третью 1884 г. Согласно этой реформе, избирательное право получили все квартиросъемщики, в том числе мелкие фермеры-арендаторы и сельскохозяйственные рабочие, которым лендлорды предоставляли для жилья небольшие домики-коттеджи.

Дореволюционные историки и публицисты отмечали особую роль королевы Виктории в принятии этой реформы. П.Г. Мижуев, в частности, отмечал, что королева не осталась безучастной зрительницей раздора между палатами, который грозил обратиться в серьезный конституционный конфликт. Так, она отпра-

вила письмо лидеру либералов Гладстону с предложением своих услуг в качестве примирительницы, вызываясь подействовать на лидеров оппозиции, а также способствовала личной встрече последних в неформальной обстановке.

Схожего мнения придерживался Н. И. Кареев. Автор отмечал, что именно королева Виктория склонила Гладстона пойти на определенные уступки тори, а также предложила ему, с другой стороны, повлиять и на вождей оппозиции в смысле уступчивости, лишь бы только избежать конфликта между обеими палатами. Он также отмечал ту инициативу, которую проявила королева Виктория для организации встречи между лидерами обеих партий для выработки условий, на которых могло бы совершиться полюбовное соглашение.

Очень важно отметить, что все исследователи выделяли очень важную роль «великого старца» Гладстона. Во многом это объяснялось либеральными настроениями российских дореволюционных историков и публицистов. Так, В.Ф. Дерюжинский считал, что в заслугу Гладстону можно поставить не только проведение реформы 1884 г., но и разработку билля 1866 г., который, правда, был проведен в 1867 г. кабинетом Дерби-Дизраэли. Вторая парламентская реформа почти удвоила электорат, добавив к прежнему одному миллиону 57 тысячам голосов новые 960 тыс. человек, за счет предоставления права голоса рабочим, уплачивавшим за съем квартиры 10 ф. ст. в год в городах. Также было предоставлено право голоса лицам, имевшим вклады в банках, уплачивающим прямые налоги, держателям государственных облигаций. Также был незначительно снижен имущественный ценз в графствах с 15 до 12 ф. ст.

Р.Ю. Виппер отмечал, что Гладстон, проводя избирательную реформу, надеялся примирить в демократическом порядке все слои населения. Н.И. Кареев считал, что реформа 1884 г. являлась одной из важнейших реформ, проведенных Гладстоном в годы второго его кабинета.

Представляется также необходимым коснуться освещения роли оппозиции в принятии третьей парламентской реформы. К примеру, П.Г. Мижуев, отмечал роль лидеров оппозиции в палате лордов и палате общин - лорда Солсбери и сэра Норткота. Так, автор отмечал, что лидеры противных партий проявили достаточно такта и самообладания, чтобы путем неформальной беседы, взаимных уступок найти такой средний путь, который устраивал бы обе стороны.

Принципиально важно подчеркнуть, что значение реформы 1884 г. дореволюционные историки и публицисты оценивают по-разному. Избирательное право давалось всем домовладельцам и квартиросъемщикам, уплачивающим 10 фунтов в год. Кроме того, правом голоса пользовались лица, не уплачивающие налога, но которые пользовались квартирами, находясь на общественной или частной службе. В итоге, реформа увеличила число избирателей более чем на 1 700 000 человек, а в Ирландии число избирателей даже утроилось.

В.Ф. Дерюжинский полагал, что реформы 1867 и 1884 гг. завершили процесс демократизации английского политического строя и имели не меньшее значение, чем акт о реформе 1832 г. Хотя избирательное право по-прежнему рассматривалось как льгота, франшиза, т.е. привилегия, принадлежащая особым корпорациям, например, собранию города, университета или обладателей имущественного ценза, число избирателей было увеличено на 220 000 человек. Также было уменьшено количество т.н. «гнилых» местечек.

Р.Ю. Виппер считал, что реформа 1884 г. почти равнялась в Англии введению всеобщего избирательного права. Однако принцип всеобщего голосования не был объявлен, как это произошло во Франции и Германии. Автор также отмечал, что право голоса было предоставлено только владельцам домов и квартир. Таким образом, правительство избежало полного переустройства, а приняло меру, которая соответствовала определенному моменту и времени.

Н.И. Кареев, напротив, полагал, что билль 1884 г. был компромиссом, и избирательное право рассматривалось в нем по-прежнему как привилегия, льгота, франшиза, а не право, принадлежащее каждому гражданину. По его мнению, реформа не вводила всеобщего избирательного права: она только распространила на графства условия пользования избирательным правом, которое предыдущая реформа установила для городов. Автор особо отмечал, что радикальная формула «one man, one vote» (каждому человеку голос) не была осуществлена и в том отношении, что зажиточные люди могли избираться не в одном, а в двух и более округах. К тому же, многие мужчины были лишены избирательного права, в частности, сыновья, живущие при родителях, лица, снимающие меблированные комнаты, прислуга, а также значительная часть сельских рабочих. Однако автор подчеркивал, что, несмотря на это, реформа сильно демократизировала английскую избирательную систему. Н.И. Кареев также полагал, что правящий класс Англии признавал неизбежность демократизации народного представительства.

Схожего мнения придерживался П. Г. Мижуев. Автор отмечал, что хотя проект Гладстона не вводил еще всеобщей подачи голосов, но предложенная им избирательная система близко подходила к такому режиму, так как в общем избиратели теперь должны были составить приблизительно четыре пятых всего взрослого мужского населения страны.

Публицист Э. Быкова, считала, что лорды испугались того недовольства, которое поднялось по стране, и в результате вынуждены были пойти на уступки и принять билль.

Однако, несмотря на определенные разногласия, российские дореволюционные историки и публицисты единодушны в том, что главное значение третьей парламентской реформы состоит в дальнейшем распространении права избирательного голоса на простое население.

Никифоров Ю. С.
Ярославский государственный педагогический университет

Русские историки конца XIX – начала XX в. об эволюции местного самоуправления в Англии

Вопрос о системе местного самоуправления остро стоит в последние годы. Ее эффективность и взаимодействие с центральной властью способствует скорейшей реализации государственной политики. Британская система местного самоуправления, получившая заметное распространение в мире, оказала влияние на формирование институтов местного самоуправления в других странах, повторивших британский путь развития. Указанная тематика поднималась в работах ряда отечественных историков (Г.В.Барабашев. Муниципальные органы современного капиталистического государства. М., 1971; Н.С.Крылова. Английское

государство. М., 1981; С.В.Пронкин, О.Е.Петрунина. Государственное управление зарубежных стран. М., 2001). Но впервые к указанной проблеме обратились еще русские историки конца XIX - начала XX в. Задача нашего исследования - проследить эволюцию местного самоуправления в Англии в трудах историков «русской школы» всеобщей истории - М.М.Ковалевского и П.Г.Виноградова. Объекты анализа – магистерская работа М.М.Ковалевского «История полицейской администрации с древнейших времен до Эдуарда III» (Прага, 1877) и статья П.Г.Виноградова «Местное самоуправление в Англии», вышедшая в печать в сборнике «Мелкая земская единица» (СПб., 1900), а предмет анализа – система английского местного самоуправления.

Как М.М.Ковалевский, так и П.Г.Виноградов связывают возникновение английского местного самоуправления («local government») с развитием судебно-полицейских порядков и отношений. Ковалевский, как это следует уже из названия его работы, рассматривает формирование местного самоуправления в Англии в период средневековья. Ключевое понятие в работе Ковалевского – «охранение мира – божьего и королевского», т.е. система охраны правопорядка в землях короля. Среди территориальных единиц «охраны мира» он отмечает десятны, сотни, свободы, графства, отдельно выделяются вотчины (компетенция патримониальных судов). Основной орган полицейской администрации - «суд сотни», собираемый раз в месяц и расследовавший кражи и случаи укрывательства беглецов. Среди должностей в полицейской администрации Ковалевский отмечает вице-графа, его помощника, бальифов, десятских, сенешалей свобод, коронеров, констеблей, ночных сторожей, а также шерифов, напрямую отвечавших за задержание и преследование преступников. Среди компонентов судебно-полицейской системы историк выделяет системы круговой поруки и поручительства, предварительное задержание, отдачу на поруки, различные способы преследования преступников – «hue and cry» («криком и плачем»), местными жителями – «wardwyte», запрет на ношение оружия в мирное время. Он подчеркивает два источника генезиса судебной системы и полиции безопасности – англо-саксонское право и норманнское влияние. В частности, анализируя систему поручительства, Ковалевский отмечает, что для англо-саксонского права характерна индивидуальная система поручительства, а для норманнского – коллективная. Рождение института 12 обвинительных присяжных в XIII-XIV вв. ученый также связывает с норманнским влиянием. Историк подчеркивает, что сначала служба обвинительного присяжного становится общегражданской повинностью, а затем доступ к ней постепенно ограничивается (ценз в 40 шиллингов, замена присяжных от сотен присяжными от графств). С норманнским влиянием он связывает и институт специальных комиссаров и разъездных судей, заменивший разъезды королей, который, на взгляд ученого имел серьезные недостатки – склонность судей к произволу и вымогательству, незнание местных условий, некомпетентность. Возникновение мировых судей («охранителей мира») из местных жителей в XIII в., по мнению Ковалевского, связано с политикой королей на ограничение патримониальной юрисдикции вотчинных судов. В тоже время историк пишет, что эта должность не оплачивается и приобретает «хоть и почетный, но даровой характер», постепенно становясь чисто аристократической, как и все полицейское самоуправление к концу XIV в.

Давая краткий обзор эволюции местного самоуправления с XII в., П. Г. Виноградов делает главный акцент на XIX в. В период с XV по XVIII в. он отмечает два важных момента – олигархический характер местного самоуправления и возникновение приходов, как местных единиц нового типа. Изменения XIX в. Виноградов напрямую связывает с реформами парламента 1832, 1867, 1884 гг., общественного призрения 1834 г., муниципалитетов 1835 г., законами и актами парламента 1848, 1856, 1871, 1888 гг., которые завершили преобразования местного самоуправления, смысл которых состоял в рационализации, унификации и передаче функций выборным советам, формировавшимся широким кругом избирателей. Органы местного самоуправления в графствах получили широкие полномочия, действовали достаточно независимо от правительства, последнее осуществляло общий надзор. В результате возрос престиж и эффективность органов местного самоуправления.

Самая мелкая единица местного управления, по Виноградову – приход, который избирает приходской совет, назначающий председателя и двух надзирателей. Он заведует благотворительностью, недвижимым имуществом, общинной землей, благоустраивает приход (освещение улиц, пожарные команды, водоснабжение, устройство бань и библиотек). Приходы соединяются в округа, дела которого ведутся советом, избираемым на три года. В обязанности округа входит дополнительная работа в приходе, дорожное дело и санитарная полиция (вывоз нечистот, канализация, водоснабжение, надзор за гостиницами, забота о больницах и кладбищах). Видоизменение округа – союз приходов с советом попечителей, занимающийся устройством работных домов, приютов, больниц для сумасшедших, обеспечением врачебной помощи. В компетенции мировых судей остались мелкие гражданские и уголовные дела, а также выдача свидетельств на право торговли алкоголем. Общий контроль за местным самоуправлением осуществляет Совет по делам местного самоуправления (наблюдение и проверка финансовой отчетности) и его четыре инспекции – бедных, строительная, санитарная, финансовая, а также школьная инспекция в Совете воспитания. Высший политический надзор и направление местных дел в руках парламента, избирающего три комиссии – по делопроизводству, подбору спецкомиссий, железным дорогам и каналам. Среди тенденций развития местного самоуправления Виноградов отмечает стремление английского законодательства к децентрализации – «перенести контроль над местной жизнью из парламента в графства».

Таким образом, русские историки П.Г.Виноградов и М.М.Ковалевский внесли значительный вклад в исследование эволюции английского местного самоуправления, выделив его основные этапы, характерные черты и источники изменений.

Новиков М. В.
Ярославский государственный педагогический университет

Британские историки о советской политике в Испании в 1936-1939 гг.

Британская историография гражданской войны в Испании прошла два основных этапа в своем развитии – 30-е-50-е гг. и с 60-х гг. по настоящее время.

Первый этап характеризуется преимущественным участием непрофессиональных исследователей. В это время издают свои работы участники войны, очевидцы событий, писатели, журналисты. Их отличает открытая политическая позиция — прореспубликанская или профранкистская. Именно они заложили основы ультралевой, марксистской, демократической и консервативной историографии гражданской войны, их работы составляют ее заметную часть, представляя собой в ряде случаев ценный исторический источник.

Представители первых трех направлений являются сторонниками Испанской республики, по разному оценивая в то же время роль СССР, Коминтерна и КПИ в испанском конфликте. Марксистские авторы следовали концепции, сформулированной в период войны руководителями СССР и Коминтерна, демократические авторы также, в основном, не критически оценивали советскую и коминтерновскую политику в Испании, что касается ультралевых, то они, напротив, считали ее глубоко ошибочной. По версии, представленной в книге британского ветерана интербригад Дж. Гэрни, в ходе гражданской войны испанский рабочий класс мог и должен был осуществить в стране социалистическую революцию, политика единого антифашистского фронта с мелкобуржуазными демократическими партиями, поддержанная Советским Союзом и Коминтерном, была ошибочной и ненужной, так как «из интеллигента все равно никогда не получится настоящего бойца». Отсюда следует вывод, что именно «контрреволюционная» политика СССР, Коминтерна и КПИ стала главной причиной поражения Испанской республики.

Консервативные британские авторы профранкистской ориентации считали военный мятеж 1936 г. превентивной мерой к якобы готовившейся в Испании Советским Союзом и Коминтерном социалистической революции, помощь СССР и Коминтерна Испанской республике они оценивали как иностранную военную интервенцию с целью создания на Пиренейском полуострове очередной Советской республики, соответственно они приветствовали любые действия франкистов и их тайных и явных союзников, которые могли этому помешать.

С 60-х гг. история войны в Испании становится предметом изучения в основном профессиональными британскими историками. Продолжается публикация мемуарной литературы, но наряду с воспоминаниями все чаще издаются серьезные иссследованительские работы. Их авторы, как правило, профессиональные историки вовлекли в научный оборот многие архивные материалы в Великобритании, США, Германии, Франции, Италии и Испании. Используется практически вся периодическая печать этих стран периода войны, мемуарная литература. В меньшей степени были представлены источники из СССР. До 70-х гг. в работах британских авторов встречались ссылки лишь на «Испанский дневник» М. Кольцова и «Испанские тетради» И. М. Майского. В последние десятилетия британские историки чаще стали использовать советскую периодику, публикации внешнеполитических документов, мемуары советских ветеранов войны, российские архивы.

В Великобритании также как и в других странах (кроме Испании), нет специальных научных учреждений по изучению истории гражданской войны. Исследования ведут в основном преподаватели и профессора университетов (М. Бликхорн, П. Престон, П. Хейвуд, Г. Леннон, Т. Бачанан, Х. Грэхем, М.Алперт, П. Кент, Д. Хартли, Ш. Еллвуд, П. Монтит, К. Лейтц, Т. Рис и др.) разделяющие в

своем большинстве демократические убеждения и определяющие сущность гражданской войны как борьбу сторонников демократии и адептов фашизма. Их работы носят, как правило, концептуальный характер и основаны на использовании вновь открытых архивных и документальных материалов. С их именами в Великобритании связаны наибольшие достижения в изучении истории гражданской войны в последние годы. С 60-х гг. постепенно иссякает поток политизированной литературы ультралевых, марксистских и консервативных авторов.

Своеобразным центром притяжения историков демократической ориентации в 70-е-90-е гг. стал журнал университета г. Ланкастера «European Stadies Review» (с 1984 г. – «European History Quarterly»), основанный в 1971 г. В 1979 г. главным редактором журнала становится известный историк Р. М. Блинкхорн. С этого времени журнал начинает регулярно публиковать материалы, посвященные современной истории Испании, преимущественно истории гражданской войны, в 1979 г. впервые данной проблеме был посвящен его отдельный номер. Блинкхорну удалось собрать лучших специалистов из Европы, Америки и Израиля, их статьями был задан серьезный уровень, имея ввиду привлечение авторами неизвестных ранее архивных материалов и рассмотрение гражданской войны как поражение испанской и мировой демократии.

К шестидесятой годовщине начала гражданской войны в Испании издательство Эдинбургского университета выпустило сборник статей «Республика в осаде: Гражданская война в Испании 1936-1939». Инициатива издания сборника принадлежала директору центра современной истории Испании Лондонской школы экономических и политических наук, известному специалисту по истории гражданской войны профессору Полу Престону и профессору университета г. Глазго Анн Макензи.

Данный сборник стал еще одним подтверждением интернационализации исследовательского процесса, в ходе которого, профессиональные историки демократической ориентации из разных стран тесно сотрудничают с коллегами из Великобритании, участвуя в научных конференциях, издавая совместные сборники статей, привлекая друг друга к рецензированию и редактированию выходящих в свет новых исследований о гражданской войне в Испании. В данном интернациональном по составу авторов сборнике представлена интересная статья профессора университета г. Торонто Д. Смит «Мы – с вами: Интернациональная солидарность и холодный расчет в советской политике по отношению к республиканской Испании, 1936-1939». Автор выстраивает концепцию, согласно которой Советский Союз оказал помощь Испанской республике исходя исключительно из своих внешнеполитических интересов. Надежда, что Франция станет военным союзником СССР, была главным мотивом, побудившим советское руководство оказать Испанской республике существенную помощь именно в этот период и этой надежде не суждено было осуществиться ввиду сильной оппозиции в правительстве и армейском руководстве Франции.

Другой серьезной причиной, побудившей руководство СССР вмешаться в испанский конфликт, по мнению Д. Смит, была гипотетическая возможность через совместное сотрудничество по оказанию помощи Испанской республике создать эффективную систему коллективной безопасности из числа европейских государств. Совместная защита республиканской Испании могла создать необходимые условия для сотрудничества СССР и западных демократий, для превраще-

ния этого сотрудничества в полномасштабный военный союз с Британией и Францией, направленный против Гитлера.

Политическое преследование и физическое уничтожение коммунистами левых радикальных движений в Испании Д. Смит объясняет желанием Сталина понравиться западным демократиям. Сталин был убежден, что Испанская республика должна демонстрировать для английских и французских политиков режим умеренной буржуазной демократии. Именно по этой причине по советской инициативе распускались созданные испанскими левыми колхозы, возвращались частным владельцам реквизированные и обобществленные промышленные предприятия, уничтожена левая коммунистическая партия – ПОУМ, добровольческие отряды, созданные левыми движениями, включены в состав регулярной народной армии республики. Д. Смит делает вывод о том, что вмешательство Сталина в испанский конфликт не было проявлением революционного интернационализма. Напротив, его можно объяснить только желанием Москвы через совместное сотрудничество по оказанию помощи Испанской республике добиться создания политического и военного союза, направленного против нацисткой агрессии в Европе. К сожалению, руководство западных стран не было способно в тот период оценить по достоинству советские инициативы и сделать свой шаг навстречу. Примитивный антикоммунизм британских государственных деятелей и неспособность многих французских политиков выйти за рамки привычных антисоветских догм не позволили Западу адекватно воспринять нестандартные инициативы Сталина и создать военно-политический союз антифашистских государств. Может показаться парадоксальным, подчеркивает Д. Смит, но в тот период Сталин продемонстрировал способность подчинять свои идеологические установки потребностям реальной политики.

Концептуальная статья канадского профессора Д. Смит, опубликованная в британском сборнике, в целом соответствует точке зрения современных британских демократических историков на международные аспекты гражданской войны, которая сводится к следующему. Военный мятеж в Испании стал продолжением внутриполитической борьбы в другой форме, а не следствием международного фашистского заговора. Гитлер и Муссолини не имели отношения к его подготовке, их вмешательство в испанский конфликт носило импровизированный характер. Консервативное правительство Великобритании находилось на стороне мятежников, но не имея возможности в открытую выступить против демократического легитимного правительства Испанской республики, совместно с зависимым от себя социалистическим правительством Франции предложило план невмешательства, целью которого было уничтожение слабой испанской демократии. Советский Союз, присоединяясь к соглашению о невмешательстве, был убежден в скорой победе демократических сил. Однако возможное поражение испанской демократии заставило Сталина пересмотреть свое отношение к идее невмешательства и он решился на оказание военно-технической помощи. Оказывая на коммерческой основе помощь испанской демократии, Сталин руководствовался исключительно внешнеполитическими интересами СССР, в его планы не входило установление в Испании советской власти.

Сидорова Т. А.
Российский государственный социальный университет (филиал в г. Сочи)

Ф. У. Мейтленд как профессор Кембриджского университета: мир коллег и студентов

Университетские миры живут по своим законам. Их столько, сколько университетов. Неповторимые в своей истории и традициях, они похожи цикличностью ритма учебного процесса и неизбежной сменой поколений профессоров и студентов, сообщества которых распадаются на автономные средовые миры со своей типичной атмосферой и правилами общежития. У каждого мира свои кумиры и аутсайдеры, ранжированные, как правило, не по ученым степеням, званиям, количеству публикаций и семестровым оценкам. Единение этих двух внутренних, весьма дистанцированных, университетских миров – профессорского и студенческого – происходит формально в аудитории и библиотеке, по существу, когда есть ядро притяжения, личность, обладающая авторитетом, способная сплотить вокруг себя талантливых, незаурядных, целеустремленных, мыслящих нестандартно.

Фредерик Уильям Мейтленд (1850-1906), выпускник Кембриджа и Кембриджский профессор с 1888 г., принадлежавший к плеяде блестящих историков и юристов XIX столетия, был интеллектуальным лидером, вокруг которого сформировался «невидимый колледж» единомышленников. Специфика его конфигурации стирала междисциплинарные, субординационные, возрастные и географические границы, делая его равноценными членами патриархов и начинающих, учителей и учеников, ученых различных течений, направлений и школ, работавших и не работавших в университетах. Универсальными критериями принадлежности к интеллектуально-духовной общности «невидимого колледжа» являлись компетентность, профессионализм, преданность науке, нравственный потенциал. Ими руководствовался Ф.У. Мейтленд, формируя «свой» мир, «свое» сообщество, членами которого были Дж.Актон, У.Стеббс, П.Виноградов, С.Т.Карр, У.Кеннингем, Ф.Сибом, Э.Фримен, Дж.Фруд, Ф.Поллок, Г.Сиджуик, Ч.Гросс, Ф.Либерманн, Г.Хэзлтайн, У.Баклер, Дж.Раунд, Дж.Тейт, Р.Пул, С.Р.Гардинер, Ф.Кейтген, М.Бэйтсон, А.Поллард. Г. Бонд, У. Уиттакер, А. Алстон, Э. Кэм, Р. Рейт, Дж. М. Тревельян, А. Савин, У. Холдсворт, Г. А. Холлонд и другие. Эта модель интеллектуально-профессионального сообщества одновременно являлась разновидностью интернациональной и многопрофильной научной школы, объединявшей историков, правоведов, экономистов, философов, филологов.

В Кембриджском университете XIX в., структурно разрозненном на колледжи, профессора и студенты которых почти не знали друг друга, где партикулярная деятельность профессоров смежных специальностей была строго ограничена и локализована профессиональными рамками, где студенты слушали мало лекций, Ф.У. Мейтленд одним из первых осознал необходимость интеграции усилий специалистов разных областей знания и обосновал необходимость междисциплинарного подхода в процессе преподавания. Его знаменитая инаугурационная лекция «Почему история английского права не написана?», многочисленные публичные выступления в юридическом Кембриджском клубе, в том числе последнее, в 1901 г., позволяют говорить о нем не только как о выдающемся ученом, но и талантливом организаторе и новаторе в области университетского образова-

ния. Для Ф. У. Мейтленда развитие науки и подготовка специалистов в университете были неразрывно связаны и представляли собой единый комплекс проблем, к сожалению, и сегодня близкий и понятный без дополнительных комментариев каждому преподавателю высшей школы, особенно, в России. Схематично проблемы Кембриджа, заботившие Ф.У.Мейтленда на рубеже XIX-XX вв., выглядели следующим образом: количество учебных часов, отводимых для преподавания дисциплин специальности, было крайне недостаточным; теоретические курсы по юриспруденции не соответствовали практическому содержанию и направленности профессии, существовали в отрыве друг от друга; студенты, в силу низкого уровня базовой подготовки, отсутствия жизненного опыта, узости кругозора и молодости, были не в состоянии воспринимать сложнейшие проблемы теоретической юриспруденции; последовательность расположения учебных курсов не выдерживал критики; остро ощущался недостаток общегуманитарного образования студентов юридического факультета; преподавание права не было сопряжено с морально-нравственным воспитанием студентов («университет может предложить больше, нежели обучение профессии, нечто такое, что не только сделает студента более хорошим юристом, но и более хорошим человеком»); наконец, для развития научных исследований, издательской деятельности и пополнения корпуса профессоров в университете ощущался недостаток финансирования; оплата труда профессора была, скорее, символической, нежели реальной, что неизбежно влекло за собой отсутствие притока молодых в науку и быстрое старение профессорско-преподавательского состава.

Повседневная жизнь профессора Кембриджского университета была заполнена привычными обязанностями: разработкой и чтением многочисленных лекционных курсов, подготовкой к выступлениям с научными докладами, работой над монографиями и статьями, написанием научных рецензий на труды коллег, чтением научной литературы, составлением экзаменационных билетов, приемными экзаменами, консультациями студентов, проверкой их работ. Ф. У. Мейтленд не пренебрегал ни одной из них. Несмотря на физический недуг, он читал блестящие лекции, совершенные по структуре и отточенные по стилю, которые были настолько интересны, что многие студенты не делали записей – хотелось слушать и смотреть. И это, не взирая на сложность проблематики. Ведь, чтобы действительно понять лекции Ф. У. Мейтленда, требовалось немалое усилие и концентрация внимания, а чтобы оценить его заслуги перед наукой – эксперты в области юриспруденции, истории, экономике, конституционной и церковной истории. Условно лекции Ф. У. Мейтленда можно разделить на две категории: обучающего типа, с существенно адаптированным материалом, и специального характера, связанные с его научными исследованиями. Первые, как водится, собирали большие аудитории слушателей, вторые были предназначены для сильных студентов, имевших склонность к научной деятельности, и были камерными, немногочисленными. Истинное значение лекций Ф.У. Мейтленда по истории английского права и позитивному праву состояло в том, что целое поколение студентов Кембриджа, обучавшееся под его руководством, твердо осознало, что право есть не только средство к существованию, но и призвание, профессия, наука. Среди тех, кто посещал лекции Ф. У. Мейтленда, были студенты, ставшие впоследствии выдающимися государственными деятелями, учеными-

правоведами, историками – Э. Дженкс, Дж. М. Тревельян, У. Уиттакер, Г. Холлонд, М. Бэйтсон.

Дар общения, внутренняя потребность в контактах с теми, кто серьезно занимался наукой в любых сферах, сделали Ф.У. Мейтленда гражданином универсального мира писем (сохранилось 501 письмо) и автором многочисленных научных рецензий как средства установления «родовых» связей с людьми близкими ему не только по характеру деятельности, но и по духу. Рецензии, написанные Ф.У.Мейтлендом, отличались изысканностью стиля, деликатностью и представляли собой образец профессиональной этики. Они имели огромное воспитательное значение. По отношению к равным себе он был беспощаден в критике недостатков и слабых мест. Так он полемизировал с Г. Мейном, У. Стеббсом, Ф. Сибомом, П. Г. Виноградрвым, Дж. Тейтом, Дж. Раундом. Начинающих исследователей он считал своим долгом поддержать, при условии, что их работы не были лишены рационального зерна.

Ученый с «простой» биографией профессора Кембриджского университета, автор более ста научных трудов, Ф. У. Мейтленд, был и остается гордостью ученой Англии и едва не самым выдающимся из всех историков и правоведов XIX столетия, имя которого стоит в одном ряду с именами Сельдена и Блэкстоуна.

СОДЕРЖАНИЕ

Англо-русские отношения

Акульшин П. В. Великобритания в восприятии князя П. А. Вяземского 5
Архипова Л. М. О роли лондонских отделений русских
кооперативных организаций в установлении торговых отношений
между Советской Россией и Англией в 1920-1921 гг. 7
Вульфф Д. Г. Английский пример - яхт-клубы в России
в конце XIX – начале XX в. 10
Голубев А. В. «Нация лавочников»:
Британия в советской политической карикатуре 1920-1930-х гг. 12
Гришанин П. И. Британо-российские взаимоотношения
в период Гражданской войны в России: сложности и противоречия 14
Климова Ю. А. Коммерциализация досуга в Англии
в конце XIX – начале XX в.
в представлениях русских путешественников и публицистов 16
Кольцов М. В. Визит делегации Верховного Совета СССР
в Великобританию в 1947 г. 18
Кросс Э. Britain looks at Russia: the origins, persistence and modification
of national stereotypes (from the sixteenth century to the Crimean War) 21
Кубанев Н. А., Набилкина Л. Н. Русский образ Британии 22
Кудюкина М. М. «Британия – поработитель мира»:
образ Британии в советском обществе 1920-х гг. 24
Лабутина Т. Л. Проекты образовательных академий
в Англии и в России в XVII в. 26
Лубков А. В. Россия и Англия: национальные модели
гражданского общества. Сравнительно-аксиологический анализ 28
Медведик И. С. Англо-российский конфликт в Персии
в конце XIX - начале XX в. глазами британских дипломатов 31
Минаев А. И. Российские консерваторы XIX в.
о британском парламентаризме 33
Павлов В. С., Михайлова Е. Е. СССР во внешнеполитической
стратегии Великобритании (1939–1941 гг.) 34
Позняков В. В. Советские разведывательные службы
в Великобритании, 1929-1939 37
Репин Н. Н., Феоктистов С. А. Установление постоянных
дипломатических отношений между Англией и Россией
и их состояние в предполтавский период 39
Репина Л. П. Взгляд на британскую историю
из модернизирующейся России (вторая половина XIX – начало XX в.) 42
Сараева Е. Л. Восприятие Англии русскими западниками 1840-х гг. 44
Сергеев С. М. Английская тема в творчестве А. С. Хомякова 46
Солодянкина О. Ю. Британские гувернеры и гувернантки
в семьях русского дворянства (конец XVIII - первая половина XIX в.) 47

Якубовская И. В. Опыт социально-политического развития Британии в научной и общественной деятельности российских ученых 1860-1880-х гг. 50

История Британии до 1900 г.

Айзенштат М. П. Власть и общество Британии второй половины XVIII – начала XIX в. 53
Алексеева М. Н. Англо-голландские отношения в годы войны за Австрийское наследство (1740-1748) 55
Артеменков М. Н. Внешняя политика Елизаветы I в 1590-е гг.: формирование союза Англии, Франции и Соединенных провинций 58
Афанасьева А. Э. Пересекая границы: британские путешественницы в тропической Африке (2-я пол. XIX в) 60
Воеводский А. В. Африканцы в образовательной системе британских колоний на Юге Африки в XIX в. 62
Гвоздецкая Н. Ю. Женская правящая элита Британии VII в. 64
Гелла Т. Н. Покупка акций Суэцкого канала 1875 г. в контексте имперской полемики британских консерваторов и либералов 66
Гордиенко Д. О. Влияние колониальной политики на формирование королевской регулярной армии в эпоху Реставрации в Англии 69
Гусева М. А. Социально-профессиональный состав и система выборов должностных лиц в английских средневековых городах в XIV-XV вв. (на примере Ковентри, Лестера, Шрусбери) 71
Десятсков К. С. Начало Северной войны и позиция Вильгельма III Оранского 73
Дронова Н. В. Ранний имперский федерализм и проблема обороны Британской империи (60-70-е гг. XIX в.) 75
Евсеев В. А. Социально-экономическая структура Вустера в эпоху Тюдоров 78
Жолудов М. В. Парламентская реформа 1832 г. и трансформация партийно-политической системы Великобритании в середине XIX в. 80
Жуков Д. С. Процессы региональной интеграции в Британской империи в XIX в.: опыт развития инклюзивного суверенитета 82
Зудов Н. Е. Регламентирование внутриимперской эмиграции в австралийские и новозеландские колонии Великобритании в 60-е гг. XIX в. 84
Зулькарнаева Е. З. Проблемы социальной политики в деятельности консервативного правительства Солсбери (1886-1892 гг.) .. 86
Ивонин Ю. Е. Англия и герцоги Саксонские на рубеже 50-х - 60-х гг. XVI в. 89
Ивонина Л. И. Герцог Мальборо и его друзья (к проблеме дружеских отношений в мире «дворов и альянсов») 91
Иерусалимская Е. В. Политика времен правления королевы Анны (1702–1714 гг.) в мемуарах Сары Черчилл, герцогини Мальборо 94

Ильин Д. В. Английские просветители второй половины XVIII в.
о коррупции в государстве и способах борьбы с нею ... 96
Киселев А. А. Джордж Гренвилл
и реформа Британской империи (1763-1765 гг.) ... 98
Ковалев А. В. Изменения в английской политической системе
в конце XVII – начале XVIII в. и становление правовых основ
гражданского общества ... 101
Кубанова М. Н. Английский «след» в Швейцарии:
По стопам британских туристов XIX в. ... 103
Лапшин А. Г. О начале христианства в Англии ... 106
Ласкова Н. В. Шотландские наемники ... 106
в орбите польско-шведского соперничества в XVII в. ... 106
Леонова Т. А. Приходское духовенство в социальной политике Англии
после Черной смерти (вторая половина XIV – начало XV в.) ... 109
Магаков Г. Ю. Англо-шотландский «союз Чертополоха и Розы»
Малкин С. Г. Представление вождя: лорд Ловэт ... 111
и его «Записка о положении в Горной Шотландии»
Марков К. В. Дион Кассий о римском присутствии в Британии ... 114
в эпоху Юлиев-Клавдиев: источники и методы их интерпретации ... 116
Ноздрин О. Я. Первый лорд адмиралтейства.
К истории русско-шотландских военных связей ... 118
Ньюит М. Britain, Portugal and the Reconfiguration
of the British Empire 1801-1825 ... 120
Родригес А. М. Великобритания на пути к кондоминиуму:
колониальное соперничество в Египте и Судане ... 123
Романова М. И. Либералы поневоле: первый период
деятельности британских вигов (1689-1710) ... 124
Савицкий Е. Е. Рассказ Ордерика Виталия о кончине
Вильгельма Завоевателя: возможные интерпретации ... 127
Семенов С. Б. Теория древней конституции
в трудах радикальных авторов 60-80 гг. XVIII в. ... 129
Сергеев В. В. Соотношение либеральной и консервативной традиций
в политической истории Британии XIX в. ... 131
Соколов А. Б. Оптимизм и предубеждение:
судьба паровых экипажей в Англии ... 134
Стогова А. В. Английская эпистолярная культура:
категория *familiar letter* в письмовниках XVI-XVII вв. ... 136
Трофимова О. В. Французские гугеноты в Англии в XVI-XVIII вв. ... 138

История Британии в XX веке

Аболмасов В. В. К вопросу об англо-американских разногласиях
в ходе Вашингтонской конференции 1921 г. ... 142
Алферова Е. С. Проблема автономии Ирландии ... 144
Блосфельд Е. Г. Всеобщая стачка 1926 г. в Великобритании
и ее уроки в оценке левых лейбористов ... 146
Буданова И. А. Британия и ЕС: уроки М. Тэтчер ... 148

Бунькова Л. А. «Фактор Блэра» как предпосылка социальных реформ «нового лейборизма» в Великобритании» 151
Валиахметова Г. В. Иран в нефтяной политике Великобритании в межвоенный период 154
Василенко В. В. Политика Великобритании по отношению к польскому правительству в эмиграции в годы Второй мировой войны 157
Гуреев М. С. Роль правительства Энтони Блэра в урегулировании североирландского конфликта 159
Гуськов В. К. Политика британских оккупационных властей при создании партии ХДС, 1945-1949 гг. 161
Гычева А. В. Участие Великобритании в миссии ООН в Сьерре-Леоне в мае-июне 2000 г. 164
Демидов С. В. Молодые консерваторы и раскол в партии тори в 1920-е гг. 166
Ермаков А. М. Антибританская пропаганда в нацистских девичьих и женских организациях 169
Иванов А. Г. Великобритания и Третий рейх в канун Второй мировой войны 172
Калинин А. А. Политика Великобритании в Греции в 1945 г. 174
Коробкина И. А. Британские ученые в Пагуошском движении 176
Костин А. А. Балканы в средиземноморской стратегии Великобритании и США в 1941-1948 гг. 179
Куликов В. В. Великобритания и «кайзеровский Евросоюз»: почему поссорились Джон и Михель? 181
Остапенко Г. С. Мусульманская община в Великобритании в конце XX – начале XXI вв.: противостояние цивилизаций или путь к согласию 183
Петелин Б. В. Маргарет Тэтчер и объединение Германии: личные амбиции и государственные интересы 185
Прокопов А. Ю. Коминтерн, английская компартия и всеобщие выборы в Великобритании 1931 г. 187
Ранчинский П. В. Дипломатическая подготовка английской оккупации Леванта (1940-1941 гг.) 189
Риз Т. From Victory to Defeat: Changing British Perceptions of the First World War 191
Сагимбаев А. В. Коалиционный кабинет Д. Ллойд-Джорджа и определение приоритетов ближневосточной политики Великобритании . 193
Сафронов Б. В. Некоторые проблемы британо-финских отношений (1919-1945 гг.) 195
Сергеев Е. Ю. Группы влияния в Великобритании эдвардианского периода, 1901–1910 гг. 198
Соловьева А. А. Галлиполийская кампания и коллективная память австралийцев 200
Торп Э. British society and politics during the Second World War (1939-45) 202
Турдубекова Т. Ш. Вопрос об Иране на советско-германских переговорах в Берлине и реакция Великобритании 206

Фефилатьева Е. А. Рабочее движение в Англии в 1920-1930-е гг. на страницах журнала «Коммунистический Интернационал» 208
Ходнев А. С. «Ноумэнсленд»: организация Британского мандата Лиги Наций в Восточной Африке 210
Чикалова И. Р. Женщины в избирательных кампаниях британских лейбористов и консерваторов (1970-е – начало 2000-х гг.) 213
Шандра А. В. Специфика концептуальных подходов представителей британской политической элиты к осуществлению управления Палестиной в 1920-е гг. 215
Школьников И. А. Ирландский гомруль и право голоса для женщин: внутренняя политика Великобритании накануне Первой мировой войны ... 217
Юркина О. А. Некоторые аспекты формирования лейбористской партии 220

Культура и образование

Аксюченко М. А. Власова К. А. Концепт gentleman в английском языке и английской культуре 223
Барлова Ю. Е. Бедность и бедные в визуальной культуре Британии в новое время 225
Будюкин Д. А. Коровы графа Феррерса: конструирование легенды 228
Гавристова Т. М. Африканский Лондон: вехи интеллектуальной и культурной истории 230
Загриева О. Е. Социокультурные аспекты раннего английского сентиментализма 232
Зобнина Н. С. Понятия «комическое», «остроумие» и «юмор» в цикле эссе Уильяма Хэзлитта «Лекции об английских комических писателях» (1819 г.) 235
Игина Ю. Ф. Медицина против демонологии: дискуссии вокруг одержимости дьяволом и практик экзорсизма 236
Каракина А. А. Образ Англии в русской литературе 239
Карева А. В. Развитие межкультурного общения между Россией и странами Западной Европы (Англией, Францией, Германией) в конце XIX - начале XX в. 240
Карначук Н. В. Специфика формирования национального самосознания в зеркале площадной литературы позднетюдоровской Англии 243
Кирияк О. А. Культурно-языковые представления о воровстве современных представителей английской этнолингвокультуры (Психолингвистический ассоциативный эксперимент) 245
Креленко Н. С. Прерафаэлитское братство в контексте европейской культуры третей четверти XIX в. 248
Крючкова Н. Д. «Охота в английском стиле»: социокультурная динамика в Викторианскую эпоху 250
Кузьмичева Л. О. Образовательная политика лейбористского правительства, 1997-2006 гг. 253
Купер Х. History in English Primary Schools 255
Литвинов А. В. Британская экспедиция в Эфиопию 1867-1868 гг.: социокультурный аспект 258
Маркова И. В. Артур Мэрфи и театральная полемика XVIII в. 261

Марчук М. И. Английский постмодернистский роман
как интерпретация национальных культурных традиций 263
Михалева Г. В. Исторические этапы развития медиаобразования
в Великобритании 266
Музалев А. В. Образы Эдуарда Исповедника и Гарольда Годвинсона
в романе Э. Бульвер-Литтона «Король Гарольд».
Опыт историографической экспертизы художественного текста
на основе полидисциплинарной технологии анализа ментальности 268
Муравьева М. Г. За границей дозволенного:
джентльменское поведение и сексуальное насилие в Англии XVIII в. 271
Нечаева Е. Н. Натурфилософия поэзия Кристофера Смарта
в контексте английского предромантизма 273
Никол Дж. History Education as Political Education: the Role
of the History Educators International Research Network (HEIRNET) 276
Новикова Н. В. Культура протеста в кампании суфражисток начала XX в. . 278
Нуриева Н. С., Кумаева Н. В. Политические будни Великобритании
в контексте обучения теории и практике перевода
английскому языку в вузе 280
Осипов А. С. Кулачные бои в Англии:
развлечения как способ конструирования национальной идентичности 283
Пилецких А. Ю. Английская школа XVII в. - выбор пути 285
Поляков О. Ю. Публицистика Дж. Аддисона и Р. Стила
как просветительский проект (опыт изучения журнала «Спектейтор») 286
Пушкина Н. А. Британские медики в мировой истории 289
Рафалюк С. Ю. Театральная публика викторианской эпохи
как социокультурное явление 290
Савинова Е. А. Изменения в статусе валлийского языка
во второй половине XX в. 293
Сивкова Ю. А. М. Арнольд о роли академий
в духовной жизни Англии XIX в. 295
Тернопол Т. В. Образ брауни в английском фольклоре
(этнографический и ментальный аспекты) 298
Устарханов Р. И., Курамина Н. В. Семиотика британского кино:
стилистика, идеи и мотивы 300
Федорова Д. Н. Интеграция по-британски:
современный правительственный мультикультурализм и иммигранты 303
Филипповский Г. Ю. Интерпретации мотива инициации
в культурной традиции Британии и России 304
Хвостова Е. В. Женщина на пиру у англосаксов:
сакральная и миротворческая функции (на основе анализа «Беовульфа») ... 307
Шатун О. А., Смольянинова Е. И. Развитие английского языка
в культурно-историческом аспекте 309
Шмелева Е. Е. Языковая реализация концепта «море»
в контексте лингвокультурологии (на материале английского языка) 311
Эрлихсон И. М. Философско-политические взгляды Генри Невилля
постреволюционного периода
(«Возрожденный Платон», «Остров Пайна») 314

Якушева Л. А., Филичева Ю. А. Повседневная жизнь англичан сквозь призму произведений Е. Замятина 316

Историография

Амбарцумян К. Р. «История семьи» как отрасль современного британского исторического знания 319
Давидсон А. Б. Проблемы англоведения в трудах Н. А. Ерофеева 321
Ерохин В. Н. Либеральное и ревизионистское направления в изучении религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии 322
Ефремов А. В. Британия Данилевского 325
Карандашев Г. В. Проблема потребления спиртных напитков в Англии в работах российских исследователей конца XIX – начала XX в. 326
Кочешков Г. Н. Октябрьский переворот 1917 г. глазами британских историков 329
Науменкова Е. О. Российские дореволюционные историки и публицисты о третьей парламентской реформе (1884 г.) в Великобритании 331
Никифоров Ю. С. Русские историки конца XIX – начала XX в. об эволюции местного самоуправления в Англии 333
Новиков М. В. Британские историки о советской политике в Испании в 1936-1939 гг. 335
Сидорова Т. А. Ф. У. Мейтленд как профессор Кембриджского университета: мир коллег и студентов 339

Научное издание

Британия:
история, культура, образование

Тезисы докладов
международной научной конференции

Макетирование – А. М. Ермаков

Подписано в печать 29.04.2008. Формат бумаги 60/92 1/16.
Усл. печ. л. 21,81. Уч.-изд.л. 21,78 Тираж 200 экз. Заказ 1108.

Издательство Ярославского государственного
педагогического университет им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Отпечатано в типографии «Канцлер»
Ярославль, ул. Столярная, 14.